Kx 1

НІБУ

05
0-75
КХ-1

ОСНОВА

05
0-75

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

87964

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владиміръ Мономахъ.

1861

ЯНВАРЬ, февраль, март

ОБЛАСНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ПОЛТАВА
1341-1

ПОЛТАВСЬКА ОБЛАСНА
БІБЛІОТЕКА

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

87964

Державна обласна
БІБЛІОТЕКА УРСР

1964

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 10-го дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

НЕВ

КОБЗАРЬ.

I.

Не для людей и не для слави,
Мережані та кучеряві
Оці вірші віршую я: —
Для себе, братія моя!

Мині легшае въ неволі,
Якъ я іхъ складаю:
Зъ-за Дніпра, мовъ, далекого
Слова прилітають
И стелютьця на папірі,
Плачучи, сміючись,
Мовъ ті діти, и радують
Мою сиру душу —
Убогую... Любо мині —
Любо мині зъ ними,
Мовъ батькові багатому
Зъ дітками малими.
И радий я, и веселий,
И Бога благаю,
Щобъ не приспавъ моіхъ дітокъ
Въ далекому краю:
Нехай летять до-домоньку
Легенькиі діти,
Та роскажуть — якъ-то тяжко
Було імъ на світі...

И въ семьі весе́лій, ти́хій,
Діте́й привіта́ють,
И си́вою голово́ю
Ба́тько покива́е;
Ма́ти ска́же: бода́й тіі
Діти не роди́лись,
А дівчи́на поду́мае:
Я іхъ полюби́ла...

1848.
Орская крѣпость.

II.

ПОСЛАНІЕ

СЛАВНОМУ П. І. ШАФАРИКОВІ

при поэмі »Иванъ Гусъ«, або »Еретикъ«.

Запали́ли у сусіда
Нову́ до́бру ха́ту
Сусіди злі; нагрілися
Та й полягли́ спа́ти,
И забу́ли те́плий по́пілъ
По по́лю розвіять...
Лежи́ть по́пілъ на роспу́тті,
А въ по́пелі тліе
Огню́ и́скра вели́кого —
Тліе, не вгасае,
Підпа́лу жде,—якъ той ме́стникъ
Ча́су дожида́е —
Зло́го ча́су. — Тліла и́скра,
Ти́хо дотліва́ла
На роспу́тті широ́кому —
Та й га́снути ста́ла.

Отта́къ Німо́та запали́ла
Вели́ку ха́ту, и семью́ —

Семью́ Славья́нъ розьедини́ла,
И ни́шкомъ ти́хо упусти́ла
Усо́бицъ лю́тую змію́.

По́лили́ся ріки кро́ві,
Пожа́ръ погаси́ли,
А Німчики пожари́ще
Й си́рітъ поділи́ли;
Виростáли у кайда́нахъ
Славья́нськіі діти,
И забу́ли нево́льники —
Чиі вони́ діти.
А на да́внімъ пожари́щі
Искра бра́тства тліла, —
Дотлівáла, дожидáла
Рукъ тве́рдихъ та смілихъ...
И дождáлась. Прозрівъ-еси́
Въ по́пелі, глибо́ко,
Ого́нь до́брий, смілимъ се́рцемъ
Смілимъ о́рлімъ о́комъ!
И засвіти́въ, любому́дре,
Світочъ пра́ви, во́лі...
И Славья́нъ семью́ вели́ку,
Во тьмі и нево́лі,
Перелічи́въ до одного́,
Перелічи́въ тру́пи —
А не Славья́нъ, — и ста́въ-еси́
На вели́кихъ ку́пахъ —
На роспу́тті всесвітнёму —
Іезекиі́лемъ,
И, о ди́во! тру́пи встáли
И о́чи роскри́ли!
И братъ зъ бра́томъ обняли́ся
И проговори́ли
Сло́во ти́хоі любо́ві
На віки и віки! —
И потекли́ въ одно́ мо́ре
Славья́нскиі ріки!

Сла́ва тобі, любому́дре,
Че́ху — Славьяни́не,
Що не да́въ ти потону́ти
Въ німе́цькій пучи́ні
На́шій пра́вді! Твое́ мо́ре
Славья́нськее, но́ве,
Зато́го вже бу́де по́вне,
И попливе́ чо́венъ
Зъ широ́кими вітри́лами
И до́бримъ корми́ломъ, —
Попливе́ на во́льнимъ мо́рі,
На широ́кихъ фи́ляхъ!
Сла́ва жъ тобі, Шафа́рику,
Во віки и віки,
Що звівъ-еси́ въ одно́ мо́ре
Славья́нськні ріки!

Привіта́й же въ своій сла́ві
И мою́ убо́гу
Ле́пту — ду́му нему́друю —
Про Че́ха свято́го,
Вели́кого му́ченика,
Про сла́вного Гу́са!
Прийми́, о́тче! а я ни́шкомъ
Бо́гу помолю́ся,
Щобъ усі Славья́не ста́ли
До́брими брата́ми,
И сина́ми со́нця пра́вди
И Еретика́ми
Оттаки́ми, якъ Конста́нський
Ерети́къ вели́кий!..
Миръ ми́рові подару́ють
И сла́ву во віки.

22 ноября 1843 ро́ку,
въ Переяслові.

III.

Ой три шляхи́ широ́киі
До ку́пи зійшли́ся;
На чужи́ну зъ Украіни
Брати́ розійшли́ся;
Поки́нули стару́ ма́тіръ;
Той жінку поки́нувъ,
А той сестру́, а найме́ньший
Молоду́ дівчи́ну.

Посади́ла стара́ ма́ти
Три я́сени въ по́лі,
А невістка посади́ла
Висо́ку топо́лю;
Три я́вори посади́ла
Сестра́ — при доли́ні,
А дівчи́на зару́чена —
Черво́ну кали́ну.

Не приняли́сь три я́сени,
Топо́ля всиха́ла;
Повсиха́ли три я́вори
Кали́на зівья́ла;
Не верта́ютьця три бра́ти,
Пла́че стара́ ма́ти,
Пла́че жінка зъ діточка́ми
Въ нето́пленій ха́ті.

Сестра́ пла́че — йде шука́ти
Братівъ на чужи́ну.
А дівчи́ну зару́чену
Кладу́ть въ домови́ну...
Не верта́ютьця три бра́ти, —

По світу блука́ють,
И три шляхи́ широ́киі
Те́рномъ заростáють.

1847.
Петербургъ.

IV.

ПУСТКА.

(М. С. Щепкину).

Заворожи́ мині, во́лхве,
Дру́же сивоу́сий!
Ти вже се́рце запечáтавъ,
А я — ще бою́ся...
Бою́ся ще погорілу
Хáту руйнувáти,
Бою́ся ще, мій го́лубе,
Се́рце поховáти...
Мóже ве́рнетця надія
Зъ тіе́ю водо́ю
Цілю́щою, живу́щою —
Дрібною слёзо́ю;
Мóже ве́рнетця въ некри́ту
Пу́стку зімувáти,
И укри́е и нагріе,
Погорілу хáту,
И ви́мете, и ви́мие,
И світло засвітить;
Мóже ще́ разъ проки́нутьця
Мої ду́ми — діти;
Мóже ще́ разъ пожурю́ся,
Зъ дітками заплáчу,
Мóже ще́ разъ со́нце прáвди
Хочъ крізь сонъ побáчу!

1846.
Кіївъ.

V.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулішу.)

У Ки́еві, на Подо́лі,
Було́ колись, и ніко́ли
Не ве́рнетця, що́ діялось,
Не ве́рнетця, сподіване...
Не ве́рнетця... А я, бра́те,
Таки́ бу́ду сподіва́тись,
Таки́ бу́ду вигляда́ти,
Се́рцю жалю́ завдава́ти.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Бра́терськая на́ша во́ля,
Безъ хо́лопа и безъ па́на,
Сама́ собі у жупа́ні,
Розверну́лася весе́ла,
Оксами́томъ шляхи́ сте́ле,
И едва́бомъ застила́е,
И ніко́му не звертае.

У Ки́еві, на Подо́лі,
Козаки́ гуля́ють:
Якъ ту во́ду відро́мъ-це́бромъ
Вино́ розлива́ють;
Лёхи́, шинки́ зъ шинкарка́ми,
Зъ ви́нами, меда́ми
Закупи́ли Запоро́зці
Та й тнуть коряка́ми!
А музи́ка реве́, гра́е,
Люде́й звеселя́е,
А изъ Бра́тства те бурса́цтво
Мо́вчки вигляда́е;
Нема́ го́лій шко́лі во́лі,
А то бъ догоди́ла!...

Кого́ жъ то тамъ зъ музи́ками
Лю́де обступи́ли?

Въ черво́нихъ шта́няхъ оксами́тнихъ
Матне́ю у́лицю мете́ —
Иде́ коза́къ... Охъ, літа, літа!
Щó ви твори́те? На то те жъ
Стари́й уда́ривъ въ закаблу́ки,
Ажъ вста́ла ку́рява! Отта́къ!
Та ще й приспівуе коза́къ:

»По доро́зі ра́къ, ра́къ,
Неха́й бу́де та́къ, та́къ!
Якъ-би́-таки́ молоди́ці
Посіяти макъ, макъ!
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Закаблу́камъ ли́ха дамъ,
Достане́тся й переда́мъ!
А вже жъ ті́ закаблу́ки
Набра́лися ли́ха-му́ки...
Дамъ ли́ха закаблу́камъ,
Дамъ ли́ха закабла́мъ
Доста́нетця й переда́мъ!

Ажъ до Межи́горського Спа́са
Протанцюва́въ си́вий,
А за ни́мъ и товари́ство
И ввéсь святи́й Ки́ївъ.
Дотанцюва́въ ажъ до бра́ми.
Кри́кнувъ: »пу́гу, пу́гу!...
Привіта́йте, святі че́нці,
Това́риша зъ Лу́гу!«
Свята́ бра́ма одчини́лась —
Козака́ впусти́ли;
Изно́въ бра́ма зачини́лась —
На вікъ зачини́лась
Козако́ві.
Хто́ жъ цей си́вий

Попрощáвся зъ світомъ?
Семéнъ Палій Запорóжець,
Лихомъ недобитий.

Ой високо сóнце схóдить,
Низéнько захóдить:
Въ дóвгій рясі по кéлиі
Старий чернéць хóдить.
Идé чернéць у Вишгородъ
На Київъ дивитись,
Та посидіть на пригорі,
Та хочъ пожуритись;
Идé чернéць Дзвонкóвую
У яръ вóду пити,
Та згадуе, якъ-то тяжко
Булó въ світі жити;
Идé чернéць у кéлию
Міжъ стіни німиі,
Та згáдуе літá своі —
Літá молодиі;
Берé письмó святé въ рýки,
Гóлосно читáе,
А дýмкою старий чернéць
Далéко літáе...

И тихнуть Бóжиі словá...
И въ кéлиі, нинáче въ Січі,
Братéрство слáвне оживá,
А сивий Гéтьманъ, мовъ совá,
Ченцéві заглядáе въ вічі...
Музики... тáнці... и Бердичевъ...
Кайдáни брязкають... Москвá...
Бори, сніги и... Енисéй...
И покотились изъ очéй
На ряду слёзи...
»Бий поклóни
И плоть старéчу усмиряй,
Святé Писáние читáй!

Чита́й, чита́й, та слу́хай дзво́на, —
А се́рцеві не потура́й:
Воно́ тебе́ въ Сібіръ води́ло,
Воно́ тебе́ ввесь вікъ дури́ло,
Присни́ жъ ёго́, и занеха́й
Свою́ Борзну́ и Хвастовщи́ну:
Заги́не все, ти самъ заги́нешъ,
И не згада́ють — щобъ ти зна́въ...«

И ста́рець тя́жко заида́въ,
Чита́ть Писа́ние поки́нувъ,
Ходи́въ по келиі, ходи́въ,
А по́тімъ сівъ и зажури́вся:
»Для чо́го жъ я на світъ роди́вся,
Свою́ Украі́ну люби́въ?«

До у́трені зави́въ зъ дзвіни́ці
Вели́кий дзві́нъ; черне́ць мій вста́въ,
Надівъ клобу́къ, взявъ патири́цю,
Перехристи́вся, чо́тки взя́въ...
И за Украі́ну моли́тись
Палій Черне́ць пошкандиба́въ. —

Т. Шевченко.

1848.
Орская крѣпость.

ТРИ ДО́ЛІ.

I.

У слободі я роди́лась—Пятигіръ. Тамъ недале́чко одъ насъ,—мо́же коли́ Слободя́нські сто́рони дово́дилось переїзди́ть, то чува́ли,—стара́ жена́ ви́копала пече́ри у крейдяній горі? Три́дцять, чи со́рокъ літъ копа́ла,—такі вели́кі ви́копала, Го́споди! Було́ ми хо́димо мали́ми по пече́ряхъ тіхъ,—запа́лимо віти сосно́ві, та й хо́димо; а хідъ узе́нький та низьки́й и ду́же тру́дний. Між людьми́ йде́, що була́ то жена́ ве́льми дре́вня, и немошна́, а ду́ха вели́кого. Що, було́, якъ вже ій си́ли перейме́тця—упаде́ по труда́хъ тяжки́хъ, та тільки запла́че до Бо́га, то—якъ зілля́ підъ росо́ю—зновъ одживіе, та й зновъ копа́ и копа́. Була́ вона́ Го́сподомъ улюблена́. Така́ оста́лась па́мять ії свята́.

Якъ ви́йти зъ тіхъ пече́рь та ста́ти одъ со́нця,—передъ тобо́ю усе́ тільки го́ри крейдяні біліють висо́кі, а між го́рами ти́ми узе́нька річка, прозо́ра и глибо́ка, джурчи́ть. Пру́дко біжи́ть та річка го́ней изъ два́дцять, до само́і луки́ зеле́ної,—по луці вже ти́хо и ши́роко разлива́етця и ти́хо да́лі леліе по-підъ гаями, а тамъ у висо́кихъ очерета́хъ десь пропада́е. Слобода́ на́ша надъ само́ю луко́ю річково́ю, на пьяти́ го́рахъ стоіть крейдяни́хъ, оса́жена ви́соко у да́вні віки одъ во́рога Тата́рина, щобъ на́гло не збігъ: зда́лека зогляда́ли зъ гіръ, хова́лися й рятува́лись. Го́ри вже ті траво́ю зеленіють, уросли́ садка́ми густи́ми. Межи́ білихъ хато́къ цвіте́ й ви́шня рясна́, й тонкове́рха топо́ля пахучимъ ли́стомъ шелести́ть; де́ надъ ворітьми те́мна дрібнолиста гру́ша, якъ наме́тъ, укрива́е, або́ гіллястий я́сокіръ буя́е; въ бе́резі кали́на розросла́ся, повироста́ли ве́рби. Зъ гіръ на во́ду горо́ди бучні

розвели́сь. Та́мъ-то зілля́, о́вощу! Та́мъ-то цвіту! Та́мъ-то стежечо́къ и до води́, й до сусіди, и до другоі. Все то́ позбігали, повихо́жували леге́сенькі ніжечки́ дівочі.

На́ша ха́та на горі, на само́му шпиле́чку стоя́ла. Дале́ко й ши́роко навкруги́ очи́ма ски́нути.

Якъ-то ча́сто прихо́дять мині на умъ молоді літа́: — де́ що було́, я́къ... Вже стару́ха си́ва, а па́мьять молода́ не забу́лась...

Отсе́ на́ша ха́та стоя́ла на шпиле́чку... Було́, ви́йду, сяду на при́зьбі, прислуха́юся, придивля́юся. Ве́чіръ ти́хий; со́нечко за го́ру па́да, блищи́ть вода́ черво́но, и ти́хо леліе — не ро́пче; коло ко́жноі хати гомінъ чути; тамъ че́реду вже зъ на́ши жену́ть, а тамъ пісе́нь співа́ють, а за річкою кова́ль ку́е... А о́сь, вже й смерка́е не́бо, ме́рхне и втиха́е земля́, втиха́е — уже ти́хо. Нічъ обняла́. Ви́сипались зо́рі золоті; зійшо́въ я́сний місяць — и все те у прозо́рій воді заблища́ло; защебета́въ соловейко, защебета́въ дру́гий...

Я свого́ отця́-не́ньки не зна́ю; я ще въ сповито́чку зоста́лася сиротою и приня́въ мене́ мій ро́дичъ до се́бе, — Павло́ Булахъ зва́ли. Ёго́ жінка мене́ ви́кохала спо́ломъ зъ своего́ дочко́ю; въ іхъ ха́ті я й зросла́, у іхъ и служи́ти зоста́лася.

Ро́дичъ мій бувъ хазя́інъ замо́жний, хлібо́робъ; шість паръ волівъ у ёго вело́ся, два плу́ги ора́ли на хлібъ; бравъ и сіножа́тей у люде́й зъ сторінъ. Ходи́въ вінъ ча́сомъ и на Дінъ, не щоро́ку, а такъ, якъ ёму́ по-вигоді, привозивъ, було́, ри́бу и спро́дувавъ людя́мъ — хто попро́сить, а то й собі на спожи́вокъ ишла́. Зъ то́го бувъ ёму́ не вели́кий прибитокъ, коли́ бъ не вби́токъ, а що вінъ ду́же люби́въ доро́гу. Ще ёго́ ба́тько чумакува́въ, и бере́ ёго́ зъ собо́ю мало́го, то ще тоді вінъ закоха́вся у доро́гахъ. Якъ ходи́въ вінъ переймомъ, то ходи́въ коли́ ёму́ пожада́етця, не поспіша́ючись. Та вже, було́, одъ до́му до До́ну, такъ якъ по своему садко́ві, гуля́е. Було́, якъ при́йде, отсе́, до до́му, та весе́лий: »Жінко! а та крини́ця въ степу́, біля Ро́бленихъ-Моги́лъ, зо́всімъ засипалася...«

Жінка хочъ и не зна́е, що тамъ за крини́ця така́, а за́разъ пожалку́е звичайне́нько: »Отсе́«, ка́же, »шко́да жъ крини́чки! И та́кечки зо́всімъ-таки засипалася?«

— А якъ ми зъ ба́тькомъ покійнимъ, було́, хо́димо — що́ тамъ за вода́ була́ у тій крини́ці — чи́ста, якъ слёза́!

И почне́ роска́зувати, я́къ-то було́ за ба́тька, и якъ тепе́ръ наста́ло...

Жінка въ ёго така́ була́ люди́на до́бра, така́ ти́ха, привітна́, ввічлива. Я не чу́ла зъ ро́ду-віку мого́ одъ не́і сло́ва гірко́го, не чу́ла доко́ру. Та й обли́ччє въ її було́ таке́, на́че отъ вона́ се тільки зъ це́ркви Бо́жоі повернулася. Сиве́нька вже була́, а хоро́ша та чепурна́, якъ та́я лебе́дя.

Хазя́інъ бувъ чоловікъ кремезни́й и норовли́вий. Люби́въ вінъ ду́же и жінку й дочку́, та хотівъ, щобъ слу́хали вони́ ёго́, не пита́ючи, не озива́ючись. Чи у господа́рстві, чи такъ, вінъ самъ за усе́ погада́е и поміркує и преділи́ть, а жінці тільки ска́же, коли́ тре́ба. Вона́ жъ завсіди, було́, погоди́тьця, якъ вінъ схо́че; вона́ усе́ приймá.

Була́ въ іхъ дочка́ Ка́тря.... Ся не въ ма́тіръ зароди́лася— палка́, прудка́ дівчина—тру́дно ій було́ ба́теньку кори́тись. Було́, якъ здвигне́ стари́й бро́ви, сти́сне уста́ тонкі, та блисконе́ о́комъ своімъ чо́рнимъ—ми вже зъ пані́маткою ле́дві ди́шемо,— одна́ Ка́тря не боітця нічо́го: пита́е ёго́ та росни́тує, та суперечить, поки́ ажъ ба́тько не покри́кне: »го́ді!« таки́мъ го́лосомъ, що й найсмілі́ше у світі сти́хне... Після то́го, ще до́вго у Ка́трі ли́чко гори́ть и слізки́ вико́чуютця зъ очи́ць...

Хоро́ша була́ та Ка́тря! Було́, отсе́, якъ вбере́тця—едина́чка, то вже нічо́го не жа́лували для не́і,—пла́хта на ій шовко́ва, ху́стка зъ золоти́ми квітами, зъ золото́ю габо́ю,—завъя́же, а зъ пра́вого бо́ку квіточка. Корсе́тъ зеле́ний зъ ба́йки, або́ зъ сукна́. Коса́ въ не́і була́ така́, що, було́, й руко́ю не ссягне,—и кісни́ківъ не носи́ла, тілько стрічка вплетена черво́на, або́ голуба́. Нами́сто до́бре; на нами́сті дука́чъ зъ камінням дороги́мъ; черевички на ко́рочкахъ високе́нькихъ; соро́чка тонесенька, вишивана до са́михъ чо́холъ... Увійде, було́, вона́, де госте́й лю́дно,—всі помо́вкнуть и на не́і ди́влятця-задивля́ютця,—а вона́ и всміхне́тця, и засоро́митця.

Що́-то за весе́ла! Що́-то за шамка́ була́! Ро́дичівъ у насъ бага́то: то́й оже́нитця, то́й за́міжъ иде́,—то між своімъ ро́домъ нагуля́есся.

На весілле, чи на вечорни́ці—я́къ-то, було́, Ка́тря ве́село поспіша́етця! И хто ії перетанцю́е, хто переспіва́е?...

А весно́ю?!... Скоро, отсе́ скре́сла кри́га, пота́нувъ снігъ изъ

стріхъ закра́пало, а зъ гіръ струмо́чки покоти́лися; со́нечко гріе з-за весняни́хъ хма́рокъ; вітре́ць дрімли́вий та те́плий яки́йсь па́ше,— вже Ка́тря весня́нки заспіва́ла. Йде́ слободо́ю й співа́е, и дівча́тъ на у́лицю виклика́е.

Всіма́, було́, вона́ дітча́тами верхово́дить, и дівча́та іі слу́хали, и ду́же іі люби́ли: вона́ жъ було́ зъ ни́ми скільки разъ на́ день и попосміе́тця, и посва́ритця кільки разъ, и обійметця....

Життє молоде́е! пішло́ вже ти за водо́ю!

Весна́ йде́ та йде́. Ось вже и не́бо голубе́ и чи́сте, и вода́ голуба́, просвітчаста. Со́нечко блищи́ть и гори́ть; гаі розвива́ютьця; садки́ зацвіта́ють; у ве́чері десь тёхнувъ солове́йко на листа́тому клені; куе́ зозу́ля на висо́кій бере́зі; гуде́ бджола́; мигтя́ть бі́лі мете́лики по-надъ молоде́нькою трави́чкою; хрущі літа́ють гучли́ві.... яки́йсь го́мінъ, гукъ яки́йсь, чи зъ-підъ землі, чи зъ води́, чи зъ не́ба!..

Дожида́емо ве́чора, а въ ве́чері — на моги́лу. Ле́дві намъ ся́ють місяцеви ро́ги, ти́хо усе́, — тілько ми співа́емо, да десь млинъ ме́ле, та вода́ въ береги́ плеска́е... У пра́зникъ, було́, ми зара́ні проки́немось до це́ркви, а зъ це́ркви по дівча́тъ на сло́боду; гука́е, збіра́е Ка́тря дівча́тъ: »Дівча́тонька! ходімо ми на моги́лу!« —»Ні, ходімъ у гай по суни́ці!« — »Ні, лу́чче вже на пологи́, въ степъ!« — »Ні, въ садо́къ!« — »Та́мъ кра́ще!« — »А та́мъ лу́чче!« —»А тамъ веселіше!«

И та́мъ, и та́мъ! И всю́ди га́рно, и всю́ди ве́село, и всю́ди кра́сно! И весе́ла ю́рма дівча́тъ жене́, и пісня и ре́гітъ несе́тця....

Що́-то молоді літа́ золоті лю́дямъ! Що заду́мавъ, все ёму́ мо́жна, все ёму́ відра́дісно, все втішно; а старо́му — якъ зака́зано!

II.

Була́ у насъ сусідка — удова́ Пили́пиха: господи́ня на всю сло́боду. Яка́ ха́та, які горо́ди, садо́къ, скільки по́ля, сте́пу, и башта́нъ, и па́сіка, и мли́нъ — чого́ вже не було́ тамъ! Зъ се́бе була́ огрядна́, висо́ка, чорня́ва, — все, було́, у черво́ному очіпку красу́етця и въ зеле́ній ю́пці-до-у́сівъ; чо́боти ри́пають, бі́лі рука́ва ма́ють широ́кі, — похожа́е собі де́, то, мовъ, бага́та те́ща у вбо́гого зя́тя.

Пили́пиха була́ ще да́вня това́ришка и прия́телька на́шій ма́тері, и жили́ вони́ зъ собо́ю до́бре, люби́лися. Не долюбля́въ тільки ба́тько удови́, що така́ вона́ своєу́мка непокірлива; недолюбля́ла и вона́ ёго́—обопільно. Що було́ стари́й у господа́рстві попорядку́е, що тамъ намы́слить, чи зро́бить,—ма́ти удові похва́лятця,—удова́ усе́ осу́дить. Хочъ у вічі не ска́же слова́ми и́ноді, дакъ зітхне́, або́ голово́ю похита́е. Ніяково, на́че, ій було́, що ма́ти годи́ть та́кечки старо́му, що та́къ ёго́ слу́хае. Аби́ до насъ прийшла́, що старо́го до́ма нема́е, то й почне́ слова́ закида́ти, во́ду, я́къ-то ка́жуть, каламу́тити: »що чоловікъ—господа́рь у по́лі, а жінка—господи́ня въ господі; та що лихе́ житте изъ тими самово́льцями, що вже на-за-у-міру своїмъ упо́ромъ хо́дять. Се якъ той хрінъ коренча́стий: де́ вже розкорени́тця, то й посіяти за нимъ до́брого нічо́го не мо́жна. Лихе́ житте изъ таки́ми!«

— А я́къ-же не лихе́! — одка́зуе ма́ти на́ша удові, — кривъ Бігъ насъ, неха́й и дітокъ на́шихъ боро́нить!

»Ще твій не наро́вливий, голу́бко? Ще тобі по ёму́ голова́ не зва́зата? Ще тобі не тісно? ще тобі не ва́жко?«

— Отсе́! Чого́ жъ мині ва́жко? Чого́ мене́ ли́хомъ тимъ наді-ля́ете, що ёго́ зъ-ро́ду не було́? Та мене́ чоловікъ мій ніко́ли сло́вомъ недо́бримъ не покарта́въ...

»Що́ то, що вінъ мовчи́ть! Ка́жуть, що й катъ не говірки́й, а го́лову вінъ одтина́е! Мовчи́ть!.. та вінъ мо́вчки усіхъ васъ гні-пи́ть, підъ но́ги собі то́пче... ні ра́ди въ васъ, ні пора́ди не спита́—не шука́е; пово́дитця, якъ той панъ зъ підда́нками!«

— Що́'тсе ти, лю́бко, що́'тсе! Мо́же вінъ тро́хи и мисли́венький собі вда́вся, та вінъ же на те розу́мний въ насъ; намъ до́бре за нимъ; дя́куемо ёму́...

»А вже́жъ! а вже́жъ! Ти бъ и во́рогу своему подя́кувала, ти така́ въ Бо́га, мабіть, сама́-одна́! Мене́ бъ вінъ та́кеньки не обійшо́въ: я́бъ ёму́ довела́ свого́, — поба́чивъ би вінъ!«

— Ну́ жъ бо, се́рце!.. бу́де вже!—одпро́шуетця ма́ти: — Ніяково мині тебе́ й слу́хати!

»А то́ жъ я зъ чого́ 'тсе говорю́, якъ не зъ прия́зни моеі? Мене́ що́ доліга́е? що́ зачіпа́е?.. Тебе́ жа́луючи говорю́, тебе́ лю́блячи! Ти, якъ дити́на, свого́ ли́ха не тя́мишъ, не добача́ешъ, здоро́ва!«

То се́ вона́, лю́блячи та жа́луючи, було́ ій и пока́зуе...

И справ́ді — добра́ ми́сливши й лю́блячи щи́ро: удові здава́лося, що якъ одбива́тись одъ яко́го ли́ха рука́ми, то хочъ и не одібъе́шся, такъ бо́іщемъ натішисся сла́вно.

Чудно́ бу́де, якъ искажу́, що удова́, не люби́вши старо́го таки́ й гара́здъ, якъ було́ до насъ при́йде, та ёго́ до́ма нема́, то ій на́че ду́же ста́не доса́дно: тоді въ не́і и въ горо́ді не вроди́ло га́рно, и въ по́лі недорі́дъ, и зіми́ вона́ сподіва́етця холо́дноі; а якъ нашъ ба́тько тутъ—вона́ ди́витьця жва́во и, на́че, ми усі ій тоді любіші и милі́ші...

Отъ було́, тільки що зійдутця вони́, за́разъ и почну́ть яку́сь тамъ ущи́пливу розмо́ву міжъ собо́ю.

»Э«, ка́же, було́, нашъ стари́й: »э, па́ні-сусідко! Я бъ васъ де́ полковникомъ настанови́въ! То́ и́ншимъ молоди́цямъ макъ сіять та мо́ркву сади́ти, а вамъ, ій-же-Бо́гу-моему́, ва́мъ отаманува́ти!« А самъ, гово́рячи та́къ, зъ-бо́ку яко́сь, на не́і ди́витця му́дро, що го́рда удова́ тілько счервоніе та о́чи гнівли́ві у зе́млю спу́стить, поки́ ажъ зва́житця ёму́ одмо́вити.

— Се весе́лі жа́рти, па́не-сусідоньку, — та все жа́рти; а ви мині яке́ розу́мне сло́во проки́ньте.

»Вибача́йте на розу́мнімъ—прийміть правди́ве, сусідонько пова́жна!«

И ще́ Пили́пиха почервоніе...

Чи вона́ свого́ чоловіка небіжчика згада́е, (а вона́ ча́сто люби́ла ёго́ зга́дувати) »отъ чоловікъ бувъ!« Зітхне́ ва́жко, о́чи своі би́стрі у зе́млю спу́стить: »о́хъ-о́хъ! тепе́ръ ёго́ ду́шенька въ раю́...«

— Дя́куючи вамъ, сусідонько! озве́тця ба́тько.

Вона́ такъ и спахне́, и ту́гу забу́де свою́ за небіжчикомъ.

»Мині дя́куючи?« вхо́питця за те сло́во: »за що́ мині?«

А ба́тько ій спокійне́нько та хитро́во: — А що́, ка́жу, ви ёму́ ви́молили въ Бо́га місце у раю́...

И завсю́ди, якъ тілько вони́ вку́пі, — все отта́къ заведу́тця ласка́вими слова́ми одно́ 'дного́ шпига́ти. Тине́тця и́нша шпи́лька и така́, що Пили́пиха не сте́рпить, — угнівавшися, пійде, ви́соко го́лову свою́ го́рду несучи́. Та се не на вели́кі ча́си: ху́тко зновъ насъ одвідае и зновъ такъ са́мо суперечками та ура́зками, а сва́рокъ спра́жніхъ ніко́ли не бува́ло.

Була́ въ удови́ дочка́ Мару́ся, на́ша подру́жниця, — тожъ одно́літка зъ на́ми, — и до́бра, и лю́ба, не сказа́ти яка́. Була́ круг-

ловиденька, ясноóка, уста́ румъя́ні, якъ ви́шня; и висóка и ставна́; бро́ви на шнуро́чку; а го́лосъ... було́ тільки заговóрить, то, здаéтця, вже тебé пожа́лувала. Ти́ха була́ дівчина, така́ вже ти́ха, що на́че вона́ чогóсь смутнéнька. Нікóли вона́ такъ шви́дко румъя́нцемъ не спахнé, якъ отъ Ка́тря на́ша, не скри́кне та́къ нікóли, не ки́нетця, не запла́че; до впаду́ не затанцю́ется, не разсéрдитця до сва́рки; не втóмлена гу́льобщами, гóремъ не перему́чена,— ясна́ була́ собі, якъ ти́хее літо.

Ми зъ Ка́трею дýже ту Мару́сю люби́ли, и було́ такъ: аби́ намъ годи́нка вільна—біжимó-летимó до нéі, хочъ удови́ ми й боялися трóхи: Ка́тря, — й та міша́лася передъ удовини́мъ пóглядомъ.

Було́, якъ забіжи́шъ до Мару́сі у робóчу часи́ну,—отъ, ску́чишъ,—та́къ словцé яké на-швидку́ перемóвити, а тебé перестріне сама́ Пили́пиха и ста́не передъ тобóю не-мовъ стіна мідяна́.

»А що, голу́бко? десь ужé въ васъ по робóті?«

Та ні, я се до Мару́сі прибігла на хвили́ночку, забажа́лось одвідати.

»Спаси́бі, голу́бко, спаси́бі! Насъ ще Госпóдь до якóго ча́су ми́луе!«

И та́кеньки вона́ тебé, на́че и ла́скою, зъ ха́ти ви́жене, тільки передъ тобóю стоючи́, та тобі въ вічі гля́дючи.

Пили́пиха була́ ма́ти своїй дочці не пода́тлива, не схільчива. Вона́, якъ га́нила чоловікивъ-мислівцівъ, такъ ще гірше ій було́ хазя́йку, мовля́ла, непутя́щу ба́чити у семъі.

»Хазя́йка—пора́дниця въ ха́ті«, було́, довóдить, »а коли́ вона́ плоха́, то яка́ бу́де пора́да? Зъ плохи́хъ людéй нема́ пора́ди. Семью́ свою́ трéба хазя́йці такъ трімáти, якъ макъ у жмéні: а то розси́плетця усé, пóрохомъ піде за вітромъ.«

Такъ вона́ й роби́ла, якъ говори́ла. Дочку́ свою́ чи пошлé куди́, чи гуля́ти пу́стить, дочка́ въ нéі не спізнитця, не заба́ритця. Оцé, було́, якъ на́ша Ка́тря дé загостю́е, та ма́ти диву́ють »щó се дóні нема́?«—Якъ тоді удова́ головóю хита́ла! Хита́е, та й óчи ажъ заплю́щить.

Намъ зъ Ка́трею було́ житте вільне, бо ба́тьку нікóли було́ насъ стерегти́ — чи рóбимо ми, чи гуля́емо; а ма́ти — у ма́тері було́ одпрóсимось коли́ схóчемо; заба́римося, то вона́ за насъ діло на́ше порóбить, а насъ тільки спита́: »А щó, чи дóбре гуля́ли?«

Було́, підъ годи́нку до́бру, ра́зомъ би намъ зъ Мару́сею погуля́ти, а Мару́сі — не мо́жна...

Колоти́ла Пили́пиха у на́съ въ ха́ті, а на́ша Ка́тря такъ-са́мо въ не́і. »Житте жъ твое́, Мару́сю!« порікувала Ка́тря, розсе́рдившись: (о́тъ, не пу́стить удова́ дочку́ зъ на́ми, чи що́ тамъ.)

А Мару́ся ій: — А що́ моє́ житте?

»Та якъ ти живе́шъ-гору́ешъ! А ні піти́ тобі, а ні погуля́ти, а ні чого́ забажа́ти! Гіршъ ти кори́сся, ніжъ на́ймичка!«

— Та се тобі та́къ, Ка́тре, а мині, дочці...

»Говори́! хиба́ я тобі віри пійму́, що ти зъ своеі охо́ти усе́ на вго́ду ій ро́бишъ? Вона́ жъ така́ на́дто вже наровли́ва!«

— Коли́, пра́вда, що й посуму́ю; а все лу́чче якъ я іі втішу...

»Зъ тако́ю втіхою я́ бъ у домови́ну ра́да. Ще дасть тебе́ за́міжъ за яко́гось гайдама́ку старо́го,—ось поба́чишь, коли́ не відда́сть!.. Охъ, Мару́сечко ми́ла! Мару́сечко лю́ба! Бідна жъ твоя́ голо́вонька!«

— Отсе́, — сміе́тця Мару́ся, — ся Ка́тря то заздалегі́дь мене́ опла́куе!

Ка́тря вже и сама́ сміе́тця.

»А та́къ та́къ«, ка́же, »зна́й же мене́, щи́ру приятельку!«

— Ка́тре,—попита́ла я въ не́і,—а якъ тебе́ ба́тько відда́сть за того́, мовля́ла, гайдама́ку?

»Хиба́ жъ я піду́? Я зъ ро́ду не піду́!«

— А якъ ба́тько присилуе?

»Мене́? мене́ присилуе?« покри́кнула, — почервоніла по са́ме воло́сся: »я сама́ ба́тькова дочка́!«

— Ну́ вже, ну́! го́ді тобі! Сама́ на се́бе ли́ха не заклика́й!

»Ви усі мене́ тимъ ли́хомъ страха́ете, якъ во́вкомъ! Мо́же й е воно́ десь у лі́сі, а мо́же й нема́! Теперъ въ ме́не те́ стоіть за ли́хо пеку́че, що мині сло́ва промо́вити не вільно при ба́тьку: тілько намену́сь, усі морга́ють и кива́ють, що тре́ба мині за язи́къ вкуси́тися! Та коли́сь-таки́ я зъ ба́тенькомъ погомоню́!«

Ми того́ ду́же боялися, розмо́ви тіі. Вже я́къ, було́, ма́ти свою́ Ка́трю вмовля́е, я́къ проха́е!

»До́ню моя́, до́ню! Шану́йся, голу́бко, шану́й ба́тька. Не вразі́ ти ёго́ яки́мъ сло́вомъ, або́ по́глядомъ пустімъ, — слу́хай покірливо!«

Ка́тря ма́тері обіця́е вже, а ско́ро ба́тько у чому́ ій на пере-

шкоді стане — чи тамъ у ярмарку не звелить купувати якої одежини, чи воза не дасть поїхати куди — вже Катря просить назадъ своєї обіцянки. »Я скажу татові, мамо! Я тата ще поспитаю, мамо!..« и вже гонить по хаті, вже розчервонілася, розгорілася, вже у вочахъ слёзи... Мати було її за руку зъ хати виведуть. — Катря дуже матіръ любила, — для матері вже терпіла, її слухаючи.

III.

Віддавала одна Булахова родичка дочку заміжъ. Молода зъ багатої семьі була, и бучне весілля справляли.

Ми собі на те весілле прибіраємося, тройко насъ въ купці зъ Марусею.

Ще коли почали до насъ убігать дівчата, то одна, то друга — за те весілля гомоніти: и кого дожидають тамъ, и якого людей-таменки запрошено.

Молода у друге село віддавалась, у Любчики, — одъ нашої слободи те село недалечко — на годину місця ходи, — то звідти, славили, усі будуть, а що вже дівчата та паробки Любчівські, то неодмінно, — хиба бъ не доживъ котрий, то зъ домовини не прийде. Отсе жъ було наші дівчата тілько охають, роскаэуючи, та ажъ за голову беруться, що яке-то вже те весілля буде пишне, та людне, та багате.

И пройшла ще чутка така міжъ нами, що буде якийсь родичъ молодого, якийсь козакъ Чайченко, та такий вже хороший, та такий вже гарний — и не сказати, и не списати!

»А хто зъ васъ ёго бачивъ?« пита дівчатъ Катря.

— Олена Чугаївна бачила, якъ изъ церкви йшла, — ажъ зітхае, якъ згадае. Да Маруся, здаетця, тожъ бачила? — говорять.

»Марусе!« крикне Катря, »ти бачила?.. А мовчить!.. Коли жъ се ти ёго бачила?«

— Якъ була зъ мамою у Любчикахъ на весіллі, — тоді бачила, — одмовила Маруся.

»Ну, хороший же вінъ справді? Яки очі? яки брови?«

— Вінъ чорнявий.

»Чи изъ тобою розмовлявъ? Що говоривъ вінъ тобі? Чи ввічливий, чи вінъ гордий?.. А до кого більшъ горнувся вінъ?«

ПОЛТАВСЬКА ОБЛАСНА БІБЛІОТЕКА
Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
87694

— Го́ді-бо вамъ, дівча́та, го́ді! — гово́рить Мару́ся.

»Роскажи́, роскажи́, та роскажи́ усе́!«

Оступи́ли іі, схопи́ли — не пуска́ють.

— Що́ жъ ма́ю вамъ роска́зувати? —

»Яки́й вінъ, — чи ввічливий, говірки́й?«

— Вінъ ввічливий и не ду́же говірки́й?

»И тро́хи не го́рдий?«

— Не зна́ю.

Да пита́ннє Мару́сі за пита́ннємъ, та пита́ють ко́жне по десяти́ разъ, поки́-ажъ Мару́ся до до́му пішла́.

Не було́ дівча́тамъ вга́ву: Ча́йченко — якъ на ми́слі, якъ на язиці; — да́лі вже такъ ста́ло, що ті́льки й мо́ви, що про ёго: та я́къ на весілля при́йде, та я́къ ёго́ поба́чять. Одна́ довідалась, що въ ёго е ма́ти стара́; друга́ пле́ще, що вінъ хо́че у Лю́бчикахъ осели́тись — ха́ту собі тамъ ціну́е; тре́йтя зновъ вилі́та на у́лицю, якъ горобе́ць зъ стріхи: »Ча́йченка Яковомъ зову́ть!« четве́рта, зновъ, прочу́ла, що въ ёго на руці таки́й пе́рстень, таки́й!... Та жо́дна безъ по́вісти не при́йде.

»Дівча́точка моі, голу́бочки! глядіть лише́нь не перехваліть ёго́!« сміе́тця Ка́тря дівча́тамъ: »сла́вні бу́бни за гора́ми, а зблизька — шкуратя́ні!«

— Ну, ось вже весілля не дале́чко, — поба́чимо, — гуду́ть дівча́та: — вже довідаемось дісне, вже поба́чимо ёго́ — яки́й.

»Та да́й же вамъ, Бо́же! а то вже вінъ тро́хи й онаві́снівъ мині: тільки й мо́ви, що вінъ, тільки й ду́мокъ!.. надоку́чило!«

Дожда́лись дівча́та: віта́ють на діви́чъ-ве́чіръ; віта́ють на весілля.

Ми убра́лись, вквіча́лись, біжимо́, сміючи́ся, гово́рячи зъ Ка́трею. Мару́ся чого́сь заду́мана. А ми, кажу́, сміемо́сь зъ Ка́трею, жарту́емо. И про того́жъ-таки́ Ча́йченка пра́вили, що, мо́же, таки́й вінъ, що й по́глядомъ дівча́тъ побива́е.

»Та чому́ отся́ Мару́ся намъ не ска́же нічо́го? Скажи́ жъ бо, Мару́се!« гово́рить Ка́тря, »а то на́че для се́бе хова́ешъ...«

— И спра́вді, чо́мъ-таки́ не ска́жешъ ладо́мъ, Мару́се? — озва́лась и я до не́і.

— Та що́ я ма́ю каза́ти?

»Який вінъ?«

— Молоди́й, чорня́вий....

»Отсе́ и всёго!« смі́ётця Ка́тря. »Чи ма́ло жъ по світу тихъ молодихъ и чорня́вихъ! Якъ же ёго́ міжъ ни́ми впізна́ти?.. Якъ на те́жъ, Любчівські паробки́ усе́ чорня́ві... Якъ ёго́ пізна́ти? А, мо́же, въ ёго на чолі — місяць, а на поти́лиці — зо́рі ся́ють?«

Ото́жъ люде́й на у́лиці и коло́ ха́ти — нігде й го́лки встроми́ти! Яко́сь ми пробили́ся, увійшли́. Тутъ — на́ші дівча́та, чужі дівча́та, віта́емось, пита́емось, — зъ молодо́ю словце́ перемо́вили... Загра́ли музи́ки, посипали дівча́та у двіръ. А у дворі паробківъ — стіно́ю стоя́ть! Да то́ сами́хъ незнае́михъ, чужи́хъ! И де́ не обе́рнесся — все на те́бе незнакомі о́чі блискотя́ть...

»Де́ жъ ото́й Ча́йченко«, ду́маю-собі, »отой вславлений?« Та й дивлю́сь ни́шкомъ, чи не пізна́ю ёго́ де́, — коли́ чу́ю: »Ой мині ли́шечко!« жахну́лась Ка́тря, о́-бікъ ме́не. Огля́нусь я: що тобі? — Вона́ стоіть, отъ якъ би вона́, безъ га́дки й ду́мки, ра́зомъ, передъ яки́мъ ди́вомъ опи́нилася — такъ-то вона́ стоя́ла диви́лась куди́-сь... Я собі туди́ зирну́ла: міжъ паробка́ми висо́кий, ставни́й, чорня́вий коза́къ у чо́рній сви́ті, у черво́ному шовко́вому по́ясі... Задиви́лась й я на ёго... Тро́хи схамену́вшись, пита́ю: »Чи ти не зна́ешъ, Ка́тре, хто́ се таки́й?«

— Не зна́ю... не зна́ю....

»Чи не Ча́йченко!«

— Ні... мо́же... не знаю...

Я до Мару́сі, найшла́ її; вона́ заду́малась — не погля́не...

»Мару́се!« кли́чу: »хто́ се стоіть онъ — та́мечки? Ча́йченко?«

— Вінъ, — ка́же.

»Що́ жъ то за краса́! що́ то за па́робокъ!« шепотя́ть дівча́та міжъ собо́ю.

Мару́ся тільки погля́нула у той бікъ, де́ вінъ стоя́въ.

»Чи жъ тобі не до-сподо́би?« пита́ю.

— Хоро́ший, — промо́вила сти́ха.

»А що вже Ка́тря«, говорю́ Мару́сі, »то, надійсь, добро́мъ-таки́ у ёму́ закоха́лась!«

А Мару́ся мині та́къ-то вже пова́жно вимовля́е: »Ти, сестри́це, коха́ннемъ не жарту́й!« отъ, мовъ, вона́ воро́жка стара́, або́ що.

»Ну, до́бре«, кажу́, »иди́ бли́зче, сама́ подиви́ся, де́ тутъ вли́ха жа́рти?« Взяла́ її за ру́ку, притягла́ до Ка́трі

»Ка́тре!« почну́, — а Ка́тря якъ сти́сне мині ру́ку:

— Иде́, иде́, про́сто до насъ иде́! — ше́пче, а сама́ такъ и тріпо́че.

Ча́йченко ставъ коло Ка́трі и взявъ ії у-тане́ць. Вона́, отта́ сміль́ива, метка́я Ка́тря, не мовъ переляка́лась чого́, збіліла...

»Мару́се, измі́ча́ешъ?«

Мару́ся імъ у-слідъ диви́лась своїмъ по́глядомъ ти́химъ.

Ско́ро Ча́йченко пу́стивъ Ка́трю, усі дівча́та та́къ и ти́снутця до не́і: »А що́? Чи зна́ешъ, изъ кимъ танцюва́ла?.. Се Ча́йченко! Се Ча́йченко Яківъ! А чого́ жъ мо́вчи́шъ? Чо́мъ не гово́ришъ? Не вподо́бався? Вподо́бавсь?«

— Та я ще́ ёго́ до́бре й не розгле́діла, — одмовля́етця Ка́тря передъ дівча́тами, сама́ озира́ючись округи́, на́че бъ вона́ у ди́кій пу́щі опени́лася.

Де́-котрі й віри ій поняли́: »Та вбача́й же бо, вбача́й до́бре: друго́го тако́го нема́! а кото́рі — такъ зъ-підъ брови́ на не́і подиви́лись.

А весілля, а та́нці не стиха́ють; въ дворі усю́ траву́ зеле́ну підкі́вками ви́несли. Ча́йченко танцюва́въ зо всіма́; бравъ и мене́, и Мару́сю: яка́ на о́чи попаде́ дівчина, ту вінъ и бере́.

»Вінъ на́ми горду́е«, обіжа́лися и́нші дівча́та, »що бере́ насъ, у ві́чі не подиви́вшися!«

— Заждіть бо, які жъ скорі! Нехай вінъ тро́хи обсвідчитця въ насъ, — вмовля́ли зновъ дру́гі.

Міжъ та́нцями зайшла́ розмо́ва у дівча́тъ зъ паробка́ми: чи до́бре изъ бага́тою одружи́тись?

»До́бре, якъ взя́ти лю́бу та ми́лу!« озва́всь Ча́йченко.

— Чому́ бъ тобі и не взя́ти — одка́же ёму Грицько́ Ле́пехъ, — що самъ, сла́вили, коха́въ ни́шкомъ молоду́, — тобі нага́ни не даду́ть, ти самъ бага́тий.

»Бага́тий на дрібні слёзи«, промо́вивъ Ча́йченко, всміха́ючись.

Музи́ки загра́ли, усі пішли́ у та́нець — и Ча́йченко. Чи се вінъ пра́вду сказа́въ, чи се вінъ пожартува́въ — хто́ ёго розбере́! Ми усі зъ собо́ю изглянулися; бага́то дівча́тъ помо́вкло — заду́малися.

Світъ вже біле́нький розсвіта́всь, якъ ми зъ того́ весілля поверта́ли до до́му. Мару́ся и Ка́тря ні слове́чка не проки́нули. Я заговорю́, »ні!.. эге́ жъ!.. а вже́ жъ!« одка́же Мару́ся: якісь ії свої ми́слоньки зано́сять, а Ка́тря — то й зо́всімъ мині одвіту

не оддає; то вона́ швиде́нько йде́, насъ попережа́ючи, то вона́ одста́не....

Тутъ насъ паробки́ наздогна́ли, и Ча́йченко бувъ між ни́ми. Вклони́лися намъ и на добра́-нічъ дали́. И Ча́йченко... Яки́й въ ёго го́лосъ бувъ стру́йний! и почу́ешъ, и пізна́ешъ всю́ди — хочъ між дзво́нами! А Ка́тря на́ша? Де́ жъ тіі жа́рти? Де́ ті ви́гадки коли́шні? Вона́ ле́дві паробка́мъ на »добра́-нічъ« оддала́.

IV.

У ти́ждень по тому́ весі́ллю, були́ у насъ молоді и запроша́ли до се́бе. Ми поіхали у Любчики всі́ею семье́ю. Поіхала й Пили́пиха зъ дочко́ю. Ка́тря ще зъ ве́чора усе́ нагото́вила убра́ннє; проки́нулась у-до́світа, та чи й спа́ла вона́ — не зна́ю; а мині — то все такі сни сни́лися ди́вні тіе́і но́чі. Сни́лось мині, що вихо́димо ми зъ Ка́трею и зъ Мару́сею на яки́йсь шляхъ вели́кий між степа́ми, и всі степи́ тіі, и ввесь шляхъ усе́ Ча́йченки закраси́ли, усе́ Ча́йченки, та оди́нъ у оди́нъ хоро́ші...

Ка́тря мене́ бу́дить — я ій роска́зую: »а чи́ жъ не ди́вний сонъ?«

Якъ же вона́ вжахну́лася, почу́вши!

— А що́ те віщу́е? що́ віщу́е? — притьмо́мъ искажи́ ій.

»Не поло́хайся, Ка́тре«, вмовля́ю, »се сонъ недільний: якъ до обідъ не справди́тця, то й не жда́ти нічо́го...«

— Бо́же, Бо́же! що-то бу́де! — бідкаетця вона́...

Зоря́ розсвіта́ла, день починавъ біліти; ми сиділи коло віко́нця, — розчісувала и плела́ вона́ свої ко́си до́вгі; румъя́нець густи́й спа́хувавъ на ли́чку, а ли́чко було́ біде́.

Розви́дніло́ся; уста́ла ма́ти, ба́тько; почали́ ла́годитись, зара́ні ви́іхали.

»Ка́тре!« говорю́ ій сти́ха: »чи поба́чимо ми тамъ Ча́йченка?«

— Не зна́ю. — Сама́ одверну́лася.

»А въ жадібку ёго поба́чити?«

Не чу́е.

»Ка́тре? а хо́чешъ, кажу́, поба́чити?«

Хотіла вона́ осміхну́тися, та не всміхну́лась, а розсе́рдилась.

— Отже, ости́ли, коли́ хочъ, жа́рти!

Да́лі, що почну́, то нічо́го не вихо́дить: то Ка́тря усе́ хва́-

лить, то Ка́тря усе́ га́нить; то усе́ въ не́і вже й злишнёго сла́вне, то усе́ въ не́і ні до чо́го не зга́рне й недокла́дне.

Приїхали у Лю́бчики; ще тільки були́ тамъ сами́ ро́дичі у молоди́хъ, та бли́жні прия́телі, отъ-якъ Пили́пиха; у ха́ті бу́ло просто́ро; ми пе́ршого очи́ма зу́спіли Ча́йченка: сидівъ вінъ проти двере́й....

Старі собі розмовля́ли; ми по́плічъ зъ Мару́сею та зъ Ка́трею, такъ, о́дсторонь, сиділи. Тихесе́нько я Мару́сі свій сонъ переказа́ла. »Чи не ди́во жъ?« пита́ю.

— Усе́ дива́ въ Бо́га! — одказа́ла заду́мавшися.

Між ро́дичами молодо́го сиділа стара́ бабу́сечка у те́мній ху́стці, у те́мній юпчи́ні, біле́нька на виду́, невели́чка зро́стомъ, зъ смутне́нькимъ по́глядомъ. Сама́ вона́ говори́ла небага́то, а людя́мъ одмовля́ла любе́нько, ввічливо, яко́сь уча́стливо, місто-бъ вона́ пожа́лувати хотіла. Вона́ часте́нько погляда́ла на Ча́йченка и на насъ. Се була́ Ча́йченкова ма́ти.

Обідня годи́на; ні що неправди́ть мого́ сну.... а по обіді понахо́дило тако́го люде́й; розлігся го́мінъ; му́зики загра́ли; та́нці ви́строілись.

Танцюва́ли вже изъ до́бру годи́ну, а Ча́йченко усе́ сидівъ собі та тільки диви́всь, якъ дру́гі підківками кре́шуть. Коли́ ёго́ ма́ти до ёго нахили́лась и щось говори́ла ёму́; після́ то́го вінъ за́разъ пішо́въ у тане́ць и взя́въ пе́рво Ка́трю, тамъ Мару́сю, тамъ мене́, тамъ и други́хъ дівча́тъ, зновъ якъ тоді, не подиви́вшись и въ вічі жо́дній. Мині довело́сь сидіти коло Ча́йченка, мо́же, заговори́ть, кажу́; подивлю́ся на ёго — де́ вже сей заговори́ть!

»Яко́го тутъ люде́й!« зніма́ю рі́чъ сама.

Вінъ озирну́вся на ме́не и по ха́ті погля́нувъ:

— Бага́то госте́й!

»Сла́вне село́ Лю́бчики, весе́ле! Ви ще тутъ не да́вно?..«

— Не да́вно.

Та́къ вже мині попита́ти, чи зоста́нутьця вони́ тутъ, — та́къ ві́же!..»Ту́течки усі лю́ди живуть досту́пні такі, привітні... жа́лко вамъ бу́де іхъ ки́дати...«

— Та ми сюди́ на се́лище прийшли́, у земля́не пи́шемось Любчі́вські.

Въ мене ажъ увъ о́чяхъ я́сно ста́ло, якъ вінъ похвали́всь.

»До́бре вамъ жи́ти бу́де!«

— Де жити, то жити, — почула я одъ єго....

Повернулися ми до-дому. Катря смутна була. Мати питала, чи здужае, — »здужаю«, каже. Ведетця місяці зо два, що ми Чайченка бачимо въ ряди-часи: то Любчівської церкви не проспимо, а зъ церкви зайдемо до роду, — просять на обідъ; по обіді гуляємо потамъ увесь день, то запрошали якось наші іхъ до себе, то зновъ вони насъ.

Чайченкова мати купила хату у Любчикахъ, святила ту хату; насъ звано, и Пилипиху зъ дочкою; то ми усі на вхідчинахъ тіхъ були.

На господі у себе, Чайченко такий самий небалакливий якъ и въ людяхъ, мати жъ єго дуже ласкава й привітна до всіхъ ставилась. Якъ вже ми до дому виходили одъ іхъ, то вона насъ проводила за свою леваду, та й каже Катрі: »Колибъ мині до сії хати таку пташечку, якъ ти!«

Ніхто того слова не чувъ тихого, окромъ мене. Я Марусі се говорю, що чула я. Вона тільки поспитала: чи добре я чула?

Зъ якого часу-години осмутніла наша Катря весела. Не разъ я на свої очі бачила, що вона оце думае-думае та й обіллетця слёзами дрібними. Або не знать зъ чого, зъ доброго дива, обрадіе: тоді співае, всміхаетця, червоніе. Якимъ вже я тихимъ видомъ не підходила розмовитись зъ нею, роспитатьця за все, такъ вона жъ одъ мене посторонь. Ні мині нічого не каже, ні Марусі. И вже до насъ такъ не горнетця, якъ давно: вже вона зъ своіми мислоньками и вже любішъ ій на самоті изъ собою. Теперъ вже сама не промовляе слова, — не залюбила и другихъ чути — якъ говорять. Стала вона до діброви учащати.

Бувъ гай, такий густий, пущі такі за річкою — все вона туди ходить. Якъ я настерегла, що вона беретця одного разу, — я й собі за нею назирцемъ побігла.

У самій гущовині дубрівній, да тамъ липина и горобина и дубъ кучерявий посплітались вітами зеленими надъ холодною криничовиною, — забралась ажъ туди, та й сидить, схиливши голову. Уявилася я — вона заразъ схопилась, охмурилась.... Я до неі слово зговорила.... »Годі вже тобі!« промовила, »въ мене голова болить!« Попоходили у-купі по гаю, послухали, якъ листя шумлять, якъ вода точитця, та й до дому прийшли. Така-то вже стала Катря недоторклива: ані поспитати, ані загомоніти до

неі! Колибъ думокъ гадокъ своіхъ, а то й такъ нічого мині не скаже...

Побреду до Марусі, а Маруся наче стала ще тихша, ніжъ була; усе вона шие та вишивае, усе за діломъ, усе тожъ въ якихъ-сь мисляхъ.... Ніякоі мині поради и одъ Марусі. То було усе насъ тройко у любій купці, а то якось розійшлися якъ зозулі въ лісі...

Однії неділі смуткувала я дуже сама. Катря покрилась десь,— пішла я собі до Марусі. Приходжу—вона сама у хаті, старої Пилипихи не було. »Здоровенька була, Марусечко!« кажу ій. »Чого се ти сама дома?«

— Та мати у гостину пішли.

»А ти жъ? Чи не болить въ тебе голова«, кажу, »якъ въ нашоі Катрі? У дівчатъ, якъ серце наброіло, то заразъ на голову звернуть....«

— Я чогось нездужаю трохи,—промовила Маруся.

Придивилася я на неі пильно, та ажъ у крикъ покрикнула— такеньки змарніла вона дуже. А въ очу жъ якій смутокъ!

»Марусе голубко!« кажу ій: »якъ ти змарніла! И чого въ тебе такі очі смутні?«

— Да того, може, що нездужаю,—сказала на одвітъ. — А якъ тамъ Катря? — питае.

»Та нема іі дома давно: мабіть, у дубахъ сидить та думае думку. Вже, кажу, й мати давно помітили, вже й питали саму Катрю и мене. Катря не признаетця... А я що скажу? Хиба свою догадочку? А бачу вже, що біда якась коітця: батько на Катрю позирае,—отъ, якъ вінъ іі поспитае!..

Маруся поручъ зі мною сидить и слухае, а сама словечка не промовить.

»Боже мій! И що се лихо таке сколотилось несподіване? И ти, Марусю, вже не така, якъ колись була!«

От-се такеньки сидимо, а вечоръ темніе,—коли й Катря вбігла. Обійняла Марусю, стиснула мене, поцілувала, сіла коло насъ. Мовчимо усі довго. »Ну, бувай же здорова, Марусе!« кажу. »На добра-нічъ! Вже часъ додому. Чи пійдешъ и ти, Катре? Тебе«, кажу, »мати, мабіть, давно дожидають. Вже й спати пора.«

»Химочко голубочко! Марусе голубочко! Я не хочу спати... Я«, каже, »я того Чайченка покохала!«

»Та хиба́ не зна́емо!« веселе́нько я ій одмовля́ю: »отсе́ намъ новина́ вели́ка!«

А Мару́ся та́къ-то на-вспра́жне ії пита́е ще: »Чи та́къ се, Ка́тре? Чи спра́вді, Ка́тре?«

— На що́ ти мене́ такъ пита́ешъ, Мару́сю? Я ёго́ люблю́.

»Чи щи́ро? чи ве́лико, сестри́це? Поду́май!«

— Та Бо́же жъ мій, Бо́же! — одка́же Ка́тря: — та я ёго́ одъ пе́ршого ра́зу покоха́ла! Вже я зъ того́ весільля за нимъ пропада́ю. Тільки ти не вважа́ла, а зъ ме́не вже усі дівча́та сміютьця...

»Ні«, ка́же Мару́ся, »я вважа́ла, та ду́мала: се та́къ.... Я ду́мала — забу́дешъ...«

— Хиба́ якъ о́чи заплю́щу!

»То поможи́ тобі Бо́же, Ка́тре!« промо́вила Мару́ся.

— Дай тобі Бо́же, Ка́тре! — кажу́ й я.

Ки́нулась насъ цілува́ти, жа́лувати Ка́тря.

»А вінъ же чи полю́бить?« ста́ла тоді гада́ти. »Мо́же насміє́ться! Скажи́, Мару́сю, скажи́, Хи́мо! чи вінъ люби́тиме?«

— Ой, трохи́ чи не більше ти одъ насъ відаешъ про се́, Ка́тре, — говорю́, — десь ти ёго́ ба́чила, або́-що, бо ти чого́сь на́че на світъ одроди́лася сёго́дні. Призна́йся жъ и намъ, лю́бко, щобъ и ми зна́ли.

»Я ёго́ ба́чила«, роска́зуе. »Була́ я у гая́хъ и забріла́ ду́же дале́ко, ажъ туди́ къ чужосільскимъ лева́дамъ; ишла́ собі, коли́ чу́ю: »Здоро́ва була́!« Гля́нула — ба́чу ёго́, віри́ не йму́. Се, кажу́, моя́ ду́ма щоде́нна, щоча́сна вживи́лася... А вінъ усе́ гово́рить до ме́не, усе́ гово́рить...

— Що́ жъ вінъ тобі говори́въ?

»Пита́въ мене́, чого́ зайшла́, чомъ не весе́ла....«

— Що́ жъ ти ёму́ сказа́ла? — я все ії пита́ю; Мару́ся тільки слу́хала.

»Та́къ зайшла́, — кажу́, гуля́ю собі, и я, кажу́, весе́ла... Тоді вінъ пита́въ мене́, чи ху́тко ми бу́демо у Любчикахъ и каза́въ, що у Кра́сному це́рква згоріла:... И що бувъ вінъ у я́рмарку оттоді, якъ ми ходи́ли до це́ркви, а ёго́ не було — вінъ то́ у я́рмарку бувъ, — говори́въ, що ту́га ёго́ обійма́е... И провівъ мене́ ажъ до самісінького на́шого ти́ну. Ишо́въ усе́ по́ручъ зо мно́ю... Спаси́бі тобі, вечіръ те́мний, и ти, до́ленько моя́ ща́сна!.. А Яковен-

ко вже рушники побрáвъ у Гáнни; на тому́ ти́жню весільля. Питáвъ вінъ, чи бу́демо...

— Отсé, кажу, тепéръ трéба ще на те весільля прибірáтись! Трóхи й ми зъ тобóю тамъ розвáжимось, Мару́сю!

»Та не знáю ще«, кáже, »якъ мáти схóчуть.«

— Хибá самій не манéтця? хибá не попрóсишъ мату́сі?

»Та якóсь вже бу́де«, одказáла.

— Ти, кажу́, суму́ешъ чогóсь, Мару́се; чи не пішлá бъ ти изъ нáми?

А Кáтря тоді: »Суму́е Мару́ся? чогó суму́е?«

— Голу́бко! — говóрить мині Мару́ся, — мині не сму́тно, а колú й бу́де кому́ сму́тно, лю́де не розвáжуть!

»Тільки той, когó любишъ, розвáжить«, озвáлась Кáтря.

— Покохáймо кого-нéбудь, Мару́се! — жарту́ю. Мару́ся нічóго не одказáла.

»Щасли́ва бу́дешъ«, говóрить Кáтря.

— Покохáймо жъ, Мару́сé! — я зновъ до нéі.

»Не жарту́й«, одкáже ти́хо.

Надійшлá Пили́пиха. Попрощáлись ми й пішли́ зъ Кáтрею додóму. А Кáтря сёго вéчора да такá ласкáва булá й весéла, и смирнéсенька такá, що я такóю її зрóду не бáчила.

V.

Ходи́ла Кáтря у Лю́бчики ніби-то зáполочи позичáти червóноі, та й поверну́лася додóму икъ вéчору такá, що бáтько споглянувъ та й поспитáвъ въ нéі, дé булá, дé ходи́ла, а почу́вши дé и по щó: »якъ такá зъ тéбе швáчка«, кáже, »то дбай, щобъ не позичáти зáполочи вдру́ге по чужи́хъ сéлахъ.«

По тімъ слóві бáтько ви́йшовъ зъ хáти, запали́вши лю́льку.

«Щó тобі, моя дити́но!« упадá вже коло Кáтрі мáти, »уступи́ла до хáти біла, мовъ білóчокъ... щó тобі, дóню?«

— Нічóго, мáмо, нічóго!

»Дé вже тамъ нічóго! Жу́ришъ ти мене́, дóчко!«

Прийшлá Пили́пиха до насъ зъ Мару́сею. Мáти зъ старóю зняли́ розмóву, а ми, дівчáта, у садóкъ поскори́лися.

»Що жъ таке́, Ка́тре?« пита́ю.

— Сёгодні вінъ у-ве́чері бу́де,—вінъ сёго́дні при́йде до ме́не...

»А ти жъ я́къ ви́йдешъ до е́го? А ба́тько не почу́е?«

— То що́? щобъ я не ви́йшла? До ёго щобъ я не ви́йшла? Неха́й чу́е ба́тько, неха́й чу́е ма́ти, неха́й усі — я до ёго ви́йду!

»Та якъ ба́тько почу́е, то не пу́стить«, кажу́: »якъ вже ти собі тамъ не ймися, а му́сишъ зоста́тися то́ді.«

— Я не зоста́нуся, я піду́!.... Чого́ ти на ме́не напа́лася, недо́бра дівчино?....

»Я тобі саму́ пра́вду говорю́, Ка́тре; хиба́ жъ я напада́юся на те́бе?«

— Не тре́ба мині такі́ пра́вди, не хо́чу я такі́! Я вже ба́чу, що ти мині не щи́ра подру́жниця, ти мині не хо́чешъ у по́мочі ста́ти, я сама́ за все ста́ну!«

»Слу́хай лишъ, Ка́тре, чого́ бо ти вгнівалась? Я пра́вду тобі ви́казала, та я жъ тобі и въ приго́ді ста́ну, коли́ вже не мо́жна инако...« Тоді вона́ мене́ цілува́ти, тоді вона́ мене́ обійма́ти! Почали́ ми змовля́тись, якъ две́рі відчини́ти Ка́трі и якъ їй ви́йти. Ра́дились и Мару́сі пита́лись, що́ вона́ ду́мае, —сама́ вона́ нічо́го не говори́ла й нічо́го не пита́ла, сиділа собі ти́хо якъ на моги́льці....

Катря́ усе́ росказа́ла, якъ вона́ у Любчикахъ була́.

»Ёго ма́ти мене́ покли́кала сама́, якъ я йшла́ ули́цею, и жа́лувала мене́ любо и роспи́тувала, чи мене́ хто сва́тае, чи я кого́ вподоба́ла... А вінъ усе́ оддалі́къ стоя́въ, не підхо́дивъ... Такъ-то вже мині гірко стало! »Я (кажу) сі́ о́сени за́міжъ піду́.« Якъ я сказа́ла, вона́ якъп окри́кне: чи жъ то пра́вда? »Що́?« запита́въ вінъ у ма́тері, а вона́ ёму́ ка́же, що я заміжъ піду́ въосени́...

»Я тоді попроща́лась зъ ними́. Вона́ зітхну́ла, провела́ мене́ тро́хи, и ка́же: »шко́да мині тебе́, дівчи́но!...« що я ажъ слізьми вми́лася... Одійшла тро́хи, ста́ла, — та неха́й хоть на іхъ ха́ту подивлю́ся! коли́ вінъ и вихо́дить изъ ворітъ, и йде... Я хо́чу да́лі — не мо́жу... Діжда́лась, що вінъ бли́зько до ме́не зблі́жився... Зблі́жився: »чи пра́вда сёму́?« поспита́въ... Дівча́тонька, голу́боньки! коли́ бъ же я сама́ знала, якъ я ёму́ призна́лася, що я ёго коха́ю одного́ у світі... До́вго говори́ти не мо́жна було́: усе́ знако́мі лю́де дохожа́ли ули́цею; тоді я ёму́ сказа́ла — неха́й при́йде до ме́не ввечері, вінъ сказа́въ — при́йде...«

Ско́ро на́ші старі поспу́ли, я ви́пустила Ка́трю зъ ха́ти, а

сама́ сіла, щобъ сонъ не хили́въ, та мині не спа́лося: ли́хо та й годі дожида́тись було́! Нема́, та й нема́, та й нема́!

»Якъ се вона́ га́ітця«, ду́малося мині. »Що ій до́бре, то й забу́ла про ме́не, яково́ тутъ мині дожида́ти, боячи́сь.... Такі-то лю́де на сёму́ світі!«

А тамъ и те я згада́ла, що я сироту́ю, що вбо́га я, та не при ба́тькові-ма́тері зросла́, живу́ у чужій семьі зъ ла́ски; що не пожа́лує ніхто́ мене́ щи́ро, не лю́бить ніхто́ душе́ю усію.... И за що́ я пе́рше дя́ковала, зъ того́ само́го тоді слізъ гірки́хъ уточи́ла; за що було́, хвали́ти Бо́га, вікъ байду́же, у той часъ та́къ того́ забажа́лося, та́къ-то вже тре́ба ста́ло...

Гору́ючи-пла́чучи, извела́ го́лову, погля́ну — якъ-то округи́ мене́ су́мно усе́, а у вікно́ вже світа́нне синіе....

Очути́лася я яко́сь одра́зу, та й самій мині чу́дно ста́ло: чого́ се я та́кеньки и чімъ зажури́лась? Хиба́ жъ я не зна́ла Ка́трі, що вона до світу заба́рить? та й яка́ бъ то дівчина зъ коха́ння по́спіхомъ дба́ла? И чи я жъ сёгодні всиротіла? чи се теперъ тільки зъубо́жіла?

Поглузова́ла я сама́ зъ се́бе та й ви́йшла Ка́трі на-зу́стрічъ — за воро́та. За ворітьми я ще довге́нько зотріва́ла ії, поки́ ажъ вона́ прибігла весе́ла.

»А що́, надиви́лася? наговори́лась?«

— Все я ёму́ сказа́ла, все... якъ же я ёго́ коха́ю, Хи́мо! Го́споди вели́кий! я́къ я ёго́ коха́ю?

»А вінъ же що́ говори́въ?«

— Пита́въ, чи ду́же я ёго́ люблю́.... Вінъ при́йде за́втра.... Я ёго за́втра дожида́тиму...

Зъ то́го ча́су ста́ли вже вони́ що-ве́чора зіхо́дитись. Прилуча́лося мині, прово́дивши Ка́трю, того́ Ча́йченка зострічати. У неділю, або́ въ свя́то яке́, иде́мо у двійзі зъ Ка́трею, немо́въ погуля́ти ра́нкомъ ти́химъ, то й вгле́жу було́ я Ча́йченка, — усе́ вінъ на́че смутни́й... та й спита́ла яко́сь Ка́трі: »а ви изъ нимъ ніко́ли не сва́ритесь?« А вона́ мині: »що 'тсе тобі Богъ давъ, Хи́мо! Отсе́ бъ изъ ни́мъ свари́тись!

»Та чого́ жъ вінъ на́че невесе́лий хо́дить?« кажу́.

— Таки́й завсю́ди, — зговори́ла, сама́ тутъ ми́ттю впечали́вшись. »Ти смутни́й?« пита́ла я ёго́. »Чого́ жъ ти смутни́й?« А вінъ мині: »на світі більшъ сму́тку, ніжъ ра́дости!« — »Що гово́-

ришъ, се́рце! та я, якъ зна́ю, що ти мене́ лю́бишъ; я забу́ла, яки́й то сму́токъ на світі живе́!« »Се«, ка́же, »се та́кеньки Богъ дає́ тільки дівча́тамъ, та пташка́мъ співо́чимъ...«

Таки́й вінъ, таки́й, Хи́мо! И гово́рить, и жа́лує сму́тно; а по то́му, ще мині любіший, ще миліший...

Постерегла́ ма́ти, що діетьця що́сь, поспита́ла.—Ка́тря призна́лась мату́сі. А ма́ти голово́ю журли́во похита́ла:

»Отсе́ и твоя́ пора́ прийшла́, до́ню! Гляди́ жъ, се на ввесь вікъ, Ка́тре! гляди́, кого́ обіра́ешъ, та й неха́й тебе́ Ма́ти Бо́жа и благослови́ть и допомо́же!«

Ба́тько не пита́въ нічо́го; чи вінъ здога́дувавсь, чи ні — того́ не зна́ли ми. Пра́вда, що двічі, а мо́же й більшъ, вінъ яко́сь пильне́нько на насъ споглядавъ. Ми, було́, собі гово́римо, що я́къ се бу́де — Ка́трине весільля, та яке́ житте ій кра́сне, гада́емо; а ба́тько усту́пить до ха́ти, — ми й пополо́шимось усі: одна́ схо́питься, дру́га шука́е чого́сь за за́пічкомъ, тре́тя го́лку загу́бить, — ба́тько сяде у сто́ла, ди́вить ся би́стримъ о́комъ та й ка́же: »а въ якому́ кутку́ пожа́ръ въ на́шій ха́ті?«

Ми й скаменіемо передъ нимъ... Вінъ почне́ про господарство що́ говори́ти ма́тері, яке́ діло зага́дувати, ми візьмемось робити щи́ро якъ, Бо́же еди́ний!

Чого́ бъ то й опа́суватьця було́? Ми ду́мали, що вінъ прийме Ча́йченкове залицяньне ласка́во, бо Ча́йченко и бага́тий, и молоди́й, и дочці лю́бий, и лю́де Ча́йченка не цура́лися — чого́ жъ опа́суватись? А ми все боя́лися ду́же ёго́ ча́сомъ. А ма́ти вже для своеі дочки́ поклопота́лися, постара́лись. Ба́чу, де вже стрінутьця зъ Ча́йчихою, посядуть рядо́чкомъ, и поти́ху розмовляють собі любе́нько, а прощаютьця, то обійма́ютьця щи́ро. Прийшла́ до насъ Ча́йчиха у неділю, а въ се́реду вже ма́ти до Ча́йчихи йде. Ча́йчиха зновъ и собі не заба́ритця насъ одвідати; та й пішло́ся та́къ, що аби́ яке свя́то, то або́ Ча́йчиха въ насъ, або на́ша ма́ти у Ча́йчихи...

Ка́тря намъ зъ Мару́сею призна́лася, що бу́де ії сва́тати Яківъ въ-осени́. Ма́ти вдалися до Пили́пихи за пора́дою; росказа́ли ій усе́, що дочка́ вподо́бала па́робка, що то́ хоро́ші лю́де — за ни́ми нажи́тьця!

— Дай Бо́же ща́стя! — гово́рить Пили́пиха.

»Охъ, голу́бко моя́! я ще не зна́ю, якъ чоловікъ згоди́тця....

та чого́ бъ ёму́ не згоди́тьця? Се́й хиба́ не га́рний? Се́й хиба́ не до́брий па́робокъ? И замо́жний....«

— А ти ма́ти, чи ні, своїй дочці? Якъ почне́ вінъ при́мхати, то ти й ру́ченьки попу́стишъ — не́хай мойму́ дитя́ті до́ля ги́не.

Вже якъ тільки вчу́ла удова́, що ба́тька боя́тьця, вона́ жва́во вхопи́лась за сва́тание: »Що зъ то́го бу́де, що ви голова́ми розкива́лися? До́бре діло — дово́дьте жъ ёму́ кра́ю!«

Та й одпочи́ти не дає́ ча́су; підмовля́е та підгово́рює: »хутчій! хутчій!« Було́, моя́ годи́нонько, ажъ за рука́ва трясе́, щобъ хутчій....

Почала́ ма́ти захо́дити коло старо́го, та свого́ сло́ва домовля́ти; почала́ усе́ про Ча́йчиху прова́дить, та ёму́ нага́дувати, та хвали́ти, а ра́зомъ вже й си́на молодо́го:

»Що́ то за па́робокъ хоро́ший, роботя́щий, уда́тний, — се ма́тері втіха відъ Бо́га, а не синъ!«

— Вже того́ не зна́ю, яки́й вінъ до діла, — ка́же ба́тько, — а що до та́нцівъ, то вдавсь: дівча́тами, якъ му́хами, увива́е.

»А що́ жъ, мій го́лубе? Якъ весе́лого но́рову, то ве́село изъ нимъ и жи́ти бу́де, кому́ су́дить Госпо́дь. Самъ не сумова́тиме и подру́жьячку смутква́ти не дасть.

— Не жо́дну й ту́гу танцю́ра розтанцює! — на те́ ій одмо́вивъ.

У-дру́ге знову примо́щуетця ма́ти Ча́йченка добри́ть: »а мотóрний, а розу́мний, а сла́вний!« Пи́льно ба́тько ій у вічи погля́нувъ.

— А що́ се хва́лишъ, — змо́вивъ, — нина́че бъ зя́тя?

»Якъ во́ля Бо́жа та твоя́ вго́да, мій го́лубе!« одка́же ёму́ ти́хо, та умо́вно такъ уже́!..

Ми зъ Ка́трею сидимо́ — не тхнемо́...

Стари́й подиви́вс на жінку, подиви́вс на дочку́.

— Не шука́й дочці па́ри, стара́, — промо́вивъ, — вже я ій самъ па́ру знайшо́въ; — осени́ заждіть.

Стара́ зиркъ на дочку́, — дочка́ обмертвіла либо́нь; сплесну́ла ма́ти рука́ми, та на ёго:

»Мій ти го́лубе ми́лий! за ко́го жъ ти ії 'дда́ти хо́чешъ?«

— Се вже мині зна́ти.

Та й ви́йшовъ зъ ха́ти.

»Годі, до́ню! го́ді, дити́но моя́!« вона́ до Ка́трі. »Не печа́ль свого́ се́рденька, Катре́ мо́я ми́ла, го́ді! Я для те́бе на все зва́-

жуся; я поклонюся ще́ твоє́му ба́тькові; я ёго́ бу́ду за те́бе проха́ти....«

— Идіть, ма́мо, йдіть бо — просіть за́разъ! Идіть, ма́мо, йдіть!

»Не мо́жна такъ, до́ню! Та́къ гірше бу́де: зажди́ тро́хи....«

— Ма́мо, ма́мо! яково́ мині зажида́ти!

Ми ії вговоря́ти ста́ли... Та коли́ жъ умо́вивъ хто молоду́ ту́гу нетерпля́чу сло́вомъ розсу́дливимъ?

Слу́хаючи, Ка́тря поливалася слізьми́, та все своє́, знай, пра́вила: »йдіть, идіть за́разъ!«

»Ка́тре!« говорю́, »бу́де гіршъ зъ тимъ по́спіхомъ: ми ки́немось до ба́тька — блага́ти, а я́къ вінъ прийме тепе́реньки? Що́ жъ, якъ вінъ згукне́ намъ отте́ своє́ »го́ді« та й нага́дувать ще́ не звели́ть?«

— Го́ре моє́! го́ре моє́! До́бре! Я жда́тиму... Якъ же мині ва́жко! чи се смерть моя́ прихо́дить!.. Тре́ба ще́ дожида́ти! коли́ жъ се бу́де? коли́? скажіть, ма́мо!

»А отъ, за́разъ по обіді, ви зъ Хи́мою ви́йдіть зъ ха́ти, — я то́ді ёму́ скажу́... Я тоді скажу́ и поблага́ю... Для своє́і дити́ни й го́лову підъ соки́ру покладаю́ть, а то бъ мині ще не попіклова́тися тобою...

— Я жда́тиму, — промо́вила Ка́тря: — я терпітиму.

А жда́ла вона́ такъ, якъ отъ пташки́ сидя́ть у кліті, — що вже нікуди летіти, то бьютця де́ зачи́нені.

VI.

Обідаючи, ба́тько на́че не добача́въ, якъ ма́ти блідла, якъ Ка́тря пла́кала, — сидівъ таки́й, не-га́дки, якъ и вчо́ра.

Після обідъ, ми съ Ка́трею за́разъ зійшли́ зъ ха́ти, ста́ли по́вкупі підъ двери́ма.

Довге́нько у ха́ті ти́хо було́...

»Го́лубе мій!« заговори́ла ма́ти: »на́шу Ка́трю хо́чуть сва́тати...

— А що́ жъ! Неха́й сва́тають, хто хо́че, — зъ то́го дога́ни нема́!

»Се молоди́й Ча́йченко хо́че сва́тати.... Яка́ твоя́ вго́да?«

— Я за Ча́йченка не 'ддамъ.

Я вже живосиломъ одволікла́ Ка́трю отъ двере́й ха́тніхъ: »Ка́тре! Ка́тре! усе́ пропаде́!...«

Затруси́лася вона́ и ста́ла нерухо́мо на при́слухъ зно́ву.

»Дити́на ду́же па́робка вподо́бала«, про́сить ма́ти: »неха́й же вона́ въ насъ щасли́ва́ бу́де!«

— Не на те́ я дочку́ ви́кохавъ,—грімнувъ ба́тько,—щобъ я ії пе́рвому пройди́світу мавъ одда́ти, яки́й тамъ ій въ о́ко впаде́!

»Чімъ вони́ не лю́де? И до́брі, й замо́жні; усі іхъ на пова́зі ма́ють.«

— За́ що поважа́ють? Хиба́ за те́, що зайшла́ вона́ невідо́мо чого́ та й осіла у селі чужо́му.

Зна́ли бъ лю́де... чу́лись би непоро́ки на іхъ, а то усі шану́ють... Ти самъ пе́рве зъ ни́ми захо́дивъ...«

— Я по усіхъ шляха́хъ би́тихъ блука́юся и бага́то люде́й набриде́шъ уся́кихъ, що на воро́та бъ свої не пуска́въ іхъ ніко́ли...

»Вели́ку ла́ску мині зроби́, послу́хай!«

— Го́ді!..

Ка́тря якъ скричи́ть, зарве́тця до ха́ти, — я ії за по́перекъ вхопи́ла, у сіни наза́дъ одки́нула....

— Що́ таке́? — пита́ ба́тько зъ ха́ти, біжи́ть ма́ти...

»Се ми йдемо́ въ бе́регъ по во́ду«, одкажу́ го́лосно. Та відра на коро́миселъ, та Ка́трю обіручки за собо́ю...

»Не жури́сь«, вмовля́ю ії, »не жури́сь! Мо́же ще ба́тько власка́витця — вінъ же тебе́ жа́луе!«

Якъ же нападе́тця на ме́не Ка́тря! »Куди́ се мене́ тя́гнешъ? Що́ на ме́не замишля́ешъ?«

Ажъ я сама́ тро́хи изляка́лася: »Та Богъ изъ тобо́ю, Ка́тре«, кажу́: »обміркуйся гара́здъ!«

Облила́ся вона́ слізьми дрібними.

— Коли́ бъ же я хоть *сю* поба́чила, своє́ се́рденько хоть тро́хи розвесели́ла! Хи́мо! біга́ймо у вели́кий га́й, — вінъ сего́дні у гаі де́рево руба́е.

»Біга́ймо«, кажу́, »утри́ся, не плачь!«

Вона́ тоді за́разъ обітерла очи́ці й побігли ми до га́ю, приховавши відра свої по-надъ ро́вомъ у буръяна́хъ.

До га́ю хоть близе́нько вида́ти, та дале́ко стриба́ти: розсу́дливі люди́ні на до́бру годи́ну ходи́, а ми перебігли не зупиня́ю-

чись. Чуємо вже — сокира цюкає и голосъ вітеръ до насъ заносить — пісні хтось співає.

»Се вінъ!« впізнала до-разу Катря.

Тутъ ми єго й побачили обидві заразомъ, ще оддалікъ....

Вже тоді вісень ишла; листъ червонівъ, жовтівъ, вянувъ и обсипавсь, и котючий вітеръ низався поміжъ деревомъ безлистимъ. Голосно и просторо стало округи, у свіжімъ гаю пахущімъ...

Бачимо єго, а вінъ насъ ще не бачить — співає. Катря припинилася. »Що вінъ таке співає?« спитáлася, вжахнувшися співу того: »що вінъ співає?«

— Послухаймо, — кажу, — то й почуємо... Ходімъ близче.

»Цить! постривай!« шепоче мині.

Стала за кущъ, та й слуха. Слухаю й я.

Чайченко обрублювавъ гільки зъ зваленого дерева, и кругъ єго зрубане деревьє и пеньки свіжі; надъ нимъ яснее та холоднее небо, грайливе сонечко. Недбало вінъ своєю сокирою блискучою цюкавъ, — задумався самъ тяжко, и тихо и сумно співавъ.

Оттака була єго пісня:

Співавъ вінъ, що любивъ колись щиро та вірно, а єму зрада сталась несподівана, — и вже повікъ нещасливий вінъ житиме; кохають инші — та до инщихъ серце вже не приляже, до нікого:

»Хоть яка ласкава, яка чорнобрива,
»Та не буде такъ, якъ перша мила!«

»Якихъ се ти пісень співаешъ?« покрикне крикомъ Катря, наче себе не памьятаючи.

Вінъ издрігнувся; швиденько схопивсь, кинувъ сокиру, взявъ Катрю за руку, — зновъ пустивъ, и зновъ сокиру піднявъ.

— Спасибі, — каже, — спасибі, що прийшла, а я не сподівався...

»Боже милий! якоі жъ смутноі ти співавъ! Яку ти *милу* згадувавъ? Була вже, либонь, *перша*, а я — *друга?*«

Вінъ такъ ніби трохи измішався.

— Лучче, — одмовляетьця, — лучче пожалуй мене, моя рибонько!

Вона румъянцемъ уся закрасилася, якъ те слово почула, — вона усе своє горе забула....

»Ні«, ка́же, »я зна́ю, що ти мене́ вірно любишъ, а я тільки пожартува́ла, — збачъ мині те́....«

Та й зно́ву, пере́скокомъ:

»А на що такі́ смутноі співа́въ? Проти чо́го співа́въ такі́?«

Тоді вже я зъ-за кущá озва́лась:

— Чи забу́ла, — кажу́, — голу́бонько-гуркотли́вочко, чого́ бігла сюди́?

»Ой, ли́хо жъ моé вели́кее! нещáстя моé!«

— Що ти ка́жешъ?—пита́ іі Ча́йченко, вклони́вшись мині. Усі ми посіда́ли на при́корню.

»Ба́тько за тéбе да́ти мене́ не хо́че!«

— Ма́е другóго зя́тя до руки́?... кого́ се? — пита́ вінъ, — та чу́дно мині те, що пита́ вінъ ні ве́село, ні жу́рно, на́че за хлібъ-сіль подя́ку склада́е.

»Кого-сь тамъ ду́мае на моé безголо́вья!« гово́рить Ка́тря, запла́кавши.

— Вже зя́ть нарекóваний!—ка́же тоді Ча́йченко.—Отъ воно́ що́! кра́щого знайшли́! Нічимъ втіша́тись та й наріка́ти ні що́; да́рмо жъ зъ сухо́і крини́ці во́ду брать...

Ма́біть за доса́ду ёму́ ста́ло, що тро́хи мовъ зневáжений зоста́вся... у́ста сти́снувъ и го́лову піднявъ го́рдо, и о́чи блискону́ли... Та все те потаівши у собі, ніби зъ упокóемъ по-ма́лу устае́...

— А тобі жъ якъ? Ти що́ ду́маешъ? — пита́ Ка́трі.

»На що пита́ешъ? на що моé се́рце кра́ешъ?« одка́же вона́.

— Та хто васъ зна́, хто й розбере! — промо́вивъ Ча́йченко гірко: — покоха́ете вра́нці, забу́дете ввéчері!

Заида́ла-запла́кала Ка́тря, а я проти ёго голово́ю хита́ю.

Вінъ тоді узя́въ іі за ру́ку.

— Не плачъ! ще ти молода́, ще твоя́ до́ля тебé дожида́е!

»Якъ? безъ тéбе? Хиба́ жъ ти кого́ ще покоха́ешъ? То ти й щасли́вий зъ другóю бу́дешъ?«

— Вже мині не було́ того́ ща́стя одвіку, та й повікъ не бу́де!... Проща́й, дівчино! бува́й здоро́ва й щасли́ва!

»Та що́ се ви«, говорю́ я, »та ви жъ ся́дьте, пора́дьтеся: якъ ёго́, що́ тутъ роби́ти, я́къ запобігти? — мо́же ще й ні за що бу́де на до́лю наріка́ти. Сіда́йте лишъ!«

Вони́ слухня́ненько коло ме́не посіда́ли; вінъ су́мно диви́всь,

вона́ жъ на́че усі шляхи́ погуби́ла, тілько усе́ до ёго бли́зче горну́лася.

Отъ и ста́ли ми ра́дитись.

»Не тре́ба ба́тькові докуча́ти слізьми«, кажу́. »Не тре́ба тепе́ръ до ёго й приступа́ти«

Ча́йченко усёго дослуха́е, скла́вши ру́ки.

»Я ба́тькові до нігъ упаду́«, нахваля́етця Ка́тря, послу́хавши мого́ сло́ва розу́много. »Якъ не відда́сть мене́ ба́тько за тебе́, я вмру!«

— Ти й до нігъ зажди́ упада́ти, — мо́влю ій, — и вміра́ти зажди́: мо́же ще й такъ перемежéнитця; а поки́ що (кажу́) не займа́й ба́тька, неха́й вінъ самъ тро́хи вгаму́етця.

»Та яково́ жъ отта́кечки й не зна́ти — чи мині жи́ти у світі, чи лежать у домови́ні? Ой ли́хо моé! ли́хо моé!«

— А ти ду́мала! Сé воно́, житте людьске́, сé воно́ й é: терпи́-терпи́, надійсь та сподіва́йся! — вивóжу Ка́трі.

»Або ще й сподіванку поки́нь, та жи́ви собі та́къ, якъ безъ не́і живе́тця!« дода́въ Ча́йченко. Зна́въ, ба́чте, па́робокъ, пора́дою втішити. .

— Розу́мний не стра́тить надії, — я ёму́: — тре́ба сподіва́тись жи́вши...

»Поки не зра́дють,« зновъ мо́стить вінъ.

А Ка́тря то́ді до ёго пригорну́лася. »О«, ка́же, »отсé я тебé зра́жу?«

Ажъ и вінъ на таке́ лю́бе слове́чко всміхну́всь.

— А намъ пора́ до-до́му, — нагаду́ю, — щобъ ча́сомъ не нажи́ти намъ собі ли́шенька!

»Иди́, Хи́мо, голу́бочко!« гово́рить Ка́тря. »Я ось тільки ще дві слові ска́жу, я тебé наздожену́.«

А сама́ мене́ виво́дить на сте́жечку.... Я пійшла́.... Що́ й каза́ти! Я ще підъ га́емъ чима́лу годи́нку трівáла тіхъ двохъ слівъ.... Та вже до́бре й те́ мині, що вона́ прийшла́ тро́шки спокійніша и веселішая.

Допа́ли крини́ці, та боржій, спо́внивши відра, додому побра́лись. Насъ перестрівъ батько....

»А до яко́і се крини́ці ходи́ли?« спита́въ.

— Ми ще й прогуля́лися собі тро́хи, — одка́зую ёму́.

Вінъ подививсь мині въ вічи и подививсь на дочку... А въ дочки слёзи хвилюють... »Батенько!« промовила.

И пішовъ собі, наче вінъ не завваживъ и не чувъ слова ії благащого...

VII.

Часъ иде, минаетця; ми ждемо собі кращого, бідкаемось, страхаемось. Батько не згадуе за Чайченка.

Зняла жъ бучу Пилипиха, якъ визналась батькова подія...

»Якъ«, каже, »якъ! Та чи жъ ти не рідна мати своій дитині! Чи не ти страждала, чи не ти ії згодувала? Нехай би такъ мене хто застувавъ передъ моімъ дитямъ! Я — мати, вільно мині ії за кого хотя віддати, чи за пана, чи за наймита, за того, хто мині до вподоби...«

Та ажъ тоді вона посварилась зъ нашою матірью, и довго до насъ не ходила.

А на селі весілля ладятьця та ладятьця; приходять до насъ, запрошують. Не гуляики у Катрі въ голові, та ходить, — надія, бачъ, така: — *его* тамъ побачить.«

Сіі осени и батько нашъ на всіхъ весіляхъ гулявъ... Помічаю я, що Чайченко ставъ більше до Катрі припадати: то було поперідъ вона его шука-шука, поки-то вінъ уявитця, а то вже самъ вінъ ії очима назорить міжъ дівчатами, и вмисне тоді до неі горнетця, якъ старий батько тутъ буде, — якъ-би его волю мавъ нехтувати...

»Голубе, голубе!« (думаю) »сёго тобі не перетенетити такъ, — шкода й заходу!..

Ну, батько нічого собі, — тільки дивитьця — не на Чайченка, а черезъ его голову, зъ-гори...

А Чайчиха й наша мати сидять, отъ-мовъ ті голубки сиві, що бачять, якъ іхъ гніздечко розношають....

На одному весіллю, Чайченко вже надто всміливсь: одъ Катрі мало-що и одступае... Мати вже у такій тривозі була, що забула й молодихъ привітати.

Першъ усіхъ гостей нашъ батько побравсь до-дому и намъ звелівъ сходить; а ще саме гулянинє, самі танці.... пішли ми до-дому; пішла Катря плачучи.

»На пла́чъ, Ка́тре! що́ помо́жетця?« вмовля́ю.

— То що? я пла́чу, а все я щасли́ва! щасли́ва, щасли́ва! Вінъ мене́ лю́бить и я ёго́ люби́тиму, поки́ мого́ життя́... неха́й ба́тько зна́е! хочь гору́ю, — я щасли́ва — неха́й и те́ зна́е!

»Ка́тре! кра́ще бу́де, якъ ба́тька не гніви́ти; лу́чче, коли́ въ Яковъ тихе́нько обхо́дивъ коло ёго. Ато́ жъ яки́й тала́нъ вамъ бу́де, якъ ба́тько не зглянетця... Уважа́й, яка́ ма́ти смутна́, та й у яки́й вона́ триво́зі... Не горни́сь ти вже та́къ до ёго — и дівча́та сміятимутьця зъ те́бе.«

— Неха́й сміютьця! Я ёго́ люблю́, я щасли́ва!

»А якъ ба́тько образи́вся, — якъ не пу́стить більшъ по весільляхъ ходи́ти — де́ тоді Якова поба́чишъ? У-ра́нці вийти заборо́ня́е, у-ве́чері самъ две́рі замика́е....

Обси́палася вона́ слізьми ще́ дрібні́шими.

— А таки́ я щасли́ва, — промо́вила. — Ей же Бо́гу моёму, щасли́ва!

Перего́домъ, зновъ насъ на весілля проха́ли. Мо́же й не пусти́въ би ба́тько, дакъ ро́дичі. Идемо́ туди́ усі вку́пі, та ажъ насъ у́лиця широ́ка ти́сне.... Прихо́димо. Зи́ркъ-зи́ркъ по ха́ті, по кімна́ті, по усіхъ кутка́хъ и за́куткахъ — бігма́ Ча́йченка.

»Ще ра́но, ще вінъ при́йде!« ка́же Ка́тря.

Ждемо́, та дожида́емо — нема́. Вже пізно уступи́ла стара́ Ча́йчиха. Ка́тря тільки ії зу́спіла, у-ра́зъ опини́лась біля своёі ма́ми: зна́е, що Ча́йчиха вже не мине́. Чи Ча́йчиха не оба́чила — сіла вона́ собі оддалікъ. На́ша ма́ти сама́ до не́і добра́лась — сіла. Сидя́ть мо́вчки. И Ча́йчиха и на́ша ма́ти неспокійні, бачу́. Отъмовъ и хо́чуть спита́тьця, та не зва́жутьця; хо́чуть говори́ти, та не зміркуютьця. А Ка́тря такъ и кипи́ть у підже́ді тому́. Зна́е те́ на́ша мату́ся,— ди́витця на Ча́йчиху любе́нько-жалібне́нько, а Чайчи́ха на свій по́ясъ доглядаетця, та й ка́же: »Які́-то тепе́рки поясй тчуть, моя голу́бко!..«

— Чому́ вінъ не прийшо́въ? чому́? — ви́мовила Ка́тря сама́, ма́тері не дожида́ючи — своёі, — чужо́і не соро́млячись.

»Ка́тре!« дорікну́ла ма́ти. »Охъ! моя дити́но!«

А Ка́тря й не чу́е: — Чому́ не прийшо́въ? чому́ ёго́ нема́?

»Не зна́ю, не зна́ю, моя кра́со! Вінъ каза́въ мині — бу́де... а нема́!.. ма́біть, прити́чина яка́... я ёго́ поспита́ю... я тобі скажу́...«

Та́кеньки стара́ Ча́йчиха слова́ми міша́етця, и зупиня́етця, и перехо́плюетця — що́'тсе таке́?

Да́лі вже ка́же, що Яковъ дожида́въ яко́гось чоловіка до се́бе, — якісь воли́ на спро́дажъ нахо́дятьця... »того́ вінъ и не прийшо́въ, ма́біть.«

Не-въ-заба́рі вона́ похвати́лась до-до́му и пішла́.

Ми ще було́ по весілляхъ, а Ча́йченка — якъ пійма поняла́ — нема́, ніде́ не буває. Ма́ти ёго́ хо́дить, и — то вона́ ска́же, що вінъ нездужае, то ска́же — до́ма ёго́ нема́. Сама́ вона́ журна́ ду́же, а Ка́трю вговоря́е: »Не печали́ся, дити́но, не печали́ся! Пере́йде лиха́ годи́на и го́ре перебу́детця, то й поберетесь!«

Ма́ти те́ жъ Ка́трю свою́ жа́лує: »Лу́чче, до́ню, якъ вінъ не попада́ется ба́тькові на о́чи — ба́тько не гніви́тця, — а тамъ, мо́же Госпо́дь дасть, стари́й мій и пого́дитця.«

— Неха́й же я ёго́ поба́чу, хоть на малу́ хвили́ночку, — блага́ла Ка́тря, — неха́й вінъ хоть село́мъ про́йде, а я поди́влюсь на ёго зда́лека!

»Зажди́, зажди́, не мо́жна!« одмага́лася Чайчи́ха. »Зажди́, зажди́, не мо́жна«, про́сить ма́ти.

Ка́тря, хочъ смуту́е, хочъ пла́че, а слу́ха, — сподіва́етця добра́ ще́...

Одного́ дня увійшо́въ стари́й у ха́ту весе́лий: »Чи не бу́де снігу«, ка́же: »тамъ такі білі хма́ри дра́глють.«

Стара́, дивлячи́сь на ёго, насмілилась:

— А що́, мій го́лубе, — вимовля́е любе́нько, — що́ ти ба́чивъ? що́ чувъ?

»А що́ я чувъ? на́шу Ка́трю сва́тають.«

Тімъ сло́вомъ сполохну́въ насъ усіхъ: хто сидівъ, — схопи́вся; хто стоя́въ, — у куто́чокъ горну́всь....

— А хто́ жъ сва́тае? кого́ намъ Го́сподь посила́? — пита́е ма́ти, ле́дві го́лосъ зво́дячи.

Ка́тря біло збіліла.

»А стари́й Ше́ляхъ за свого́ си́на Дмитра́ сва́тае. Се жони́хъ! Се не лічозіръ, не пройди́світъ яки́й-не́будь, се хазя́інъ до́брий, що́ зъ срібного ку́бка своіхъ госте́й почасту́е.«

— Що зъ тіхъ ку́бківъ, якъ по́вні слізъ! — мо́вить ма́ти.

»Гмъ!« Більше не сказа́въ нічо́го, тільки́ придиви́вся на не́і пи́льно. Вона́ слёзи свої ни́шкомъ втира́ла — хова́ла.

»Я собі бъ кра́щого зя́тя самъ не шука́въ«, зновъ ба́тько озва́вся; — насу́нувъ ша́пку, та й зъ ха́ти ви́йшовъ.

Ма́ти усі ду́мки припла́кали: »що́ ёго́ роби́ти, и що́ ёго чини́ти!«

Ка́тря ажъ бі́лі ру́ки ла́мле....

Якъ на ту жъ пеню́ — и стара́ Ча́йчиха не завідае насъ, и Пили́пиха се́рдитця: нікому пора́ди да́ти, нікому разва́жити... А того́ лю́бого якъ запа́въ слі́дъ, то й запа́въ...

Ма́ти почали́-були́ Ка́трю умовля́ти: »покори́сь ба́тькові, до́ню,— покори́сь, дитя моё!«

— И вы вже, ма́мо?... Безтала́ннечко жъ моё!.. — побива́етця Ка́тря...

»До́нечко ми́ла! кого́ жъ ли́хо мине́? Жи́вши у світі, ёго́ не втече́шъ, — ко́жне одбува́... Що́ жъ, якъ ти ба́тькової ла́ски одпаде́шъ, а той, мо́же, одцура́етця...«

— Вінъ одцура́етця? Мо́же и я ёго занедба́ю! — Та и засмія́лася... Хотіла я ій тоді сказа́ти, що вже й тепе́ръ тро́хи на те́ похо́дило, що вінъ цура́етця, та жа́лко мині ії ста́ло... И ма́ти за се́ більшъ нічо́го не змо́вила, — зітхну́ла важе́нько, та ста́ла зновъ ії проха́ти: »кори́сь, до́ню, ба́тькові!« — Неха́й же я лу́чче вмру! — Якъ ма́ти не пла́кали передъ не́ю: — Або́ я вмру, або́ за нимъ бу́ду!

Давне́нько ми вже Мару́сю не ба́чили, то за го́ремъ своімъ, то за сва́ркою тіе́ю межи́ стари́ми, та й Мару́ся на́че хова́лася: зъ ха́ти, сливе́, не вихо́дила

»Ходімъ«, кажу́ Ка́трі, »ходімъ до Мару́сі; що́ намъ, що старі посвари́лись — ми того́ не зна́емо; ми собі зъ не́ю у трійзі пора́димось.«

Мару́ся сиди́ть — ши́е; удови́ не було́ до́ма.

»Мару́сю! Мару́сю!« гово́рить Ка́тря, »прийшла́ я до те́бе свою́ ту́гу розділи́ти, та зна́ю, що й ти мене́ осу́дишъ, якъ моё сло́во почу́ешъ!«

— Сядь, Ка́тре, та роскажи́, — ка́же Мару́ся.

»Ба́тько мене́ за *ёго* не дае́, — зна́ешъ? За нелю́ба мене́ вже тепе́ръ прибіра́е. А я, Мару́сенько, хочъ и ба́тька й ма́тіръ, то я для *ёго* поки́нула бъ — не пожаліла... Що́ мині те́е? Неха́й ска́же — я за імъ на край світа піду́! Піду́ та й не огля́нусь разу́! Мині нічо́го не тре́ба: неха́й и́ншимъ роско́ши, и́ншимъ неха́й доста́тки, — мині неха́й життє изъ нимъ вку́пі!«

Не зво́дячи очей, промо́вила Мару́ся: — Бо́же вамъ поможи́, Ка́тре!

Зуми́лася жъ я! »Мару́сю!« покли́кну. »Се ти́? та́я покірлива?..«

— Голу́бко моя́! сестри́це! — обийма́е ії Ка́тря, рида́ючи. — Ти мене́ не су́дишъ?

»За що́?« сти́ха пита́е Мару́ся. »А ти жъ ёго́ лю́бишъ?«

— Та́къ лю́блю, що й не ви́мовлю! А на ме́не усі напада́ють-ця! хо́чуть, щобъ я ёго́ поки́нула! Мару́се! якъ би ти́ люби́ла?

»Я бъ не поки́нула.«

Я все чу́ю, та віри не йму́. — Мару́се? чи се ти́ гово́ришъ? — кажу́. А ма́ти твоя́ якъ би́ почу́ла?

»А що́ жъ? якъ би́ я люби́ла, то вже мині нічо́го не стра́шно; и ніко́го бъ я не боя́лася — тільки́ того́, кого́ люби́ла...

— Ти моє се́рце розвесели́ла, Мару́сечко! — дя́кує Ка́тря. — Ду́же вже мині було́ ва́жко.... хоть мене́ ніхто́ не переу́мить, та слова́ тіі мене́ обража́ли.... Спаси́бі тобі, Мару́сенько, га́лонько!

Мару́ся ій осміхну́лася. »Ні за віщо дя́кувати«, згомоніла: »я пра́вду свою́ тобі кажу́.«

VIII.

У пе́ршу жъ таки́ неділю по сёму, до насъ свати́ въ ха́ту одъ Ше́ляха. Приняли́, пошанува́ли. Дя́кує за ла́ску ма́ти, ту́гу свою́ та журбу́ перемага́ючи, — а ба́тько гово́рить:

»Я собі кра́щого зя́тя не жада́ю, пано́ве ласка́ві! Та тре́ба дити́ни запита́ти.«

Вкли́кали Ка́трю. »Ка́тренько!« кажу́ ій ти́хо, »роздумайся до́бре!« Вона́ мовъ и не чу́е. Уступи́ла до ха́ти біла, а сміла, необо́рняя — хочъ тутъ вміра́ти.

Пита́е въ не́і ба́тько: чи пійде за Дмитра́ Ше́ляха? та пита́ вінъ я́кся ласка́во и грізно....

»Я па́робку ганьби́ не даю́, и піти́ не піду́!« одказа́ла Ка́тря чи́сто, якъ ви́співала.

Поклони́лися свати́, — ти́хо та го́рдо геть ви́йшли зъ ха́ти.... Ми не ворухнемо́сь; Ка́тря стоіть.... Ба́тько не промо́вивъ сло́ва, ви́йшовъ и собі зъ ха́ти....

Пла́че ма́ти, очей не су́шачи. Стари́й не вспомина́етця про сва́тание, мовъ ёго́ не було́; а насъ на́че не ба́чить передъ се́бе: хто увійде — не огля́нетця; хто озве́тця — не слу́хае.

А Ча́йченка того́ нема́ та й нема́!.. И ма́тері ёго́ не ви́дно... Вже Ка́тря сама́ до іхъ бігти зарива́лася — дакъ ма́ти впиня́ла.

»Коли́ вже ти мене́ не послу́хаешъ, до́ню, то Богъ изъ тобо́ю: роби́ тоді, якъ ти сама́ зна́ешъ, а я вже ба́тька не проси́тиму.«

— До́бре, до́бре, ма́мо! поки́ньте мене́, занедба́йте... Тільки пустіть до ёго!..

»Ні, не пущу́, до́ню! Я тобі на поро́зі ста́ну, не попущу́ йти!.. Не годи́тця!«

— Я втечу́ одъ васъ! — озива́етця Ка́тря. — Я або́ втоплю́ся, або́ що! Я такъ жи́ти не здолію!..

»А *вінъ* же якъ?« и́нколи спита́ ії Мару́ся, слу́хаючи того́ нарі́ка́ння. »А якъ ти *ёго́* зажу́ришъ?.. Те своё го́ре ти не пести́ та́къ; яково́ *ёму́* тепе́реньки — ти не помисля́ешъ... Ти для ёго перетрівай усе́, по́ки ба́тька вблага́ешъ.«

— Та коли́бъ же хочъ на *ёго* гля́нула! хочъ до ёго промо́вила! Неха́й тільки бъ сказа́въ, що́ мині роби́ти! Неха́й вінъ мене́ въ ого́нь пошле́ — я піду́... Чому́ жъ бо вінъ не йде́ идо́сі! Хиба́ вінъ мене́ поки́не?

»Коли́ не йде, то, ма́біть, такъ тре́ба, Ка́тре! А ти вихоми́рся та жди... Та, мо́же, ма́ешъ що ёму́ переказа́ти, за́разъ, нега́йно... Перекажи́ черезъ ме́не: я хоть и схожу́ до іхъ.«

— Ти?... А ма́ти твоя не пу́стить тебе́?

»Піду́. Говори́ — що́ сказа́ти?«

— Ти скажи́ — що я пропада́ю, що жива́я ги́ну!

»И на́ що отаке́ ёму́ говори́ти? Лу́чче неха́й вінъ почу́е, що ти ёго́ вірно лю́бишъ, що ти ёго́ бу́дешъ дожида́ти, що бу́дешъ ба́тька блага́ти...«

— Неха́й би вінъ зна́въ, яку́ я му́ку терплю! Скажи́ ёму́, що бъ усе́ вінъ ки́давъ, щобъ ишо́въ мене́ одвідати... ба́тько не зна́тиме... а хочъ дозна́етця, гіршъ, ма́біть, вже не бу́де...

»На́ що таке́ каза́ти, Ка́тре?« зновъ ій Мару́ся: »хиба́ жъ ёму́ й такъ не ва́жко?«

— Ну хоть скажи́, що та́къ я ёго́ коха́ю, якъ свою́ ду́шу; що я журю́ся...

Того́ жъ таки́ дня, Мару́ся ка́же: »Піду́ я, ма́мо у Любчики!« Пили́пиха ду́же подивова́ла, да не борони́ла... Вже якъ Мару́ся вихо́дила, убра́вшись, — вона́ запита́ла: »Чого́ се ти у Любчики?«

— Піду́, ма́мо, прогуля́юся.

»Иди́, до́ню.« Сама́ ії за воро́та провела́ та то́ді вже у-слідъ, схамену́лась, покри́кнула: »Не бари́сь до́вго, Мару́се!«

А Ка́тря, ско́ро ви́проводила Мару́сю за сло́боду, то вже й ждать почала́ — коли́ при́йде; — перенялі́ ми ії ще на доро́зі.

»А що́? ба́чила? бу́де? Що́ каза́въ? Коли́?«

— Тре́ба тобі, Ка́тре, ще потріва́ти... — ка́же Мару́ся.

»Вже не си́ла моя́ тріва́ти! Такъ вінъ не при́йде? По що́ жъ ти ходи́ла? Чому́ вінъ не при́йде? Що́ каза́въ?«

— Ду́же вінъ печалови́тий що́сь, — гово́рить Мару́ся.

»Печалови́тий?« покри́кне Ка́тря. »Коха́ний мій! Сама́ такъ слізьми́ й розлила́ся.

»Я піду́ до ёго сама́«, ка́же, »піду́, — хочъ неха́й мене́ по́тімъ живу́ заму́чять, — я піду́!«

— Вінъ велівъ, щобъ ти не прихо́дила...

»Не прихо́дила? Якъ-то — не прихо́дила? То́ ти, ма́біть, не вчу́ла! Хиба́ бъ я тепе́ръ зва́жилась на ёго сказа́ти, щобъ не прихо́дивъ, хоть би й сме́рть мині за плечи́ма по то́му?«

— Проси́въ тебе́ не прихо́дити, Ка́тре; а ти, якъ ёго́ любишъ вірно, то послу́хаешъ.

»А вже жъ я ёго́ послу́хаю!..«

И до́вго вона́, по то́му сло́ві свое́му, пла́кала — си́дючи край доро́ги.

Тільки ба́чу, Мару́ся щось такъ, якъ не домовля́е: то у зе́млю о́чи спу́стить, то щось у ду́мці ма́е собі... Якъ ви́лучилася мині годи́нка, ни́шкомъ побігла сама́ до не́і.

»Мару́се!« кажу́, »щось мині той Ча́йченко не пе́венъ!«

— Якъ-то? — пита́е.

»Не любить вінъ Ка́трі щи́ро! Чи я жъ не пра́вду кажу́? говори́!«

— Та я не зна́ю, Хи́мо! — одка́же мині, розду́муючись.

»А я дакъ зна́ю, що ти Ка́трі росказа́ла не все. Аже́ не все?..»

»Ні, не все́.

»Кажи́ жъ мині усе́.«

— Та вічо́го, Хи́мо! Я що́ тамъ чу́ла, одъ Ка́трі не потаіла, а се, бачъ, въ ме́не мої ду́мки...

»Дарма́! роскажи́ тії ду́мки свої!«

— Отъ, якъ прийшла́ я туди́, — роска́зуе — мене́ стріла ёго́ ма́ти, та смутна́ така́, Го́споди ми́лий! А якъ я сказа́ла, чого́ я прийшла́ — вона́ запла́кала си́льне... Нічо́го й не одмовля́ла вона́ на мої слова́, тільки усе́ пла́кала... Уступи́въ и вінъ у ха́ту... Десь вінъ, Хи́мо, самъ у вели́кихъ ми́сляхъ, у скорбо́ті... Такъ змарнівъ на виду́.... Я говорю́, що мене́ Ка́тря присила́е — и здало́ся мині, — чи то такъ, мо́же, здало́ся, — що вінъ, почу́вши, не обрадівъ... Не ка́же мині свого́ сло́ва, не пита́ мене́... Тоді вже я сама́ усе́ переказа́ла, и що Ка́тря хотіла сама́ до ёго прийти́; а вінъ за́разъ похопи́вся: »неха́й не прихо́дить вона́, ска́жіть ій, будь ла́ска, — неха́й вона́ не прихо́дить!« Вклони́вся мині та й зъ ха́ти пішо́въ...

»А стара́?« пита́ю.

— Посто́яла я тро́хи, та й беру́ся йти́ до-до́му; тоді вона́ мині, пла́чучи, зговори́ла: »Дівчино-ла́стівко!« ка́же, »вели́ка ту́га на моёму се́рденьку, та, мо́же, ще до́ля на насъ изглянетця... перекажи́ 'тсе Ка́трі — щобъ вона́ такъ не вбива́лася; ще, мо́же, усе́ на до́бре ви́йде...« Та я й пішла́...

»Що́ 'тсе тамъ у іхъ — та́йности? Щось непе́вно... Чи не довести́ сёго́ Ка́трі?«

— То що́ жъ ми ій дово́дити ма́емо, коли́ не зна́емъ сами́ гара́здъ, — ка́же Мару́ся.

»Та я вже зна́ла, що Ча́йченко не лю́бить щи́ро Ка́трі; неха́й же й вона́ ввідае. Коли́сь таки́ ся пра́вда справди́тця, — лу́чче неха́й тепе́ръ. Скажу́ ій, та й го́ді! А чи пойме́ жъ віри вона́ мині? Та й чимъ мині довести́? И якъ тогді вона́ прийме?.. Якъ би на ме́не, то пра́вда гірка́я кра́ще кри́вди солодкоі, — воно́ й здоровішъ до то́го, — та не всі жъ бо таку́ вда́чу ма́ють.«

Ду́мала я й передумувала довге́нько собі... Ні таки́, я ій скажу́!.. Я таку́ часи́нку ви́гадала, якъ вона́ не пла́кала, а вже по слёза́хъ, втоми́вшися, сиділа собі ти́хо. »Ка́тре!« кажу́ ій: »чи ти́ зна́ешъ пе́вно, що Яківъ тебе́ лю́бить?«

Вона́ гля́нула на ме́не, якъ на дити́ну малу́, — осміхну́лась.

»А що́«, кажу́-таки́, »якъ вінъ тебе́ та поки́не?«

Вона́ ще веселішъ до ме́не засмія́лась.

— Ти ще нічого не розумієшъ! — промовила.

»Може розумію краще, ніжъ ти«, говорю ій: »збоку усе вбачаетця виднiше!« Звожу на очи ій чимало такихъ, що любили, та й покинули; що покинули, та ще й насміялися; инші вишукують того кохання такъ, аби замутитьця; а є й такі, що вимагають щирости, нескажи для того тільки, щобъ зоставити повікъ нещасливими ймовірнихъ!.. Усе світове я ій довожу гарно, беруся розсудливо, якъ могучи, — та шкода мого розуму клопітного! Якъ хто кого любить, то любивий — и найкращий у світі и все вже добро відъ ёго. Не думки намъ, що робить вінъ, якъ и инші люде, — не гараздъ; а така думка, що нехай люде ёго робомъ роблять, то усе добре буде. Такъ-то мині Катря одмовляла, що ій роскажу — яку зраду — вона й одмовить: »я бъ и зъ-роду такого не кохала паробка!«

»А чому твій Яківъ самъ не йде, и не хоче щобъ ти приходила?« Чому ёго мати хочъ не навідаетця?«

— Се вінъ знае; вінъ мині скаже.

Я вже тоді и доводити ій и говорити годі. Коли бъ вона хочъ розсердилась за що небудь, а то приймае мої речи такъ, наче я ій кажу, що Чайченко птахъ, а не паробокъ, — и зъ мене ще вона сміетця: »нічого не розумієшъ!«

У хаті у насъ несогласка, сумъ. Батько хмурий ходить, мати плаче та журитця... Катря за своею тугою, та за коханнемъ, то й не зважала на материну журбу.

»Матусю! годі вамъ плакати! Або ви Катрі не потурайте, або не плачте вже!«

— Вамъ, скоримъ оттакимъ, лучче у світі, — одкаже смутно: — ви собі, якъ вже покладете — этакъ буде!« та й ведете до того. А я, нещаслива, я не знаю, що мині першъ діяти: не гарно Катрі потурати, та жалко и впинять — якъ я згадаю, якъ вона, моя голубка, побиваетця! Химо, моя дитино! хто ёго й зна, що тутъ и краще! Тутъ Катря моя гине, а тутъ чоловікъ скипаетця проти мене, — вже й на очи не хоче приймати...

Окромъ Шеляха, ніхто ще Катрі не сватавъ; а Шеляхъ, того жъ такі тижня, якъ Катря імъ згордувала, засватавъ другу дівчину, та й одруживсь. Та, було, приберe свою молоду жінку, мовъ тую крамарку багату, — тамъ-то намиста дорогого, тамъ-то дукачівъ; а сама жінка манёнька, коротесенька, та ажъ пих-

че підъ тими убраннями, — а вінъ усе її мимо нашихъ віконъ у свято провадить — самъ у такій шапці, якъ решето, у поясі шовковому, червоному, що ажъ очи въ себе бере. Иде, та поверхъ нашої хати поглядає: »що 'тсе таке стоіть, що я его добре не бачу?« такимъ, було, поглядомъ поглядає.

Пізно підъ вісень, того року, побрався нашъ батько у дорогу. Якъ виходивъ: »бувайте здорові!« промовивъ усімъ намъ загуртъ, та й пішовъ... Ми за імъ идемо, проводити его за слободу. Стали мати гірко плакати, — вінъ трохи зупинивсь и говорить: »ви собі робіть, якъ знаете; кохайтеся, коли вхітні, — а я на своему слові стану: я за Чайченка дочки не 'ддамъ, поки живъ. Бувайте здорові!« Підняв противъ насъ шапку, та й пішовъ дорогою, — а ми у слідъ его дивимось стоімо, якъ холодомъ прибиті.

»Катре! Катре! дитино моя!« вимовила мати: »въ яку се годину ти закохалася! Господи світе! Пішовъ, ледві попрощався — коли се бувало?« Дивилася за батькомъ, виливаючи слёзи, а вінъ усе далі, та й за гору зайшовъ, тілько ще чули, якъ гукавъ: »гей! гей!«

Ще дослухалися-стояли, та вже тихо — додому тоді повертали: »Катре!« питае мати, »чого задумалася?«

— Я хочу Якова бачити!

»Ой, дитино моя! Чи не чула, що батько казавъ?«

— Я хочу Якова бачити!

Не тужила вона, не плакала, и на все, що її прохала мати и зупиняла, и жалувала, — на все вона одмовляла: »я хочу Якова бачити!«

IX.

»Катре!« говорить мати, »нехай я лучче сама піду туди, — сама за все розвідаю...«

— Ні, мамо, ні! Чи таки ви сами не бачите, що мині не до жданківъ, не до обітниць... Не збороняйте мині, мамо! Я не послухаю васъ... я нещаслива — я на все піду...

Побралися ми у Любчики, не гавявши часу. Намъ важко було, а Катрю обняла якась радість божевільна: усе вона позгадувала, и балакала не стихаючи. Спомьянула, якъ ми були на вхідчи-

нахъ у Ча́йченка, якъ танцюва́ла въ Бу́лаха на весі́ллі, пригада́ла знако́михъ дівча́тъ Любчі́вськихъ и паробківъ, усі жа́рти и ви́гадки весе́лі на́ші, — отъ, ніби-то вона́ була́ десь у тісні́й, зе́мній нево́лі, та се ви́зволилася, и зновъ ийме́тця ій на життє весе́ле и лю́бе, и забіга́е вона́ вже ду́мками поманли́вими...

Уступи́ли ми спе́рву до своє́і ро́дички; зраділи намъ, прийма́ють. Въ ха́ті у іхъ усе́ такъ, якъ и було́, ти́хо та суми́рно. Чоловікъ іі привітний, сама́ весе́ла та спокійна. Вінъ вже са́ни ладна́, вона́ кожухи́ перегле́жуе: до́бра імъ о́сінь була́, до́броі и зіми́ сподіва́ютця... Здоро́вий величе́нний кітъ му́рий, на со́нці потяга́ючись, мру́кае — зъ свого́ до́брого талану́; воли́ високоро́гі полови́і ди́влютьця зъ за́городи у двіръ пова́жно; бі́лиі гу́си поспіша́ютця на во́ду зъ гори́; а чорноря́бі каченя́та, кря́каючи, у двіръ садко́мъ беру́тьця; ку́рі розноне́рі по усёму́ дво́рищу розбрили́ся, а пі́вні не вгамо́нні кукурі́кають, місто вихваля́ютьця. Садо́къ вже безли́стий, а не пусти́й, добіля́ютьця поло́тна, розсте́лені по землі, и нитки́ розві́шани по де́реві; су́шятьця на со́нці грушки́ й я́блука на тичка́хъ тоне́нькихъ; у горо́ді гурки́, на насі́ннє зоста́влени, жовтіють, та гарбузи́...

Ста́ли ма́ти проща́тися, бо вже́ Ка́тря давно́ коло́ двере́й стоя́ла, а ро́дичка про́сить: — погуля́йте ще въ насъ, та погуля́йте!

»Та я хо́чу ще Ча́йчиху навідати«, ка́же ма́ти.

— Іі жъ до́ма нема́е.

»Де́ жъ вона́?« спита́ли ми усі, а Ка́тря голосні́шъ одъ усіхъ.

— А поіхала у Хмели́нці ще позавчо́ра, до си́на.

»А синъ чого́ тамъ?«

— Хто́ ёго зна́е! Вінъ вже давне́нько все тиня́етця десь... На́ші лю́де ёго́ ба́чили въ-оста́ннє у Хмели́нцяхъ, а се́ и ма́ти поіхала туди́ до ёго́; вони́ жъ сами́ зъ Хмели́нцівъ, въ іхъ тамъ якісь ро́дичі...

И хати́ бі́лі й хазяі́ ми́лі — немо́въ пи́ломъ припа́ли, по тій нови́нці, для насъ. Слу́хаемо, якъ вони́ роска́зують та хва́лютця и життємъ и людьми́; та хто́ жъ не зна́, якъ то слу́хати легкі ре́чі безнапа́стного щасни́ці, при своій лихій годи́ні? Се якъ тя́жкнеду́жому припада́ють па́хощі весняні, що й хо́роше дочува́ти іхъ, и то́млють на-уміръ...

Пішли́ ми собі до-до́му, а Ка́тря зверта́е до Ча́йченковоі ха́-

ти; схили́лася на тинъ и подиви́лась у ти́хий та пусти́й двіръ, блідá самá, якъ хýстка.

»Зáвтра я зновъ прийдý«, промóвила нáче самá до сéбе.

Тільки ми трóхи вийшли за селó, на перехрéсний шляхъ, на-вперéйми намъ чоловікъ вóзомъ идé, воли́ поганя́е — зáразъ ми впізнáли Михáйла Иванéнка: якъ ёгó не пізнáти? Дýже бувъ біля́вий вóлосомъ, а засмáлений вітромъ, опáлений сóнцемъ — то брóви й усъ нáче впнóмъ поняли́ся. До-тóго, висóкого зрóсту, кощáвий, похіпливий, жвáвий... Сей Иванéнко на-пропáле закохáвся у ярмаркáхъ, у кýплі та въ продáжі: чи засівáвъ пашню: »се повезý у я́рмарокъ!« чи жавъ, чи косивъ, чи вигодóвувавъ щó: »бýде чімъ поярмаркувáти!« Чáсомъ вінъ, булó, й втрáтитця здóрово, а стáнуть ёмý тé довóдити: »то щó, що втрáтився! абú свіжа копійка!« Жінка ёгó горувáла за нимъ: якъ одружи́вся, то вінъ вже трéтю хáту се перепрóдавъ. Якъ немá ёгó, то все жінка жаліетця людимъ: »Які хаточки́ були́ придóбні, які слáвні — поспрóдувавъ; тепéръ опоряджáю сю хáту, та й сю, мáбіть, продáсть; менé не жáлуе, літъ моіхъ не вважуе!« А якъ вінъ дóма гостю́е, то зновъ вонá, якъ не жадá посвари́тися — не мóжна изъ нимъ свáрку зачепи́ти. Вінъ ій привезé и очіпокъ, и серéжки, и хýстку зáвсіди; вінъ свою кýплю такъ крáсно покáже, а продáсть — дóбре, тáкеньки слóвомъ передъ жінкою примінитця, такóго ій новинóкъ нароскáзуе, — а булá жінка цікáва зъ цікáвихъ, — що вонá ёгó слýхае та й заслýхаетця, — та тóді тумáнъ спадé, якъ вже вінъ зновъ зъ дóму ви́хопитця куди́ у я́рмарокъ.

»Звітки Богъ несé?« питá мáти Иванéнка...

— Зъ якóго я́рмарку? — кажý.

Кáтря идé попéреду, не слýха, тільки́ вклони́лась Иванéнкові, мáючи звíчай.

»А се«, кáже, »бувъ у Зáйчикахъ, бувъ у Лебедівці; у Хмели́нцяхъ бувъ...

— Дéсь-то вже я́рмарокъ дóбрий у Хмели́нцяхъ, перехопи́ла мáти, отъ и Чáйчиха туди́ поіхала, — не бáчили ії?«

— Дé то вже не бáчивъ! Хóдить и вонá по я́рмарку, мовъ грóши загуби́ла.

»Чогó жъ се такъ? Тамъ же вони́ зъ си́номъ?

— А синъ хóдить якъ прóбу рóзумъ загуби́въ. А гáрна удовá веселіе, що загýблене знайшлá.

»Яка́ удова́?«

— Хоро́ша, молода́, свіжа... Отъ, коли́ бъ таки́хъ та спро́дувати, чи купля́ти, — були́ бъ торги́, кажу́ вамъ...

»Чи не зна́ете, якъ вона́ на имья́ прозива́етця?«

— Вбача́ючи, — ка́же, — ди́во, та не спита́ти, звітки взяло́ся?« Вона́ Терни́чихою прозива́етця.

»Чи жъ Ча́йченко ії сва́тати хо́че?«

— Тамъ іхъ залётчиківъ біля́ не́і тако́го, що́ за де́нь не перевішаешъ; — хто́ сва́тае, а хто́ візьме — се-то вже вона́ зна́е.

»Буває́йте здоро́ві!«

— Щасти́ Бо́же!

Ка́тря нічо́го того́ не чу́ла...

»Бо́же мій, Бо́же вели́кий!« промовля́ла мати зъ жа́лемъ, идучи́ доро́гою: — »Бо́же мій до́брий!«

Ду́мали-ду́мали, я́къ ёго́ лу́чче Ка́трю завісти́ти про те́, що чу́ли, та порівня́вшись, про́сто усі́ю пра́вду ка́жемо. Ма́ти пла́че та вмовля́е: »не жури́сь«, та про́сить: »забу́дь!«

»На́ що мене́ дури́ти«, гово́рить Ка́тря зъ сму́ткомъ.

Ми присяга́емось, що чу́ли одъ Ивене́нка.

»Го́ді! го́ді вже!« тільки одмовля́е.

Якъ у ха́ту, увійшла́, припа́ла на ла́ві, схили́вшись на поку́тне віко́нечко — ди́витця, та ду́мае; а тамъ якъ звела́ся — блі́да, блі́да!

»Що́ тобі, Ка́тренько, що́ тобі?«

— Нічо́го! я поду́мала: що́, якъ би тому́ пра́вда була́, що вінъ и́ншу покоха́въ... я тільки поду́мала, я віри́ не йму... и не ня́тиму...

На дру́гий день вона́ таки́ зновъ пішла́ у Любчики; була́ и на тре́тій... Що́ ма́ти говори́ла, свари́лася — не слу́хала... усе́ вона́ собі ду́мала и часте́нько на виду́ блі́дла...

На за́втрий день вона́ зновъ у Любчики, и на поза́втрий — що-дня́ йде. Коли́, було́, я за не́ю піду́ собі — вона́ мене́ и не завва́жить на́че; а заговорю́ до не́і: »го́ді, го́ді!« перехо́пить мене́... У Любчики увійде (я вже, було́, усе́ веду́ ії по-підъ горо́дами, якъ изъ не́ю, по́тайно), при́йде до Ча́йченковоі ха́ти, подивитця на двері позачи́нювані, на вти́хлий двіръ, посто́іть та й додо́му верта́етця...

X.

Одно́го ра́нку Ка́тря вже убіра́лася йти у Лю́бчики, коли́ сама Ча́йчиха до насъ у ха́ту. Усі ми та́кеньки до не́і й ки́нулися...

Сіла́ стара́ на ла́вці, пита́е, що́ въ насъ, чи все гара́здъ, чи все до́бре. Я на не́і дивлю́сь — зма́рніла вона́ чого́сь ду́же за той часъ, що ми її не ба́чили.

»Та не такъ-то до́бре«, одка́зуе ма́ти, »я́къ би се́рденько моє жада́ло!«

— А що́ стари́й ка́же про діто́къ на́шихъ? Чи вінъ коли́ надъ ни́ми власка́витьця?

Ка́тря, що все коло́ не́і сиділа́ та трепета́лась, при сімъ сло́ві якъ ки́нетця, якъ обхо́пить її рука́ми, якъ зарида́е: »де́ вінъ? де́ Яківъ?« ви́мовила.

Стара́ її жа́луе, — гово́рить, що вінъ ху́тко бу́де до не́і, що здоро́вий... Ма́ти взяла́ Ка́трю за ру́ки, я дала́ води́ці...

»Коли́ бу́де вінъ, ска́жіть ми́ні!« про́сить стару́ Ка́тря.

— Та за́втра въ ране́нько прийшо́въ, коли́ бъ не ба́тько твій...

»Нема ба́тька!«

— То ране́нько при́йде.

»За́втра ране́нько!« ви́мовила Ка́тря, обня́ла го́лову свою́ и ва́жко зітхну́ла.

— А що́ жъ ба́тько вамъ ка́же? — пита́ Ча́йчиха, — що ка́же вінъ?

То́ді їй ма́ти усе́ й росказа́ли... Якъ сплесне́ Чайчиха рука́ми, якъ запла́че! »Го́споди ми́лий! за що́ моє́му дитя́ті ща́стя нема́!«

Ма́ти, сама́ у слізахъ, поглядае на свою́ Ка́трю, та промовля́е: — го́ді! що́ се ви!

»Вже довіку бу́де до́ля его́ гірка́! Се та́къ ёму́ поро́блено! Не бу́де ёму́ па́ри довіку! Не бу́де ёму́ ща́стя!

Ка́тря схопи́лася; ма́ти уста́ла; усіхъ якъ хви́лею прибило до Ча́йчихи.

— Якъ поро́блено? Хто ёму́ поробивъ?

»А та жъ удова́, те моє́ ли́хо пеку́че!« ка́же Ча́йчиха, дрібні слёзи вилива́ючи. »Не суди́въ Госпо́дь намъ порідни́тись, та ви мині якъ наймиліша роди́на... Слу́хайте жъ усёго го́ря мого́!

»Зна́ете, що спершу́ ми у Хмели́нцяхъ жили́ и була́ тамъ у на́съ въ селі удова́ прехоро́ша, пи́шна... Терни́чихою зва́ли. Така́-то вже жва́ва, говірка́, така́ — що й летю́чі слова́ хапа́е.... така́ то до ко́жного прикідчива, при́ладна, ле́стна... Я таки́ ще у-пе́рве, якъ її поба́чила, поду́мала: непе́вні о́чі удови́ни! Це жъ се́рденько мо́е чу́ло!... Одко́ли зазна́вся изъ не́ю мій Яківъ, ні до-чо́го ставъ па́робокъ—ні до робо́ти, ні до господа́рства, й гуля́ння поки́нувъ парубо́цьке. Де вона́, тамъ ёго́ и о́чі, тамъ и га́дки ёго́...«

Ма́ти слу́хае, на свою́ Ка́трю сму́тно погляда́ючи, слу́хае й Ка́тря пи́льно; стоіть, уста́ сти́снуті. А Чайчи́ха усе́ роска́зуе:

»Якъ я ёго проха́ла: поки́нь, со́коле, поки́нь, си́зий! Не слу́хавъ:—такъ вона́ до ёго прики́нулась, такъ присе́рбилась, що й світъ ему́ ввесь завьяза́ла. Безъ не́і, мовля́въ, мовъ не живи́й хожу́. Вже я́къ мині и за невістку не хотілося прийма́ти, та вже Богъ изъ тобо́ю, кажу́, си́ну, ожени́ся. Засла́ли старостівъ... А вона́ жъ? Насмія́лася зъ ёго, ма́тінко! Не пішла́! А що́, си́ну, кажу́ тоді, не на мое́ ви́йшло? Вона́ усімъ рівно очи́ма світить, якъ тобі... Поки́нь, забу́дь стидку́! Вінъ усе́ не ки́давъ. Діжда́всь, що ви́явився бага́чъ зъ чужо́го села́, и засва́талася вона́ зъ тимъ багаче́мъ, а ёго́, якъ на воді лиши́ла. Що́ вінъ поскорбівъ тоді, що́ вінъ поболівъ—я зна́ю! Та що́ ви думаете? Яка́ недо́бра, яка́ незвича́йна! хо́дить та й хо́дить, було́, въ насъ предъ віконню — ёму́ жалю́ завдае́. Иде́ хоро́ша, уря́жена та весе́ла, и ди́витця, чи нема́ ёго́ де́; угле́дить—на добри́-день дае́, на здоро́вья пита́етця... Таку́ поки́нути бъ, та ще Бо́гу подя́кувати, а вінъ усе́ люби́въ... Дала́ вона́ яке́сь данния ёму́,—якісь ча́ри чарува́ла...

Я, моя́ ма́тінко, ріки слізъ ви́лила—блага́ла: си́ну, ожени́ся,—коха́ний, ожени́ся! неха́й же вона́ зъ те́бе не сміетця. До́вго вінъ мене́ не слу́хавъ,—а делі самъ схамену́вся. Була́ у насъ дівчина, що ёго́ давне́нько вже люби́ла, ми до не́і сватівъ—дівчина не хо́че... Ма́біть вже перечу́ла що таке́, або́ вже то заподіяно такъ було́: зъ дру́гимъ па́робкомъ дівчина повінча́лася.... А та́я безбо́жниця ёму́, підъ вікно́мъ на́шимъ сто́ячи, ви́гукнула: »бурлаку́й уве́сь вікъ, Якове, та люби́ тільки мої о́чі я́сні!« И зъ ре́готомъ пішла́ собі — у доло́ні пле́ще; а вінъ за не́ю у слі́дъ біжи́ть, якъ дити́на, а вінъ, якъ дити́на, пла́че... Вона́ по-

бра́лася изъ тимъ своімъ багаче́мъ, поіхала изъ нимъ, та ху́тко зъ ёго ро́дичами усіма́ посвари́лася, зъ людьми́ поневіря́лася — не схотіла жи́ти тамъ: вмо́вила чоловіка у Хмели́нцяхъ ха́ту купи́ти, и зновъ у Хмели́нці вки́нулася... Тоді вже таке́ ли́хо прийшло́, та́къ вона́ Яко́ва зво́дила, що вінъ и нездýжавъ, и марнівъ. Лю́де вже ста́ли хита́ти на ёго голово́ю... Я усе́ спро́дала свое́, и сели́дьбу и това́ръ, яки́й бувъ, та въ Лю́бчики ми перебра́лися відъ не́і... И Богъ мині допомага́въ: Яківъ одýжавъ, ставъ нена́че тро́хи забува́ти, на вечорни́ці ставъ ходи́ти, — коли́сь вінъ у ме́не міжъ усіма́ паробка́ми такъ и сявъ! Отъ вінъ вашу дочкý вподо́бавъ... Я вже до́лі ёмý сподіва́лася, — сподіва́лася що стари́й вашъ таки́ зми́луетця, — коли́ Яківъ: »не хо́чу жени́тись! не бýду!« Я пла́чу, я пита́ю, я па́даю: — »не хо́чу!« И прочýла я, що въ *не́і* чоло́вікъ вмеръ: — де́ вже зъ не́ю на світі задля́етця! Несподіванна ёго́, ка́жуть, смерть спости́гла; а вона́ за́разъ Якову зна́ти дала́, щобъ до не́і іхавъ... Вінъ и поіхавъ... Я за нимъ; прохала́, но́чі не всипля́ла, дні не вгава́ла — вінъ не слýхае, вінъ для не́і и ма́тіръ старý и само́го себе́ забува́е... Дивлю́сь, що по я́рмарку за не́ю ю́рма жене́, и мій Яківъ поміжъ и́ншими... Я вже хотіла до-до́му, та до васъ, усе́ ли́хо сказа́ти, — коли́ Яківъ до ме́не прийшо́въ, та й впавъ на ла́ві... Що́ таке́?... А се вчо́ра изно́въ вже засва́талася зъ яки́мсь шинкаре́мъ!.. Ста́ла я тоді Якову говори́ти, вмовля́ти — и вінъ слýхавъ мене́... Дýмали — я́къ ва́шого старо́го вблага́емо, такъ и весілля бýде... Та, ма́біть, вже поді́я така́! Ма́біть, вже ёмý не бýде ща́стя! Ма́ятись ёмý одино́кому бідола́ці!«

И ста́ла Чайчи́ха пла́кати си́льне, и ма́ти пла́че. Ка́тря шви́дко изъ ха́ти вийшла; я-за Ка́трею.

»Ка́тре! Ка́тре!« кли́чу, — не озива́етця, йде́ ýлицею шви́дко. Догна́ла я її, берý за рýку, спи́няю: »та куди́ жъ иде́шъ, Ка́тре?«

— Не зна́ю... куди-не́будь да́льшъ відъ ха́ти... Такъ о́тъ чого́ вінъ такоі пісні співа́въ! о́тъ чого́ вінъ смутова́въ! Вінъ не мене́ люби́въ — *її!*

»То́ — було́, та вже́ тепе́ръ пройшло́ — и ти́ не дýма́й... До́бре, що обміркува́вся вінъ, — зба́чъ ёмý: нема́ того́ дре́ва, щобъ пти́ця не сіда́ла!«

— Бо́же мій, Бо́же! Вінъ мене́ не люби́въ и не лю́бить!

»Бодай тебе́, Ка́тре! хиба́ и такъ въ насъ зъ тобо́ю на ли́хо,

на сумъ нестáтки? Ти вже лýчче зъ Яковомъ поговорú, — нехáй сáмъ вінъ скáже усé, чи вінъ тебé любить...«

Вонá озирнéтця на мéне, — якъ схóпить мене за рýку:

— Ти мині не згáдуй ёгó на имья! Я ёгó вже не побáчу! Не хóчу!

Та й слёзи рéвні ії словá перехопúли... Гóсподи! якъ вонá плáкала, якъ ридáла! Якúми допрíками палкúми, якúми гірькúми ёгó дорікáла! мене не слýхала — не чýла...

Тáмъ утерла слёзи и знóвъ швúдко завернýлася до хáти. У хáті. мáти зъ Чáйчихою горýють у-двійзі.

»Я не підý за вáшого сúна«, промóвила гóлосно Кáтря.«

— Якъ? Щó? — питáе Чайчúха, перелякáвшися чи ії гóлосу, чи ії пóстаті. Злякáлася й мáти.

»Не підý за вáшого сúна«, ще голоснішъ говóрить Кáтря, »не хóчу. Хоть и бáтько давáтиме — не підý!«

Мáти ажъ рýки до нéба простяглá, а Чáйчиха слізьмú вливáлася.

— Чáри, кáже, чáри! Я знáю! Не дýрно вонá ёмý крúкнула: »бурлакýй довíку!«

Усі плáчуть; Кáтря стоіть нерухóма у стóла, тільки дúше.

Чи то вже тáкъ упéвняна булá тимú чáрами старá Чáйчиха, чи що Кáтря такъ свої словá вúмовила непóзибко, Чайчúха тільки сказáла: »такá вже дóля!« ще поплáкала, пожурúлася, любо попрощáлася зъ нáми — (Кáтрю якъ обнялá вонá, Кáтря ажъ издрігнýлася), та й пішлá собі до-дóму, горýючи.

Кáтря за нéю у-слідъ подивúлася. Сіла на лáві и дивúлася по хáті, дивúлася на насъ пúльними та бистрúми очúма, нáче вонá щó поховáла — та недóбре ще обміркувáлася.

»И дóбре, дóню,« озвáлася до нéі мáти, — »бáтьку покорúлася... перéйде тýга, знáйдешъ собі до пáри... »та й хотіла ії пожáлувати...

Якъ же заридáе Кáтря, якъ затýжить! И не вгавáе плачéмъ своімъ. Мú коло нéі хóдимо, мú коло нéі пáдаемо, а то вже склáли рýки та й не поворýшимось.

Минýвъ рáнокъ, минýвъ день, поминýвъ вéчіръ, нічъ минáе — у насъ въ хáті ридáння голоснé та гіркé, та розпáчливе. — Зъ утóми переставáла плáкати, а скóро занесé ій гóлосу людськóго, гóмону деннóго, скóро у тúші ночній зітхнé мáти, абó я ворух-

ну́сь — усе́ те, ко́женъ о́дголосъ наче побужа́е, на́че додае́ ту́зі си́ли—и ту́жить вона́ зно́ву, и рида́е, и побива́ется.

Прийшла́ до насъ Мару́ся. Сидимо́ усі ти́хо собі у сму́тку. Ніхто́ не по́раетця, не ро́бить нічо́го. Такъ и сидимо.

Бра́лися заговори́ть до не́і, коли́ Ка́тря якъ кри́кне на насъ:

»Ну, кажіть мині, що́ ви каза́тимете,— кажіть, чи не ме́рлі встава́тимуть?« Та одхиля́ючи насъ відъ се́бе, та не слу́хаючи насъ, нарі́ка́ти ста́не, жалкува́тися: »Коли́ бъ же хочъ попроща́тись прийшо́въ — коли бъ же хоть ще́ разъ ёго́ поба́чити!.. Якъ я гля́ну на ёго? Та мині зъ-за ёго́ плеча́ удовине́ ли́чко красови́те движітиме... мині іхъ лю́бі слова́ чу́ютьця, я іхъ коха́ння спочува́ю, въ ме́не се́рдце схне́!.. Поки́нула ёго́!.. Ба́чъ, чого́ вінъ смутова́въ! А я, щобъ ви зна́ли, я ёго́ ще більшъ за той сму́токъ люби́ла, я ёго́ ще лу́чче жа́лувала, я ёго́ я́къ розважа́ла!.. Охъ ва́жко, ва́жко жъ мині!..

— А чимъ вінъ ви́ненъ, що пе́рше люби́въ?—ви́мовила Мару́ся.

»Хто́ ви́нний, що я́ пропада́ю? хто́ ви́нний?«

— Коли ти ёго́ вірно лю́бишъ... — щось почала́ зно́въ Мару́ся...

»Чи жъ я́ не люби́ла вірно? чи я жъ не коха́ла щи́ро? а тепе́ръ мині що́? Лу́чче бъ я ёго́ похова́ла!«

XI.

Часъ збіга́въ; ту́га я́кось по-тро́ху вти́хла—та́ на усе́ розляглася. Пішли́ся тоді Ка́трі отті ра́нки до́вгі, а ті вечо́рі ще до́вшині, ті дні, ніякъ неперебу́тні, — що все сиди́шъ та ду́маешъ, яке́ лихо́ тво́е и я́къ прийшло́ на те́бе, и я́къ не поки́не тебе́ ніко́ли.

У-ночі вона́ ма́ло спа́ла;—уста́не—ні объ чімъ не дба́е; ся́де́ коло вікна́, изло́жить ру́ки, сиди́ть та въ віко́нце ди́витця. Та́кеньки ти́жні схо́дили, що вона́, живу́ща, була́ на́че ме́ртва. И ми хо́димо — на́че що́ въ ха́ті вме́рло. А ра́зомъ, яко́го-не́будь весе́лого, промени́стого ра́нку, або́ ти́хого те́много ве́чора, вона́ якъ ожи́вие, —таки́ми ре́вними, гірьки́ми слёза́ми обіллетця! И ту́жить, и рида́е, и бьётця до вто́ми... — и зновъ сти́хне, и зновъ на́че ніщо́ ій не дохо́дить до-жи́ва.

Хотіла́ зъ не́ю ма́ти говори́ти, хотіла́ пита́ти, — про́сить: »не говоріть нічо́го, и не пита́йте нічо́го.« Ні зо мно́ю, а ні зъ Ма-ру́сею розмо́ви не хо́че; ча́сомъ ніби зъ насъ сміє́тця.

Ма́ти жури́лася ду́же. Пили́пиха усю́ приго́ду на́шу зна́ла, а ра́ди не знахо́дила, хочъ яка́ була́ мисли́ва собі. Вона́ тільки суди́ла, та свари́лась, що ма́ти кори́тця чоловіку, що зъ то́го усе́ лихо́ встає́, — та більшъ вона́ дово́дила того́ гніво́мъ сво́імъ, а ніжъ слова́ми.

Діжда́ли ми ба́тька зъ доро́ги. Поверну́вся вінъ таки́й, яки́й пішо́въ — не ласка́вий. Осма́лений со́нцемъ та обві́тряний, зда-ва́всь вінъ ще́ похму́рніший ніжъ бувъ.

Поверну́вся до-до́му у-ве́чері; ми ще не лягали, а вже всю́ди було́ ти́хо, якъ ёго́ го́лосъ грізни́й почу́вся. Ми ки́нулися, я и ма́ти, ёму́ на зу́стрічъ, кли́чемо Ка́трю за со́бою: »иди́ ба́тька стрі-ча́ти.« Вінъ у двіръ уступи́въ, насъ мина́ючи, тільки́ мо́вчки вклони́вся, — ми такъ и стоімо́; — вінъ опоряди́въ усе́, — то́ді у ха́ту, сівъ на ла́ві одда́лікъ одъ усіхъ. Ма́ти вече́ряти проси́ла — вінъ кивну́въ голово́ю, що до́бре, и вече́рявъ усе́ мо́вчки, усе́ не ди́-вячись на насъ. Тільки одного́ ра́зу ёго́ о́чі би́стрі споглянули на Ка́трю пи́льно, — на́че бъ осма́лене обли́чче побіліло тро́хи, а вінъ нікому не сказа́въ нічо́го.

А Ка́тря стоіть коло́ стіни́, сама́, якъ стіна́ біла́, — ба́чу — зомліва́є. Добача́є те́ й ма́ти, хо́че мо́ву поча́ти зъ ба́тькомъ, та го́лосу нема́ сло́во ви́мовити.

»Втоми́вся я«, ка́же ба́тько.

— На добра́-нічъ вамъ, — (кланяюся ёму́); узя́ла Ка́трю за ру́ку, та й ви́вела за со́бою съ ха́ти у світли́цю. Вона́ сіла и трусилася уся́.

»Що́ то́бі, Ка́тре?« пита́ю. »Чи ти ба́тька изляка́лася?«

— Ні, ні... я тільки спогада́ла... якъ то́ді блага́ла я ба́тька, якъ нарі́ка́ла!... то́ді въ ме́не було́ ща́сте... тепе́ръ вже ні-объ-чімъ мині проси́ти до́ма, нічо́го сподіва́тись зъ сторони́... Нема́ въ ме́не нічо́го, — я сама́ нещасла́ва!

»Ви́хни, Ка́тре, ви́хни для ба́тька, ба́тько почу́е, — го́ді!« вговоря́ю ії.

— Втиши́ жъ ти пе́ршъ моє се́рце! — одмо́вила, рида́ючи.

Нічъ ишла́ въ ту́зі та въ жалю́. »Те́мная нічъ яка́!« промовля́ла Ка́тря сумуючи, — яка́ те́мная та до́вгая!« А ста́ла зоря́ роз-

світати, стало сонечко ясненько сходить, — каже: »Вже й зоряетця! Вже сонце; — день, — якъ его перебути до ночі — Боже милий!«

Мати тімъ тільки свою журбу тішить, що сее безталанне Катрине буде батькові вгодне; — хутко й поспішилася сказати ему: »Катря вже не хоче сама за Чайченка.

Дуже батька слова ії зрушили. »Повісти, якъ усе було, — не вмини нічого!« велить.

И усе ему мати повістила — що було.

— Зглянься на дитину бідну, друже мій, — просить батька: — вона послухала, покорилася, а нещаслива...

»Вона не мене послухала«, одмовивъ батько, та й задумавсь.

Мати боязко на его споглядала — гніву не вбачала, тільки думу-думу на чолі високімъ похмурімъ!

Далі вінъ пішовъ собі изъ двора — такъ, якъ икъ гаю побрався, — а тії пори вже не було ніякого діла въ полі...

»Якъ вінъ приняв тее — не знаю«, говорила мати, смутно виглядаючи его до-дому.

Вінъ повернувся у-вечері пізно.

У-вечері усі у хаті зібралися, усі вкупі перебули его, довгого вечора того. Усі робили коженъ своє діло.

И багато тіхъ вечорівъ довгихъ перевелося въ насъ безъ розмови, безъ гомону, — отъ якъ, бува, при недужому, що къ смерті недугуе, сидять люде не зглянутьця, бо смутний коженъ поглядъ, не розмовлятьця, бо нема імъ у слові поради, а часъ иде, тихо йде, дуже тихо, — то, ніби, разомъ якъ промигне кільки годинъ, и зновъ ледві точитця, а кожна хвилина важко приляге на души...

XII.

Що далі, то гіршъ сумовала Катря. Жалю свого збулася, а обнявъ ії самий сумъ. То було коли озветця до насъ зъ Марусею словомъ сердешнимъ: »ой важко, Марусю! ой важко, Химо!« а то зовсімъ одцуралася усіхъ. Ласку приймa, не вважаючи; що спитаешъ въ неі, заговоришъ — »що треба? чого хочете?« До матері якъ не рідна дитина; відъ батька далеко сторонитця... Де тамъ въ селі пригода, дослухаетця, яка хто, журитця, плаче — ій

на́че любо вдивля́тися, обміркува́ти тутъ — и ди́витця и слу́хае вона́ такъ, що ніби ій не жа́лко, що се́рце боли́ть, а жа́лко, що чоловікъ нікче́менъ у світі, и гово́рить-було́: »Отсе́ люде! що́ той ро́зумъ людськи́й!«

Ста́ла вона́ яка́сь холодновáта, спокійна, хочъ и сумна́, и смутна́я.

— Бо́же мій, Катру́сю!—згада́ю ій:—якъ коли́сь — що́ ти за весе́ла була́!

»Була́ весела«, одка́же, »бо пе́рше було́ жи́ти ле́гко у світі, якъ дурно́му зъ гори́ бігти... тутъ мині де́-що нахвати́лося—зупини́ло мене́... Спита́ла я тоді: що́ то за житте на́ше? И на́ що чоловікъ живе́? По́ що у світъ ро́дитця? Живе́ на му́ку — ро́дитця на смерть. Нічого шука́ти, ні по чімъ боліти—усе́ прохо́дить, якъ димъ, усе́ мина́е, якъ зіли́на...«

Почне́, було́, та́кечки говори́ти, тільки слу́хаемо зъ Мару́сею. Нагóнить було́ хо́лоду своіми слова́ми.

— Скажи мині, Катру́сю,—пита́ю одного́ ра́зу, слу́хаючи тії мови ії сувóри,—чи ти вже не лю́бишъ?

Та й сама́ злякáлася, що нагада́ла ій, а вона́ всміхну́лася.

»Не бійся, не бійся«, ка́же »я́ вже не пла́чу тепе́ръ, я вже не ревну́ю, та й не коха́ю...«

— Якъ? вже забу́ла?

»Ой, Хи́мо«, промовля́е, »якъ усе́ світове́ мина́е! И коха́нне и радо́щі, и го́ре—якъ усе́ мина́е! Що було́ намъ дороге́ надъ ду́шу, — ба́чимо, ажъ порошинка пи́льна!..«

Змага́етця зъ на́ми, що нема́ у світі а ні до́брихъ люде́й, а ні пра́вди у люде́й. »А де́ ті правди́ві? Куди́ гля́нуть, що́ сту́плять, то все не по пра́ві. А де́ ті до́брі?«

— Ма́ти жъ на́ша? кажу́...—Перехони́ла мене́: »Ма́ти, ба́тько, ро́дичі? Та свій своему по неволі вже братъ! А неха́й-но въ одну́ річъ вкоха́ютьця та вдаду́тьця — пе́ба́чишъ то́ді, які до́брі и яка́ пра́вда!«

— О, е́ у світі до́брі люди, е́ пра́вда! — гово́рить Мару́ся.

»Хиба́ у на́шихъ ми́сляхъ изъ тобо́ю!«

— А що́ се, Ка́тре, — кажу́, — се вже ти одна́, ма́біть, сама́-одна́ пе́вна людина на світі?

»Що пе́вного у світі? Отъ мині пе́вно те́ тільки, що я безща́сна...«

Непоруши́мо ви́мовила свої слова́... Зга́дують та́кеньки да́внёго да́вна похо́ване и припла́кане. А ми измо́вкли. И отсе ні ла́скою, а ні жа́ртомъ не визво́лить ії и на хвили́ну зъ того́ лёдова́того су́му...

Ма́ти терпіла та пла́кала мо́вчки; да́рмо, бу́ло, озива́тися до Ка́трі... Ба́тько тежъ сло́ва не рони́въ; тільки ба́тько одміни́вся я́кось... Яки́йсь по́глядъ у ёго ча́сомъ бувъ, що я ще въ ёго ніко́ли не ба́чила... Не постерегла́ того́ ма́ти, и вже́ жъ ни Ка́тря, а щось у ёму одміни́ло. Се я́, ціка́ва, сама́ тільки я завва́жила. Ставъ вінъ ніби на виду́ похмурніший, а ласка́вший; мовчу́щий якъ пе́рше, а уня́тливий; ставъ піклува́тий такий, каза́въ би ніжний...

Яко́сь Ка́тря, ди́влячись у віко́нце, промо́вила: »Усе́ хма́ри, усе́ него́да! коли́ вже те ясно́ бу́де! коли́ теплішъ ста́не!« То я́къ вінъ виглядавъ того́ ясна́! я́къ ждавъ на те тепло́! якъ ще зъ-ве́чора вихо́дивъ и диви́всь пи́льно та вва́жливо округи́ на не́бо!

Ка́тря ле́гко спа́ти ста́ла, не досипа́ла у ночі; а, луча́лося, у день засне́ коло свого́ віко́нця. Увійшо́въ одного́ ра́зу ба́тько — двери́ма грукну́вши. Ка́тря издрігну́лася... Якъ вінъ після то́го тихе́нько уступа́въ завсіди, або́ пережида́въ на-дво́рі, на пеку́чому моро́зі, щось ніби тамъ ро́блячи, а ну́дячись безъ діла, поки́ довідаетця, що Ка́тря обуди́лася!

Яко́сь принесла́ до насъ Пили́пиха кожуша́ночку — хвали́лася, що до́бра — »А спра́вді до́бра«, каза́ла Ка́тря.

— До́бре, коли́ бъ и тобі таку́, — гово́рить Пили́пиха. »До́бре бъ и мині«, ка́же Ка́тря.

На дру́гий день ра́но, ба́тько изъ дво́ру поіхавъ, — у ти́ждень поверну́вся — ажъ у друго́му повіті бувъ: привізъ намъ усімъ нові кожуша́нки. Дає́ Ка́трі — яке́ пону́ре ёго́ обли́ччє було́ и якъ трусилася рука́ даючи́! Якъ вінъ приня́въ яко́сь покірно, що вона́ бра́ла не гля́дячи що́ бере́, и дя́кувала... Якъ вінъ поспіши́вся у місто, коли́ вона́ сказа́ла, що тамъ кра́щі черевики, ніжъ у насъ!

Ча́йченка ми не ба́чили, а ні старо́і ёго́ ма́тері. Ча́сомъ, бу́ло́, перечу́ешъ черезъ дівча́тъ, що зостріли де, або́ такъ іхъ на имья́ згада́ють — тільки ми й зна́ли.

XIII.

Чу́ю, той мині ка́же: »Мару́ся зъ лиця́ спа́ла«, той мене́ пита́е: »чи Мару́ся нездýжае«, — Пили́пиха при́йде, гово́рить, що дочка́ въ не́і вья́не, и хва́литця, що ху́тко ій помо́жетця, а ча́сомъ по чванли́вому обли́ччю біжя́ть слёзи дрібні... И сама́ я ба́чу, що Мару́ся занепада́е.

»Мару́се, що́ тобі? Ти чого́-сь жу́рисся?« ка́жу ій.

— Ні, — гово́рить, — мині нічо́го, и я не журю́ся.

Ка́тря ба́чить, слу́хае — и все ій байду́же. Одного́ жъ ра́зу ми сиділи зъ не́ю сами́, я почала́ про Мару́сю ій зга́дувати: що́ се ій таке́ ста́лося, що вона́ така́, а ніко́ли не жа́литця, и не ба́чила зъ-ро́ду я, щобъ вона́ пла́кала. Ду́мати бъ, ма́ти не ласка́ва, такъ ма́ти й пе́рше бу́ла така́ са́ма — а тепе́реньки тільки що ра́ди не про́сить — жа́лко дочку́. Я отта́къ гово́рю, Ка́тря заду́малася. Ду́мае, ду́мае, мовъ що прига́дуе, — та оберта́ючись до ме́не:

»А зна́ешъ, чого́ Мару́ся така́ ста́ла? чого́ Мару́ся схне? Вона́ Ча́йченка лю́бить!«

— Отсе́!— покри́кну. — Що́ ти, Ка́тре! сха́мени́сь! Та вона́ зна́ла, що вінъ ії не лю́бить...

»Дарма́! та вона́ ёго́ коха́е! Я не зна́ю, якъ давно́ я сёго не зрозу́міла, ще тоді... А по́тімъ я вже не ду́мала, забу́ла усе́...«

— Та по чо́му жъ ти вважа́ешъ? Чи коли́ вона́ ёго́ зга́дувала? Вона́ жъ одъ ме́не, здае́тця бъ, не кри́лася... Вона́ жъ тепе́ръ нікýди не хо́дить... А, мо́же, й коха́е, та кого́ и́ншого...

»Ёго́! ёго́! се напе́вно. И давно́ вже коха́е. Вона́ жъ ёго́ пе́рше насъ зазна́ла. Памьята́ешъ, якъ усі ми то́ді, весе́лі та дурні дівча́та, прибіра́ючись на весілля, якъ ми пита́ли въ не́і про ёго и я́къ вона́ одъ насъ втіка́ла, якъ не хотіла роска́зувати и я́къ нічо́го не росказа́ла, — памьята́ешъ? А я́къ мене́ пита́ла, чи я спра́вді ёго́ коха́ю? А я́къ заступа́лася за ёго́ передо мно́ю? Чи усе́ ти памьята́ешъ?

Тоді я усе́ згада́ла собі, и те весілля, и слова́ усі Мару́сини; згада́ла бага́то чого́, що пе́рше зна́ла, та не дба́ла, — та й сама́ заду́малася: мо́же воно́ й спра́вді та́къ. А все ще віри мині не

йме́тця. Якъ же се я не постерегла́ бъ того́? Очи жъ мої усе́ ба́чили до́бре — де́ жъ прови́длиность моя непоми́лешна? Де мій ро́зумъ би́стрий?

Я хочъ такъ со́бі не прика́зувала, та та́кеньки ду́мала.

Тільки мині хвили́ночка вільна,—я за́разъ до Мару́сі побігла; посту́кала у віконце́: »Мару́се, Мару́се, голу́бонько! ви́йди хуте́нько!«

Вона́ вихо́дить, а я до не́і тимъ таки́ сло́вомъ: »Мару́се, ти коха́ешъ Ча́йченка?«

Вона́ издрігну́лася и пи́льно на ме́не погля́нула, ти́хо іі о́чі зася́ли; ли́чко спахну́ло румья́нцемъ, и ка́же мині: »то що́?

— Пра́вда сёму́, Мару́се? А я Ка́трі віри не няла́, я не ду́мала... И ду́же ти ёго люби́шъ? И давно́ вже?

»Я за ёго уме́рла бъ«, гово́рить, дивля́чись по́глядомъ своімъ до́бримъ, а смі́лимъ: »я для нёго бъ у світі жи́ти ра́да... а люблю я ёго́ давно́, давно́... за́всіди люблю́, якъ зазна́ю...«

— Вінъ же до те́бе не залиця́вся ніко́ли, Мару́се? Вінъ до Ка́трі... до и́ншої...

»Неха́й здоро́въ бу́де та щасли́вий изъ тіею, що покоха́е собі...«

— А тобі жъ, Мару́се? Тобі тільки му́ка, печа́ль та го́ре?

»Хочъ го́ре, — я відъ ёго усе́ прийму́ за до́бре.«

— А ма́ти жъ твоя́?

»Що́ жъ ма́ти моя́? Я ій тимъ не докуча́ю.

— Та вона́ заміча́е, що ти вья́нешъ, вона́ тимъ печали́тця..

»Коли́ бъ же діялось по моій во́лі, коли бъ моя́ си́ла, то я бъ румьяніла!«

— Якъ же ти за́міжъ підешъ?«

»Я не піду за́міжъ.«

— А ма́ти ста́не си́лувати.

»Що́жъ?.. ва́жко мині бу́де.

— Та вже жъ ва́жко за нелюбо́го йти!

»Ні, я кажу́ — бу́де ва́жко, що ма́ти вмовля́ти ста́не, а я не піду́...«

— Та чого́ жъ дожида́тимешъ? На яке́ добро́ впова́ешъ?

»Я нічо́го не дожида́тиму й ні на́ що не впова́тиму.«

— Та вінъ не зна́е и не дба́е, що ти ёго́ коха́ешъ!

»Неха́й! Аби́ я ёго́ коха́ла.«

— Ли́хо тобі изъ тимъ коха́ннемъ бу́де та го́ре, а радощівъ я не сподіва́юсь:

»Коли не судилося милого щастя, нехай миле горе буде...«

— Прощавай, Марусенько! — кажу їй.

»Бувай здорова!«

Провела мене трохи, ще попрощалася, й пішла до господи тиха та ясна.

А я додому. Иду собі та думаю: чого-то на світі не бува, аби здорова наша голова! И той Чайченко! Чи вінъ у барвінку купаний, що такъ дівчатъ чаруе? Коли вже на правду йде, то й мині вінъ чи одну нічку снився? Вже я ходила, ходила до голови по розумъ, поки схаменулася... Подумала, зітхнула, та й сказала: »годі!« И годі.

»А що«? пита Катря въ мене, всміхаючись, »чи жъ я не вгадала?«

— Твоя правда, — кажу. Нещаслива дівчина! Жалко мині її дуже! Гірька їй доля судилася!

»Гірько даремне кохати,« промовила Катря, »гірко даремне дожидати, а ще гірше не кохати й не дожидати!«

Зъ Марусею вона про се не заходила у розмову, хиба такъ, на вдогадъ, що скаже Катря: »на що те кохання у світі?« А Маруся: — а коли серце кохае — якъ не кохати? Катря собі: »Який прибитокъ зъ тіхъ любощівъ, — чи жъ варті?« А Маруся: — не знаю, тільки ніхто не залишить свого кохання...

Часомъ Катря якъ посміваетця, часомъ ніби якъ завидно їй чогось стане...

Все вона світомъ нудить, все ні до чого у неї нема охоти, ні до чого жадоби.

— Катре! — кажу їй, — такъ ти діло робишъ, голубко, якъ мокре горить!

»Аби-то!« вона мині, »аби день до вечора!«

Мати їй убрання хороші та пишні купуе — вона ледві подивитця: згорне, та й забуде; мати посила її у гостину — нехай розважитця: вона йде усюди, та й усюди світомъ нудить.

Мати дуже тужила, та ще й страхалася — що буде зъ нею. Мене просить: »не одходь ти одъ Катрі, покинь усе, ходи изъ нею!« Батько нічого не вимовлявъ словомъ, а разъ-у-разъ, де ми йдемо, его скрізь стрінемо несподівано. Нічого не скаже, — споглянe на Катрю, и мине...

Катря ще любила гуляти по поляхъ, по степахъ, по лісі.

Хо́димо зъ не́ю — я на не́і дивлю́ся, а вона́ округи́, розмо́ви нема́. Такі було́ хо́димо, що й пта́ства не поло́хаемо...

XIV.

Броди́ли ми та́кечки одного́ ра́нку. Пого́жий, ясни́й та весе́лий бувъ ра́нокъ той лі́тній — и зайшли́ ми ду́же дале́ко, ажъ до пече́ръ саміхъ. А місце ди́ке таке́, неосе́ляне! Білі крейдяні шпилі гіръ лощя́ть на со́нці, та міжъ го́рами ко́тить річка глибо́ка — ні дре́ва, ні квіту, ні щебета́ння...

— Ка́тре! — кажу́: — чого́ се ми тутъ прийшли́?

»Ходімъ у пече́рі«, говори́ть мині, та зъ цімъ сло́вомъ и йде, а я за нею. »Не ходи́, Ка́тре!« прошу́, »вона́ йде.

Те́мно було́ у пече́ряхъ зовсімъ и хо́лодъ свіжий понімавъ. Де́, зве́рху, у горову́ розпа́лину, со́яшний про́мінь рони́въ ссяю́щу стя́гу.

Ка́тря йде усе́ да́лі та да́лі — вже ду́шно мині: — »вернімось Ка́тре!« йде да́лі... Вже ми набріли́ те місце, де камьяна́ по́стіль помости́лася — крейдяни́й обва́лъ, а на ёму́ ме́ньший якъ узголо́вье. У тій пече́рі навви́шки бу́де такъ, що тільки ста́ти схили́вши го́лову чоловіку невели́кого зро́сту; на стіні хрести́ ви́биті, а передъ тими́ хреста́ми на долі́вці я́мка: стоя́въ тутъ хто́сь ро́ки на моли́тві, ажъ мо́лячись у зе́млю вхо́дивъ.

Ка́тря стоя́ла, диви́лася и ду́мала, — не впокійна, триво́жна... Якъ ирвоне́ зъ се́бе кора́лі дорогі — ге́ть одки́нула — тільки вони́ гуръ-гуръ — розкоти́лися! Я ки́нулася збіра́ти: — »що́ тобі таке́, Ка́тре?« а Ка́тря впа́ла коло тіі камьяно́і посте́лі на коліна, розлива́етця слізьми.

»Ка́тре!« покри́кну: »що́ ти ро́бишъ?«

А вона́ не слу́хае, не чу́е, у сліза́хъ великихъ!..

Ледві я іі ви́вела зъ тіі пече́рі на світъ Бо́жий. — »Що тобі, Ка́тре?«

Вона́ якъ ста́ла, якъ гля́нула — чи жъ пізна́ти іі було́! Отъ на́че до́вго та до́вго тиня́лася по чужи́хъ, та ра́зомъ несподівано роди́ну усю́ свою́ знайшла́ — заспокоена та ра́дісна, та сама́ диву́етця...

»Химо!« ка́же до ме́не, »я у чорни́ці піду́.«

Я скаменіла — якъ стоя́ла.

»Бу́де мині спо́кій«, промовля́е, радіючи.

— Въ чорни́ці! — кажу́, — а ма́ти жъ? а ба́тько?

»Ходімъ додо́му, ходімъ«, перехопи́ла мене́, »неха́й вже мене́ виряжа́ють!«

И додо́му поспіши́лася, а я за не́ю.

Увійшли́ у ха́ту. Бу́ло са́ме тоді свя́то; ба́тько й ма́ти сиділи у сто́ла гово́рячи. Ка́тря імъ вклони́лася до нігъ и про́сить:

»Та́ту, ма́мо! Я піду́ въ чорни́ці, — я бу́ду Бо́гу моли́тись.«

Ма́ти такъ рука́ми и сплеснула. Ба́тько уста́въ.

— Ка́тре! Ка́тре! покри́кне ма́ти.

»Я піду́ у чорни́ці«, промовля́е Ка́тря, »ста́ну Бо́гу моли́тися.«

— Ти жъ въ насъ одна́ дити́на еди́на, ми тобо́ю втиша́тись хотіли, а ти насъ дума́ешъ поки́нути при на́шій ста́рости... — пла́че ма́ти.

»Я за васъ буду Бо́га проси́ти», ка́же Ка́тря.

— Го́ді, до́чко, го́ді! — мо́вить ба́тько: — я тако́го сло́ва щобъ більше не чу́въ відъ те́бе!

»То ви мене́ не пу́стите?« покри́кне Ка́тря. »Пустіть мене́! Не губіть моеі душі!«

— Я сказа́въ: годі — то й го́ді! — зно́въ мо́вить ба́тько. — Я ніко́ли тебе́ на се не благословлю́!

— Чи жъ тебе́ Богъ милосе́рдний при́йме, якъ роди́телі не благословля́ть, моя́ дити́но? — вмовля́е ма́ти.

»Пустіть мене́... не губіть моеі душі... Я піду́, пустіть мене́!..« сло́во одно́ Ка́трине.

Зъ того́ ча́су усе́ проси́лася у чорни́ці, проси́лася та пла́кала. Ніку́ди вже не йде — сиди́ть у ха́ті — пла́че.

Ти́ждень збігъ.

Одного ра́нку проки́нулися ми, — нема Ка́трі: де́ вона́? Я кли́чу — не озива́етця, — я ки́нулася скрізь шука́ти, шука́е й ма́ти — ніде́ нема́, ніхто́ зъ сусі́дъ не ба́чивъ.

»Десь пішла́ проходи́тися«, ка́жемо, а сами́ вже не впевня́емось, вже се́рце мре... Нема́ Ка́трі и опівдня; вечі́ръ, нічъ не верта́етця. Яково́-то було́ ма́тері перетріва́ти; яково́ ій було́ ба́тькові оповісти́ти, — а ба́тька той день до́ма не була́. Якъ почу́въ вінъ — біле́нький ставъ, зовсімъ біле́нький...

»Коли́?« спита́въ.

— Вчо́ра ране́сенько, — проки́нулися, вже ії нема́! Усе́ свое поки́нула пішла́! — вбива́етця ма́ти.

Ба́тько коні запрігъ свіжі й поіхавъ за́разъ. Два дні ёго́ не було́, — на тре́тій повернувся на́че зъ-підъ землі.

— Нема́? — пита́е ма́ти, хоть ще зда́лека ёго́ самого поба́чила и запла́кала.

»Нема́«, одказа́въ.

Ще́ шука́ли, ще́ пита́ли — не чу́тно ніде́, ніде́ нема́ її, якъ въ во́ду впа́ла.

— Де́ жъ вона́ пішла? Де́ жъ вона́ поділа́ся? — ра́зъ-у-ра́зъ говорить ма́ти: — мо́же те́перъ у вели́кій приго́ді, мо́же...

Ба́тько нічо́го свого́ не ка́же...

Не́ма у світі гірше́, якъ та невідо́мость, непе́вность: що ні заспокоїтьця, ни зажу́ритись до́бре на да́сть; та́кеньки ми́ жили́. Що годи́ни Ка́трю хова́ли, що годи́ни зно́въ опоживля́ли; усякі її приго́ди й біди опла́кували, то зно́въ надію склада́ли, що Богъ її у всёму́ допомо́же и на до́бре ви́веде.

Гово́римо, було́, изъ ма́мою та зга́дуемо, — ба́тько слу́хае, — бро́вою не сдвигне́... Прихо́дили разъ-по́-разъ люде одвіда́ти насъ, а на́йбільшъ тіхъ молоди́ць-жалібни́цъ убіга́ло, що вони́, було́, въ насъ и нащебе́чутця и наплачу́тця.

Ду́же суди́ла насъ Пили́пиха, навчаючи, що сами́ провини́ли, а ще ду́жче жури́лась сама́ на́шою напа́стю. Ду́же тяжко смутова́ла Мару́ся.

Пережи́ли ми вісе́нь и зіму; діжда́ли зновъ весни́. Чу́токъ було́ чима́ло для на́шого жаха́ння й сподіва́ння. Прочу́емо, що де́сь тамъ, въ повіті, ба́чили дівчину, ніко́му незнае́му — ба́тько іде́ пита́ти — объіжжа́е округи́ шука́ючи. Прочу́емо, що де́сь ме́рлу зна́йдено — іде ба́тько на не́і подиви́тися; чи уто́плену поня́то — іде ба́тько її поба́чити. Пе́вности дожида́емо — пла́чемо; дозна́емось, що не вона́ — дя́куемо, ра́ди — и зновъ пла́чемо та сумуемо, що її слідъ запа́въ.

Коли́ кли́чуть одного́ ра́на ба́тька й ма́тіръ до свяще́ника. Ма́ти й налякалася, и зраділа, и запла́кала.

»А по що́ то?« пита́ того́ дяка́, що за ни́ми прийшо́въ, — »коли́ зна́ете, ска́жіть намъ, голу́бчику!«

— Ми́ні ба́тюшка нічо́го не признава́вся, то й я не зна́ю нічо́го, — одка́же дякъ.

Таки́й бувъ спра́вді. що самъ со́бою не знавъ нічогісінько, — и голівка въ ёго була́ така́ мале́сечка, якъ зе́рнятко.

Прихо́дять ба́тько и ма́ти до свящéника, а вінъ імъ ка́же: »дитúна ва́ша жúва.«

— Го́споди Бо́же мій до́брий!

Роска́зує то́ді свящéникъ, що́ вона́ вже въ манастирі далéкому, ажъ підъ Кúевомъ дéсь, и отсé листъ ёму́ пúшуть зъ того манастиря́, що така́ дівчина зъ ва́шого села́ прийшла́ у нашъ манастúръ и зоста́лася, ма́ючи велúке жада́нне чорнúцею бу́ти;—а роспита́ли въ нéі, що родúтелівъ маé замо́жнихъ, то неха́й родúтелі оджа́лують ій дé-що на прожитте, бо вселúлася вона́ у іхъ въ такімъ убо́жестві, що й не сказа́ти; чорнúці які милостúві здарува́ли ій що-мога; а ще неха́й родúтелі не забороня́ть ій спасéнія, бо се тяжкúй гріхъ імъ бу́де, и нехай присила́ють дочці своé благословéніе. »Мо́лимося Бо́гові«, пúшуть, »а васъ про́симо, щобъ напутúть и навестú родúтелівъ на до́брі и хоро́ші мúслі та вчúнки.«

»Пишіть до́чці благословéніе«, ка́же свящéникъ,—»не спо́рьтеся, не відмага́йтесь — все рівно ії не вéрнете, а жа́лю наро́бите, и гріхъ вамъ бу́де.«

— Не вéрнетця вже?—пита́ ма́ти та пла́че. — Нікóли вже не мо́жна?

»А вжé жъ«, одказу́е свящéникъ: »пишіть благосло́веніе.

— Хай же ії Богъ благословúть, мою дитúну!—промо́вила ма́ти, — хай Богъ ії благословúть!

А ба́тько сто́іть—не гово́рить.

»То й до́бре«, хва́лить свящéникъ, погляда́ючи на ба́тька, »я такъ и напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють...«

— Ні,—озва́всь то́ді ба́тько, — за мéне, за ба́тька, не пишіть, ба́тюшка; я не благословлю́.

»Якъ же? Та се гріхъ тобі велúкий!« страха́е свящéникъ.

Ба́тько зновъ нічо́го не гово́рить.

»Го́ді, го́ді вже!« вмовля́е свящéникъ.

Ба́тько усé нічо́го не гово́рить.

»Напишу́, що ба́тько й ма́ти благословля́ють.«

— Ні, ба́тюшка, ба́тько не благословúть нікóли — сé напишіть, колú хо́чете: — пра́вда бу́де. Щаслúво!

Уклонúвся та й додо́му побра́всь.

Ма́ти не про́сить, не озива́етця — тільки пла́че та ту́жить.

»Що́ жъ се такé?« гово́рить свящéникъ до ма́тері: »чи жъ такъ рідну дитúну покúнете на вбо́жество, якъ сироту́?«

Ма́ти за́разъ ки́нулася до-до́му, до ба́тька за гроши́ма, а ба́тько хочъ самъ не каза́въ дава́ти, та й не заборонявъ, — зібра́ла ма́ти гро́ши, зара́зъ одне́сла свяще́никові, що́бъ переславъ Ка́трі.

»Се до́бре«, ка́же свяще́никъ, »коли́сь, мо́же, вінъ и поблагослови́ть, а тепе́ръ напишу́, що ма́ти благослови́ла...«

А тутъ люде прочу́ли, иду́ть — радіють — до насъ: »дочка́ ва́ша жи́ва! Дити́ну вашу́ Богъ береже́! Чи вже́ чорни́цею? Чи ду́же дале́ко? — Мо́жно одвідати, хочъ и дале́ко. У до́брому місці знайшла́ся. Мо́же вашу́ дити́ну такъ Богъ допрова́дивъ.«

Ма́ти до усіхъ озива́етця то жа́лемъ своімъ, слізьми, то сло́вомъ, — ба́тько ні до ко́го не озве́тця. Хто-сь зъ люде́й ёму́ ка́же: »ва́ша дочка́.« — »Въ ме́не нема́ дочки́«, одмо́вивъ. »Ваша дочка́ чорни́ця.« — »Въ ме́не нема́ дочки́«, зновъ одмо́вивъ.

Ти́жнівъ у три́, одібра́въ свяще́никъ зновъ листъ, що дя́куе Ка́тря ба́тька й ма́тіръ за ла́ску и за гро́ші, и про́сить, щобъ ії не забува́ли.

»Якъ же ій тамъ? до́бре? Чи зду́жа? Чи здоро́ва?«, тсе ма́ти пита́лася.

А свяще́никъ ка́же: — А вже́ жъ! — А дякъ: — хто́ се зна́ти мо́же? Вона́ та́мъ, а ми тутъ.

Не сподіва́ючись Ка́трі, ста́ли ми жи́ти у ти́хому, а не вгаву́чому, сму́тку. Стари́й ба́тько сивіе; на висо́кому чолі морщи́на у всю довжъ лягла́, — глибо́ка та пону́ра.

XV.

По усіхъ тіхъ випа́дкахъ та біда́хъ, ма́ти яко́сь стрінуласи изъ Ча́йчихою: запла́кали оби́дві, та зъ того́ ча́су поча́ли зновъ одна́ до 'дні́і ходи́ти та вку́пі горува́ти. Частішъ ходи́ла до на́съ Ча́йчиха, бо ма́ти все недугувала. Зійдутця, зга́дають да́вне — та й смуту́ють. Прийде́ и Пили́пиха... Була́ и въ не́і своя́ журба́, та ніко́ли вона́ не жалілася, и зъ-ро́ду не пла́кала. Отсе́, якъ ба́чу ії, при́йде-бу́ло, сяде ви́ще усіхъ, погляда́е, на́че су́дить су́домъ, и роска́зуе:

»Моя́ Мару́ся вья́не. Нічо́го ій не ми́ло. Вбіра́ется не гля́дючи, що бере́ на се́бе. Міжъ дівча́та не йде́; за гуля́нне байду́же ій... Тепе́ръ сва́тае Похи́ленко — не хо́чу!... А якъ ти, кажу́,

не хочешъ доброхіть, то я тебе силою віддамъ. »Оддайте, та ви мині, мамо, світъ завьяжете, — и мині, и ему. Не буде у насъ въ хаті ні любові, ні ласки... Я его не знаю, и не кохаю, и не буду... Зглянтесь хочъ на его, за що доброму паробкові світъ завьязати!«

— Що жъ, кажу, и ти хочешъ у чорниці? и ти мене думаешъ при моій старости покинути?

»Ні, мамо. Поки васъ Господь на світі держить, я васъ ніколи не покину.«

— Може кого любить та боітця признатись, — говорить мати: — може якого сироту вбогого покохала.

»Питала я: хто тебе зъ уму-зъ-розуму зводить?« — Ніхто мене зъ уму-зъ-розуму не зводить.«

Змовкне Пилипиха; зажуритця, не хилячи голови; а мати зъ Чайчихою про долю, та про безталанне світове почнуть, а зведуть усе на дітокъ своіхъ...

»А що, Марусе, голубко«, було кажу ій, »що тсе у світі робитця?«

Вона осміхнетця мині.

»Якъ ти живешъ, Марусе?« питаю: »чи усе любишъ такъ само?«

— Такъ само, — одкаже.

»Може вінъ хутко оженится — его мати усе плаче: оженись, та оженись... хвалилася, що обіцявсь: оженюся...«

— Нехай ему добре буде! Нехай щасливо!

Такеньки, було, и розмовляе зо мною, часомъ співае, ласкава та ввічлива.

И Чайченко зновъ міжъ нашу челядь уявився... Такий самий, хороший, може ще кращий... бо якъ хороший та любий поболіе, або потерпить, міцній до его дурне серце прилягае... Зновъ вінъ до всіхъ привітний, зновъ зо всіма говорить, и зновъ нікого не кохае... Удова его люблена тоді вже звінчалася зъ якимсь шинкаремъ.

Маруся бачить его... Розмови зъ нимъ не шукала, не навертала ся ему на очі — хто бъ пізнавъ що кохае его! Тільки румяніти стала, якъ ставъ вінъ бувати...

»Отсе ти румяніешъ«, кажу.

— А мати усе говорять, що занепадаю. Піду — нехай побачять мене румяну.

»А чого́ усе́ ти смутна́я?«

— Не ве́село, Хи́мо.

»Ти усе́ імъ печали́сся, — а чого́? Ёму́ у світі не гіршъ, якъ и́ншимъ живе́тця!«

— Ёму не до́бре! — ви́мовить, и на лиці побіліе.

Яко́сь розмовля́ли та ра́дилися у насъ въ ха́ті Пили́пиха, Ча́йчиха й ма́ти, — коли́ Ча́йчиха и ка́же удові:

»Ду́же мині ва́ша дочка́ Мару́ся ми́ла: — коли́ бъ мині таку́ невісточку Госпо́дь посла́въ!«

А Пили́пиха ка́же: — вья́не моя́ Мару́ся!

»Та ій, зда́етця, тро́хи полу́ччало:—буде здоро́ва!«

— Не кажіть — полу́ччало: вона́ вья́не!

»Мій Яківъ — до́брий па́робокъ«, зновъ Ча́йчиха гово́рить,— я таки́ ёму́ одъ Го́спода сподіва́юся до́лі. Те́перъ вмовля́ю ёго́: си́ну мій, одружи́ся! — »До́бре, моя́ ма́ти«, одка́же, »одружу́ся, чи не ви́яснитця мині зъ хоро́шою люди́ною!« На́ що жъ мині кра́щої пита́ти ёму́, якъ ва́ша дочка́? кажіть мині, голу́бочко, кажіть мині до ва́съ старости сла́ти!«

— Моя́ Мару́ся не схо́че,—я си́ловати не хо́чу.

»Та хочъ поспита́йте ії, любко, хочъ поспита́йте!«

А ми усе́ те зъ кімна́ти чу́емо зъ Мару́сею и чу́емо, якъ Пили́пиха ви́мовила: »до́бре, я поспита́ю!« я́къ вийшла до садку́, и кли́че Мару́сю.

Мару́ся тоді уста́ла одъ шитва́ свого́, йде... Я ії за ру́ку: — Мару́се! о́тъ, ди́во!

»Яке́ ди́во, Хи́мо?«

Увійшла́ у ха́ту.

— Мару́се! — пита́ ії ма́ти, — чи ти підешъ за Ча́йченка за Якова?

»Піду́«, одмо́вила.

Пили́пиха ажъ ру́ки зняла́ у-го́ру, — здивова́лася.

Ча́йчиха радіе та́къ, Бо́же мій до́брий! усіхъ обніма́е, цілу́е, пла́че та дя́кує. И ма́ти віта́е, добри́ть, а смутнішъ ій, ма́біть, ста́ло,—ма́біть, згада́лося...

— Се ти мині кори́сся, до́чко, чи по своій любо́ві за ёго йде́шъ? пита́ Пили́пиха.

»По своій любо́ві, ма́мо.«

— Давно́ се ти ёго́ любишъ?

»Якъ ёго́ зна́ю, ма́мо.«

Більшъ Пили́пиха дочки́ не пита́ла, тільки промо́вила: — я не бороню́ тобі, до́чко!

Почали́ умовля́тися та почали́ ра́дитись... почало́ся за ві́но, за весілля...

Заручи́ли іхъ. Гуля́ло бага́то люде́й на зару́чинахъ. Вінъ бувъ до не́і привітни́й якъ до и́ншихъ, тро́хи смутни́й, недба́лий... Вона́ була́ спокійна та ясна́...

Ставъ вінъ до не́і ходи́ти що ве́чора... Иде́ до не́і — не спіши́тця; проща́етця зъ не́ю — не заба́ритця...

— Мару́се! — говорю́: — отсе́ ти за ёго за́міжъ иде́шъ, — чи жъ тобі не прихо́дить на ду́мку, що бере́ вінъ тебе́ не по вели́кій любо́ві-коха́нню?

»Зна́ю«, ка́же, »що вінъ мене́ не коха́е; се я давно́ и до́бре зна́ю, — та вінъ мене́ и не цура́етця. Вінъ до ме́не прихо́дить, говори́ть... Я ёго́ розважа́тиму, я ёму́ догожда́тиму, — веселішъ ёму́ у ха́ті бу́де зо мно́ю, якъ тепе́ръ самотно́му.«

— Тру́дно та́къ жи́ти, Мару́се! Щобъ ти коли́сь не ка́ялась!

»По чо́му мині тру́дно бу́де? Чого́ ка́ятись? Я ніко́ли не ду́маю, тру́дно, чи ва́жко мині бу́де: — якъ бу́де, такъ и бу́де: я перетрі́ваю; я роблю́ якъ мині моє се́рце чу́е, що́ лу́чче...«

XVI.

Повінча́ли іхъ въ осени́.

Мині було́ тоді важе́нько. Усе́ було́ кажу́ собі: дурна́, дурна́ голова́, нерозу́мна! Усе́ було́ мірку́ю и обмірку́ю до́бре, — а не помага́етця... Почала́ я тоді частішъ до Мару́сі ходи́ти — ле́гше, на́че, мині ста́ло... Одно́, що Мару́ся була́ мині за́всіди до́бра, а дру́ге, що ціка́вость моя́; я́къ то вони́ живу́ть изъ собо́ю? Почала́ я до нихъ учаща́ти...

И, було́, я́къ не при́йдешъ до іхъ — сумирно и со́гласно, та тільки чого́сь ду́же вже поря́дно, — отъ, ка́жіть, го́сті усе́ сидя́ть, а господарі́въ и нема́. Нема́, якъ то бува́ ча́сомъ, чоловікъ и жінка госте́й віта́ють: »А ну, чоловіче, внеси́ зъ комо́ри, що́ тамъ!« — »А ну́ лишень, жінко, часту́й любихъ госте́й!« що, ба́чишъ, живу́ть вони́, якъ свої, и все у іхъ вку́пі: бо́лещі и ра́дощі, ду́мки

и га́дки, ва́рти и жа́рти; чи загово́рить оди́нъ, дру́гий перехо́пить — дока́же.... А молоді Ча́йченки хочъ и рядко́мъ сидітимуть, та була́ міжъ ни́ми якъ стіна залізна. Чи той підні́метця, дру́гий уступа́е геть, місце дае́, — доторкну́тись стереже́тця; вона́ до ёго загово́рить, якъ дочка́ до ба́тька, — вінъ до не́і, якъ зять до те́щи.

Пили́пиха сумова́ла, відда́вши Мару́сю за́міжъ; зъ су́му того́ занепада́ти ста́ла.

»Якъ Богъ ми́луе?« пита́, було́, въ не́і ма́ти.

— Сама́ живу́, — одмо́вить; — того́ не ска́же, що су́мно самій жи́ти, ні въ-сві́ті.

Хо́дить до дочки́ и за́видно ій ба́чити, що тамъ безъ не́і своя́ семья́.

»А що́, я́къ дітки ва́ші?« спита́емо.

— Була́ у іхъ въ гости́ні, то усе́ гара́здъ.

»Свекру́ха ва́шу Мару́сю ду́же лю́бить, — якъ свою́ рідну дити́ну.«

— Мару́ся годи́ть свекру́сі, якъ мині годи́ла...

Зъ Ча́йченкомъ Пили́пиха пово́дилася звича́йненько, уня́тливо, тільки якъ зъ чужи́мъ-чужі́сінькимъ чоловікомъ, що нічого ёму́ каза́ти, ні-объ-чімъ ёго́ поспита́ти.

»Мій зять«, гово́рить-було́, якъ отъ ка́жуть: »дале́кий повітъ.«

— Отсе́ въ васъ тепе́реньки дво́е діто́къ: и дочка́ й синъ, — ду́мае хто улести́ть, ка́жучи.

»Въ ме́не одна́ рідна дити́на!«

Якъ вже стара́ Ча́йчиха іі́ шанува́ла, я́къ вже годи́ла ій — въ не́і на́че и о́чі й у́ха позаві́шувані. Ніко́му вона́ такъ ни́зько, та го́рдо такъ не кла́нялася, якъ тій бі́дній Ча́йчисі, що та, було́, но́чі не досипля́е, — ду́ма, за що́ ла́ски одпа́ла, та якъ зно́въ підъ ту ла́ску підійти́? Сама́ такъ намъ признава́лася. Да́лі стра́тила надію власка́вить Пили́пиху: якъ Пили́пиха до іхъ у ха́ту — вона́ тихе́нько зъ ха́ти, — десь хочъ підъ ти́номъ перебу́де. »Діжду́ся, що вона́ попроща́етця, тоді и увійду́ — не мо́жу ій докуча́ти собо́ю, не хо́чу собо́ю іі́ гніви́ти — Бо́гъ изъ не́ю! якъ би́ не вона́ мене́ смути́ла, то бъ мині таке́ до́бре життє було́ зъ ни́ми. У ха́ті въ насъ лю́бо, ми́ло! Я вже не зна́ю, кого́ я більшъ коха́ю, чи свого́ Якова, чи Мару́сю? И та́кеньки я дума́ю: чи жъ се іі́ дити́на, що така́ вона́ любя́ча, та прихи́льна, ся Мару́ся!«

Стара́ не до́вго ще пожила́: на дру́гий рікъ по весіллю вме́рла. Не ду́же й боліла.

Якъ її похова́ли, Пили́пиха почала́ де́нь-у-де́нь до дочки́ ходи́ти; до-до́му тільки на нічъ, а коли́, то й ночу́е у дочки́. Диви́тися веселішъ ста́ла.

За́здросна, та ра́дісна що зновъ сама́ зъ дочко́ю, вона́ бага́то де́-чого не добача́ла довго́. Вона́ не вважа́ла, що Ча́йченко, сливе́, до́ма й не живе́, тільки навідуетця; що яки́й вінъ смутни́й, та нетерпля́чий, та неспокійний ту рідку хвили́ну, якъ посе́дить до́ма... куди́ вінъ усе́ поспіша́етця? чого́ вінъ якъ на жари́ні? Чи все те ба́чила Мару́ся... чого́ вже не догле́дисся, якъ коха́ешъ! Мару́ся нікому не каза́ла — я хотіла якъ-не́будь розмо́ву на се наверну́ти; вона́ мовча́ла слу́хаючи мої ті підхо́ди ціка́ві, а ти́ха, до́бра та ясна́ у своїй ха́ті.

Що да́лі забувала́ся небіжка Ча́йчиха, то зновъ Пили́пиха роби́лася похмурніша — важки́мъ ду́хомъ ста́ла ди́хати вона́ на зя́тя. Спе́рше раділа, що вінъ зъ-до́му ча́сто отгожа́етця, а тамъ заввáжила, якъ ёго дожида́е Мару́ся, якъ у́стрічъ ёму́ вихо́дить... По ни́точці до клубо́чка, якъ то́ ка́жуть, и Пили́пиха вже вмічати почала́, що до́ма вінъ не гово́рить и смуту́е, а йде — вибіра́етця зъ госпо́ди — то й о́чі блищя́ть...

XVII.

Якъ ити́ одъ на́шої слободи́ до Лю́бчиківъ, то при доро́зі шино́къ стоя́въ и шинкува́въ тамъ жидъ Ге́ршко. Давно́ вже все вінъ держа́въ той шинкъ, самъ стари́й ду́же. Звісно, якъ ті жиди́ живу́ть довговічні: посиві́е, побіліе, пожо́вкне, та й тоді ще живе́, — ажъ ли́хо! Такъ и той Ге́ршко живъ-живъ... а тутъ ра́зомъ вінъ и вмеръ. Отъ и оде́ржавъ шино́къ дру́гий шинка́рь зъ на́шихъ людей, — багати́ръ, сла́вили лю́де, самъ жартовли́вий и злий, а жінка въ ёго прехоро́ша, препи́шна, превесе́ла така́, що й часъ не змигне́тця зъ не́ю.

Се було́ са́ме тоді, якъ вме́рла стара́ Чайчи́ха.

Ба́чимо, що вже Пили́пиха ти́жнівъ изо́ два не вихо́дить зъ своеі ха́ти и кро́ку нікуди, — не буває и Мару́ся въ не́і...

»А що́ се ви усе́ до́ма?« пита́емо: »якъ же Госпо́дь ми́лує?«

— Спаси́бі, до́бре.

»Ви вже давне́нько у діто́къ не були́ у своіхъ,—чи вони́ здоро́венькі? Чому́ Мару́ся не буває?«

— Въ не́і дити́на нездýжае.

»Та якъ же вона́, молоде́нька, безъ васъ тамъ запомага́етця?«

— Неха́й сама́ собі живе́, — промо́вила Пили́пиха.

»Що́ се ви, Богъ изъ ва́ми, голу́бочко! Чи у насъ зъ ва́ми діточо́къ по́ле засіяно? Вже мині Госпо́дь посла́въ ли́хо та го́ре— ёго́ Божа́ воля́, а васъ Госпо́дь ми́луе, то й шану́йтеся!

— Я въ своёі дити́ни ні-за́-що... вона́ мене́ не шану́е, не поважа́е! вона́ мене́ заміня́ла на свекру́ху, вона́ мене́ заміня́ла на свого́ чоловіка... Чи зъ-ро́ду вони́ коха́ли іі, якъ я, ма́ти рідна, пити́ма ма́ти! Вінъ іі не коха́въ — хотіла за ёго, а тепе́ръ вінъ до и́ншоі хо́дить!

»Та, мо́же, се непра́вда...«

— Непра́вда? Я вже да́вно ба́чу, я́къ вінъ зъ до́му рве́тця, я́къ вона́ ёго́ дожидае́, стріча́е, а вінъ ми́мо йде—чи гля́не; я ста́ла назира́ти. Отъ и дозна́лась, що хо́дить вінъ у шино́къ. Я пе́рше ду́мала: пье́ ни́шкомъ. Кажу́ Мару́сі: »чи ти зна́ешъ, що твій чоловікъ усе́ до ши́нку хо́дить?« Вона́ зблідла, якъ кре́йда, мовчи́ть. »Не пуска́й его́ зъ до́му«, говорю́ ій, »скажи́ ёму́.« —Якъ я ёго́ ма́ю не пуска́ти, — одмовля́е то́ді: —мо́же ёму́ діло яке́... »Скажи́ ёму́«, наполяга́ю. Вона́ таки́ а ні слове́чка ёму́ не промо́вила, якъ вінъ пішо́въ. Я іі докоря́ла—вона́ стоя́ла передо мно́ю, та мовча́ла. »А, ти віри, кажу́, ма́тери́ному ро́зуму не ймешъ?« Пішла́ я за нимъ у-тропі, и на́зирцемъ ажъ до ши́нку дохо́жу поба́чити на свої о́чі й при лю́дяхъ—мо́же, дочка́ віри пойме́ тоді. Дохо́жу до ши́нку, де тамъ ку́пка я́блунь стоіть: чу́ю, розмовля́е зъ кимъ-сь мій зять — ёго го́лосъ. А місяць світить. Бли́зче я дивлю́ся — сиди́ть підъ я́блунею молоди́ця; рука́ва въ не́і за білі ло́кті закосо́вані, у персня́хъ вона́ срібнихъ, рука́ми у станъ хибки́й узяла́ся, очі по́ночі блищя́ть блиску́чі; слу́хае, що мій зять гово́рить— и сміётця. А зять мій такі ре́чи до не́і промовля́е: »якъ тебе́ не поба́чу«, ка́же, »хочъ годи́ну, то я зъ нудьги́ пропада́ю, та зъ ту́ги: я безъ те́бе жи́ти не мо́жу! безъ те́бе жи́ти не хо́чу! Дарма́ вже, що ти мене́ занапасти́ла на-віки—неха́й я тільки отта́кеньки до те́бе прийду́, та гля́ну, та сло́во твоё, неха́й и неласка́ве, почу́ю... А вчо́ра, ка́же, вчо́ра и позавчо́ра я усю́ ні́чъ підъ ціею

яблунею стоявъ: чи вже ти того не знала?« А вона ёму: »твоя жінка молода що каже, якъ не дниєшъ, не ночуєшъ дома?« й сміетця. »Нічого«, одмовивъ ій (правду одмовивъ!) »Якъ нічого? Чи вона жъ тебе не любить?« »Не знаю « »А чому жъ ти въ неі не поспитаєшъ за се? га?« Голосно засміялася. »Ой, чоловікъ мій почуе!« схопилася зъ місця, поцілувала якъ вразила, и зникла.

Вінъ кликавъ—рукою махнула, пішовъ за нею у шиновъ, а я до дочки: »а що, чия правда? Яке діло въ его?« Дивитця на мене. »Не добрий вінъ тобі судився, тебе імъ Богъ скаравъ.«—Мамо, не гнівіть Бога, се ви вже Бога гнівите!—мині дорікае дочка моя!

»Тоді я усе ій росказала, що чула, що бачила.—«Ой, мамо, на що, було, вамъ доглежуватися, на що допитуватись? — »А тобі лучче, якъ дурять любити?«—Вінъ мене не обманюе.—»То ще віри не имешъ мині?«—Я его ніколи не питала объ сему, чи мене любить:« — Не питала, чи тебе вінъ любить? Такъ ти его не кохаешъ, чи що? — »Кохаю...« Спорится та змагаетця изо мною... Такеньки, ажъ поки вінъ повернувся пізно... Повернувся вінъ, а моя дочка иде навпроти его, двері розчиняе, якъ батькові шановному, якъ чоловікові любому... »Якъ вже ти уваги на себе не маешъ,—кажу,—то я свого зятя спитаю: де бувъ вінъ до півночи? За якою причиною? у кого?«

»Вінъ змішався и въ мисляхъ и въ словахъ, дивитця у-бікъ, а дочка моя:—годі, мамо! Се ми вже міжъ собою роспитаемось, а вамъ вже часъ спочити, коли ласка.—«Я вже більшъ нічого не казала, більшъ не слухала, середъ ночи до-дому пішла. Не була зъ того часу у іхъ, и не буду.«

— А унучечка ваша дуже слаба?

»Не велика тамъ слабість, та велике побиваннє.«

— Журятця вони дуже?

»Хто вони? Та зять мій чи й знае, що дитя нездужае —вінъ не питае и не дивитця.«

— Не відрікайтеся дітокъ, любко, — просить вже мати Пилипиху, — не відрікайтеся втіхи своеі!

»Я сама собі раду ражу«, одкаже на те Пилипиха.

— Подаруйте вже дочці своій: вона жъ его дуже такъ любить, Якова! — говорить мати.

»И я її ду́же люблю́!« одказа́ла Пили́пиха.

»Хочъ я вже одвідаю Мару́сю«, — кажу́ ма́тері, та́ й пішла́ до не́і.

Мару́ся сама́ була́ въ ха́ті, сиділа на ла́ві, хита́ючи въ обійма́хъ неду́жу свою́ дити́нку.

»Бо́же поможи́, Мару́се!« віта́ю її.

— Спаси́бі. Сіда́й, Хи́мо.

»А що́ дити́нці?«

Вона́ гля́нула на дити́нку й одмо́вила: »терпи́ть мале́сеньке.«

»Була́ въ насъ твоя́ ма́ти, Мару́се«, кажу́.

— Яка́ вона́ була́? що говори́ла?

»Не хо́че до те́бе ходи́ти; каза́ла: не бу́ду.«

— Сму́тно ми́ні те́! — промо́вила Мару́ся.

Я вже більшъ нічо́го не говори́ла за се, й пита́ти ні объ чімъ не пита́ла.

Почали́ ми ти́ху розмо́ву — зга́дуваннє. Згада́ли на́ші за́бавки да́вні дитя́чі, — пригада́ли й діво́чі безсу́мниі ча́си... Не зво́дячи очей зъ дити́нки свое́і, Мару́ся розмовля́ла изо мно́ю, хита́ючи неду́женьке.

Ча́йченко усе́ не прихо́дивъ, а вже вечоріло. Вже пізно — вінъ не прихо́дивъ. Вона́ ёго́ дожида́ла лю́бо: що́ тамъ шурхне́, шеле́сне — прислуха́ется пи́льно; сти́хне усе́ зновъ и нема́ ніко́го, — вона́ не зітхне́ на́вить, зновъ дожидае... Я й пішла́ такъ — не ба́чила ёго́, — не поверну́вся при мині. Скажи́ мату́сі моій, що прийду́ до не́і, якъ моя́ дити́нка тро́хи оду́жае, — проси́ла мене́ Мару́ся, проща́ючись.

А тутъ у кільки днівъ занеду́жала Пили́пиха. Покли́кали ми до не́і усіхъ знатни́ць и лікаро́къ, — здае́тця нико́му не впізна́лася її неду́га — яка́ була́. Въ не́і нічо́го не боліло, каза́ла вона́, тільки ходи́ла усе́ кволій та кволій, по́ки не збула́ся си́ли свое́і — тоді лягла́ вже, зне́могла́ся и лежа́ла пону́ра.

Мару́ся приіхала зъ дити́нкою — дити́нка ще не зовсімъ оду́жала, — усе́ ще квіліло кришенятко. Я памьята́ю до́бре те вре́мья, якъ, було́, у-но́чі не спимо́ усі, а у́лиця, село́ у сні, и всю́ди ти́хо. Заквіли́ть дитя́тко, схи́литця до ёго́ Мару́ся гойда́ти, а Пили́пиха блиску́чими очи́ма въ обо́хъ вдивля́етця. Вона́ не вспля́ла ночей и хвили́ночки. Якъ Мару́ся вже не па́дала коло не́і, якъ Мару́ся не годи́ла ій, — не пригорну́лася вже ма́ти до не́і

нікóли; нікóли не всміхнýлася ласкáво до сáмої смéрти своéї. Щó, булó, Мáруся прóсить: »мáмо, чогó жýритесь? чогó, мáмо, не дбáете о здорóвья своé?« Вонá не приймá нічóго тогó. И остáнне слóво її булó: »лýчче, мовля́ла, обрáженому вмéрти, ніжъ тáкъ на світі жи́ти.« И вмéрла.

XVIII.

Округи́ насъ діялось, чýлось, велóся. Щó радощівъ, а щó журби́ зважáли ми зъ бóку; скільки поженúлось на селі, зáміжъ повихóдило, народи́лося, вмéрло; я́къ рáдощі промина́ли и журбá втихáла, якъ однó по другóму наставáло усé новé у людéй, — ми жъ усé жили́ зъ своéю старóю тýгою.

Бáтько усé ходи́въ по дорóгахъ и вертáвся сивіший та похмурніший; мáти усé смутніла и слабішала. Одъ Кáтрі вісти були́ рідко, та й то не широ́кі. Отсé, булó, напрóсить мáти священика, щобъ туди́ написáвъ та спитáвъ про здорóвья й житте, то й одпи́ше Кáтря на три листи́ одни́мъ листóчкомъ своїмъ: »здорóва«, напи́ше, »живý, Бóгу молю́ся за свої гріхи́ и за вáші.«

Скільки-то слізъ вилива́лося матýсиних слýхаючи, а опісля́ зрáдуючи, скільки благáлося благословéння! У Марýсиній хáті ще гірше повелóся: що дáлі, Чáйченко зóвсімъ дóму одбúвся свогó. Шинкáрка ни́мъ тáкъ ужé заорýдувала, що вінъ у нéі підъ ти́номъ шинкови́мъ дню́е и ночýе, а щóбъ шинкáръ не мавъ на ёгó прізри, (бо ревни́вий шинкáръ бувъ), то потрóху почáвъ Чáйченко й пи́ти. Бáчили вже ёгó й пьяного лю́де, а не дýрно тежъ кáжуть: що въ твéрезого на умі, тé въ пьяного на язиці, — вінъ не встерігся, ми́ркнувъ тамъ якéсь слóво, чи дрýге, до шинкáрки, хто-сь цікáвий підхопи́въ та розслáвивъ по селý, — отъ и поговіръ ставъ недóбрий. Тоді усі до Марýсі молоди́ці зъ питáннямъ, та зъ жáлощами, усі старі баби́ зъ рáдами та зъ наýкою; тільки Марýся на усі питáння и жáління и на рáди усі: »Вінъ мині дóбрий и лю́бий; я ёгó надъ усé въ світі шанýю.« И жалібни́ці и порáдниці образи́лися, — поки́нули Марýсю: нехáй же терпи́ть, коли́ такá! Ніхтó й одвідати не одвідáе. Тільки й ходи́ли до нéі, що мáти да я́; ми — частéнько.

Одногó рáзу підхóжу горóду стéжкою до хáти, — се булó у

свя́то, — ажъ дзвінки́й ре́гітъ таки́й чу́ти, що такъ и розко́чуєтця. Го́сті въ не́і якісь?

Дохо́жу, уступа́ю. За столо́мъ сидя́ть Мару́ся и Ча́йченко и го́сті — молоди́ця и чоловікъ. Що то вже за молоди́ця була́ красови́ця! Я її за́разъ пізна́ла, хочъ ніко́ли не ба́чила. Була́ чорня́ва, въ румя́нцяхъ, білоли́ця, уста́ черво́ні сміютця, о́чі ра́дісні, убра́на світло: — змалюва́ти бъ таку́ та диви́тись, не впуска́ючи зъ оче́й, та само́му всміха́тись на ту красу́ сміль́ливу та весе́лу. Тільки отті бро́ви її висо́кі, изро́щені вьюнко́ю чо́рною гадю́чкою на чолі білому, чорніли, — щось не до́бре віщува́ли. По́ручъ зъ молоди́цею, одъ вікна́ у за́тінку, сидівъ чоловікъ плечи́стий, призе́мковатий, зъ чо́рнимъ щетина́стимъ у́сомъ; чо́рне воло́сся посиві́ло въ ёго ко́смами; одъ лівого виска́ вінъ чорня́вий, якъ гракъ, а зъ-ви́ду диви́вся вінъ зъ-підло́ба, або́ зъ бо́ку, на́че кого́ підгле́жувавъ зли́ми очи́ма своїми.

Мару́ся, почастува́вши усіхъ, одійшла́; я въ не́і и пита́ю: »хто́ се въ васъ, Мару́се?«

— Шинка́ръ изъ жінкою.

»Чи давно́ се хо́дять вони́ до васъ?«

— Се у-пе́рше прийшли́ сёго́дні.

»Якъ се зду́мали вони́?«

— Та шинка́ръ схотівъ неодмінне до насъ.

»Чого́-то?«

— Ка́же, мене́ заба́чити.

»А ти жъ до іхъ підешъ?«

— Та ще́ не зна́ю, Яківъ ще не каза́въ нічо́го; я́къ Яківъ мині ска́же.

Спокійна собі, лю́ба — отъ на́че вона́ безъ жо́дної ду́мки важко́і по квітча́стому по́лю прохожа́е ве́чоромъ ти́химъ та те́плимъ.

Ча́йченко сидівъ изъ гістьми ду́же смутни́й, зітха́въ ча́сто; шинка́ръ погляда́въ на ёго — не ласка́вий бувъ по́глядъ той: нина́че яка́ и́скра спа́хувала зъ чо́рного ёго о́ка... Шинка́рка усе́ всміха́лася.

»На що́ пье́шъ бага́то, не пи́й!« озва́лась вона́ до шинкаря́ (а вінъ ча́рку за ча́ркою випива́въ).

— Чому́ не пи́ти мині? Упью́ся — мене́ лю́ба жінка доведе́ до госпо́ди.

»А якъ не схо́чу?« задзвиніла вона́, жарту́ючи.

— Не схочешъ? — каже, а самъ її міряе поглядомъ — яка. — Або жъ хто тебе запитае, чи хочешъ?

Чайченко, слухаючи се, важко зітхнувъ и на шинкарку смутненько дивився, а шинкаръ на его пильно. Маруся вже заговорюе, питае, частуе — не звівъ очей шинкаръ зъ Чайченка, ажъ той самъ схаменувся, самъ его поглядъ на собі почувъ, — тоді шинкаръ очі въ землю вривъ.

»Хутко у васъ празникъ«, говорить Маруся до шинкаря: — »гостей же до васъ, гостей!«

— Дякувати, мене добрі люде не забувають! — одкаже шинкаръ: не такъ за мою щирість, якъ за те, що жінка хороша, славлють, — то прихильному приятелеві мило подивитися на мою краля!

Та й засміявся, а такеньки засміявся, що й шинкарка трохи стрепенулась.

»А вашъ братъ у-другихъ, чи здоровий вінъ зъ молодою жінкою?« пита зновъ Маруся.

— Помьяніть его душу, шановна хазяечко! хиба ви ще не чули? То бъ я вамъ давно вже повістивъ! Жіночку его молоду взято й завезено кудись... А вінъ втопився.

»Якъ? Боже мій! Боже мій! Бідна жъ вона людина!«

— Чого — бідна! Вона у роскошахъ теперъ — їй ще покращало у світі... Ну, якъ на мене, то бъ не такъ було: я бъ не втопився, а ні повісився бъ самъ-одинъ, а хиба вже вкупці зъ коханкою!

Схилився до своеі жінки, окомъ искрить.

— У-двохъ, кажуть, и вміраги охітніщъ! — додавъ.

Сумно стало. Мова не мовилася.

Стали гості прощатися, и побрались до-дому. Йдучи шинкарка озирнулася на Якова и махнула якось ему рукою, то-бъ-то незнарошне. Шинкаръ вхопивъ її за руку: »годі махать, пора перестати! ходімъ изо мною!«

— Отсе! не даси добре и зъ хазяйкою попрощатися, — засміялась ему шинкарка: — чи ти мене загубити боісся, якъ тую голочку?

»Коли загублю, то вишукаю, бувай на тому певна, голубко моя сива!« відказавъ їй.

И пішли до-дому. Вона, йдучи зъ нимъ, щось щебетала и сміялася, брала его за руку — обернулась ще до насъ, крикнула: бувайте здорові! Шинкаръ ишовъ не оглядаючись.

У кільки день ми перечули через людей, що счинилась сварка між шинкаромъ и Чайченкомъ, и що вигнавъ шинкаръ Чайченка зъ шинку. А счинилася тая сварка за те між ними, — казали, — що ставъ шинкаръ свою жінку зневажати — вона усе оджартовувалась, сміялася, а Чайченко не перемігъ свого серця, уступився—мабіть вже у его бриніло. Якъ же счепились вони — така буча збилася, що ледві розняли іхъ. И казавъ шинкаръ Чайченкові: »не приходь«, каже, »у шинокъ більше!« А Чайченко кричить: — Чому? — »Не приходь у шинокъ«, знову такъ-само ему шинкаръ говорить.—Чому?—»А то прийди«, промовивъ шинкаръ.

Люде вже іхъ розвели и за Чайченкомъ двері зачинили.

Шинкарка, кажуть, дуже бліда була, дуже, хочъ и не втерала на той часъ ні хисту свого, а ні всміху. Шинкаръ же веселий такий розвеселився и жарти піднявъ... повістки роспорошивъ, таке!.. А Чайченка зъ того грому ніде не бачивъ ніхто.

Я приходжу до Марусі: чи все гараздъ, Марусе?

»Чоловікъ нездужа«, смутно вона мині одказала.

— Коли се вінъ занедужавъ?

»Та вже три дні. И не їсть, и не пье.«

А вже по тій сварці три дні вийшло.

— Та де жъ вінъ?

»Лежить у кімнаті.«

А вінъ тоді кличе: »Марусе! Вона схопилася — кинулась до его.

»Хто се до насъ прийшовъ?« питае.

— Се Хима прийшла мене одвідати.

Нічого більшъ не казавъ и не питавъ. Маруся до мене вийшла.

Я тоді ій говорю:

»Марусе, чи знаешъ ти, що позавчора було?«

— Не знаю. Що було? Яківъ повернувся недужий. Вчора вранці прибігла шинкарка, задихана уся, до мене: »нехай Яківъ не приходить, бороню ему, въ насъ біда! Чуешъ—не приходь, бороню тобі!« крикнула на Якова, »въ насъ біда. Мій буде казати, що у ярмарокъ іде, що до приятеля іде, — не ими віри, не приходь.« И побігла відъ насъ. Я більшъ нічого не знаю. Мині сумно, и боюся, що ему буде недобре!

Змовкли ми та й сидимо собі мовчущі. Багато де-чого мині й чулося и згадувалось!

»Жаль«, кажу́, »жаль, та не ве́рнетця!«

— Чого́ жаль? спита́ла Мару́ся.

»Життя́ молодо́го, віку загу́бленого да́рма — чи я жъ вже тобі не каза́ла, чого́ жа́лко?«

— Мині не жаль нічо́го«, гово́рить.

Зновъ змо́вкли — сидимо́... Вже ве́чіръ пізний. Діткі́ посну́ли, сплять спокійно сині́ мале́нькиі, а на горо́ді вітеръ шумі́ть ве́рбами, надво́рі чо́рно; блі́скавиця поблі́скуе.

»Куди́ тепе́ръ підешъ у него́ду таку́«, ка́же Мару́ся; »заночу́й у ме́не.

А вже дощъ гурчи́ть, гурчи́ть, и грімъ и блискавиця й вітеръ.

»До́бре, зоста́нуся — заночу́ю въ те́бе.« И зоста́лася.

Ча́йченко лежа́въ неспокійно, въ тривозі, на ліжку, — зітха́въ усе́ — Мару́ся прислуха́лася, а до ёго не ввіхо́дила, не насміла бідне́сенька. Разъ, чи два зъ ве́чора — вінъ покли́кавъ ії, спита́въ, хто въ ха́ті въ не́і, на́че забува́въ, що я прийшла́, а що да́лі въ ночі, то все частішъ, частішъ ії кли́кавъ, и все ка́же: »хтось прийшо́въ до насъ!« — Нема́ ніко́го. — »Хтось прийшо́въ; я чувъ у-две́рі сту́кало; хто-сь підъ двери́ма, — відчини́! « Вона́ одчи́нить — нема́. Тро́шки зго́домъ, зновъ ії шле: »підъ ворітьми́ хтось сто́іть«, то: »підъ вікно́мъ хто-сь добува́етця.« Вона́ усе́ вихо́дила диви́тись, вклика́ла, дожида́ла — ніко́го не було́ цілу́ ніч тую́ чо́рну, вітряну́.

Мині почу́лося, що́ Ча́йченко пла́кавъ; Мару́ся не спа́ла, хочъ до ме́не не озива́лася сло́вомъ...

На світа́нні, чу́емо, сту́кають тихе́нько, тамъ міцні́шъ — Мару́ся ви́бігла, я за не́ю, »ху́тче, скорішъ!« гука́въ намъ у-слі́дъ Ча́йченко...

Одчиня́емо воро́та, а підъ ворітьми шинка́ръ: »здоро́ві були́!« до Мару́сі, »а де́ вашъ чоло́вікъ?«

— До́ма.

»Коли́ бъ ви до ме́не ёго́ ви́кликнули, коли́ до́ма вінъ.«

— Вінъ нездужае, лежи́ть.

»Не мо́жна й подиви́тись на ёго?«

— Нездужае. На́ що се вамъ такъ ко́нче ёго́ тре́ба?

»Я ёму́ изъ я́рмарку до́брого гости́нця привізъ. Нездужае, ка́жете? А я, мо́же, ёго́ де́ стріну по доро́зі! Щасли́во!«

Шви́дко пішо́въ, шви́дко.

Мару́ся роска́зує чоловіку, — не дає́ своїмъ пита́нпемъ промовля́ти ій. Велівъ ій ще та ще роска́зувати. Вона́ роска́зувала.

XIX.

Ще хма́ри чо́рні, важкі волокли́сь по не́бу, а тільки зъ-кра́ечку рожéво зоря́лося одъ східъ-со́нця. Ми вже й не ляга́ли спа́ти, ра́нку діжда́ли. Я беру́ся до-до́му йти. Попроща́лася, пішла́. Се було́ въ неділю. Ба́чу́, идучи́, що коло ши́нку людéй ску́пчилося бага́то, гомоня́ть та́кеньки... Бли́зче схо́жу—жіно́къ ба́чу тутъ, и ба́чу — ще іхъ біжи́ть доро́гами; бачу́, двéрі збі́тні вино́сять зъ ши́нку... »Що́ то такé?« пита́ю людéй.—Шинка́ръ зъ жінкою забі́вся! — Почали́ мині усé роска́зувати молоди́ці; ти́скають менé подиви́тись на обо́хъ...

Обóе на долівці лежа́ли, споло́щени кро́въю. Въ нéі ніжъ у пéрсяхъ вели́кий стримівъ; рука́ми вона́ ёго́ якъ сти́снула за ши́ю, такъ и заме́рли ру́ки — впили́сь. Сорочки́ на іхъ по́рвани, по́драни, нами́сто її розси́пане у крові: ду́же, ма́біть, вона́ одбива́лась. Вона́ ёго́ задуши́ла, видно́, — бо не було́ на ёму́ ніякóі пора́зи, и лежа́въ вінъ счорнівши, — вона́ лежа́ла біла-біла, зъ чо́рними брова́ми. Якъ прийшли́ чоловіки до ши́нку—зачи́нено; поча́ли сту́кати — не відчиня́ють. Надійшли ще лю́де, ба́чять—щось не пéвно — ви́били двéрі, а вони́ обóе лежя́ть...

Я метчій до Мару́сі...

»Бóже мій пра́вий!« промо́вила тільки Мару́ся.

А Ча́йченко вже кричи́ть: »Хто прийшо́въ до насъ?«

— Ли́хо ста́лося, — кажу́ го́лосно.

»Яке́ ли́хо?«

— Заби́вся шинка́ръ зъ жінкою.

Ти́хо... Ажъ-ось увійшо́въ вінъ до насъ у ха́ту білий: »Що́, що́?« пита́етця, — самъ ша́пку хапа́е, сви́ту на́ сéбе вдяга́. Мару́ся біля ёго.

»Пра́вда сёму́?« запита́въ вінъ Мару́сі.

— Пра́вда, — промо́вила Мару́ся.

»Я на свої о́чі обо́хъ ба́чила«, говорю́ ёму́.

— Я сама́ піду́ подивлю́ся, Якове, ще́ розпита́юся! — заговори́ла Мару́ся.

»Иди́, йди, Мару́се, та ху́тко верта́йсь. Скажи́ усю́ пра́вду! Верта́йсь ху́тко!«

Про́сить її, якъ дити́на мале́нька.

Мару́ся побігла. Вінъ дожида́въ, не мо́влячи сло́ва, ду́ху не зво́дячи, блиди́й, замлілий.

Поверну́лася вона́: »пра́вда«, ка́же.

Ставъ Ча́йченко пла́кати ду́же.

Біда́ та́я зовсімъ ёго́ скрути́ла; у голові ёму́ заверну́ло на́че; почне́ говори́ти, то путани́ну таку́, що й не розбере́шъ. Занеду́жавъ тя́жче, гірше, — тільки живи́й та те́плий. Грома́да тимъ-ча́сомъ дала́ вже віду спра́вникy. Набігли́ судські у-три́коньзъ бубенци́ми, изъ дзво́никами; по-тро́е, по-дво́е іхъ позира́ють зъ во́за. За́разъ усіхъ люде́й зібра́ли; за́разъ де́-якихъ повьяза́ли. Присла́ли по Ча́йченка — ходи́въ вінъ до ши́нку ча́сто. Ча́йченка то́ді гаря́чка пали́ла; безъ па́мьяти, сливе́, бувъ вінъ. Не вважа́ють,— беру́ть, везу́ть ёго́ суди́ти су́домъ. Пита́ють: одка́зи ёго́ нерозу́мні, чудні... Вки́нули ёго́ у те́мну комо́ру, звьяза́ли ёму́ ру́ки... Мару́сю жену́ть геть відъ ёго...

Вона́ до насъ діто́къ своіхъ завела́—поки́нула, а сама́ зно́въ-таки́ пішла́ туди́ до ёго.

»Не пу́стять, Мару́се!« ка́жемо ій.

— Я бли́зче бу́ду до ёго. — Пішла́.

Де́-яки́хъ люде́й ху́тко повипуска́ли и оправди́ли, хочъ нікого́ и не було́ винова́того, — а и́нші, и бага́то, ще були́ за сторо́жею, по́ки ажъ до́брої ра́ди не послу́хали... тоді й імъ вільний шляхъ дали́. А ра́да була́ така́: спра́вника *подя́кувати*. Хто вже бувъ у бува́льцяхъ, то за́разъ и зроби́въ та́къ, не вова́ючи на безневи́нность свою, а хто угина́всь, той сидівъ до́вго. Ра́ду таку́ подава́въ усімъ спра́вниківъ чи слуга́, чи прия́тель, чи ро́дичъ, хто ёго́, нікчемно́го, зна. У чо́рному кожушку́, зъ чирво́нимъ комірце́мъ ходи́въ, ша́пка кругле́нька зеле́на, зъ се́бе худи́й, жо́втий, о́чі ямкова́ті, зуба́тий таки́й... Вінъ ра́дивъ усімъ дя́кувати, а хто не слу́хавъ, то вінъ грози́въ, наполяга́въ... Спра́вникъ самъ не каза́въ ніщо́го, — дожида́въ: цілий день стоїть на поро́зі, ру́ки въ кише́няхъ, на ши́і чирво́на пле́тена ху́стка, самъ пика́тий, уса́тий, витришкова́тий, — стоїть та свисти́ть — яку́сь жовнірську ходу́ висви́щуе. Хиба́ чай испива́е, то переста́не, а ви́пивъ самова́ръ ча́ю — зновъ на поро́зі, зно́въ свище...

Подя́кувала Мару́ся—її пусти́ли до чоловіка поба́читись. Вона́ на дру́гий день знову́ про́ситця, знову́ *дя́куе*, — ста́ли її пуска́ти що-дня́. Сидівъ Ча́йченко ти́ждень ще, — вона́ усе́ ходи́ла до ёго. Гро́шей вже не було́, ста́ла спро́дувати това́ръ... »Отсе́ до́брая жона́!« хвали́въ спра́вникъ зъ поро́га, якъ вона́ прохо́дила ми́мо ёго... Вже судъ вибіра́вся зъ на́шого села́ вїзди́ти на-за́втра, вже Ча́йченка ви́пустили, — коли́ ви́шукавсь яки́йсь ро́дичъ шинкарю́ небіжчику, що ска́ржити прийшо́въ, ніби шинка́рь коли́сь ёму́ узива́въ Ча́йченка »своїмъ во́рогомъ« и каза́въ, »що тісно імъ обо́мъ у світі жи́ти.« Зновъ судъ суди́ти поча́въ; зновъ пита́ння — Чайче́нка зновъ узя́ли за сторо́жу, а тамъ у два ти́жні повезли́ ёго́ у місто, посади́ли въ остро́зі.

Мару́ся за ни́мъ пішла́. »Прощава́й», ка́же мині, »спро́дай усе́, пересила́й гро́ші.«

— Мару́се, — гово́рить їй ма́ти, — усе́ ти спро́дуешъ, а въ те́бе дітки...

»Я зна́ю... я не забува́ю...«

Попроща́лася зъ на́ми, діто́къ пригорну́ла, — пішла́.

Її до остро́гу не впуска́ють.

»Мій чоловікъ тамъ«, дово́дить вона́ усімъ.

— Твій чоловікъ повинова́чений — ёму́ тамъ и сидіти — тобі не мо́жна.

»И я ви́нна.«

— У чому́ ви́нна ти?

»Ви́нна й я, коли́ вінъ ви́нний.«

— Го́ді! иди́ геть собі! — ка́жуть їй, жаліючи.

Вона́ не йде.

— Що жъ, ти признае́сся, що ви́нна ти? — пита́ють въ не́і зновъ.

»Ви́нна.«

Каза́ли їй ру́ки извьяза́ти. Посади́ли міжъ зло́діями, міжъ убі́йниками, молоду́ та до́бру. Два місяці изъ ти́жнемъ ви́була вона́ зъ чоловікомъ тамъ, по́ки іхъ ви́пустили.

Дітки въ насъ були́. Усе́ пита́ють: де́ ма́ма? усе́ кли́чуть: ма́мо!

Мару́ся не одміни́лася — тільки пішла́ молоде́нька, а поверну́лася си́ва, якъ голу́бка

А я ще, стріча́ючи її, диву́юся, що вона́ краси́ своє́і не стра́-

тила: ті жъ óчі, чолó те жъ, — колú вонá стáла дрýгу хýстку завьязувати, — ажъ шовкóва сивинá забіліла.

Оселúлися вонú знову у своїй хáті, у глухімъ дворі, бо вже не булó тамъ нічóго живóго, щóбъ гóлосъ подалó, щóбъ крилóмъ стрепенýло — усé вже спрóдане булó... Дітки гомонять самі одні, и вже такá імъ утішка съ тóго, якъ горобці прилетять — зацвірінькають, абó гóлубъ попогýде: не полóхають, самú притýлятця підъ тúномъ, радіючи.

Чáйченко усé хорівъ, усé болівъ; відъ людéй нáче ховáвся: зъ хáти не вихóдивъ, хибá пізно, крадькомá, за горілкою у чужé селó. Пúти вінъ ставъ дýже.

Я ёгó бáчила двічи. Одногó рáзу, вінъ сидівъ безъ жóдного діла, склáвши рýки, óчі приплющовавъ, — десь, сúльне въ ёго головá боліла .. Дрýгого рáзу бáчила — вінъ спáвъ... Марýся дивúлася на ёго такúмъ пóглядомъ, якъ и пéрше, прихúльна булá, якъ перше. *Когó* вонá любúла ще? *Якóго* кохáла? Якъ зазнáти чоловіка у красі ёгó, у квітý, въ сúлі, якъ зазнáти ёгó дóброго, а часъ піде, та усé измóже, то úнше покáжетця, ніжъ гадáлося. »Мúслі жъ мої, мúслі! до кóго жъ ви прийшлú?« сказáти, та й гóді! »Багáто жалю могó бýде, — не бýде вже моéі любóві.«

XX.

Менé свáтало два жонихú... Эгé-жъ! Здáдуетця мині чáсто чоловікъ Палій, що якъ въ ёго дитúна втопúлась, хáта згоріла, — вінъ ишóвъ ýлицею, та весілля забáчивъ, и кáже: »а ті люде ще женятця!« Згáдувався мині чоловікъ Палій... Свáтало жъ двóе. Пéрший жонúхъ вбóгий бувъ пáробокъ, дóбрий, смутнúй — я не пішлá за ёго! Не булó въ мéне кохáння смýтокъ ёгó розважáти; не булó грóшей хáту неогорóжену випридóбити — не схотіла робачкóмъ стáти... Вінъ пожурúвся за мнóю, та зъ úншою оженúвся. Дрýгий жонúхъ бувъ багáтий, паровлúвий: кóнче хотівъ менé взяти за сéбе. Ёмý мáти ёгó забороняла, просúла: не жадáлося ій для свогó сúна, чепурнóго, сиротý брáти, — вінъ такú мáтіръ присúловавъ, що вонá ще самá менé мовлялá. Я не пішлá. Сей бувъ мúні зо всімъ не до сподóби: ревнúвий, незвичáйний — вінъ и любúвъ якóсь, нáче бúвся.

Якъ вже одцура́лася я ёго́ сва́тання, то тре́ба було́ жи́ти, якъ на чеку́: боя́лась ёго́ сама́-одна́ стрінути. Якъ вінъ очи́ма на ме́не світи́въ! Ма́ти жалкува́ла, що я не пішла́ за́міжъ; ба́тько тільки дослуха́въ: ёму́ байду́же було́ усе́ зъ того́ ча́су, якъ Ка́тря поки́нула. Вінъ объ не́і не говори́въ, та вже́ й ні объ чо́му не говори́въ. Сумова́въ, ходи́въ по доро́гахъ; богатівъ не-дба́ючи. Его́ Ка́тря одцура́лася, — вінъ усіхъ за те відцура́вся люде́й: и своіхъ рідних и чужи́хъ. И вже до сме́рти таки́й оста́вся самотни́й и неласка́вий. Якъ занеду́жавъ вінъ на сме́рть, то ма́ти проси́ли свяще́ника, щобъ написа́въ Ка́трі, чи не приіде вона́ зъ ба́тькомъ попроща́тись. Написа́въ свяще́никъ и гро́ши ій посла́ли.

Тя́жко було́ одного́ дні ба́тькові ду́же, — ма́ти сиділа біля ёго, та й ка́же: »Дру́же мій! Дити́на на́ша приіде до насъ.«

Вінъ ра́зомъ підвівся самъ, ди́витця на не́і. Ма́ти знову ка́же: »Ка́тря до насъ приіде.«

Дожида́ли Ка́трі — Ка́трі не було́. Смерть вже за плечи́ма. Стари́й дожида́въ — я́къ дожида́въ! и мертвівъ и ожива́въ. А ні сло́ва ніко́ли не промо́вивъ — чому́ не іде, чи бу́де — а ні о́дного! Тілько зъ ве́чора каза́въ: »я помру́ за́втра.« На-за́втра и вмеръ вінъ.

Якъ похова́ли ёго́, то въ кілько днівъ листъ одъ Ка́трі прийшовъ, що, пи́ше, »моли́тимуся за ба́тька мого́ ду́шу, а гро́ші, що мині при́слани, на це́ркву Бо́жу віддала́, — бу́дуть помина́ть, бу́дуть гріхи избіра́ть...«

Знову жило́ся...

Була́ въ насъ у слободі бубле́шниця, а въ не́і на́ймичка—вели́ка, чорня́ва дівчи́на, роботя́ща, а вже не поторо́ча така́, якъ рідко, — то було́ стрінесся изъ не́ю, пита́ешъ: »що роби́ли вн?« — »во́ду носи́ли, бу́блики пекли́«, одка́же вона́ спокійно. — »А за́втра що́ роби́тимете?« — Води́ принесемо́, бу́блики спечемо́. — »А по-за́втрёму?« — Бу́демо во́ду носи́ти, бу́демо бу́блики пекти́.«

Вмеръ въ іхъ хазя́інъ — дівчина тро́хи заклопота́лася, по́ки ёго́ похова́ли.

»А що́ въ васъ?«

— Въ насъ хазя́інъ вмеръ, и похова́ли.

»А тепе́ръ я́къ?

— Во́ду но́симо, бу́блики печемо́.

Дівчина було́ говóрить спокійно, стоїть свіжа — а тутъ и слу́хати ніяково: — диву́есся, якъ се вона́ живе́ довóлна таке́ньки, що бу́блики пече́... Бува́ють такі въ Бóга!

Намъ день мина́въ, день розсвіта́вся, весна́ йшла гріючи; наближувалася зіма́ зъ морóзами — усе здава́лося якóсь ну́дно, якóсь доку́чливо... Були́ въ насъ да́вні ра́дощі; були́ въ насъ старі сумова́ння — до іхъ тепе́ръ душа́ не озива́лася, не стрепеха́лося се́рце. Коли́ бъ!.. то бъ не та́къ, зовсімъ не та́къ було́! Тоді, якъ се́рце та душа́ жи́ві, то ви́дешъ, заба́чишъ де́рево, що вже рóки стоїть знакóме, а тутъ віта́есся: яке́ де́рево! зелени́ся, де́рево, розвива́йся! отсе́, я́къ шелести́ть! Гля́нешъ на поля́, на луги́ — які поля́, які луги́! ажъ сміе́тця щось въ тобі...

А вже якъ житте лічишъ своє́ понеділкомъ та неділею, то все тобі байду́же: що нове́, то заклопóче тільки спе́ршу, а що старе́, то вже таке́ старе́ бу́де, таке́ знаёме та безвтішне!

Та́кеньки ми жили́. Коло насъ одни́ лю́де вмірáли, нарожа́лись дру́ті... Ча́сомъ зва́ли насъ на весілля — ми ходи́ли на весілля... Найчастішъ я ходи́ла до Мару́сі.

Мару́сі не такъ жилóся, якъ намъ. Пила́ вона́ хочъ одъ гіркóі, та одъ живóі води́... Ій сóнечко не такъ світи́ло, якъ намъ; ій и пташки́ ина́чій щебета́ли...

XXI.

Чи вели́кий, чи мали́й часъ збігъ — ма́ти занеду́жала. Сказа́въ би, рада́ вона́ своїй неду́зі була́: »Отсе́ й мині вмірáти«, ка́же, »отсе́ и моя́ годи́на! Біжи́, Хи́мо, до свяще́ника, проси́ — неха́й пи́ше за́разъ до Ка́трі, щобъ приїхала похова́ти ма́тіръ. Біжи́, лю́бко, не бари́ся!«

Зновъ написа́въ листъ свяще́никъ, зновъ туди́ грóши посла́ли.

»Отсе́, не іде Ка́тря!« мути́тця ма́ти: »хто жъ мене́ опла́че! Мабіть, не пуска́ють ії тамъ; коли́ бъ я ви́дужала, то бъ я вже сама́ до не́і поїхала одвідати, поба́чити... Чи поба́чу ії вже коли́? Коли́ бъ я оду́жала, то бъ я ії одшука́ла, де́ вона́... Чи я вже ії не поба́чу?«

Одъ Ка́трі таки́й са́мий листъ одібра́ли, що: »молитимуся за

ма́терину ду́шу, а гро́ши на помина́ння віддала́ — бу́дуть помина́ть, гріхи́ бу́дуть одпро́шувати.«

»О, дити́но ми́ла! не поба́чу вже я тебе́!« промо́вила ма́ти и запла́кала.

»Похова́й мене́, Хи́мо«, гово́рить мині: »похова́й мене́ га́рненько. Тобі бу́де неха́й на́ша ха́та, се тобі неха́й бу́де. Помьяни́ мене́, голу́бко. Сядь до ме́не бли́зче, лю́бко! близе́нько сядь!« усе́ проха́ла мене́.

Передъ сме́ртю говори́ла: »Мо́же коли́ поба́чишъ Ка́трю мою́, мо́же бу́де нездужати, боліти, — послужи́ ій, се́рце, не поки́нь!«

Усе́ Бо́гу моли́лась, все́ моли́лася — до оста́ннеї годи́ни. Ти́хо и су́мно вме́рла.

Якъ іі похова́ли, то зновъ Ка́трі зна́ти дава́ли, що ма́ти вже вме́рла, що зоста́лися ій лани́, степи́ и гро́ши. Тоді одписа́ла Ка́тря, що бу́де сама́, приїде сама́ опоряджа́ти, що́ ій у-спадку́ діста́лося. — Ми ста́ли іі дожида́ти.

Діжда́ли.

Якъ ба́чу той візъ, кри́тий, палубча́стий, що притяга́е до на́шого дво́ру. Було́ се ра́нкомъ, — ра́нокъ сла́вний, я́сний, паху́чий: у но́чі до́щъ перепа́въ.

Я ви́бігла за воро́та. »Ка́тренько, де́ ти?«

Ніхто́ не обізва́вся мині. Вила́зила пе́рше зъ во́за опо́листа, румья́на чорни́ця и хрестила мене́. За не́ю Ка́тря.

Ка́тря тежъ мене́ перехристи́ла — ле́дві на ме́не гля́нула вона́ — и за чорни́цею у ха́ту увійшла́. Я за ни́ми уступи́ла. Чи жъ вона́ мене́ не памьята́е—забу́ла? Се́рце, що було́ стрепену́лося, то прити́снуло ёго́ тя́жко...

»Охъ, якъ же втоми́лися ми«, почала́ румья́на чорниця, скида́ючи зъ се́бе чорні свої ря́си одну́ по дру́гій: »вже іхали ми, іха́ли, та й го́ді сказа́ли!«

Гласъ въ не́і бувъ такий, що для глухи́хъ до́брий.

Ка́тря стоя́ла у сто́ла, розбіра́ючи чо́тки у рука́хъ.

Була́ ще вона́ зъ се́бе ду́же хоро́ша, хочъ я́къ змарніла и о́чі впа́ли и сама́, якъ ни́тка, біле́нька ста́ла. Вона́ яко́сь захолоділа... На духъ-мару́ вона́ похо́дила зъ своімъ нездвиже́ннимъ обли́ччемъ, изъ своімъ по́глядомъ безпричаснимъ... А ще́, въ тій до́вгій ря́сі чо́рній, у тій чо́рній покрива́льниці!..

Хочъ би вона́ що́ въ ме́не спита́ла! Хочъ би до ме́не сло́во промо́вила!

Чорни́ця зновъ говорить: »Втоми́лися якъ, Бо́же ми́лий! Ле́дві ди́хаемо!«

А тамъ додае́: »Вже со́нечко підби́лося на снідання...«

Гля́нула на Ка́трю — Ка́тря стоіть, не чу́е и не озива́етця.

»Се́стро!« до Ка́трі посмика́ючи ії міцне́нько за рука́ва: »тре́ба на́мъ підживи́тися?«

— Якъ завво́лите, се́стро Мела́нія, — одказа́ла Ка́тря.

Я ле́дві дочу́ла: безодголо́сно таке́чки вона́ гомоніла.

»Дівчино!« приклика́е мене́ сестра́ Мела́нія: »ходи́ ли́шень бли́зче, — я́къ на имья́?«

— Хи́мою зву́ть, — кажу́.

»Хи́мо, чи не дала́ бъ ти намъ поснідати?«

— За́разъ изготу́ю, — кажу́.

Почала́ я готува́ти снідання, а чорни́ця за мно́ю у комо́ру, пшона́ одміря́е у гле́чикъ, одсипа́е муки́ у ми́ску, смета́ни у полу́мисокъ; сливья́нку набіра́е; хлі́бъ кра́е; порозчиня́ла столи́, доста́ла ска́тірку, стілъ застеля́е — жвава та хапка́я, Го́споди-світе!

Ка́тря усе́ стоя́ла сама́. Сестра́ Мела́нія одхили́ла ії руко́ю одъ сто́лу, накрива́ючи, — Ка́тря сіла на лавці тоді.

Гото́ве снідання — ста́ли снідати. Сестра́ Мела́нія Ка́трю бли́зче посади́ла. Ка́тря послу́хала, близе́нько прису́нулась, а істи ні́чо́го не іла вона́, окрімъ мале́сенький шмато́чокъ хліба изъ водо́ю. Сестра́ Мела́нія снідання впо́рала. Ма́ла вона́ три́дцять и два зу́би білі та здоро́ві та роботя́щі. О, які́ жъ зу́би! Усе́ моло́ла ни́ми, якъ жо́рномъ до́бримъ.

По снідання, ста́ла сестра́ Мела́нія до Ка́трі говори́ти:

»Се́стро! тре́ба усе́ те́перъ до́бре впоряджа́ти, тре́ба ху́тче, щобъ тутъ намъ не забари́тися...« А очі въ не́і почали́ прижму́рюватись; гово́рячи, яко́сь мимовільне мости́ла вона́ бли́зче до се́бе дві вели́кі подушки́ у краплистихъ те́мнихъ поши́вкахъ, що зъ во́зу я внесла́.

»Не тре́ба бари́тись«, ще промо́вила зітха́ючи, »о... о...« ви́мовила ще разъ, вже зовсі́мъ на подушки́ схили́вшися голово́ю... Спа́ла. Му́хи по-надъ не́ю гули́, му́хи ії куса́ли — спа́ла.

Ка́тря сиділа, схили́вши го́лову. Чи моли́лася вона́? бо шепта́ла щось и румья́нцемъ закраси́лася живи́мъ. Я до не́і бли́зь-

ко підступи́ла и кажу́: »Ка́тре, чи ти вже мене́ зовсімъ забу́ла? Чи не пізнаєшъ?« Румя́нці одра́зу збігли зъ її обли́ччя; оберну́ла на ме́не вже безприча́сні о́чі свої и одказа́ла мині: »я тебе́ пам'ята́ю.«

»Чому́ жъ се така́ до ме́не неласка́ва? Чомъ не заговоришъ до ме́не?«

— Усі слова́ пра́жні. Тре́ба моли́тись...

— Ка́тре, чи ти зна́єшъ, що Мару́ся за́міжъ пішла́?

»Бо́же благослови́.«

— За Ча́йченка пішла́.

»Бо́же благослови́.«

— Вона́ нещасна ду́же.

»Бо́жа во́ля!«

Усе́ мині одка́зує, якъ-на́че по псалти́ру чита́є.

»Чи ти коли́ зга́дувала насъ? зга́дувала люде́й?«

— Я молю́ся за васъ и за всіхъ люде́й.

»Спаси́бі. А ти вже мене́ тепе́ръ и тро́хи не лю́бишъ?«

— Госпо́дь повелівъ усіхъ люби́ти, — и ворогівъ.

»То ти мене́ якъ во́рога жа́луєшъ, чи що́? Чи жъ у те́бе вже нема́ и въ світі нікого любого? нема́ нічого ми́лого?«

— Мині усі рівні, за всіхъ молю́ся.

»Й усі вороги́ тобі?«

— Ко́женъ чоловікъ другому во́рогъ вели́кий, во́рогъ лихи́й, — промо́вила зъ о́паломъ: о́чі зайскрились, задрижа́ли у́ста: пізна́лася мині да́вня Ка́тря. Огне́мъ да по́ломьемъ відъ не́і пахну́ло — якъ колись.

»А семья́? а роди́на?« кажу́.

— Усі! усі! Прихиля́ють до се́бе ду́шу, боро́нять до Бо́га!

»Такъ усіхъ ки́дати?«

— Ки́дати, ки́дати! Въ Бо́зі спасе́ніе! Бо́же мій! Бо́же мій! поми́луй на́съ! — покли́кнула су́мно.

»Амінь!« одказа́ла зъ ла́вки сестра́ Мела́нія глу́хо. Переспа́ла вона́ свій дзвінни́й го́лосъ. »Амінь« ще разъ ка́же, та й позіхну́ла та́кеньки, що въ ме́не рука́ва зама́яли, а які му́хи по столу ла́зили, то носко́чувалися, якъ насіння одъ вітру. До́вго ще потяга́лася на ла́вці. Да́лі уста́ла, прибра́лася у ря́си: »Ходімъ вже до ба́тюшки«, прика́зує Ка́трі.

Й пішли́. И мині веліла йти изъ собо́ю сестра́ Мела́нія, доро́гу пока́зувати.

По́ки ми дійшли́ до свяще́никового дво́ру — біля це́ркви стоя́въ зъ двома́ ко́мінами и зъ рундучко́мъ підъ підда́шше, — поки́ дійшли́, кажу́, то вже сестра́ Мела́нія зовсімъ чуйна́ була́: хочъ о́чі одъ спання́ помаліли, та диви́лися гу́сто и жва́во.

Свяще́никъ стрівъ насъ, увівъ у кімнату.

Сестра́ Мела́нія посіла у яко́мусь вели́кому кріслі, що въ нёму ма́ло було́ придо́би, а бага́то цвя́хівъ. Ка́тря ста́ла біля не́і, а я по-за Ка́трею.

»Сіда́йте жъ бо, батю́шка!« про́сить ёго́ сестра́ Мела́нія.

Ба́тюшка сівъ проти не́і та й зака́шлявся.

»А що́ се — ка́шель васъ напа́въ, ба́тюшка?« пита́ сестра́ Мела́нія. »Ли́поваго цвіту напи́йтеся у-ве́чері, на́ нічъ. Та чого́ се ви такі на виду́ жо́вті? Чи не жовтяни́ця? Й поси́віли ви зовсімъ, а мабу́ть ще не ду́же й старі, — боліли на го́лову?«

Ба́тюшка самъ бувъ розу́мний и розсу́дливий, та сми́рний — сторопівъ, слу́хаючи іі та на не́і ди́влячись — тільки голово́ю кива́въ.

»Отсе́ ми до васъ приіхали зъ ва́шою да́внёю порахвія́нкою«, почина́е дру́гу вже річъ сестра́ Мела́нія: »вона́ мині приру́чена. Спа́докъ ій одъ роди́телівъ, якъ зна́ете; вона́ усе́ оджа́лувала на манасти́ръ. Ми приіхали усёго того́ роздиви́тися, опоряди́ти. Вамъ звісно, що тутъ ій нале́жить, — покажіть мині, ко́ли ла́ска ва́ша бу́де. Ра́зомъ вку́пі зъ ва́ми для Го́спода Бо́га на́шого потрудімось.«

Тоді пішли́ по степа́хъ, по лана́хъ огляда́ти, грома́дськихъ люде́й кли́кали цінува́ти. Сестра́ Мела́нія ни́кала скрізь по всіхъ кутка́хъ, мути́лася, підбіга́ла, пригляда́ла, прислуха́ла; Катря ходи́ла за не́ю слідомъ, не гля́дячи округи́. Місця́ знако́мі коло не́і процвіта́ли — вона́ не вважа́ла. Нігде́ не припини́лась, и разу́ не огля́нулась. Въ ха́ту якъ ми поверну́лися, то тамъ вже люде́й понахо́дило бага́то. Віта́ли Ка́трю, пита́ли... Вона́ на́че ніко́го зъро́ду не ба́чила и нічо́го не зна́ла, хто й які прийшли́.

Одчини́ли скри́ні, ста́ли лічи́ти гро́ші, які тамъ були́. Ба́тюшка усе́ заше́птувавъ и запи́сувавъ; сестра́ Мела́нія тежъ собі пірце́мъ черка́ла — Ка́тря усе́ стоя́ла оддалі́къ, не гле́дючи...

Лю́ди потро́ху розійшли́ся...

»Ви до́бре се зна́ете, ба́тюшка, що ха́та цій дівчи́ні приділена відъ небіжчиківъ?« пита́лася ба́тюшки се́стра Мела́нія ажъ двічи.

— Зна́ю до́бре, — говори́въ ба́тюшка.

»Та вона́ жъ дале́ка ро́дичка, а дочка́ е́ рідна...«

— Така́ була́ во́ля іхъ. Вони́ дівчину жа́лували.

»И дру́гі зна́ють те́?«

— Якъ же! свідки е́.

»А!« ка́же.

Більшъ вже не пита́ла.

XXII.

Прийшла́ Мару́ся до Ка́трі. Була́ вона́ ти́ха, смутна́ и ласка́ва.

»Зна́е?« спита́ла мене́.

— Зна́е, — кажу́, — та ій за все байду́же. — Ка́тря ії спершу́ не пізна́ла, а на віта́ння одказа́ла: »Благослови́, Го́споди!«

»Се Мару́ся«, говорю́ ій.

Тоді вже вона́ пізна́ла и знову ка́же: »Бо́же благослови́!«

Мару́ся стоя́ла передъ не́ю.

»Сіда́й, Мару́се!« прошу́.

Вона́ не схотіла, чи не вчу́ла, стоя́ла и диви́лася на Ка́трю. Ка́тря непоруха́ма сиділа. Більшъ не було́ ніко́го въ ха́ті.

»Ка́тре«, промо́вила до не́і Мару́ся: »чо́мъ ти сло́ва не промовишъ? Чи мині звели́шъ говори́ти, Ка́тре?«

— Що́? — пита́ Ка́тря, — що́ говори́ти?

»Бачъ, Мару́ся вже си́ва ста́ла зовсімъ«, кажу́, зня́вши ху́стку зъ Мару́сі.

Подиви́вшися, ка́же: — си́ва.

Посиділа Мару́ся мо́вчки и попроща́лась. Ка́тря ії хри́стить.

»Ка́тре!« промо́вила Мару́ся: »въ ме́не діти...«

— Бо́же іхъ благослови́! — одказа́ла Ка́тря, по своє́му звича́ю.

Якъ сама́ вже вона́ ніча́мъ лю́дськімъ не мути́лася, — та ще й не вважа́ла, якъ въ и́ншихъ се́рце колоти́лося.

Мару́ся додо́му пішла.

На тре́тій день Ка́тря изъ сестро́ю Мела́ніею поіхали. Мару́ся ще прихо́дила попроща́тися. Ка́тря проща́лася такъ са́мо, якъ віта́лась... Хочъ бы вона́ лице́ запечали́ла! хочъ би озирну́лася разо́чокъ!

»Якъ одміни́лася!« промо́вила Мару́ся, дивля́чись у слідъ за тимъ во́зомъ кри́тимъ, по доро́зі.

— А памьята́ешъ, яка́ була́ вона́? — кажу́.

»Якъже!.. до́бре памьята́ю.«

Ще ми посто́яли, подиви́лись. Мару́ся пішла́ до сво́еі госпо́ди, а я іі провела́ и въ не́і тро́хи поси́діла.

Яківъ усе́ хорівъ, усе́ болівъ. Давно́ вже вінъ не роби́въ нічо́го: — не здола́въ. Па́дала коло всёго сама́ Мару́ся. Бага́то було́ ій діла въ госпо́ді, ве́лико печа́лі на се́рці.

Ве́село, якъ е́ кімъ радіти, та й те до́бре, коли́ е́ объ кімъ попла́кати. Ей-же-Бо́гу мое́му, до́бре! Гірка́ та жива́ вода́, кажу́ вамъ...

Вихо́жу я одъ Мару́сі и вона́ мене́ до ворітъ дово́дить, а за не́ю дітки топотя́ть дрібне́нько-важе́нько...

»Подиви́сь«, ка́же вона́, »подиви́сь, Хи́мо, усі тройко́ у ёго́ ви́лились — моі чорня́венькі!«

И сгорну́ла іхъ усіхъ до се́бе. А вони́, хто зъ па́личкою у руці, хто зъ хлібомъ, зъ пісо́чкомъ въ жме́ньці, жва́венько ди́влятьця... Ти́ха и вбо́га ха́та зъ вишне́вимъ садко́мъ!

Я живу́ собі придо́бно на своій сели́дьбі. Сусіди до ме́не хо́дя́ть, а я зновъ до іхъ — одвідуемось. Ра́димось, якъ горо́ди засіва́емо; вку́пі нашъ одпочи́вокъ у свя́то.

Часъ за часъ, а къ ве́чору бли́зче...

Марко Вовчокъ.

НА ВКРАІНУ.

Украіно, Украіно!
Нáше сóнце ясне!
Чи є въ світі щó відъ тéбе
Миліше и крáще?
Стрепенéтця бідне сéрце,
Якъ тільки згадáю...
Полснýвъ би я до тéбе
Да крилéць не мáю!
Тамъ, на гóрі, на висóкій,
Підъ гáемъ зелéнимъ,
Стоіть хáта бáтьківськая
Зъ садóчкомъ вишнéвимъ.
Є и пóле кругъ хатúни,
И лугъ надъ Деснóю...
На щó жъ ми тутъ літá трáтимъ,
Въ чужúні, зъ журбóю!
Дóки стріху солóмьяну
Вітру развівáти,
Дóки грýкать въ вікóниці
Бáтьківськоі хáти?
Пустé, німé подвірьячко,
Рундýкъ зацвівъ мóхомъ,
Кілле зъ тúну розібрáли
Сусіде потрóху;
Садъ вишнéвий, гай зелéний —
Дé ви?.. пенькú всюди!..
Безъ хазяіна худóба
Плáче, кáжуть люде...
Відсýну я кватúрочку —
У вікóнце гляну:
Попідъ гáемъ зеленéнькимъ
Шляхъ идé въ Укрáйну.
Любо мині на чужúні
На той шляхъ глядіти,

Якъ на свою жінку-любку,
Якъ на квіти-діти.
Летять пташки зъ того краю —
Може й зъ Украіни? —
Попідъ хмарами чорніють,
Ледве-ледве видні...
Пташка Божа по всімъ світу
Літае по волі:
Схоче — здійметця підъ небо,
Схоче — сяде въ поли;
Чомъ же, чомъ на Божімъ світі
Я не маю волі?
Моя воля зъ вітромъ въ поли
Десь шукае доли.
О, колибъ я мавъ ту волю,
Що пташка... давно вже
Полетівъ би въ Украіну...
Та-ба! стій, небоже!

Украіно, Украіно!
Ажъ серце заграе,
Якъ мині що на чужині
Тебе нагадае...
Онъ, вона, лебедя біла!
(Серденько трепече!)
Тамъ весело сонце сяе,
Дніпръ хвилями плеще, —
Дніпръ широкий, Дніпръ глибокий,
Якъ у давні пори,
Що носивъ човни козацькі
На Чорнее море.
Я — на березі, дивлюся —
Чи не рай то бачу?
Туди руки простягаю,
Якъ дитина плачу!
О, на що насъ, рідна мати
Пускаешъ відъ себе,
Коли наше щасте й доля
Тільки-що край тебе?..

Були́ ча́си, сму́тні ча́си,
Якъ ти вся пала́ла
И слиза́ми — своїхъ дітокъ
Ра́ни обмива́ла.
Були́ ча́си — тяжкі ча́си —
Бода́й не верта́лись! —
Якъ поля́ твоі и сте́пи
Кро́вью залива́лись,
Якъ съ кінця́ въ кіне́ць ирва́ли
Тебе́ злиі лю́де...
Тільки жъ то́ було́ давно́ вже —
Більшъ, мабу́ть, не бу́де...
— Чого́ жъ ти така́ смутна́я?
Ту́га се́рце су́шить,
Безтала́нну голо́воньку
Недо́ленька кру́шить!
Що́ жъ тобі зъ тихъ да́вніхъ ча́сівъ, —
Що пройшли́ мовъ ла́ва, —
Що оста́лось, рідна ма́ти?.. —
»Си́ну! до́бра сла́ва!«

Филимонъ Галузенко.

ИЗЪ АНТОЛОГИІ.

I.

ЭЛЛАДА.

Го́лосно въ світі гула́ твоя́ чародійная сла́ва,
Зма́лку геро́ямъ твоімъ привика́въ дивува́тись школя́ръ;
Слёзи наро́дівъ текли́ на руіни твоі; на коліняхъ
Мо́вчки стоя́въ, гледючи́ на тебе́, заворо́жений світъ.

Шко́да сла́ви твоéі, вродли́вая, кра́сна краіно!
Шко́да твого́ Парѳено́на, шко́да теа́трівъ твоіхъ;
Шко́да Соло́новихъ правъ, хитромо́вних річе́й Демосѳе́на,
Шко́да вели́коі на́вітъ Тимоле́она души́.

Ти не спиня́ла діте́й... вони́ гри́злись зъ собо́ю якъ звірі;
Ти все шука́ла свобо́ди — нікче́мная гро́шей раба́!
Ти прославля́ла війну́ людоїдну, и въ Спа́рті проклятій
Панъ для потіхи пуска́въ злихъ на Ило́та соба́къ!...

Ти научала наро́ди втіка́ть до нево́ли одъ во́лі,
Ти запсува́ла найкра́щий не́ба восто́чного даръ...
Па́мьять посме́ртна твоя́ засліпля́ла мано́ю намъ о́чи;
Ми, на тебе́ гледючи́, не ба́чили са́ми себе́.

II.

ДАВНИНА.

Якъ то недо́бре на світі було́,
Якъ світомъ безка́рні боги́ управля́ли!
Ма́інъ прово́рний и хи́трий сино́къ
Всіхъ покрива́въ — и хапу́гъ и злодіївъ.
Зму́тить, бува́ло, чор'зна́е зъ чого́
Рідъ чоловічий Аре́й-гайдама́ка, —
Ллю́тця ріка́ми и слёзи и кровъ
За-для утіхи тихъ лёжнівъ безсме́ртнихъ.
Якъ же заду́ма яки́й Прометей
Ро́зума світломъ прогна́ти темно́ту —
Сца́пають за́разъ боги́ молодця́
Та й оддаду́ть на пота́лу шулікамъ.
Въ той часъ Юпи́теръ якъ хо́че гуля́:
Дощъ золоти́й розсипа́е дівча́тамъ,
Чи переки́нетця білимъ бичко́мъ —
Ска́че, мичи́ть, борі́ка́е рога́ми;
Лю́де жъ, на шту́ки такі дивлючи́сь,
Го́лови мо́вчки побо́жно схиля́ють:
»Истино«, ка́жуть, »не вілъ се, а богъ...«

А Прометея нового нема́е...

1842.

Іеремія Галка.

I.

Гей-гей, воли́! Чого́ жъ ви ста́ли —
Чи ду́же по́ле заросло́,
Чи леміша́ гіржа́ поіла,
Чи затупи́лось чересло́?
Бади́лле зсо́хло, вже й вали́тця,
Лемішъ я до́бре настали́въ,
А чересло́ моє́ нове́е...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Чи зсо́хло по́ле?
Чи плугъ у зе́млю не иде́:
Чи деревья́ная поли́ця
Тяжко́і ски́би не зведе́?
Земля́ пухка́я, плугъ не сто́гне
И ски́бу до́бру відвали́въ,
И борозна́ уже́ чорніе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Зъоре́мо по́ле,
Насіемъ я́рого дзерна́,
Пройде́ разо́къ тонке́е ра́ло
И пробіжи́тця борона́;
А тамъ — диви́сь — зібра́лась хма́рка,
Дрібне́нький до́щичокъ поли́въ —
И ни́ва шо́вкомъ зеленіе...
Чого́ жъ ви ста́ли? Гей, воли́!

Гей-гей, воли́! Дзерно́ поспіе
И заколо́сятця поля́,
И ве́рне намъ за пітъ крива́вий
Изъ-ли́шкою свята́ земля́.
Тоді збира́й коло́сся по́вне
Та тільки Го́спода хвали́...
Чого́ жъ ви ста́ли, мої діти?
Пора́ наста́ла! Гей, воли́!

II.

Повій, вітре, на Вкраіну,
Де поки́нувъ я дівчи́ну,

Де покинувъ чорні очи...
Повій, вітре, съ полуночи.

Міжъ яра́ми тамъ долина,
Тамъ біленькая хатина;
Въ тій хатині голубонька,
Голубонька-дівчинонька.

Повій, вітре, до східъ-сонця,
До східъ-сонця, край віконця. —
Край віконця постіль біла,
Постіль біла, дівча́ миле.

Зупинися нишкомъ-тишкомъ
Надъ румяянимъ білимъ личкомъ,
Надъ тимъ личкомъ зупинися,
Чи спить мила — подивися.

Якъ спить мила, не збудилась —
Нагадай ій, съ кимъ любилась,
Съ кимъ любилась и кохалась,
И кохати присягалась.

Якъ забьетця ій серденько,
Якъ дівча́ зітхне тяженько,
Якъ заплачуть чорні очі —
Вертай, вітре, къ полуночи.

А якъ мила позабула,
Якъ нелюба пригорнула —
Ти розвійся край долини,
Не вертайся зъ Украіни...

Вітеръ віе, вітеръ віе;
Серце тужить, серце мліе...
Вітеръ віе, не вертае,
Серце зъ жалю заміраe...

Подолянинъ Ст. Руданській.

I.

ВЕЧІРЪ.

Чи згáдуешъ, дівчи́нонько моя́,
Якъ згáдую безъ тéбе я́
Той вéчіръ ти́хий надъ водóю,
Якъ сумувáли ми зъ тобóю,
Що Богъ намъ дóленьки не дáвъ?..
Въ садóчку соловéй співáвъ,
За гáй спускáлось сóнце я́сне,
Плескáлась ри́бка на воді...
»Отъ, скóро й Бóжий день погáсне,«
Сказáла ти тоді —
И загадáлась й зажури́лась,
Голóвкою на рýченьку схили́лась —
И на рукáвця изъ очей
Слёзá тихéнько покоти́лась....

Бажáвъ я бáчить світъ, людéй, —
Та й бáчивъ світъ, зъ людьми́ спізнáвся...
А все туди́ не разъ душéю рвáвся,
Дé соловéй въ садкý співáвъ; —
Въ той вéчіръ ти́хий надъ водóю, —
Дé сумувáли ми зъ тобóю,
Що Богъ намъ дóленьки не давъ...
Ненáче тамъ я щáстє поховáвъ!

II.

ЖУРБА.

Стоіть горá висóкая,
По-підъ горóю гай,
Зелéний гай густéсенький,
Ненáче спрáві рай.

Підъ гáемъ вьéтця річенька:
Якъ скло́ вонá блищи́ть,
Доли́ною зелéною
Куди́сь вонá біжи́ть.

Край бе́рега, у-за́тишку,
Привья́зані човни́;
А три верби́ схили́лися,
Мовъ жу́рятся вони́,—

Що про́йде лю́бе літечко,
Повіють холода́,
Оси́плетця ихъ ли́стячко—
И понесе́ вода́.

Журю́ся й я надъ рі́чкою...
Біжи́ть вона́, шуми́ть,
А въ ме́не хи́ле се́рденько
И мліе и боли́ть.

Ой річечко, голу́бонько!
Якъ фи́лечки твоі —
Пробігли дні щасли́виі
И ра́дості моі!

До те́бе, моя́ річенько,
Ще ве́рнетця весна́;
А молодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Стоіть гора́ висо́кая;
Зеле́ний гай шуми́ть;
Співа́ють пта́шки го́лосно
И річечка блищи́ть...

Якъ хо́роше, якъ ве́село
На білімъ світі жить!...
Чого́ жъ у ме́не се́рденько
И мліе, и боли́ть?

Боли́ть воно́ та жу́ритця—
Що ве́рнетця весна́,
А мо́лодість... не ве́рнетця —
Не ве́рнетця вона́!...

Л. Глѣбовъ.

БАЙКИ.

I.

ДОЛЯ.

У дощову́ пили́півськую нічъ
Забра́вся Ива́нъ на пічъ,
Та й спочива́е;
Ажъ чу́е,—підъ вікно́мъ гука́е:
»Здоро́ві! ве́чіръ до́брий вамъ!«
— Здоро́въ! а хто́ ви та́мъ? —
Иванъ у про́сі обізва́вся.
»Хворту́на я; чи ждавъ мене́, чи сподіва́вся?«
— Не сподіва́вся, нічого бреха́ть... —
Встава́й же, го́ді спать;
Бери́ міш́окъ, вихо́дь хуте́нько;
Червінчиківъ копи́цю я найшла́ —
И чимале́ньку, —
Да це и до тебе́ прийшла́,
Щобъ и съ тобо́ю поділи́тьця,
Капійчина тобі згоди́тця...«
— Ось за́разъ одягну́сь. —
»Да йди и та́къ.« — Постій, підпережу́сь... —
»Чи я тебе́ дожду́сь?«
— Да дай, хоть чо́боти надіну,
Да одягну́сь въ свити́ну... —

Поки́ Ива́нъ збіра́вся —
Обу́вся, одягсь, підпереза́вся,
Да ви́йшовъ зъ ха́ти—
Хворту́ну помина́й якъ зва́ти!..
И слідъ ії прости́гъ...

Ива́нъ и ру́ки опусти́въ;
Верну́вся у ха́ту, сівъ да на Хворту́ну пла́че...

А я бъ ёму́ сказа́въ: не щó-бо-й щó, коза́че!
Не на Хворту́ну — на себе́ жалку́й:
Тоді залізо куй,
Якъ ще воно́ гаря́че.

Р. В.

II.

ПРОХОЖІ ТА СОБАКИ.

Черезъ лева́ди та горо́ди
Два ку́ма йшло́ зъ весілля до госпо́ди.
Бреду́ть, бала́кають про щóсь...
Ажъ-óсь —
Де́ не взяла́сь Соба́ка въ біса —
Чи зъ-підъ.ворітъ, чи изъ-за ліси —
Присікалася, ажъ вищи́ть...
Коли́ погля́нуть — ще́ біжи́ть
Мабу́ть съ деся́токъ, чи й не більше.
Та якъ напа́ли, ба́тю мій!
Одна́ гара́здъ, друга́ ще гірше,
Кіндра́тъ маха́ ціпкóмъ мерщій.
»Ось не займа́й-лише́нь, Кіндра́те«,
Тутъ обізва́всь до ёго Климъ:
»Я іхъ нату́ру зна́ю, бра́те;
Відче́плютьця... ось-ну, ходімъ, —
Та не маха́й и не диви́ся...«
Отъ, и пішли́ вони́... иду́ть-собі та йду́ть...
Соба́ки й спра́вді унялися,
А да́лі ста́ло вже й не чу́ть.

Отта́къ и завидни́і лю́де
(Вони́ е́ всюди!..)
Якъ щó завидно імъ — куди́! —
Бреха́ти, мовъ соба́ки, ста́нуть...
А ти собі иди́ та йди́
Набре́шутьця, та й переста́нуть.

Л. Глѣбовъ.

СТЕ́ХИНЪ - РОГЪ(¹).

Отцéва й мáтчина молитва зі дна мóря виймáє,
Одъ гріхівъ смертéльнихъ дýшу одкупляє...

(Дума о бурѣ на Чорномъ морѣ).

Въ мирное время, передвиженіе войскъ совершается чрезвычайно медленно. Послѣ двухъ небольшихъ переходовъ слѣдуетъ днёвка, и полкъ—часто случается—пройдетъ не больше ста верстъ въ недѣлю. Съ перваго взгляда, такое странствованіе покажется нестерпимо-скучнымъ, но кому приходилось *ломать походы*, тотъ вспоминаетъ объ нихъ съ удовольствіемъ. Перемѣна мѣстъ увлекаетъ; съ каждымъ днемъ, какъ въ калейдоскопѣ, все вокругъ мѣняется: иная природа, иныя лица, иныя нарѣчія. Походъ представляетъ неисчерпаемый источникъ для наблюденій. Есть возможность осмотрѣть все, освященное временемъ и исторіей; вглядѣться въ бытъ, въ нравы и обычаи жителей проходимаго края, прислушаться къ ихъ рѣчи, къ народнымъ толкамъ, пѣснямъ, повѣрьямъ и преданіямъ. Передъ вами живая книга: читайте ее и любуйтесь; передъ вами вѣчно-юная природа, свѣжая душа народа, истина неподдѣльная, неподкрашенная.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, проходя черезъ Полтавскую губернію, имѣлъ ночлегъ и днёвку въ мѣстечкѣ Г—ѣ. Мнѣ сказали, что въ верстѣ отъ селенія находятся развалины древняго монастыря, основаннаго еще какимъ-то Переяславскимъ княземъ. Часовъ въ семь вечера, когда дневной жаръ спалъ, я отправился осмотрѣть развалины и полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ окрестностей мѣстечка.

(¹) *Рогъ, рігъ* — мысъ.

По склону высокой и крутой горы, тянулась просёлочная, довольно широкая, дорога. Влѣво, на самомъ гребнѣ горы, возвышались развалины монастыря, рѣзко обозначаясь на темной зелени дубоваго лѣса. Колокольня и кельи стояли безъ крышъ; на полуразрушенной оградѣ и массивныхъ воротахъ византійскаго стиля росли тощія березы, шпирель и трава. Одна только церковь нѣсколько уцѣлѣла отъ сокрушительнаго времени. Куполъ съ почернѣвшимъ крестомъ и крыша еще не обрушились и оконныя рамы, съ выбитыми стеклами, еще держались въ своихъ гнѣздахъ. Вокругъ зданія лежала, какъ завалина, масса осыпавшейся штукатурки; разметанные осколки стеколъ, оживленные лучомъ солнца, сверкали какъ алмазы. Монастырскій дворъ заросъ высоко крапивой, лопушникомъ и бурьяномъ, изъ котораго кое-гдѣ торчали деревянные кресты, уцѣлѣвшіе на могилахъ иноковъ. Нельзя было не замѣтить, что поселяне не увеличивали разрушенія святой обители: оконныя рамы нижняго этажа были не тронуты: плитнякъ на крыльцахъ не разобранъ; желѣзная обшивка на дверяхъ съ крючьями совершенно цѣла. Грустно было глядѣть на эти развалины; онѣ почему-то наводили на печальныя мысли и тяжелыя воспоминанія.

Отъ монастыря я перешелъ черезъ дорогу, и мнѣ представилась поразительная картина украинской природы. Днѣпръ, около двухъ верстъ въ ширину, величественно катился у самой подошвы обрывистой горы. Лучи заходящаго іюньскаго солнца горѣли яркими огнями на легкихъ облакахъ и отражались на зеркальной поверхности рѣки. Днѣпръ, по всему протяженію, сколько обнимали глаза, пламенѣлъ и сверкалъ, какъ огненная лава, ярко отдѣляясь отъ темной рамки противоложнаго берега. За рѣкой виднѣлась низменная степь съ селами и хуторами; даль, по мѣрѣ отдаленія, синѣла, туманилась, небосводъ постепенно понижался, пока совершенно не сливался съ землёю. По Днѣпру виднѣлись плывущіе байдаки, барки, дубы, плоты, а около береговъ сновали, по разнымъ направленіямъ, маленькіе, какъ орѣховая скорлупа, челноки рыбаковъ.

Я стоялъ надъ самымъ обрывомъ, и у моихъ ногъ разстилалась новая картина. Покатость горы до берега покрыта была кустарниками, живописно сгруппированными на холмахъ и въ разсѣлинахъ. Мѣстами росли столѣтніе дубы, липы, ясени и свидѣ-

тельствовали, что нѣкогда и здѣсь былъ такой же лѣсъ, какъ за монастыремъ. Надъ берегомъ выдавался, острымъ угломъ, каменистый мысъ, на высотѣ котораго обрисовался темными очертаніями статный козакъ, (1) въ высокой *смушевой* шапкѣ на-бекрень. Упершись локтемъ въ колѣно и склонивъ голову на руку, онъ сидѣлъ такъ неподвижно, что еслибы, по-временамъ, не вспыхивалъ дымокъ изъ его коротенькой трубки, то его можно было бъ принять за окаменѣлость.

Видъ на рѣку открывался еще болѣе съ того мыса, гдѣ сидѣлъ козакъ, и я, примѣтивъ въ сторонѣ дорожку, началъ спускаться съ горы. Кусты шпиреля, шиповника и глода, осыпанные цвѣтомъ, по мѣрѣ приближенія къ берегу, разростались и дѣлались роскошнѣе. Мѣстами дорожка извивалась по чащѣ высокаго орѣшника, а мѣстами терялась въ глубокихъ рытвинахъ. На днѣ рытвинъ журчали ручьи, и, то двоясь, то соединяясь, вливались въ Днѣпръ. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, я наконецъ выбрался изъ гущи кустовъ и очутился возлѣ самаго мыса.

Козакъ все еще сидѣлъ также неподвижно, не замѣчая моего приближенія.

— *Здоро́въ бувъ, коза́че!* — сказалъ я, слегка ударивъ его по плечу.

Козакъ вздрогнулъ, выпустилъ трубку изо рта и торопливо оглянулся. Увидѣвъ меня, онъ снялъ шапку и хотѣлъ-было приподняться, но я, положивъ ему руку на плечо, остановилъ порывъ его вѣжливости. Судя по козакину изъ тонкаго синяго сукна, китайчатымъ шаравамъ, засунутымъ въ юфтовые сапоги, видно было, что козакъ былъ *зна́чного ро́ду*. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на чубѣ и длинныхъ усахъ пробивалась сѣдина; черные глаза и загорѣлое лицо его были очень живы и выразительны.

»Сиди, сиди«, сказалъ я, »и я посижу съ тобою; *тутъ такъ га́рно!*«

— Да, *місце не-аби-яке́!* отвѣчалъ козакъ, протягивая ноги.

Утесъ, на которомъ мы сидѣли, возвышался надъ уровнемъ рѣки саженей на пять. Вправо отъ утеса загибалась коса, съ остроконечнымъ гребнемъ въ родѣ крыши, и врѣзывалась въ рѣку на

(1) Въ Малороссіи, *козаками* называются потомки прежняго козацкаго сословія, обращенные въ государственныхъ крестьянъ, съ сохраненіемъ за ними нѣкоторыхъ прежнихъ правъ.

нѣсколько саженей. Косу эту образовала, вѣроятно, часть упавшей горы, но если обвалъ и дѣйствительно случился, то очень давно, потому что камни и земляныя глыбы осѣли и заросли уже высокими деревьями. По ту сторону косы раздавался хохотъ, говоръ и визгливые крики женскихъ голосовъ.

»Кто это тамъ кричитъ?« спросилъ я.

— *Баби́;* тамъ ихъ купанье. Видите ли, со всѣхъ сторонъ *за́тишокъ*, и ни откуда ихъ не видно; вотъ онѣ тамъ и плещутся себѣ до самой ночи.

»Вишь, какія предусмотрительныя!«

— Такая ужъ, видите, глупая бабья натура: прячется, чтобъ на нее не взглянули, будто боится, чтобъ не сглазили. А какія смѣлыя, подумаешь,—прибавилъ значительно козакъ: — чего бъ и слѣдовало бояться, того не боятся!...

»Чего жъ имъ бояться?«

— Ка́къ—чего?—Козакъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ. — Правда! вы не *тушéшні*, продолжалъ онъ, вы — *переходомъ*, такъ не знаете; а если бъ знали, то и сами сказали бы, что *дідько* ихъ знаетъ, какія смѣлыя. Это мѣсто нехорошее, страшное, вотъ что́!

Козакъ нахмурилъ брови и задумался.

Я просилъ его разсказать, почему это мѣсто нехорошее и страшное, но онъ отнѣкивался.

— Поздно, — говорилъ онъ: — вотъ ужъ и солнце садится, не успѣю досказать, да *проти́ ночи́* не хорошо вспоминать объ этомъ... *цуръ ёму́!*

Я неотступно просилъ козака и наконецъ убѣдилъ его.

— Ну, ну, пожалуй, разскажу, если вамъ ужъ такъ захотѣлось; только обождите, люльку запалю.

Солнце скрывалось за гору, бросая лиловую тѣнь на Днѣпръ. Вечеръ свѣжѣлъ; въ воздухѣ разливался запахъ дикой фіоли, васильковъ и другихъ цвѣтовъ; соловьи заливались цѣлыми хорами.

— Знаете ли, ка́къ это мѣсто называется? — спросилъ меня козакъ, закуривая трубку.

»Не знаю.«

— *Стéхинъ-Рігъ;* та́къ люди назвали это урочище по одному случаю. Мнѣ объ этомъ расказывалъ мой прадѣдъ, старый-престарый *дідуга́нъ*, когда я еще былъ *хлóпцемъ*. Все лѣто онъ си-

дѣлъ въ своей пасикѣ, а на зиму приходилъ въ батькову хату и забивался въ свой уголъ, около печи. Вотъ тутъ-то для насъ, дѣтворы, и былъ праздникъ. Прадѣдъ мой мастеръ былъ разсказывать; кто его знаетъ, ка́къ онъ славно разсказывалъ! Бывало, только *каганѐць* засвѣтятъ, такъ мы его со всѣхъ сторонъ и облѣпимъ. Ужъ онъ и знаетъ за-чѣмъ: »А какую вамъ разсказать, собачьи сыны?« спроситъ: (такой былъ добрый, пошли ему Господи царство небесное!) »веселую или страшную?« Страшную, страшную! закричимъ въ одинъ голосъ; и—что́ бы сказать веселую? можетъ-быть, она забавнѣе была бъ, такъ нѣтъ! разсказывай страшную! Бывало—*що́ й ка́зать?*—слушаешь дѣда, а тебя та́къ и коробитъ, та́къ сзади и обдаетъ холодомъ, а чубъ дыбомъ,-дыбомъ; страшно подъ лавку заглянуть; бывало, мать кликнетъ: *»а ну́те, ді́ти, вечѐрять!«* такъ вздрогнешь, будто тебя *ді́дько* за ногу потянулъ: голосу родной матери испугаешься!

»Ну́, такъ вотъ-какъ мой прадѣдъ разсказывалъ намъ про *чудасію*, которая на этомъ мѣстѣ случилась.

— Давно, очень давно, еще когда ляхи съ козаками жили какъ братъ съ братомъ, когда все у нихъ было недѣленое — и горе, и радость, и корысть, — тогда наше мѣстечко было еще небольшимъ селомъ; кругомъ его былъ окопъ съ валомъ, а на валу стояла пушка:

На самомъ выѣздѣ изъ села, у рѣки, стояла убогая хатка одного бѣднаго козака, который промышлялъ рыболовствомъ. У него была жена и дочь Стеха, первая красавица во всемъ селѣ, такая, какъ говорится, что и во снѣ не увидать. Высокая, стройная, какъ *очеретинка*, лицомъ бѣлая, чорнобровая, а глаза каріе да ясные *якъ зірки́*. Бывало, кто ее ни увидитъ, такъ къ землѣ и приростетъ, — очей отъ нея не отведетъ, — себя забудетъ.

Стехѣ пошелъ уже восемнадцатый годъ, а она все еще была точно малое дитя, — такая тихая, боязливая; не только на *вечорниці* и на *до́світки* не ходила, да и по праздникамъ рѣдко съ подругами играла; все сидѣла дома, съ матерью. А когда, бывало, какой-нибудь паробокъ кинетъ на нее окомъ, такъ она потупится и покраснѣетъ, словно маковка. Видите ли, очень была стыдлива, ужъ такъ стыдлива, что когда въ воскресенье надѣваетъ чистую сорочку, такъ отъ родной матери прячется; а когда мажетъ

хату, то хоть и сорочку запачкаетъ, а не подоткнется. Лѣтомъ, какой бы зной ни былъ никогда не ходила купаться, съ дівчатами, а купалась одна-одинёхонька въ полночь, когда всѣ люди въ селѣ спали. Бывало, мать начнетъ ей выговаривать: »*дурна́*, чего ты боишься, чего стыдишься?« а она молчитъ да по своему дѣлаетъ.

И въ селѣ забыли бы, что есть на свѣтѣ Стеха, если бъ иногда, въ поздній вечеръ, заунывная ея пѣсня не разносилась по всей околицѣ; а голосъ у нея такой былъ, что и разсказать нельзя!.. Кто бъ ни заслышалъ ея пѣсню — *ударитъ и лихомъ объ землю*, и духъ притаитъ: слушаетъ и не наслушается. Случалось, что байдакъ плыветъ себѣ спокойно по-серединѣ Днѣпра; вдругъ лоцманъ заслышитъ пѣсню Стехи, повернетъ къ берегу, плыветъ, плыветъ, плыветъ и не опомнится, какъ наткнется на мель. А она, сердечная, и не знаетъ, что такъ заслушиваются ея, а еслибъ знала, то и замолкла бъ, какъ испуганный *соловейко*. Такая-то была Стеха!

На этомъ самомъ мѣстѣ она купалась (козакъ указалъ на мысъ). Въ то время здѣсь было плесо, а кругомъ дремучій лѣсъ. Не боялась приходить она и въ темную ночь, лишь бы только никто ея не видалъ; а того и не знала, что на этотъ камень, на которомъ мы теперь сидимъ, выползалъ подводный царь-*синько́ водяни́й* (какъ старые люди называютъ) и грѣлся на мѣсяцѣ.

Разъ, когда онъ выползъ изъ своего *кришталёвого пала́ца* и разпластался на этомъ камнѣ, прибѣжала Стеха купаться. Смѣло сняла она сорочку, вышла изъ кустовъ и остановилась около самого плеса. Полный мѣсяцъ такъ и окатилъ свѣтомъ ея бѣлое тѣло; стоитъ Стеха, какъ вылитая изъ чистаго сребра, — только коса, чернѣе *гра́йворона*, колышется ажъ у самого колѣна. Стоитъ Сте́ха, то ножкой играется съ волною, то ручки протянетъ надъ водою, будто поплыть хочетъ, или сложитъ на груди, будто сама собой любуется; а *дідуга́нъ* смотритъ, смотритъ, совсѣмъ прилипъ къ камню и духъ притаилъ, только жабрами водитъ, какъ сомъ. Много у него русалокъ, красивыхъ лицомъ и станомъ, а такой, какъ Стеха, не бывало! Постоявъ немного, Стеха окунулась, но не пошла въ глубь — боялась, а только играла и плескалась возлѣ берега, чуть не подъ самимъ носомъ *дідуга́на*: то окунется, то вытянется по-верхъ воды, то покатится по бѣлому песочку. Выкупавшись, Стеха вернулась домой и давно ужъ

заснула, а подводный царь все еще не могъ опомниться: лежалъ, сопѣлъ и все придумывалъ — какъ бы причаровать къ себѣ ди́вчину и завербовать ее въ русалки. Извѣстно, что если такая *по́гань* что́ затѣетъ, то рѣдко не поставитъ на своемъ. Вотъ подводный *дідуга́нъ* и сталъ наводить чары на бѣдную Стеху. Въ явѣ онъ не показывался ей на глаза, а все являлся во снѣ, разсказывалъ ей о своихъ богатствахъ, о хрустальныхъ палацахъ, и во всемъ старался угодить ей. На томъ мѣстѣ, гдѣ она купалась, наносилъ на дно чистаго песку, убралъ камышки. Бывало, когда отецъ ея поѣдетъ ловить рыбу одинъ, то развѣ только лягушку вытянетъ, а какъ возьметъ съ собой, на-счастье, дочку, то *дідуга́нъ* нагонитъ ему въ неводъ цѣлый возъ рыбы на отборъ. Станетъ Стеха купаться, *дідуга́нъ* перекинется волною, моетъ ее, носитъ на себѣ, а она думаетъ, что сама плаваетъ, — не стала бояться и глубины; а подводный *дідько* всё ее дальше и дальше заводитъ. Да не того ему хотѣлось; ему надо было не утопить ее, а чтобъ она сама сгубила свою душу: вотъ тогда бъ только она стала русалкою.

Разъ, когда Стеха купалась, не снявъ съ шеи мониста, *дідуга́нъ* и отцѣпилъ его. Жаль ей стало мониста: она и ну нырять, все ощупью ищетъ да ищетъ по дну, и нашла — вытащила; смотритъ: не ея монисто: не красное, а бѣлое, — крупное, какъ вишня и такъ сіяетъ, какъ радуга. Увидѣла мать и спрашиваетъ: »гдѣ ты, *до́ню*, взяла это монисто?« а Стеха смѣется: »мнѣ«' говоритъ. »подводный царь подарилъ.« И разсказала матери, ка́къ нашла его. »Хорошее«, говоритъ мать, »да жаль твоего, что́ еще отъ пра́бабы досталось.

Не хитрый же былъ и подводный *дідуга́нъ!* Не прошло недѣли, какъ въ наше село пришла команда *жовніровъ:* привелъ ее красивый и статный Ляхъ, панъ ротмистръ, еще молодой, — только-что усъ пробился. На встрѣчу жовнірамъ высыпалъ изъ села народъ, дитвора, а больше всего *жонкі и дівчата;* какъ-то туда замѣшалась и Стеха съ матерью. Какъ завидѣлъ ее панъ ротмистръ, заразъ повернулъ коня и подъѣхалъ къ ней. Такъ у него глаза и разбѣжались: не знаетъ, на что́ смотрѣть: монисто хорошее, а дівчина еще краше: »гдѣ ты достала, *моя кралечко*, такое пречудное монисто?« спрашиваетъ панъ ротмистръ; а мать отвѣчаетъ смѣясь: »подводный царь ей подарилъ.« — »Продай мнѣ, див-

чино«, говоритъ панъ ротмистръ: »сколько захочешъ, столько и заплачу́ тебѣ!« А Стеха покраснѣла, потупилась и взглянуть не смѣетъ. »Что́ пожалуете, вельможный пане«, отвѣтила за нее мать, »тѣмъ и будемъ довольны.« Вотъ панъ ротмистръ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ съ дукатами и подалъ его Стехѣ, а мать отцѣпила монисто и отдала его пану ротмистру. Тутъ Стеха, нехотя, подняла глаза, и какъ увидѣла молодаго ротмистра, такъ у ней и ёкнуло сердце, и вся кровь заиграла и загорѣлась. Сердце у дивчины, на-порѣ, отъ молодецкаго взгляда, какъ зерно на нивѣ послѣ теплаго дождика, наполнится и проростетъ.

Того только и хотѣлъ подводный *дідуга́нъ*, чтобъ Стеха *закохалась*.

Сильно обрадовались дукатамъ Стехины батько и матерь; построили себѣ новую хату, большую, на двѣ половины, одну — для себя, другую для будущаго зятя; батько накупилъ такихъ неводовъ, что за четверть Днѣпра хватаютъ, а дочку одѣлъ не хуже какой-нибудь *сотниківны*. Да не до того теперь Стехѣ. Смутно было у ней на умѣ, тяжело на сердцѣ; затихла пташка, голоска́ не подастъ, и не узнать ея: не прячется болѣе въ густыя черешни, а все, знай, возлѣ плетня снуетъ да высматриваетъ. И панъ ротмистръ, изъ веселаго, такой сталъ задумчивый, и куды бъ ни пошелъ, такъ его и притянетъ къ Стехиному садочку. А она только завидитъ пана ротмистра, — и притаится за плетнемъ, и смотритъ на него, смотритъ, а сердечко токъ-токъ-токъ, какъ у перепелочки, когда завидитъ ястреба. Зорокъ былъ и панъ ротмистръ, не долго пряталась отъ него Стеха. Сначала заговорили они межъ собой черезъ плетень, а тамъ панъ ротмистръ перелѣзъ и въ садочокъ, и за бѣлыя руки взялъ, и къ сердцу приголубилъ... Опять запѣла наша пташка и ужъ не нашу пѣсню, а веселую, лядскую, да только не долго, бѣдняжка, пѣла: поднялась война съ туркомъ и пану ротмистру пришолъ приказъ, чтобъ онъ отправился съ своими жовнирами по дорогѣ въ Туреччину.

Горько было разставанье Стехи съ паномъ ротмистромъ, да что́ дѣлать: война съ *бузувіромъ*, такъ тутъ не до любови. Прощаясь, панъ ротмистръ надѣлъ Стехѣ на палецъ драгоцѣнный перстень и поклялся, что когда вернется благополучно съ войны, то непремѣнно на ней женится.

Тоскуетъ Стеха въ разлукѣ съ милымъ, задумывается, а порой вспомнитъ свое счастье и развеселится. И почудится ей, что панъ ротмистръ уже вернулся съ войны, и любитъ её больше прежняго; — она ужъ больше не прячется съ нимъ въ садочку да по лѣснымъ затишьямъ, а живетъ вмѣстѣ, по закону, сидитъ въ палацѣ обнявшись и ножкой колышетъ колыску съ сыномъ. Да не такъ на свѣтѣ дѣлается, какъ думается! Подводный *дідуганъ* не дремалъ: только-что панъ ротмистръ выступилъ въ походъ съ *жовнірамі*, онъ такъ и кинулся подземными *жерелами* къ рѣкѣ Дунаю, и сторожитъ его тамъ.

Въ старину не умѣли, какъ теперь, наводить мосты черезъ такія широкія рѣки, какъ нашъ Днѣпръ или Дунай; пѣшее войско переправлялось на дубахъ, а конница вплавь. Вотъ, когда пришелъ къ берегу съ своими жовнерами панъ ротмистръ, то, не долго думавши, и поплылъ черезъ Дунай. Только добрался до быстрины, а дідуганъ цапъ его за ногу, да и затасовалъ на самое дно. На войнѣ чего не случается? не велика бѣда, что утонулъ: однимъ только меньше. Такъ думаютъ люди, а того не знаютъ, что для родной матери, или коханки, въ немъ одномъ погибло все на свѣтѣ!...

Когда вѣсть о смерти пана ротмистра дошла до Стехи, она, бѣдная, словно *збожеволіла* (¹). По нѣскольку дней сряду, бродила по лѣсамъ, какъ дикая кошка; не на долго навѣдается въ хату и опять безъ вѣсти пропадетъ. Что ни дѣлали отецъ и матерь — ничто не помогало; какъ ее ни допрашивали, молчитъ и не жалуется на свою долю. Случалось людямъ встрѣчать Стеху въ лѣсу, такъ едва могли признать ее — такъ извелась. Глаза такіе жъ каріе, ясные, да такъ страшно смотрятъ, что морозъ подираетъ по кожѣ; коса разметалась, сама она блѣдная, какъ полотно, сорочка въ лохмотьяхъ. Вотъ такъ-то, сердечная, билась она съ своимъ горемъ, билась, — и какъ выплакала всѣ свои слёзы — свѣтъ ей опротивѣлъ. Разъ, на Ивана-Купала, пришла она на этотъ камень, постояла-постояла, понуривши голову, а потомъ подняла руки, вскрикнула — и бухъ въ воду. Подводный *дідуганъ* уже ждалъ ее, сидя тутъ подъ кручей. Только что она...«

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ зашумѣла и зако-

(¹) Помѣшалась.

лыхалась вода, и въ ту жъ минуту на поверхности показались голова и бѣлыя плечи плывущей женщины.

— Здравствуй, дядьку!—закричала русалка, сплеснувъ руками.

Внезапность испугала насъ обоихъ, въ особенности козака.

»Святъ, святъ!« пробормоталъ онъ, быстро вскакивая на ноги и устремляя на русалку взглядъ полный ужаса.... »Стеха, Стеха!« Закричалъ онъ, растопыря руки: »чтобъ тебя дідько ухватилъ!... Тьфу, до смерти перепугала!..«

— Стеха?! спросилъ я.

»Стеха!« отвѣчалъ козакъ, успокоиваясь: »да только не та, а живая! чтобъ ее... *нехáй здорóва буде!* Да ловко же подкралась: шутка ли ажъ вонъ откуда вынырнула. Вѣдь она у насъ ныряетъ какъ норецъ, какъ вѣдьма какая держится на водѣ и не тонетъ!«

Стеха заливалась звонкимъ хохотомъ и, желая выказать свое яскусство, плавала легко и красиво, то взмахивая руками, кружась и ныряя, то спокойно лёжа и чуть колеблясь на поверхности воды.

»Ну, эта«, замѣтилъ я, »не боится, чтобъ ее не сглазили!«

— Дура,—пробормоталъ козакъ, ухмыляясь:—она думаетъ, что коли съ низкаго берега не разглядишь человѣка въ водѣ, такъ тоже и съ высокаго: дура, на вѣки дура! — говорилъ онъ, щурясь и не сводя глазъ съ прельщавшей его Стехи.

»*Дівчúна чи молодúця?*«

— *Молодúця*.... Еще не давно замужемъ... Славная, нечего сказать, *дідько* ея не взялъ. Посмотрите, словно выточеная, а бѣла, бѣла какъ молоко.

Козакъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ; да и нельзя было не залюбоваться Стехой. Къ красотѣ мѣстоположенія только и не доставало русалки; внезапное появленіе Стехи какъ-будто осуществило фантастическій разсказъ козака.

Не долго забавляла насъ Стеха. »Прощайте!« вскрикнула она, погружаясь; бѣловатая полоса проскользнула за окраину мыса и изчезла.

— *Бісова молодúця*... чтобъ ее... говорилъ козакъ, ковыряя указательнымъ пальцемъ въ потухшей трубкѣ:—чортъ знаетъ какъ было, испугала!

»Да за тó и потѣшила!« замѣтилъ я.

— Нéчего сказать, потѣшила!.. — Козакъ захохоталъ и закрутилъ головою.

Солнце зашло; наступали сумерки; даль потемнѣла; поверхность Днѣпра приняла цвѣтъ полированной стали. Барки, байдаки и плоты причалили къ берегу на отдыхъ. Огоньки засверкали и синеватый дымъ, словно прозрачная пелена, разстилался надъ берегомъ. Украинскія мелодіи сливались съ великороссійскими и бѣлорусскими пѣснями; дребезжала сопѣлка; вдали щелкали перепела, трещали коростели, гудѣлъ бугай (1), а возлѣ насъ свистали пастушки (2), ворковали горлицы и еще громче заливались соловьи.

Козакъ сосалъ трубку и, подперши ладонью подбородокъ, весь погрузился въ свою думу.

»Ну, козаче, досказывай«, заговорилъ я, дергая его за рукавъ: »уже вечерѣетъ.«

— Да! — пробормоталъ козакъ, потирая лобъ: — на чемъ-бишь я остановился?..

»Ну, вотъ какъ кинулась въ воду Стеха, подводный царь схватилъ ее, перекинулъ въ русалку и помчалъ въ свой палацъ. И палацъ же былъ на удивленье! стѣны, потолки, крыша, все изъ чистаго скла, столы, лавки, скамейки изъ самоцвѣтныхъ камней, а полъ посыпанъ мелкимъ, какъ макъ, жемчугомъ.

Когда увидѣли дідьковы русалки Стеху, то словно тертаго хрѣну понюхали. Живьемъ бы ее съѣли: (вѣдь бабы презавистливы, гдѣ бы ни были, на землѣ или подъ водой, всѣ на одинъ ладъ): только не ихъ воля, не ихъ и сила: ничего не сдѣлаютъ. *Синько-водяной* прогналъ отъ себя всѣхъ русалокъ и зажилъ съ одной Стехой. Разсердились русалки, стали межъ собой совѣтоваться, какъ бы имъ сбыть Стеху... Была между ними одна русалка, хитрая-прехитрая, ехидная, какъ змѣя подколодная, а умѣла прикидываться такой добренькой, какъ говорится »*ангельскій голосокъ, а чортова думка.*« Еще при жизни она была вѣдьмой, изъ нашего таки села, да разъ попрятала дожди, а тутъ, ей на бѣду, нашелся такой знахарь, и утопилъ ее проклятую; она и попала къ подводному дідугану въ русалки. Да, хоть она была и русалка, а *вѣдёмства* своего все-таки не забывала; вотъ она и взялась спровадить

---

(1) Выпь. Болотная птица. Ее называютъ бугаемъ потому, что крикъ ея напоминаетъ ревъ бугая (быка).

(2) Маленькая птичка.

Стеху... Заразъ поддобрилась къ *дідугану* и впросилась къ Стехѣ работницею: такая услужливая, угодливая, все Стехѣ разсказываетъ про ея отца и матерь, какъ они за нею убиваются да плачутъ; а Стеха слушаетъ и все больше мучится и тоскуетъ. Дідуганъ чего не дѣлалъ! Чтобы развеселить Стеху, затѣетъ подводныя игрища: раки осѣдлаютъ осетровъ и бѣгаютъ въ запуски, какъ люди на скакунахъ; черепахи, какъ собаченки, на двухъ лапкахъ танцуютъ; а иногда разберутъ на своры щукъ и сомовъ, будто борзыхъ, и поѣдутъ на охоту, травить рыбу, какъ мы зайцовъ... Ужъ и не помню всего, что́ прадѣдъ разсказывалъ: бывало, какъ начнетъ выдумывать да своего додавать, то слушаешь, слушаешь и отъ смѣха ажъ за животы берешься. Ну, такъ, говорю, что́ ни дѣлалъ дідуганъ, чего не придумывалъ, никакъ не могъ развеселить Стехи; все сидитъ себѣ понуривши голову, и не усмѣхнется.

Вотъ русалка и стала ее спрашивать: не хочетъ ли побывать у своего батька и матери? »Хочу, сестричко«, говоритъ Стеха, »хоть-бы мнѣ взглянуть на нихъ!«— »И увидишь«, говоритъ русалка, »и услышишь ихъ голосъ, и будетъ тебя мать въ рукахъ держать: только слушайся меня и дѣлай все, что́ я ни скажу.«—»Что́ хочешь«, говоритъ Стеха, »то́ со мною и дѣлай.«

Разъ, когда подводный дідуганъ, отправился осматривать свое подводное царство, вѣдьма-русалка обернула Стеху въ *плиточку* (плотву) и пустила ее въ *ятеръ* ея батька. Подъ вечеръ пришелъ батько. Увидѣвъ, что въ ятерѣ всего одна рыбка, не хотѣлъ было брать, а потомъ подумалъ, что ихъ теперь только двое, — не много имъ нужно; взялъ дочку, положилъ въ мѣшочекъ и принесъ домой. Боже милостивый, какъ Стеха обрадовалась, увидѣвши *родину*, кровныхъ: ажъ затрепеталась! А они-то, горемычные, отъ тоски и печали такъ извелись, что узнать трудно: у *отца* чубъ побѣлѣлъ, а у матери глаза покраснѣли и запухли отъ слезъ. Взяла мать ножъ и ну оскребать чешую: и что́ же? Стехѣ такъ хорошо, такъ любо въ рукахъ матуси родненькой, ажъ спинку выгибаетъ отъ радости. Выпотрошила мать *плиточку* и въ горшокъ съ кипяткомъ бросила, а Стехѣ все также хорошо, и огонь, разведенный матусею не жжетъ ея. Когда плиточка сварилась, мать вынула ее изъ горшка, положила на кленовую тарелочку и поставила на столъ. Сѣли старики вечерять, да ѣда нейдетъ имъ на умъ. Сидѣли, сидѣли и вспомнили о своей несча-

стливой Стехѣ: »осиротила насъ«, говоритъ батько, »нѣкому болѣе радовать и утѣшать насъ!« а мать также всхлипываетъ, да прирекаетъ: »кто за нами старыми да немощными присмотритъ! кто закроетъ намъ очи, кто насъ оплачетъ когда умремъ, и помолится за насъ грѣшныхъ?« Не увидимъ ея ни въ сей жизни«, говоритъ батько, »ни въ будущей: сгубила она душу свою!.. Боже милостивый!« заголосили старики, »помилуй ее грѣшную, неразумную, несчастливую!..« сидятъ да молятся, а слёзы капаютъ на тарелочку и обмываютъ плиточку, а душа Стехи, какъ отъ *живущей и сцѣлющей воды*, оживаетъ, оживаетъ; теплая молитва дошла до Господа... милосердный Богъ помиловалъ грѣшную!.. Очнулись старики, видятъ—нѣтъ болѣе на тарелочкѣ плиточки, а лежатъ голубенькіе цвѣточки; не успѣли опомниться отъ одного чуда, какъ имъ послышался милый и знакомый голосъ, голосъ Стехи!

»Наша Стéха!« закричали старики, всплеснувши руками, и опрометью выбѣжали изъ хаты. Обѣжали кругомъ, приглядываются: никого нѣтъ; ночь темная, ни звѣздочки,—только холодный осенній вѣтеръ завываетъ, свѣвая съ деревьевъ сухое листье. Тутъ они спознали, что Богъ услышалъ ихъ молитву; вошли въ хату и легли спать. Когда мать заснула, Стеха явилась къ ней во снѣ, вся въ цвѣтахъ, такая веселая, румяная, какою она была до прихода пана ротмистра. И разсказала она матери всё, чтó я вамъ сказалъ, какъ дідуганъ ее сгубилъ, какъ вѣдьма оборотила ее въ плиточку и какъ молитва батька и матуси *визволила* грѣшную ея душу.

Тѣмъ временемъ подводный дідуганъ возвратился въ свой хрустальный палацъ; смотритъ—нѣтъ Стехи; какъ пронюхалъ, что съ нею сталось, то и разсказать нельзя какъ разлютовался. Сейчасъ собралъ съ половины свѣта тучи, изъ подземельныхъ жерлъ выпустилъ вѣтры, со всѣхъ рѣкъ стянулъ воду. Загремѣла буря, какой отъ созданія міра еще никто не видѣлъ, полилъ дождь какъ изъ ведра и Днѣпръ надулъ свою гриву и расколыхался, какъ весной въ полную воду, и ревѣлъ и стоналъ, сердечный. Трое сутокъ лилъ дождь, дули вѣтры, ажъ земля колебалась и была такая темень, какъ ночью. Дідуганъ, должно быть, хотѣлъ перевернуть всю гору съ нашимъ селомъ, да ничего не доказалъ. Подмылъ только въ этомъ мѣстѣ и свалилъ порядочный кряжъ въ Днѣпръ. Но что ни дѣлалъ, какъ ни бѣсился, а Стеху все таки нужно было вернуть; вотъ онъ и

выбросилъ ея трупъ, вотъ на эту горку. Козакъ указалъ въ лѣво на небольшое возвышеніе.

Когда все *утихомирилось*, народъ сбѣжался сюда, посмотрѣть на проказы подводнаго дідугана и увидѣлъ трупъ Стехи. Сказали объ этомъ ея батьку и матери; прибѣжали старики, плакали, убивались и похоронили. Попъ отказался было отпѣвать самоубійцу, но мать разсказала ему ка́къ Богъ помиловалъ Стеху, и батюшка сотворилъ надъ нею христіанское погребеніе.«

— Гдѣ она погребена?

»На той же горкѣ, на которую ее выбросилъ дідуганъ. Недалеко отсюда, мы будемъ проходить около самой могилы, я вамъ ее покажу.«

Полная луна подпялась надъ горизонтомъ и набросила сребристый покровъ на окрестности. Днѣпръ, мѣстами, казался бездонной пропастью, въ глубинѣ которой яркія звѣзды сверкали, какъ алмазы на черномъ бархатѣ; мѣстами—отливался, блестѣлъ сребристой чешуей. Прибрежные огоньки разгорѣлись и отсвѣчивались въ пучинѣ, огненной колонадой. Ночь была теплая, тихая; ни одно деревцо не колыхалось, ни одинъ листочикъ не шевелился.

Козакъ всталъ, и я за нимъ. Пройдя въ гору около сорока шаговъ, онъ остановился возлѣ довольно высокаго креста.

»Вотъ вамъ и Стехина могила,«—сказалъ онъ, снимая шапку и крестясь.

Не замѣтно было и признаковъ возвышенія; поверхность земли была совершенно ровная и покрыта мелкой травой. Одинъ только крестъ указывалъ мѣсто Стехиной могилы.

»Навѣрное Богъ ее помиловалъ«, важно продолжалъ козакъ, »когда и люди ее простили!.. Никто не помянетъ Стеху лихомъ; рѣдкій изъ жителей нашего мѣстечка, молившись за упокой душъ своихъ родичей, не помянетъ и Стехи. Ка́къ истлѣетъ и повалится крестъ на ея могилѣ, найдется добрая душа и поставитъ новый. Кто ни пройдетъ мимо ея могилы, всякій вспомянетъ несчастную и помолится. Старикъ проситъ Бога, чтобы не наказалъ тѣмъ же лихомъ и его дѣтей, дівчина, чтобы не послалъ и ей такой же доли. Кажется, пока свѣтъ стоитъ, не забудутъ Стехи, будетъ стоять крестъ на ея могилѣ, а урочище это называться *Стéхинъ-Рíвъ*. На Ивана Купала собираются сюда дивчата и парубки, раскладываютъ костры дровъ, веселятся и прыгаютъ черезъ огонь.

Въ этотъ день усыпаютъ могилу Стехи цвѣтами, а на крестъ вѣшаютъ вѣнки изъ барвинка и васильковъ. Дивчата даже думаютъ, что стыдливая Стеха для нихъ и купальню такую устроила, что ни съ которой стороны не видно ихъ, когда онѣ купаются.«

Возвращаясь въ мѣстечко, козакъ не умолкалъ; между прочимъ далъ мнѣ замѣтить, что онъ не изъ простыхъ.

»Вѣдь и я тоже«, говорилъ онъ, »почти военный: и дѣды и прадѣды мои воевали съ басурманомъ, и сынъ у меня также на службѣ. И еще гдѣ! Въ *Петенбурхѣ*, въ гвардіи!...

— Въ которомъ полку?

»Въ самой кавальгардіи!«

»Давно?

»Шестой годъ. Пишетъ, — хвалится, что ему тамъ хорошо, только жалуется, что въ казармахъ лѣтомъ душно, а зимой холодно, и по вареникахъ скучаетъ.

Проходя улицей, онъ остановился возлѣ дома, покрытаго тесомъ, о пяти окнахъ, съ затѣйливыми воротами, шинкомъ и сараями, все изъ хорошаго рубленаго лѣса.

»Вотъ и моя хата«, сказалъ онъ, снимая шапку и низко кланяясь: »прощайте, *на добра́-нічъ*.«

— Прощай, козаче, — отвѣчалъ я, пожимая его руку: — прощай, спасибо тебѣ за Стеху.

»Да, не забывайте нашей Стехи и не вспоминайте лихомъ и Марка Порохню. Прощайте!«

Ал. Стороженко.

ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ Н. В. ГОГОЛЯ

ДЛЯ

ДРАМЫ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ИСТОРІИ.

НѢСКОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

До сихъ поръ мы знали только по слухамъ, что Гоголь писалъ драму изъ исторіи Украины, но не находили никакихъ слѣдовъ этого литературнаго труда. Покойный С. Т. Аксаковъ, въ »Воспоминаніяхъ« своихъ, сообщенныхъ мнѣ для *Записокъ о Жизни Гоголя* (т. I, стр. 252) пишетъ: »Въ 1839 году Гоголь говорилъ мнѣ, что, кромѣ труда завѣщаннаго ему Пушкинымъ, совершеніе котораго онъ считаетъ задачею своей жизни, т. е. *Мертвыхъ Душъ*, у него составлена въ головѣ трагедія изъ исторіи Запорожья, въ которой все готово, даже до послѣдней нитки въ одеждѣ дѣйствующихъ лицъ,—что это его давнишнее любимое дитя,—что онъ считаетъ, что эта піеса будетъ лучшимъ его произведеніемъ, и что ему будетъ слишкомъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее на бумагу.«

Въ то же самое время и для той же работы, Ѳ. В. сообщилъ мнѣ другой фактъ, относящійся, надобно думать, къ той же драмѣ (см. тамъ же, стр. 330): ».... На замѣчаніе мое объ отсутствіи драмы въ *Мертвыхъ Душахъ*, Жуковскій отвѣчалъ мнѣ: »Да и вообще въ драмѣ Гоголь не мастеръ. Знаете ли, что онъ написалъ было трагедію? Читалъ онъ мнѣ ее во Франкфуртѣ. Сначала я слушалъ; сильно было скучно; потомъ рѣшительно не могъ удержаться и задремалъ. Когда Гоголь кончилъ и спросилъ, ка́къ я нахожу, я говорю: »Ну, братъ Николай Васильевичъ, прости, мнѣ сильно спать захотѣлось.« — »А когда спать

захотѣлось, тогда можно и сжечь ее«, отвѣчалъ онъ, и тутъ же бросилъ ее въ каминъ. Я говорю: »И хорошо, братъ, сдѣлалъ.«

Еще мы знаемъ, что Гоголь, въ первый свой пріѣздъ въ Москву, говорилъ о какой-то драмѣ М. С. Щепкину: »Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за выбритый усъ, въ родѣ *Тараса Бульбы*. Я скоро ее окончу.« Михайло Семеновичъ имѣлъ неосторожность спросить объ этой драмѣ у Гоголя при свидѣтеляхъ. Гоголь отперся и отвѣчалъ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго; но, выходя изъ комнаты, шепнулъ г. Щепкину: »Болтунъ, ничего больше не скажу!«

Вотъ все, что́ было извѣстно намъ до сихъ поръ о драмѣ Гоголя. Ни С. П. Шевыревъ, пересматривавшій бумаги Гоголя вскорѣ послѣ его смерти, ни племянникъ великаго писателя, Н. П. Трушковскій, не открыли никакихъ остатковъ этой драмы, ни даже намековъ на нее. Я самъ, пересматривая много разъ бумаги Гоголя при изданіи его *Сочиненій и Писемъ*, остался въ убѣжденіи, что слѣды украинской драмы его изчезли. Но, вотъ, недавно, перелистывая выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи — работу учительскаго періода его жизни, я открылъ листъ ярко-зеленой бумаги, сложенный въ осьмушку и исписанный въ разныхъ мѣстахъ по три, по четыре, по десяти строкъ, изъ которыхъ, однакожъ, никакъ нельзя было догадаться, что́ это такое, — тѣмъ болѣе, что писано это самымъ небрежнымъ почеркомъ. Перелистывая одинъ за другимъ эти наброски, я напалъ наконецъ на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: *Какъ должно создать эту драму*. Я перебралъ тогда всѣ лоскутки бумаги съ брошенными на нихъ кусочками мыслей, которыя, до сихъ поръ, я не зналъ куда отнести, и такимъ образомъ составилъ предлагаемую статью, несомнѣнно удостовѣряющую, что драма дѣйствительно существовала, если не на бумагѣ, то въ умѣ Гоголя. О времени, въ которое сдѣланы эти наброски, можно судить по бумагѣ, на которой просвѣчивается штемпель фабрики: »J. Whatman Turkey Mill 1838«.

Пользуясь драгоцѣнной для меня довѣренностію почтенной матери великаго нашего поэта, я приношу, отъ ея имени, этотъ малый, но безцѣнный, въ своемъ родѣ, даръ новому украинскому журналу, какъ замогильное напутствіе писателя, которымъ наша родина по справедливости гордится.

П. Кулишъ.

Какъ нужно создать эту драму.

Облечь ее въ мѣсячную чудную ночь и ея серебренное сіяніе, и въ роскошное дыханіе юга.

Облить ее сверкающимъ потокомъ солнечныхъ яркихъ лучей, и да исполнится она вся нестерпимаго блеска.

Освѣтить ее всю минувшимъ и вызваннымъ изъ строя удаливших(ся) вѣковъ, полнымъ старины временемъ, обвить разгуломъ козацкимъ и всѣмъ раздольемъ воли.

И въ потопъ рѣчей неугасаемой страсти, и въ рѣшительный, отрывистый лаконизмъ воли и свободы, и въ ужасный, дышущій дикимъ мщеніемъ, порывъ, и въ грубыя, суровыя добродѣтели, и въ желѣзные, несмягченные пороки, и въ самоотверженіе неслыханное и дикое, не-человѣческое великодушіе.

И въ безпечность забубенныхъ вѣковъ.

—

Вдохновенная, небесно ухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? по-прежнему ли ты глядишь на своего люби(мца) (1) и горишь, и блещешь ему въ очи, и цѣлуешь его въ уста и лобъ, и такъ же ли, по-прежнему, ли смѣется мѣсячный свѣтъ? О Боже, Боже, Боже! такіе ли звуки, такіе снуются и дрожатъ въ тебѣ, *которые мнѣ одному ты давалъ слышать* (2) въ то время, когда... передъ окномъ, на груди рубашка раздернута, и грудь и шея моя *тебѣ* (3) на стрѣчу, *а* божественный (4) чудесный *освѣжительный* (5), утомительный, дышущій нѣгой и благовоніемъ рай(скій) небесн(ый) вѣтеръ ночной, дышущій радостнымъ исполненнымъ молод(ости), холодомъ, вѣтеръ урывками обнимаетъ меня и обхватываетъ своими объятіями и убѣг(аетъ) и вновь возвращается обнимать меня, а черныя... массы лѣсу, нагнувшись издали глядѣли... стоялъ торжеств(енн)о несмущенный воздухъ. И вдругъ соловей... О небеса! какъ загорѣлось все, какъ вспых-

(1) *Сверху, другими чернилами, написано*: не измѣнившагося ни годами, ни (у)тратами.

(2) *Курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами, а надъ ними сверху написано*: Я клянусь, я слышалъ эти звуки; я слышалъ ихъ одинъ.

(3) *Это и слѣдующія курсивныя слова зачеркнуты другими чернилами. Надъ слѣдующимъ затѣмъ словомъ начинается приписка другими чернилами*: ночному, освѣжительному ночному вѣтру, какой...

(4) *Другими чернилами сверху*: какой.

(5) *Друг. черн: св*: и оживляющій.

нуло (1)! А мѣсяцъ, мѣсяцъ... *О мѣсяцъ!* Боже, *Боже, Боже!* — Отдайте, возвратите мнѣ мою молодую крѣпость. Еще... меня, меня свѣжаго — того, который былъ (2). О, не возвратимо все, что́ ни есть на свѣтѣ.

—

Отвѣчаетъ сравн. иносказательно. Правда, случается, что волъ падалъ, издыхалъ, но подъ рукою человѣка, которому Богъ далъ умъ на то, чтобы сдѣлать... но никогда еще не случалось, чтобы быкъ погибалъ отъ свиньи.

—

Дѣлаетъ распоряженія о продажѣ рыбы, о запасѣ на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуютъ,— о покупкѣ соли, о баштанахъ, хлѣбахъ, о порохѣ, ружьяхъ, кунтушахъ для солдатъ. — Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сварова бунтовать такъ, чтобы не побунтовать не можетъ проклятой народъ; такъ вотъ у него рука чешется, дармоѣдитъ да повѣсничаетъ, по шинкамъ да по улицамъ.

—

Разсказываютъ про клады и сокровища Запорожцевъ. Уйду на Запорожье: здѣсь всякой чортъ тебя колотитъ.

—

Монахамъ такого-то монастыря купить вытканные и шитые утиральники.

—

Демьянъ превращается въ кашевара. Самко въ...

—

МУЖИКИ.

Разговоръ между мужик(ами). Вздорожало, все дорого... Ей Богу, не длиннѣе вотъ этого польце 20 четвериковъ... 4 пары цыплятъ къ Духову дню, да къ Пасхѣ пару гусей, да съ каждой свиньи, съ меду, да и послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ третьяго вола.

—

РЫЦАРСКІЕ.

Не поединки, а раздѣлываются драками, набравши съ собою сколько можно больше слугъ и, выѣхавши на поле, нападаетъ на своихъ противниковъ.

—

(1) *Друг. черн:* У, какой громъ!...

(2) *Что́ слѣдуетъ далѣе, приписано другими чернилами.*

Выдумать, какъ запала мысль въ голову молодому дворянину. Чисто козацкое изобрѣтеніе, какъ подговорить. Лукашъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ, — что нужно склонить полковниковъ на радѣ... и вынуждаютъ... и сказать. Какимъ же образомъ...

—

Сказавши монологъ, долго кричатъ. Выходитъ. Мать. Дочь. У тебя болитъ голова. и прочее.

Нѣтъ, не голова болитъ: я вся. Болятъ мои руки, болятъ мои (ноги), болитъ грудь моя, болитъ моя душа, болитъ мое сердце. Огонь во мнѣ... Матушка, матуся! дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята твоя злодѣй... и проклятъ родъ твой, и прокляты тѣ всѣ, что... Мать моя, матушка! зачѣмъ ты меня породила такую нещастную? Ты, видно, неходила въ церковь; ты, видно, не молилась Богу; ты, видно, въ свяченой водѣ не купала... въ ядовитомъ зельѣ, на которомъ проклятая гадина.

—

Входятъ, возвѣщаютъ и совѣтуютъ бѣжать. Бѣгите и спасайте женъ и бабъ. Ляхи за нами, и грабятъ и жгутъ, Въ этомъ положеніи находятъ. Укладываются. Старушка плачетъ, разставаясь съ прежнимъ жилищемъ, гдѣ столько пробыла и откуда никуда не выходила.

—

Внутри рветъ меня, все немило мнѣ: ни земля, ни небо, ни все, что́ вокругъ меня.

—

Отреченіе отъ міра совершенное. А между тѣмъ мерещится прежнее счастіе и благо(денствіе), которое могло... Прощаніе слезное съ молодыми лѣтами, съ молодыми радостями... и строгое покореніе судьбѣ. Обѣтъ, и какъ будетъ молиться, какъ припадетъ къ иконѣ и все буду плакать. И ничто, никакой пищи бѣдному сердцу и не радуюсь никакимъ воспоминаніемъ.

И вдругъ. Здѣсь встрѣча съ соперницей въ унизительномъ состояніи, и все вспыхиваетъ вновь во всемъ огнѣ и силѣ. Жестокіе упреки и злобная радость. Бросается на колѣни и проситъ прощенія.

Н. Гоголь.

МЫСЛИ
О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи Русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единодержавное тѣло, а съ другой — къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Это начало федераціи не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго Славянскому племени; его встрѣчаемъ мы, какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насильственнымъ сплоченіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись, на своемъ пути, въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скораго образованія изъ себя единодержавнаго тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разновидны, чтобъ скоро слиться въ одинъ народъ; самое то́ племя, которое имѣло болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было са́мо раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ Русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне —

старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались въ теченіи значительнаго времени, привычками, преданіями и своеобразными пріемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и, притомъ, обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. »Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, »къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не ходжаше зять по невѣсту, »но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ »друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы дѣвиця.« (Лѣтоп., т. I). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности, да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ Славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для другихъ русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ особыя черты нравовъ. »И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху »въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ »предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межу селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по »двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяше трызну надъ нимъ »и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца »и сожьжаху, а посемъ собравши кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

»ряще сами собѣ законъ.« (*Тамъ же*). Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ Прусско-Литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*, — этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. »Сѣдяху »бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся »зваху отъ Грекъ Великая Скуфь.« (*Тамъ же*).

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не изчезали ни послѣ укорененія единаго княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали изчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и утруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одна другую; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныя, или враждебныя, и надолго сживался съ такими понятіями. По видимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ,

или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно Литовскій, а Бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ земля Кривская была страною волхвованій при Всеславѣ Полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ у́же кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ у́же у нея понятіе о своенародности, тѣмъ оно сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ и все, что́ сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые разсказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчіи, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ч* вмѣсто *ц*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта, достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами и лапшевиками за то, что они постоянно ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особой отъ него народъ. »Что́ городъ, то́ норовъ«, говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ— Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорви-головами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село пов-

торенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но подпадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе—Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣгала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готоовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами порабощенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, недоставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, недоставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеплеменниками безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи ниспровергнуть тяготѣющее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слыхали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ разсказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтопись, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немыслимо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому-что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у ихъ прадѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, непод-

павшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называмымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что́ успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было нѐкогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлась вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненныя отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ—Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ—избраніе, добровольный призывъ, здѣсь—завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазаръ, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской натуры, скоро и легко ославянились и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевскаго князя. Мало по малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевскаго Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова Дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда пріѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же единаго рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не пріѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой—поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выплывать наружу слегка-подавленныя стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Велынянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились бо́льшія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ,—потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто спрова-

дили ихъ отъ себя на Югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне — пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залоги собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и впослѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что́ доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнію, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самодѣятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то́ не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то та́мъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — ка́къ говоритъ лѣтописецъ: *что́ старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды станутъ*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новагорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ сосѣдней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

вленію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда попущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древлянскій — Полѣсье, народность Полѣщуковъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означилась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей — Подоль — приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологоговскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ бо́льшему, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,

Тиверцы, Хорваты, Велыняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянъ и Велынянъ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Велыняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волынцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волынь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ, и съ Полѣсьемъ, но послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь, болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоли и Руси Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южной Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять, въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей, вошла въ соединеніе съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссіи, земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полѣсье, Волынь, Червонная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознаніе своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волынь, и Подоль, и Русь Червоную, всѣ части южно-русской земли и южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать, какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нашей исторіи, періодѣ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія общерусская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Велико-русской, 4) Бѣлорусской, 5) Полѣскій и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которые условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и

должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.

2) Единый княжескій родъ.

3) Христіанская вѣра и единая церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе »Дунай« между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя »Дунай« остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена, яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Ка́къ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвію Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и правахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что́ принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что́ составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ въ пѣснѣ: »о Мар-

кѣ Кралевичѣ« встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ; по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ одной малорусской пѣснѣ о »Левенченкѣ«. Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія »кровосмѣсителя«; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ святыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южнорусскихъ. Можно найти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ миѳологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, ка́къ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго, превращеніе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери), приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба, превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью, исторіи похожденій божества, преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области Славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, Купальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, обычай Коляды, хороводныя пляски и игры—общія черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что, въ древности, Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссійскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной миѳологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такія вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ было: достаточно можно это видѣть и изъ сходства того, что́ дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи и Великороссіи. Ми-

ологическія имена, теперь уже исчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является миѳологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по Сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини Чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ Польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе купальнаго древа Марены. Прочитавъ въ »Любушиномъ Судѣ« описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечь и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь, —невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическія лица держатъ: одно—мечь, а другое—свѣчу. Умыканье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное сборище. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что́ говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него лег-

ко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города́ и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были главами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественые, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татариномъ. Такъ, въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной. Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменныя народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ, въ языкахъ, были такія общія формы и слова́, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что́ касается до связи между собственно Руссо-Славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ

съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ Русскихъ нарѣчій отъ другихъ Славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ перемѣною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *правъ — норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень, одинъ*, вмѣсто *елень, единъ;* окончанія на *т* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ какого бы то ни было Русскаго народца видѣлъ, въ Славянинѣ другой, своей же, вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными Славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа, могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ, послѣднія, болѣе отдаленныя, чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ, и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ, чувствовалась различная степень свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ различная степень единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волынцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу: и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волынью, чѣмъ съ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговымъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко живу-

щаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волынцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волынцами, чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и оттого между Кіевлянами, Древлянами и Галичанами образовалась взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятичами; но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичомъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впослѣдствіи. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки Русской рѣчи явились уже послѣ. Древность Малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто Малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это оттого, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составился позже, но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели Бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія Великорусскаго съ Польскимъ? Отъ

чего же въ Юго-Западной Руси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не образовалось такой же смѣси? Отъ чего жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая, если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ Бѣлорусскомъ, такъ и въ Южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшія въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то, очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и въ Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ и въ другомъ краѣ. Вмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы, тамъ образовалась Земля,—система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь,—и такъ вошла во владѣнія Литовскія. Гдѣ теперь видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская Земля; гдѣ были Русь-Поляне — тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей Русской земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки; гдѣ Дулебы и Велыняне—тамъ Волынцы,—тамъ была система волостей Волынской земли; гдѣ Хорваты—тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне, тамъ были Бологовскіе князья. На Волыни образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волыни особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ Червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волынь,—такъ и въ старину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волынью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ, однако, отъ Червоной Руси на столько отмѣны, чтобы между ними потерялась связь единонародности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отмѣны Южнорусской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность,

по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности — Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе Новгородское и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все таки только слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, впослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственныя мѣры къ перерожденію туземной народности; однако и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь несравненно ближайшую къ южно-русской народности, чѣмъ къ Велико-русской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки Новгородскаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-Русскаго: ***и*** вмѣсто ***ѣ***, ***и*** и ***ы*** часто смѣшиваются, мягкое ***о*** вмѣсто ***е***—йому, його вм. ему, его; ***у*** вмѣсто ***в***, ***h*** вмѣсто ***g***, отбрасываніе ***и*** въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вм. *своима́*—свома́), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ Южно-русскомъ (напр. ***намастиръ*** вм. монастырь), сохраненіе ***о***, измѣненнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ ***а***, отбрасываніе ***тъ*** въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголовъ, ***ть*** вм. ***тъ*** во множественномъ числѣ (будуть вм. будутъ), перемѣна ***е*** въ ***о*** послѣ шипящихъ, напр. жона вм. жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и сверхъ того мѣстное отличіе: ***ц*** вм. ***ч***. Разбирая эти признаки по частямъ, можно, конечно, находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчіи показываетъ такое поразительное сходство съ Южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ

Новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прійдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ малороссомъ. Въ землѣ Великорусской, впослѣдствіи, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія финскихъ народностей, и примѣсь татаръ, происходили насильственныя административныя переселенія, наконецъ двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физіогномію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому—развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора Рязанскаго и Московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимірскаго края древняя земля Вятичей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ, что́ есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что́ есть у другихъ. Съ цѣлію изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчіи, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды, показать ихъ взаимные переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько-нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи останется еще то, что́ едва ли возможно описать какимъ бы-то ни было перомъ—физіономія народа, подобно тому, какъ нельзя ни коимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было по описанію столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ — съ принятіемъ христіанства; ибо если даже принять, что договоры Олега и Игоря писаны были въ то самое время когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали русскіе христіане, а если бы даже язычники, то они должны были пользоваться плодами, принесенными Христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины — случилось ли оно въ Кривской землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ—записывалось тѣмъ же самимъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то—изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червоноруссами, составлявшими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частяхъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство. — Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточенъ для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что, до извѣстной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной

рѣчи, какъ въ другихъ близокъ, и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни, не только не замѣнялъ обыденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря не полному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою, чтобъ каждая часть имѣла у себя, въ равной степени то, что было священно и для другой части; но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской земли въ эту первую половину Русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ Русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно, только этимъ поддержалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владиміръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимірѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большему единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впослѣдствіи Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянныя, раздѣленныя одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобъ и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознаніе взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ-называемомъ родовомъ бытѣ Восточныхъ Славянъ? — Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ — представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное; Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на Испанскій престолъ внука;

и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ, для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта, возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикова рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. Вмѣсто того, чтобъ князь наслѣдовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской земли, изъ двухъ городовъ—Витебска и Полоцка—начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ—не князья. Въ Галичѣ, князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи и въ XIV — XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, и отношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ вліяній, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая вырабатывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — кождо родомъ своимъ, т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — едино-

державію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной новой формѣ единства, формѣ, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и такимъ образомъ ихъ родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ Дома Изяслава Владиміровича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ. Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь Сѣверскій былъ ближе къ Черниговскому, чѣмъ къ Кіевскому, и народность Сѣверская была ближе къ Черниговской, чѣмъ съ Кіевской. Но князь Сѣверскій не терялъ все-таки связи съ Рязанскими и съ Суздальскими князьями, все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему Черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ Суздальскій и Рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы—Русскіе. Какъ князь говорилъ: »я не Угринъ, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ«, такъ каждый русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринъ, что ему часть въ той широкой землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою землею, какъ показываетъ, напр., такое выраженіе: *бяшеть бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою землею* (1190 г. Ип. спис. 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствіе; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя, война. Этимъ сознаніемъ сродства объясняется, почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами въ началѣ XIII в., послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отъ чего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній Московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, еслибы возможно было чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ всѣ вмѣстѣ

одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали до прибытія Рюрикова дома, или—Земли управлялись бы намѣстниками Кіевскаго князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, и находясь въ отношеніи Кіевскаго князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго—власть одной земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣснителей. Географическія условія и необходимость постояннаго отбоя отъ непріятелей не дозволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже еслибы всѣ народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья.—Указываютъ на горькія послѣдстві якняжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжнѣе, и были бы гораздо жесточе, губительнѣе, разрушительнѣе. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну Суздальскихъ князей съ Кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто ворочался домой, разсказывалъ о далекой землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другого края близкимъ къ своему,—расширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что́ такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то́, что́ съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская Рюриковская линія стала замѣняться Гедиминовою, связь между Запад-

ной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между нимъ гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи, но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ его—кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то́ именно, что еще больше княжескихъ усобицъ мѣшало ея единству—безпрестаныя непріязненныя отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славянскими Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-руссами; а другая напротивъ—кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ—завоевательная и поработительная. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ и другіе препятствовали порядку гражданственной стройности, а между тѣмъ и помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые — враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впослѣдствіи, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество козаковъ съ цѣлію противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко Польскіе и Русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ общихъ враговъ; — въ враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда

Славяно-русскіе народы боролись съ Тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которую русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили, въ ихъ степи, по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Димитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенныя ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгараются отъ обстоятельствъ, то засыпаютъ, то вновь пробуждаются, проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба Славянскаго племени съ Турецкимъ или Тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно-достовѣрнаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, такъ же непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ — къ племени Нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новгорода и Пскова къ Ливонскимъ Рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи, какое народъ нашъ имѣлъ и до-сихъ-поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и Финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія Русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго Новагорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны, Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ, Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда,

которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ-то тяготѣющемъ, высокомѣрномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства Русскихъ частей сдѣлалась православная Христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между Русско-Славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ Христіанству въ разныя времена, міръ Руссо-Славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то же время были въ равной степени общи для всѣхъ. Православная вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единые богослужебные обряды. Изъ Христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ Церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что́ выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздалѣ, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ, укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца — общая для всѣхъ вѣтвей русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная Церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ

формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ Русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, ка́къ при какомъ-нибудь извѣстномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на-сколько каждый былъ православный Русскій. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись общества отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнію. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почивающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ намъ на поклоненіе. Такимъ образомъ, образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, умножало сообщеніе земель, съ другой — поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ краяхъ Россіи одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то́, что́ считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ, такъ точно, Христіанская вѣра истребила мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣнила своею всеобщею для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычаи его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ, та́къ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служитъ Русская Правда—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ, подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ Русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычаи и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы спо-

собствовали бы скорѣе разрозненности частей вмѣсто ихъ соединенія. Ибо законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей Земли писанной святыней; преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему-нибудь болѣе общему. Кормчая, вошедшая вмѣстѣ съ Христіанствомъ, напротивъ, заронила въ Русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ, епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ, вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и тоже, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, неприкованнаго къ одной землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ русскихъ земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ — былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство произносило свои приговоры, по большей части одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ и въ Ростовѣ, потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ

краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію, какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: »се иноплеменники отъяли отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися.« Такимъ образомъ онъ указывалъ князьямъ прежде всего — забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую землю отъ не-русскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ вошли къ намъ, въ видѣ прибавленій къ Номоконону, мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые градскіе законы. Неизвѣстно, имѣли ли они когда-нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ; они пользовались уваженіемъ, и слѣдовательно, должны были внѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и рѣшеніе дѣлъ естественно должны былъ зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи—были ли они князья или тіуны, или же выборные народомъ, — необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовыя рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе ихъ, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на судѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ святой совѣтовался съ епископами объ устроеніи земскомъ; тоже дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ Номоканона, не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И въ послѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Ужъ, конечно, у каж-

даго святителя былъ экземпляръ Кормчей съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ Земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанныя на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинакими послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ и повсюду.

Кормчая книга съ гражданскими законами расширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ нашъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что Кормчая, подъ вліяніемъ толкованій духовенства, при каждомъ случаѣ содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ Славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ права родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіи съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимірѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими землями. Съ благословенія церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія церкви Іоаннъ III уничтожилъ Новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ Кормчей, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что »народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою, суть варвары...«

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Вмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому, во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе — обойти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые внѣдрились въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако, уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, ибо каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть, на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая Церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, Церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то́, что́ принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ расти и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ Вопросы Кирика, были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа, не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ, —власть Церкви могла еще быть чѣмъ-то внѣшнимъ, переработывающимъ народъ и не принимающимъ ничего отъ

него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантіи, а Русскій народный умъ проглядывалъ изъ-подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по-русски, а по-византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ Земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ, понятія, усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки не рѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели Московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ,—женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и все-нивеллирующаго византизма.

И вотъ, начала, соединяющія Земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти Земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности Земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми Землями образовалась и поддерживалась неустанно связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Вся исторія Руси удѣльнаго уклада есть постепенное развитіе федеративнаго начала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбы его съ началомъ единодержавія.

Н. Костомаровъ.

1860
Февраль.

ОБЗОРЪ
УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

КЛИМЕНТІЙ (1).

Народы, созидающіе свою литературу по чужимъ образцамъ, начинаютъ ее или тяжелою прозою, или стихотворствомъ безъ поэзіи. Истинная поэзія только тогда проявляется въ письменномъ словѣ, когда оно перестанетъ быть отголоскомъ чужой литературы и заговоритъ въ духѣ собственнаго народа.

Старинныя украинскія училища, сколько ихъ ни размножилось въ подражаніе Кіево-Братской школѣ, не дали обществу ни одного поэта. Причиною тому было пренебреженіе основателей этихъ училищъ къ языку, которымъ говорила наибольшая, если не вся, масса населенія украинскаго. Ни Исаія Кунинскій, ни Петръ Могила не могли, по своему собственному воспитанію, постигнуть, что основаній краснорѣчія надобно искать въ языкѣ народа, который они желали просвѣтить, и въ его изустной поэзіи. Всѣ современные имъ и послѣдовавшіе за ними ученые Украинцы старались не о томъ, чтобы народный языкъ возвысить до выраженія высокихъ понятій о Богѣ и человѣкѣ, заключенныхъ въ Библіи, а о томъ, чтобы церковно-славянскій языкъ Библіи, усвоенный церковною іерархіею, вселить въ народъ, посредствомъ богослуженія, проповѣ-

(1) Изслѣдованіе о Климентіѣ, украинскомъ стихотворцѣ временъ гетмана Мазепы, было напечатано въ 5-мъ томѣ *Русской Бесѣды* 1839 года. Здѣсь оно предлагается съ значительными дополненіями, какъ начало обширнаго критико-историческаго изслѣдованія, предназначеннаго для *Основы*.

ди и наконецъ школьной науки. А такъ какъ основатели украинскихъ училищъ воспитывались или въ польскихъ школахъ, или посредствомъ польскихъ книгъ, то въ учебный языкъ свой подмѣшали они польскихъ словъ и оборотовъ. Образцами стихотворства сдѣлались для нихъ силлабическія вирши польскихъ поэтовъ, столь убогія въ сравненіи съ гармоническими народными пѣснями украинскими. И такимъ образомъ, повернувъ своихъ питомцевъ спиной къ народу и его рѣчи, а лицомъ къ тому, что́ написано на чуждыхъ украинскому слуху языкахъ, учили ихъ схоластики всякой книжной премудрости, выдѣлывали изъ нихъ свое подобіе, распространили его по всей Украинѣ во множествѣ болѣе или менѣе крѣпкоголовыхъ образцовъ, но не произвели ни одного поэта. Поэзія чуждалась школъ и жила, мимо ихъ вѣдома, въ неграмотномъ народѣ. Самая поэтическая личность, пройдя чрезъ умственную пытку, которой подвергался въ тогдашнихъ школахъ человѣкъ, теряла способность выражаться поэтическою рѣчью и, возвращаясь въ народъ, дѣлалась ему чуждою. Печальный примѣръ такого пересозданія видимъ мы даже въ позднѣйшее время на Сковородѣ, который, воспитавшись на иныхъ началахъ, могъ бы быть великимъ двигателемъ духовнаго развитія Украинскаго народа. Но Сковорода не былъ, Сковорода не могъ быть единственною жертвою тупой школьной науки стараго времени. По милости ея, много свѣтлыхъ именъ исчезло для насъ безъ слѣда, много высокихъ поэтическихъ талантовъ погребено въ рукописныхъ и печатныхъ фоліантахъ схоластической безплодной работы. Предшествовавшія намъ поколѣнія Украинцевъ равнодушно истребляли эти фоліанты на домашнія потребы, или разбрасывали, какъ негодный хламъ, по амбарамъ и чердакамъ. Въ просвѣщенномъ негодованіи, мы называемъ ихъ варварами, которые не умѣли дорожить былою жизнію и дѣятельностью предковъ; но когда глубже вникнемъ въ это по-видимому возмутительное явленіе, то увидимъ въ немъ безмолвный приговоръ, произносимый временемъ надъ заблужденіями человѣческими. Будь эти фоліанты писаны такъ, чтобъ отъ нихъ трепетало живое сердце, — не охладѣли бы дѣти къ тому, чѣмъ дорожили отцы, и цѣнили бы внуки наслѣдіе послѣ дѣдовъ. Будь эти фоліанты — слово жизни, а не мудреное хитросплетеніе рѣчи, убивающее всякое свободное любопытство, — они бы сдѣлались источникомъ свѣта для грамотныхъ людей, и тогда, послѣ просвѣщенныхъ родителей, не были бы равнодушны къ ихъ премудрости наслѣдники ихъ книгъ. Намъ не жаль истребленія цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, накопленныхъ кіевскими академистами, черниговскими и другими семинаристами; намъ жаль, что столько ум-

ственныхъ силъ и столько времени потрачено на труды, недостойные вниманія потомства и чуждые потребностямъ его жизни. Конечно, изъ нашихъ старинныхъ школъ распространились въ высшемъ сословіи кой-какія философскія понятія и научные факты, — распространились и вошли въ капиталъ современнаго просвѣщенія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, что привлечено въ нее изъ Западной Европы черезъ Петербургъ; но по предмету словесности, составляющей душу всякаго просвѣщенія, эти школы сдѣлали, можетъ быть, больше вреда, нежели пользы. Они подавляли живое слово народа и врожденный народу даръ поэтическаго творчества, давая своимъ воспитанникамъ ложный взглядъ на высокое и низкое въ содержаніи и формѣ поэтическихъ произведеній. Это можно видѣть на всѣхъ доселѣ напечатанныхъ схоластическихъ виршахъ, начиная отъ панегириковъ Конашевичу-Сагайдачному и Петру Могилѣ, — этихъ безцвѣтныхъ и безобразныхъ словоизвитій, въ которыхъ не замѣтно и отдаленнаго родства съ современными имъ произведеніями народной музы, дышащихъ вѣчною свѣжестью поэтическихъ красокъ и преисполненныхъ самой оригинальной и живой образности. Позднѣйшія стихотворныя сочиненія архимандритовъ и архіереевъ, законодательствовавшихъ въ свое время литературнымъ вкусомъ съ каѳедръ Кіевской академіи, не исключая и виршъ самаго талантливаго изъ нихъ, Георгія Конискаго, такъ же мертвенны въ реторическомъ своемъ убранствѣ, какъ и хвалебные гимны могилинскихъ семинаристовъ. Они до того удалены отъ народнаго языка и интересовъ насущной жизни народа, что не заслуживаютъ названія даже первыхъ опытовъ украинской словесности. Ихъ ожидаетъ судьба, постигшая средневѣковую латынь въ стихахъ и прозѣ, — равнодушное и полное забвеніе.

Что-то похожее на попытку вывести поэзію изъ-подъ академическихъ сводовъ на открытый просторъ, въ живой народъ, представляетъ покамѣсть одинъ *Климентій Зѣновіевъ сынъ*, іеромонахъ временъ Мазепы, въ своей рукописи, открытой, покойнымъ А. В. Шишацкимъ-Илли чемъ, украинскимъ стихотворцемъ нашего времени, Климентій, какъ видно, не доучился современной премудрости до конца: въ стихахъ своихъ онъ извиняется передъ »благоразумными« читателями, и »особливо передъ виршописами« въ томъ, что не въ каждомъ стихѣ соблюлъ равное количество »силлябъ« и разорвалъ кое-гдѣ цезуру, а въ другомъ мѣстѣ сознается, что мало смыслитъ въ ирмолоѣ, а партесовъ совсѣмъ не знаетъ. Не былъ онъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ, по выпускѣ изъ школы, все идетъ какъ по маслу, которые дивятъ общество своими образованными способностями и становятся его авторитетами и куми-

рами. Онъ пишетъ, что претерпѣвалъ много скорбей, не имѣлъ постояннаго спокойнаго жилища, писалъ свою книгу въ разныхъ мѣстахъ, и писалъ единственно для утоленія своей печали, »будучи въ гоненіи«. Всѣ эти данныя объясняютъ, какъ содержаніе стихотвореній его, такъ и нѣкоторое сближеніе въ нихъ автора съ народомъ, на перекоръ схоластикѣ. Въ рукописи его, состоящей изъ 321-й четвертушки обыкновенной писчей бумаги, не достаетъ трехъ листковъ въ началѣ, многихъ листковъ въ срединѣ и, Богъ знаетъ сколькихъ въ концѣ. Писана она красивымъ, для своего времени, почеркомъ, близкимъ къ полууставу и греческому начертанію буквъ, со словотитлами и сокращеніями. Начинается она философическими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о вѣтрѣ, объ огнѣ, о Божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ Божіихъ, о смерти, и т. п. Въ стихотвореніяхъ на эти темы, авторъ платитъ безусловную дань своему воспитанію и времени. Очевидно, они писаны для чтенія въ кругу монастырскомъ. Но іеромонахъ Климентій много странствовалъ по свѣту, видалъ всякіе виды, и сталкивался со всякаго рода людьми. Не переставая быть философомъ-догматикомъ, онъ вводитъ въ свои вирши нѣкоторыя подробности изъ явленій повседневности и часто судитъ судомъ толпы, среди которой онъ вращался. Строгихъ убѣжденій у него нѣтъ. Понятія о добрѣ и злѣ у него относительныя. Иногда онъ бываетъ не въ мѣру строгъ, иногда не въ мѣру снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ, смотря по тому, подъ какими вліяніями писалъ, и часто самъ себѣ противорѣчитъ, оправдывая то, что́ прежде порицалъ. Вообще, онъ—поклонникъ высшаго, господствующаго сословія, противъ котораго не смѣетъ сдѣлать, въ стихахъ своихъ, никакого прямаго замѣчанія; если же говоритъ объ общемъ порокѣ всѣхъ сословій, то или умалчиваетъ о высшемъ, или даже выгораживаетъ его и извиняетъ въ немъ то, что́ въ другихъ осуждаетъ немилосердо. Этимъ объясняется тогдашнее положеніе странствующаго монаха: всякій протестъ его противъ злоупотребленій гетмана и пановъ украинскихъ грозилъ ему серьезною опасностью. Властвовалъ тогда въ Украинѣ не умъ, властвовали сила и богатство. Исторія описывала тогда дѣянія правителей и полководцевъ; поэзія восхваляла ихъ доблести, или услаждала слухъ сильныхъ міра сего пріятными для нихъ вымыслами; сатира осмѣливалась касаться только людей безотвѣтныхъ. Поэтому-то мы находимъ въ книгѣ іеромонаха Климентія слѣдующую сатиру на простолюдиновъ, въ которой онъ неумышленно выставилъ злоупотребленія землевладѣльцевъ, оправдывая ихъ насилія.

О иду́чихъ на́ слободы людéхъ (¹).

Хто ко́лвекъ собѣ и́щетъ на житло́ слободы:
ма́ло вхо́дятъ змежъ таки́хъ вели́кои бѣды.
Бо гото́вые хáты идучи́ покида́ютъ:
а прыше́дши на́ слободу готовыхъ нема́ютъ.
А що найго́ршей ча́сомъ худо́бы забыра́ютъ:
и тылко що зъ ду́шами живыхъ оставля́ютъ.
Уже жъ тогда́ где зхо́четъ то ско́чить хочъ к лѣсу:
и го́лый уже́ наветъ хочъ к самому бѣсу.
Пожыте́чная ему судылась слобода́:
дово́лная пустыня и ли́ка и вода́.
На що любо зволится (:) хочъ утопи́тися:
а ежели́ захо́четъ (,) во́лно и вдави́тися.
Отожъ мѣешъ за свое́ теперъ дурный мужыче:
а бывший на своего па́на бунтовни́че.
Не хотѣлесь панови послушенство оддава́ть.
и въ цѣлости зъ всѣмъ своимъ въ е́дномъ мѣсцу пробува́ть.
Ги́нь же теперъ за свое злое непокорство:
и за упрямую твою гордо́сть и упорство.
І добре тые чи́нятъ, що прочáнъ обдыра́ютъ:
Богъ ихъ проститъ, за тое згола грѣха́ не ма́ютъ.
І не тылко потреба бъ таки́хъ обдыра́ти:
а́ле и з сами́ми душами разлуча́ти.
Поневважъ не хотѣвъ пудъ кимъ бувъ чини́ть пови́нность
обдери́ и хочъ забий за тую учинность.
Богъ за бунтовника́ якъ мо́вятъ неповѣ́ситъ:
але и нагородою еще потѣшитъ.
Кгдыжъ учинивъ своéму па́ну па́кость мно́гу:
нетылко пану и самому Богу.
Якъ ся мѣвъ то мѣвъ треба было бъ претерпѣти:
а за терпеніе спасеніе моглъ бы мѣти.
Зачимъ вы пано́ве такихъ не ва́жтесь щадѣти:
втѣка́ючихъ прочъ самыхъ дерѣть, бѣть и берѣть дѣти.
І отпю́дь милости такимъ не показуйте:
але совершенно такъ таковымъ справу́йте.

Это стихотвореніе даетъ самое грустное понятіе о состояніи тогдашняго населенія нашей Украины. Въ числѣ пановъ разумѣются и козаки-землевладѣльцы, ибо козакъ былъ тогда не простой человѣкъ, ка́къ это свидѣтельствуетъ и Климентій, противопоставляя вездѣ козакамъ не-козаковъ-поселянъ, какъ *простыхъ людей*. Вмѣсто закона, господствовали обычаи, установленные правомъ сильнаго. Возмутившійся противъ землевладѣльца вольный *подсосѣдокъ* считался *бунтовникомъ*. У него от-

(¹) Сохраняю, по возможности, правописаніе подлинника.

бирали всю *худобу* и выпускали голаго, только съ душею. Но, видно, хорошо было жить у пановъ въ подсосѣдкахъ, если человѣкъ бросалъ все и уходилъ на пустыя земли, на слободу ([1])! Эти такъ называемые вольные переходы, какъ видимъ, сопровождались, со стороны оставляемыхъ пановъ, грабежомъ, побоями и даже отнятіемъ дѣтей у родителей. И тѣмъ безнадежнѣе было положеніе чернорабочаго, неграмотнаго народа, что у грамотѣевъ не было къ нимъ никакого состраданія. Грамотѣи были не шутя увѣрены, что паны созданы для того, чтобъ пановать, а мужикъ — для того, чтобы терпѣть. Посмотрите, какую перспективу показываетъ стихотворецъ угнетенному подсосѣдку панскому: »Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надо было до конца претерпѣть, а за то могъ бы ты получить спасеніе.« Утѣшительная будущность, нечего сказать! Но, еслибъ несчастный и рѣшился, ради спасенія души, терпѣть безропотно притѣсненія со стороны землевладѣльца, то тотъ же самый философъ осудилъ бы его на вѣчныя мученія за множество другихъ поступковъ, которые онъ, въ своихъ стихахъ, объявляетъ страшными грѣхами. Поэтому хорошо дѣлали неграмотные поселяне, не слушаясь его совѣтовъ. Хорошо дѣлали и всѣ, кто оставлялъ безъ вниманія философію, высиживаемую въ бурсахъ. Она была чужда народнаго смысла и годилась только для тѣхъ, кто ее проповѣдывалъ. Но могъ ли сдѣлаться народнымъ поэтомъ человѣкъ съ такими дикими понятіями о добрѣ и злѣ, какъ авторъ философскихъ виршъ, и что́ удивительнаго, если творенія подобныхъ ему мудрецовъ не произвели на народъ никакого впечатлѣнія? Народная поэзія никогда не оправдываетъ беззаконія, никогда не льститъ низкимъ страстямъ сильнаго, никогда не

([1]) Тепловъ, въ своей запискѣ о внутреннемъ состоянія украинскаго населенія при Разумовскомъ (*Записки о Южной Руси*, т. II), приписываетъ охоту подсосѣдковъ къ перемѣнѣ мѣста врожденной любви ихъ къ праздности. По духу вѣка, онъ не могъ входить симпатично въ положеніе подсосѣдка, но говоря о грабежахъ со стороны пановъ и о томъ, что »сильные кредитомъ въ націи помѣщики, заманивши единажды на свою землю мужика, много и иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить его переселиться къ другому«, самъ указываетъ, къ чему были способны паны, относительно своихъ подсосѣдковъ, если только жажда къ стяжанію подстрекала ихъ на принужденье мужика къ работѣ. Естественно, человѣкъ, сознавая себя не неключимымъ рабомъ другого человѣка, пользовался всѣми возможными средствами уйти отъ порабощенія. Тепловъ говоритъ, что мужики »по большей части не заводятъ у себя никакого домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться.« Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ также *противъ* тогдашнихъ нравовъ. Вольные хлѣбопашцы, которымъ открытъ путь на всѣ четыре стороны, не живутъ цыганскою жизнію и гнушаются ею.

ругается надъ несчастіями и страданіями. Народная муза полна разума и милосердія, и только тотъ способенъ увлекать словомъ своимъ народъ, въ полномъ его составѣ, кто совмѣститъ въ себѣ эти два нераздѣльныя условія. Украинскія бурсы никогда не были разсадниками ни истиннаго разума, ни истиннаго милосердія, взаимно другъ отъ друга зависящихъ, и потому не могли произвести ни одного поэта. Еслибы Климентій усвоилъ себѣ всѣ преимущества тогдашняго воспитанія, онъ не былъ бы поэтомъ и на столько, на сколько является въ своей книгѣ: онъ не пошелъ бы дальше обычныхъ въ тогдашнее время сочиненій. Еслибъ онъ угнѣздился спокойно на одномъ мѣстѣ и повелъ свои дѣла не хуже прочихъ,—онъ бы »не умствовалъ лукаво« о томъ, что́ не относится къ нему непосредственно, и не сохранилъ бы для насъ, вовсе безъ умысла, многихъ чертъ несчастной старины нашей. Онъ написалъ бы, а, можетъ быть, и напечаталъ бы, такія книги, изъ которыхъ потомокъ ровно ничего не вычитаетъ насущнаго, объ которыя притупится самое острое вниманіе и которыя способны внушить отвращеніе къ умственной работѣ самому настойчивому труженику. Его сочиненія сдѣлались бы достояніемъ тѣхъ, которые грызутъ и перегрызаютъ, точно крысы, книгу за книгою и, переставъ быть людьми, сами дѣлаются ходячими книгами.

Климентію, Зѣновіеву сыну, кто бы онъ ни былъ, много помогла въ его сочиненіи неровность его характера, которая, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его рукописи, помѣшала ему испить до дна чашу современной семинарской науки и, по всей вѣроятности, выбросила его рано изъ схоластической машины въ безпорядочный, полный страстныхъ увлеченій, несхоластическій міръ. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что бывалъ на Волыни и въ разныхъ городахъ Земли Кіевской. Онъ часто сравниваетъ Литву съ Украиною. Онъ говоритъ о разныхъ промыслахъ и ремеслахъ съ подробностями, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ наблюдалъ ихъ не издали, а, можетъ быть, и непосредственно въ нихъ участвовалъ. Корчмы, шинки и все, что́ въ нихъ случается, онъ изображаетъ не общими мѣстами, какъ обыкновенно дѣлаютъ удаленные отъ дѣйствительности проповѣдники. О приходскихъ школахъ, о школярахъ и ихъ продѣлкахъ онъ говоритъ съ такой же опредѣлительностію, какъ и о монастырской келѣ. Супружескія отношенія слишкомъ хорошо ему извѣстны для отшельника, и, судя по ожесточенію, съ которымъ онъ нападаетъ на непокорность и тайныя шашни женъ, надобно предположить, что супружеская жизнь знакома ему не по слухамъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ вышелъ изъ семинаріи въ дьячки, въ діаконы, а пожалуй и въ попы, по-

томъ овдовѣлъ и, не зная, что съ собой дѣлать, пошелъ въ монастырь. Это подтверждаютъ его поздніе сѣтованія на свое одиночество, и вольнодумство на счетъ поповскаго не-двоеженства. Монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ шлялся по міру, подъ предлогомъ испрошенія пожертвованій; не рѣдко увязалъ въ корчмахъ и шинкахъ, потомъ каялся въ своемъ нечестіи, возвращался въ монастырь и писалъ стихотворныя филиппики противъ недостойныхъ иноковъ. Но раздоръ съ монахами, на который онъ часто жалуется, прогонялъ его въ другую обитель, а мірскія привычки и очевидная неустойчивость характера заставляли его скорбѣть въ уединеніи, смотрѣть на исправительныя мѣры со стороны старшей братіи, какъ на гоненія, и безпрестанно мѣнять одно мѣстопребываніе на другое.

Таковъ мой выводъ изъ его книги, чуждой какой бы то ни было внѣшней и внутренней системы,—книги, писанной, какъ онъ самъ говоритъ, *перéскакомъ*, наполненной общими религіозными мѣстами и вмѣстѣ кощунствомъ, строгими правилами нравственности и потачками самымъ циническимъ порокамъ, философскими попытками возвести явленія современной жизни къ идеѣ истины и грубѣйшими противорѣчіями христіянскому ученію. Такъ какъ она существуетъ въ единственномъ экземплярѣ, то я дѣлаю изъ нея извлеченія въ порядкѣ представленныхъ мною замѣчаній, чтобы подтвердить ихъ словами самого автора и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность другимъ судить о Климентіѣ, какъ о первомъ украинскомъ стихотворцѣ. Считаю необходимымъ измѣнить его правописаніе сообразно произношенію украинскому. Образцомъ служила Климентію орѳографія церковныхъ книгъ, которыя читались и до сихъ поръ читаются непереученными Украинцами по законамъ народной фонетики. (Напримѣръ. слова *свѣта отъ свѣта* Украинецъ читаетъ: *світа одъ світа*.) На этомъ-то основаніи я ввожу въ стихи Климентія собственное украинское правописаніе, (какъ и въ другихъ изданныхъ мною книгахъ). Мѣста, въ которыхъ онъ впадаетъ въ церковно-славянизмы и полонизмы, оставляю безъ перемѣны, какъ напримѣръ окончаніе *ѣ* вмѣсто *въ*, которое онъ также иногда употребляетъ, но, очевидно, по привычкѣ говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ писалъ.

О должникáхъ, хто комý дóлженъ, абó тежъ вúненъ.

Не дай, Бóже, позичáть, алé дай своé мать,
бо мóвять: *Дýшно, якъ два прáвять, трéтьему нічого дать!*
Добрó такóму чегó-кóльвекъ позичáти,
котóрий мóжетъ въ прýдкомъ чáсі и отдáти,

А ви́нному двоя́ка ча́сомъ скорбъ бива́етъ,
гди презъ назна́ченний часъ вдво́е отдава́етъ;
Же то есть така́я речъ пудъ часъ менови́те:
до́лжний на се́бе о́блікъ (1) дастъ отда́ть сови́те (2).
И ви́ділемъ на сві́ті то́е въ свое́мъ віку,
же презъ пре́шлий те́рмінъ далъ вдво́е чоловіку,
И су́женно на суді, би то́е ста́ло такъ.
На Воли́ню еди́нъ ся ошука́лъ небора́къ,
Бо мо́вилъ: »Когда́ въ той часъ зупо́лно не отда́мъ,
хочъ еди́нъ день похи́блю, мо́витъ, вдво́е отда́мъ.«
Та́кже ему́ бідному за неща́стямъ ста́ло,
же друго́й полови́ни даре́мне не ста́ло.
Присуди́лъ Ляхъ, жебъ Жи́ду Ру́синъ отда́лъ вдво́е,
и му́сілъ (3) стара́тися бідний би́ло о то́е.
Хто жъ, чи судія́ тому́ ви́ненъ, чи самъ ви́нний: —
Не вімъ; подо́бно, бо́льшей ошука́лся ви́нний:
На́ що било́ въ о́блиці такъ ся обіца́ти,
же презъ речене́ць бу́ду вдво́е отдава́ти?
И то не готови́зну далъ, тилько всю худо́бу
въ сту таляра́хъ, ажъ прото́ збулъ свою́ оздо́бу (4),
Же мно́го изъ жа́лости хорілъ для фрасу́нку (5),
потомъ сталъ пить и уме́ръ зъ хмелёвого тру́нку.
А жона́, при злой не́ндзі (6), пошла́ запряда́ти,
а діти свої Жида́мъ почала́ найма́ти.
Пре́то (7) не дай намъ, Бо́же, въ долги́ упада́ти,
але́ и до́лжнимъ дай вско́рі свобожда́ти.

Волынь тогда находилась въ предѣлахъ Польскаго королевства. Ляхъ, Жидъ и Русинъ играютъ на Волыни, въ стихахъ Климентія, тѣ самыя роли, что́ и въ народныхъ преданіяхъ. Но когда онъ описываетъ свою Украину, то не упоминаетъ о Евреяхъ вовсе. Даже шинки и заѣздные дворы находились тогда въ рукахъ Украинцевъ. Истребленіе и изгнаніе Евреевъ, во время польско-козацкихъ войнъ, дало иной видъ Украинѣ лѣваго берега Днѣпра. Побережье правой его стороны, кромѣ окрестностей Кіева, кромѣ Канева, Черкасъ и Чигирина, лежало тогда безлюдною пустынею, и потому Евреямъ не было доступу къ козацкой Украинѣ (8). Они начали вкореняться здѣсь только въ царствованіе Ека-

(1) Обязательство. — (2) Съ лихвою. — (3) Слово *му́сити* Климентій пишетъ почти всегда чрезъ *ѣ*, котораго звукъ въ украинскомъ выговорѣ соотвѣтствуетъ моему *і*. — (4) Красоту. — (5) Горести. — (6) Нуждѣ, бѣдности. — (7) Потому-то.

(8) Самое слово *аренда* было ненавистно гетманскимъ Украинцамъ, какъ это видно изъ »мнѣнія Мазепы объ уничтоженіи въ Малороссіи аренды«, посланнаго въ Москву въ 1692 году, въ отвѣтъ на указъ царскій, въ которомъ сказано, что, по случаю аренды, устроенной въ малороссійскихъ городахъ, и маетностей, данныхъ разнымъ особамъ, »происходятъ межъ народомъ по-

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ бо́льшую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Цига́нахъ и о Жида́хъ.

Цига́не да Жиди́ едни́ едни́мъ ра́вни,
поне́важъ (1) вельми тие лю́де есть злопра́вни,
Бо въ нихъ то́лько есть пра́вди, якъ въ ше́лягу сре́бра...
бода́й имъ безпреста́нно кати́ круши́ли ре́бра!
Же збите́чнее (2) лю́дямъ чи́нять ошука́нства,
где-ко́львекъ (3) приіхавши до яко́го па́нства,
А землі свое́й зго́ла (4) нигде́ собі не ма́ютъ,
ти́лько, не мо́вячи, якъ Цига́не пробува́ютъ,
Тако жъ ту́лятся и Жиди́ по всемъ світу
аби́-где́ въ яки́хъ зе́мляхъ и въ котро́мъ повіту.
А пре́дсяжъ (5) где есть Жиди́ — своі двори́ ма́ютъ,
а Цига́не где день, где ночъ по світу туля́ютъ.
Якъ не міютъ домо́въ, щобъ и ща́стя не ма́ли,
а наоста́токъ жеби и дя́бли ихъ побра́ли!
И дай, Го́споди, аби́ то́е такъ ся імъ ста́ло,
ижъ би на віки тое́й нечистоти́ не ста́ло!

Эти послѣдніе стихи дышутъ фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще непозабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что́ противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльны-

---

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.« — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (чаяти для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(1) Понеже. — (2) Чрезвычайные. — (3) Куда-нибудь. — (4) Вовсе.
(5) Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалитъ безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино лiющихъ и осóбъ наклéпы творящихъ пiющимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горiлку, въ судна* табакъ *вовергаютъ*. Это — фактъ интересный ([1]). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О табáцi и о уживáющихъ ея.

Злáя вплоди́лася речъ и всю́ди есть я́вна,
же рóзний людъ заживáетъ табáку здáвна;
А бáрзій въ Литві тое вéльми недóбре,
бо жóни и дiти ихъ заживáютъ дóбре.
И тутъ таки́хъ есть мнóго, же ея вживáютъ;
ти́е нóздрами пахáютъ, а тие втягáютъ,
И, хто тогó навчи́вся, и лю́лькою тягну́тъ.
Потрéба бъ доконéчно одъ тóго повстягну́ть,
Бо въ немъ часть пекéльного ди́му обрiтáетъ,
и хто тя́гнетъ, то изъ устъ тогó смрадъ изхождáетъ.
И хочъ и влáстi тя́гнутъ, еднáкъ не óбель ([2]) то чéстно;
а ню́хати найпáче бри́дко и безчéстно,
Кгдижъ, тя́нучи димъ, прочъ вонъ изъ устъ випущáетъ,
а ню́хаючи пáче себé оскверня́етъ:
Же въ нóздрахъ та нечи́стость ему́ остаéтся,
съ чегó чáсомъ и нéмощъ лю́тая стаéтся;
Бо мозгъ въ голові егó табáка зсушáетъ,
же влáсне ([3]) якъ швець ду́бомъ шку́ри пересипáетъ.
И не слишитъ табáчникъ зби́тний ухáнія,
а нi смрáду, тежъ благоухáнія.
Такóму и священства осóбъ возбраня́ютъ,
и святи́ти не всю́да таки́хъ позволя́ютъ;
Бо, хто нóсомъ не чу́етъ, не цiлъ пробувáетъ,
влáсне состáву собi якого не мáетъ.

([1]) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнковой горiлкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сидiли, ру́ки поскладáвши,
Для нихъ все празники́ були́,
Люльки́ кури́ли полягáвши,
Абó горiлочку пили́, —
Не тютюнкóву и не пiнну,
Но третьёпрóбну перегiнну...

(*Енеида*, изд. 1808, стр. 138),

([2]) Совсѣмъ. — ([3]) Словно.

терины II, когда, съ одной стороны, паденіе козачества, какъ господствующаго (вмѣстѣ съ своею старшиною) сословія, а съ другой — соединеніе обѣихъ приднѣпровскихъ частей Южной Руси, дали этому промышленному народу возможность насѣсть на украинскіе города и прибрать мало-помалу къ своимъ рукамъ бо́льшую часть капиталовъ, находившихся въ оборотѣ. Въ одномъ только стихотвореніи говоритъ Климентій о Евреяхъ, но не обозначаетъ мѣста, которое они занимали тогда въ Гетманщинѣ, и такъ-какъ умалчиваетъ о нихъ въ описаніяхъ шинковъ, рынковъ и торговыхъ людей, то надобно полагать, что это стихотвореніе относится къ Польской Украинѣ.

О Цига́нахъ и о Жида́хъ.

Цига́не да Жиди́ едни́ едни́мъ ра́вни,
поне́важъ (¹) вельми тие лю́де есть злопра́вни,
Бо въ нихъ то́лько есть пра́вди, якъ въ ше́лягу сре́бра...
бода́й имъ безпреста́нно кати́ круши́ли ре́бра!
Же збите́чнее (²) лю́дямъ чи́нять ошука́нства,
где-ко́львекъ (³) приіхавши до яко́го па́нства,
А землі свое́й зго́ла (⁴) нигде́ собі не ма́ютъ,
ти́лько, не мо́вячи, якъ Цига́не пробува́ютъ,
Тако жъ ту́лятся и Жиди́ по всемъ світу
аби́-где́ въ яки́хъ зе́мляхъ и въ котро́мъ повіту.
А пре́дсяжъ (⁵) где есть Жиди́ — своі двори́ ма́ютъ,
а Цига́не где день, где ночъ по світу туля́ютъ.
Якъ не міютъ домо́въ, щобъ и ща́стя не ма́ли,
а наоста́токъ жеби и дя́бли ихъ побра́ли!
И дай, Го́споди, аби́ то́е такъ ся імъ ста́ло,
ижъ би на віки тое́й нечистоти́ не ста́ло!

Эти послѣдніе стихи дышутъ фанатическимъ духомъ нетерпимости, столь общимъ тогдашней Украинѣ, еще непозабывшей кровавой борьбы съ иновѣрцами. Но Климентій одинаково строгъ и безпощаденъ ко всему, что́ противно *его* понятіямъ о добрѣ и злѣ. Онъ смягчается только передъ людьми знатными и богатыми, да передъ музыкантами и хмѣльны-

---

сполитымъ вопль и пререканія, а особливо отъ Запорожцовъ произносятся голоса, къ шатости склонные.« — Мазепа, въ своемъ мнѣніи, говоритъ: »Та аренда здѣсь въ Малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самымъ именемъ изъ давныхъ временъ (чаяти для того, что при Польской державѣ Жиды оною владѣли и многіе вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы.« (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 5—6).

(¹) Понеже. — (²) Чрезвычайные. — (³) Куда-нибудь. — (⁴) Вовсе.
(⁵) Однакожъ, при всемъ томъ.

ми напитками, которые хвалитъ безусловно. Впрочемъ, хваля музыку вообще, не любитъ козы или волынки и нападаетъ на дударей, какъ на людей богопротивныхъ. Еще сильнѣе вооружается онъ противъ *воду въ вино лію́щихъ и осо́бъ накле́пы творящихъ пію́щимъ*. Это впрочемъ понятно. Но не понимаемъ его гоненія на курителей и нюхателей табаку. Развѣ за то онъ ихъ преслѣдовалъ, что нѣкоторые шинкари *въ горілку, въ судна* табакъ *вовергаютъ*. Это — фактъ интересный ([1]). У него есть цѣлое стихотвореніе о табакѣ.

О таба́ці и о уживающихъ ея.

Зла́я вплоди́лася речъ и всюди есть я́вна,
же ро́зний людъ заживаетъ таба́ку зда́вна;
А ба́рзій въ Литві тое ве́льми недо́бре,
бо жо́ни и діти ихъ заживаютъ до́бре.
И тутъ таки́хъ есть мно́го, же ея вживаютъ;
тие но́здрами пахаютъ, а тие втяга́ютъ,
И, хто того́ навчи́вся, и лю́лькою тягну́тъ.
Потре́ба бъ доконе́чно одъ то́го повстягну́ть,
Бо въ немъ часть пеке́льного ди́му обрі́таетъ,
и хто тя́гнетъ, то изъ устъ того́ смрадъ изхожда́етъ.
И хочъ и вла́сті тя́гнуть, една́къ не о́бель ([2]) то че́стно;
а нюхати найпа́че бри́дко и безче́стно,
Кгдижъ, тя́нучи димъ, прочъ вонъ изъ устъ випуща́етъ,
а нюхаючи па́че себе́ оскверня́етъ:
Же въ но́здрахъ та нечи́стость ему́ остае́тся,
съ чего́ ча́сомъ и не́моцъ лю́тая стае́тся;
Бо мозгъ въ голові его́ таба́ка зсуша́етъ,
же вла́сне ([3]) якъ швець дубомъ шку́ри пересипа́етъ.
И не слишитъ таба́чникъ збі́тний уха́нія,
а ні смра́ду, тежъ благоуха́нія,
Тако́му и свяще́нства осо́бъ возбраня́ютъ,
и святи́ти не всю́да таки́хъ позволя́ютъ;
Бо, хто но́сомъ не чу́етъ, не цілъ пробува́етъ,
вла́сне соста́ву собі якого не ма́етъ.

([1]) Котляревскій упоминаетъ также о *тютюнковой горілкѣ*, въ описаніи каррикатурнаго рая:

Сиділи, ру́ки поскла́вши,
Для нихъ все празники́ були́,
Люльки́ кури́ли полягавши,
Або́ горілочку пили́, —
Не тютюнко́ву и не пінну,
Но третьёпро́бну перегінну...

(*Енеида*, изд. 1808, стр. 138).

([2]) Совсѣмъ. — ([3]) Словно.

А свяще́нство міетъ той оби́чай отъ віка,
же тре́буетъ цілого на то человіка.
Есть же и такіе, що и́ные и ядя́тъ,
и ти́е па́че Бо́гу и святи́мъ всімъ бридя́тъ.
А ини́е въ горілку въ су́дна воверга́ютъ.
и, на поги́бель собі, люде́й оскверня́ютъ.
Таки́хъ би годи́ло бъ ся не ти́лько ки́емъ бить,
але́ ино́го хочъ би и изъ світа згуби́ть.
Осо́бно жъ и́ний нави́къ бардако́мъ (1) тягну́ти,
презъ кото́рий не едно́му пришло́ сми́слу збу́ти.
Ини́е бо бардако́мъ такъ ся затяга́ютъ,
ажъ на́гле ду́ши свои въ той часъ изверга́ютъ
И сами́хъ себе́ бісу офіру (2) дава́ютъ,
якъ ти́е, що зъ горілки пъя́ние вмира́ютъ.
Тимъ обо́імъ пеке́льна бу́детъ нагоро́да:
отъи́метъ бо ся отъ нихъ отъ него́ свобо́да.
Намъ же по-христия́нській дай, Христе́, умира́ть
и, позбу́вши всіхъ гріхо́въ, не́бо наслідова́ть.

Табакъ, ввергаемый въ сосуды съ горілкою, возбуждалъ тѣмъ сильнѣйшее негодованіе въ Климентіѣ, что ему было извѣстно, по опыту, другое злоупотребленіе, противоположное, по смыслу своему, этой коварной заправѣ, именно — подмѣсъ воды въ горілку. Изъ его стихотворенія по этому случаю мы выводимъ печальное заключеніе, что Евреи, удалясь изъ нашей Украины, оставили въ ней своихъ преемниковъ между христіянами, которые не уступали имъ въ фальшивой продажѣ вина (3). Какъ бы ни была совершенна сама по себѣ религія, которую исповѣдываетъ человѣкъ, она не спасаетъ его отъ низостей, если въ его нравы и обычаи не проникнула религіозность путемъ разумной проповѣди. Деспотизмъ гетманскаго правленія во времена Мазепы подавлялъ свободный протестъ противъ чиновныхъ покровителей неправды; вѣроученіе ограничивалось догматикою и утомляло слухъ мірянъ общими реторическими мѣстами. Духовные витіи грозили черни адскими муками, пируя вмѣстѣ съ вельможными особами, потакая ихъ неправеднымъ стяжаніямъ и вообще оставляя ихъ совѣсть въ покоѣ. Мазепа строилъ храмы за храмами, и въ то же время предавался необузданности страстей сво-

(1) Табакомъ. — (2) Жертву.

(3) Мазепа, въ 1692 году, писалъ въ своемъ универсалѣ: »Да и за то не меньше намъ приходитъ негодованіе на старшину, что и того не досматриваютъ, дабы въ арендахъ подмѣшеное и мѣрою умаленное не продавано было вино, которымъ образомъ нѣкоторые шинкари или шинкарки дерзаютъ безбоязненной въ черни чинить обманъ«, и пр. (*Чтенія*, изд. Бодянскимъ, 1859, кн. I, отд. II, стр. 9).

ихъ. Все въ Украинѣ шло на основаніи права сильнаго, и только путемъ хитрости и низкопоклонства можно было талантливому человѣку пробраться къ высшимъ должностямъ, чему живымъ примѣромъ былъ самъ гетманъ, добравшійся до булавы угодничествомъ, коварствомъ и подкупомъ. Не мудрено, что въ его правленіе Климентій набрелъ на слѣдующую тему для стихотворства:

О купца́хъ и о продавца́хъ фальшивихъ и о продающихъ вино́ и во́ду въ вино (сирічъ въ горілку) ліющихъ и о осо́бъ наклéпи творя́щихъ піющимъ для душегу́бнихъ имъ прибúтковъ.

Ото́ вамъ тремъ персо́намъ то́е ся звіща́етъ,
же за то́е васъ всіхъ гнівъ Бо́жий ожида́етъ,
Поне́важъ то у вино́ во́ду міша́ете
и Бо́гу кріпко, кріпко тимъ согріша́ете. (1)

Климентій, въ качествѣ моралиста, считалъ долгомъ своимъ проповѣдывать воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ, такъ какъ съ неосторожно выпившими случаются разныя непріятности, но пьяницъ вообще увѣщаваетъ онъ снисходительно, а въ слѣдующемъ стихотвореніи сознается, что и самъ не былъ врагомъ Бахуса.

О крилоша́нахъ, збúтне (2) тру́нокъ горільчаний заживáющихъ и на у́треняхъ въ церквáхъ небивáющихъ.

Не ди́вно есть горілку крилоша́номъ не въ часъ пи́ти,
але́ найдивнійшъ въ це́ркві утре́ні не пропусти́ти.
Бо за слу́жбу Бо́жію не такъ ста́ршиі кара́ютъ,
а за непритóмность у́треннюю не пропуща́ютъ.
Кгди жъ у́треню по́двигомъ вели́кимъ назива́ютъ,
а за литурги́ю, любъ большъ важнійша, пробача́ютъ.
Въ часъ слу́жби Бо́жой не всякъ человікъ можетъ спа́ти,
а до у́трені, хочъ звонъ чу́етъ, не хо́четъ вста́ти.
Зачи́мъ у́тренний по́двигъ на світі есть дивнійший,
а до слу́жби Бо́жой южъ не та́ко чуднійший.
А такъ, бра́тіе, до у́трень ся спіші́мо,
хочъ ча́сомъ, ложа́ся спа́ти, и горілки напімо.,
Бо трунко́вимъ лю́дямъ тру́дно и не випива́ти,
жеби́ на го́лосъ и на весе́лость здобува́ти.
И прибу́детъ охо́ти до всего́: писе́цъ сей самъ зна́етъ,
ижъ то такови́й оби́чай и собі ма́етъ.
И дай, Бо́же, помірно ко́ждимъ заживáти,
да не бу́дутъ тебі и лю́дямъ проступа́ти.

(1) Въ рукописи не достаетъ въ этомъ мѣстѣ четырехъ листковъ.
(2) Неумѣренно.

Еслибъ Климентій доучился до конца въ семинаріи, или принадлежалъ къ старшимъ монахамъ, онъ бы, въ своихъ поучительныхъ стихахъ, строго держался общимъ выраженій, сквозь которыя столь слабо пробивается дѣйствительность. Но тутъ онъ выражаетъ не искусственный, а натуральный взглядъ на свое званіе и на свое дѣло. Такъ разумѣли себя и свое ремесло многіе, если не всѣ его собратья, по тогдашнему состоянію вѣроученія, основаннаго на одной формѣ. Онъ простодушно называетъ классъ людей, къ которому принадлежитъ, *трунковыми людьми*. По его мнѣнію, иначе и быть не возможно въ положеніи крылошанина. Подвигъ у него означаетъ не болѣе, какъ буквальное выполненіе дѣла, которое не имѣетъ, по его мнѣнію, никакой связи съ трезвою и благочестивою жизнію. Въ другомъ стихотвореніи онъ описываетъ приходскихъ причетниковъ, бросая тотъ же тупой и, можно сказать, хмѣльной взглядъ на ихъ дѣло. Исчисливъ трудности причетническаго дѣла при церкви, онъ говоритъ:

И тре́ба всіми жи́лами до́бре ся надува́ть,
жеби́ горта́нь моглъ гла́дко и го́лосно співа́ть.
Тре́ба жъ ча́сомъ для си́ли чимъ ся и посили́ть,
менови́те, хочъ не въ часъ, горі́лки ся напи́ть,
А за гріхъ той Бо́гу ся помоли́ти,
жебъ онъ півце́въ свои́хъ (за не́мощъ) ра́чилъ [1] прости́ти,

Наконецъ, отложа всякое житейское попеченіе, онъ воспѣлъ просто-напросто вакхическую пѣсню, озаглавивъ ее сице:

Вірши похва́льние любячимъ пи́во пи́ти, или́ тежъ за едни́мъ за́ходомъ и всякъ тру́нокъ, кому́ не шко́дитъ, або́ не ва́дитъ.

Котри́й, мо́вятъ, человікъ до́бре випива́етъ,
те́ди тако́му панъ Богъ на пи́во дава́етъ.
Хоча́й-то и такъ пра́вятъ, же пи́во не ди́во,
е́днакъ до́бре, гди зтро́ха го́рло промочи́ло:
До люде́й виразнійше бу́детъ глагола́ти,
и въ це́ркві на кри́ласі гла́дшей заспіва́ти.
Зачи́мъ, пано́ве, собі здоро́ви бува́йте,
а где ли кольвекъ пива́, — до́бре потяга́йте.
А въ голові, здоро́вий, все не перебира́й,
да вшеля́кий напи́токъ за́ровно випива́й.
Бо въ жо́рна до́брие що вкинь, мо́вятъ, то зме́ле.
похвали́ и ти мене́ за то, че́стний хме́ле!
И су́ржикъ хто лю́битъ, — хлі́бъ зъ него́ уживаетъ;
и просяни́нъ, овся́нинъ — все то кормъ бива́етъ;

---

[1] Благоволилъ.

А хто еднó щó любитъ, тогó и держи́ся, —
хочъ штани́ заста́въ, иди́ у корчму́, напи́ся.
Ти́лько жъ прóшу — и штанóвъ на-вікъ не покида́й:
сла́вная то одéжа, — найскорійшъ викупляй.
А на мéне за сей віршъ, прошу́, не дивіть,
да, якъ бу́дете пи́ти, то й менé вспомяніть.

При всей нескладности и тупости своихъ стиховъ, Климентій характеризуетъ современное ему общество уже однимъ личнымъ взглядомъ своимъ на разныя явленія тогдашней жизни. Интересно у него описаніе сельскихъ бурсъ, называвшихся *школами*. Подъ именемъ школяровъ надобно разумѣть здѣсь не вольноприходящихъ учениковъ, а постоянныхъ обитателей школы, такъ называемыхъ *нищуновъ*, то есть безродныхъ и безпріютныхъ сиротъ, поступившихъ, такъ сказать, подъ опеку церкви. Подъ руководствомъ дьячковъ и пономарей, они не рѣдко отправлялись на фуражировку по дворамъ безпечныхъ поселянъ, почему и назывались *курохва́тами*. Школа была также пріютомъ для такихъ странниковъ, какъ самъ Климентій. Члены прихода видѣли въ ней нѣчто въ родѣ странноприимнаго дома и вмѣстѣ свободнаго училища при церкви; но испорченные бурсами дьячки и пономари обращали это благочестивое заведеніе въ притонъ праздности, пьянства и мародерства. Климентій, глядя на все это снисходительно, упустилъ изъ виду многія характеристическія черты старинной приходской школы и коснулся только воровства дровъ, да и то для того, чтобъ оправдать школяровъ, — вѣроятно, за ихъ гостепріимство.

О школяра́хъ, дрóва кра́дущихъ и о шкóлі.

Шкóла — церкóвний у́голъ. Такъ ся называ́етъ,
кгдижъ церкóвнихъ набожéнствъ дітéй научáетъ,
И що въ цéркві прáвятъ, то и въ шкóлі знайду́етъ,
а безчи́ний въ ней жáднихъ нігди не знайду́етъ.
Бо мóвятъ: *Шкóла всякимъ стра́ннімъ домъ есть вóльний*;
алé еднáкже прáве онъ не свояво́льний.
И причéтниками тежъ школя́ре ся имену́ютъ,
попéважъ цéркві святóй щи́ре услугу́ютъ.
А що чáсомъ вкрáдутъ дрóвъ, же не міютъ где взять:
міщáне и селя́не не хотя́тъ куповáть.
А знáю, же бъ тимъ дíломъ лю́де не згріши́ли,
ижъ би когдá на яки́й возóкъ ся зложи́ли.
Годи́ло бъ ся церкóвнимъ слу́гамъ то вчини́ти,
абó зъ двора́ готóвихъ імъ не зборони́ти.
Моглó бъ милости́нею и тóе ся назвáти,
а імъ би рáчилъ за то Богъ нагорожáти.

Прйповість же въ школяро́въ: *Не вкравъ, алѐ доста́въ.*
А ти, Бо́же, за дро́ва гріха́ імъ не поста́въ.
А по коза́цькій, хочъ вкравъ, то мо́вятъ, же добу́въ.
Ко́ждий, розумію, коза́къ о томъ сло́ві чувъ.
А ви, пано́ве, за сей віршъ не подивіте,
и кто его́ написа́въ, и того́ простіте.
Бо еде́нъ бідний школя́ръ, прозва́нием Тря́сця,
где живъ и где бу́детъ жить, не ма́ть ему́ ща́стя.
А хоча́й онъ, въ світі живучи́, вельми ся стражда́етъ,
только жъ, бідний и ве́льми мизе́рний, свою то́рбу въ скри́-
ню хова́етъ.

Четыре послѣдніе стиха, приписанные другими чернилами и менѣе старательнымъ почеркомъ, безъ сомнѣнія, относятся къ самому автору. Мы видимъ, что школярами онъ называетъ всѣхъ, живущихъ въ школѣ; а такъ какъ, по его словамъ, »школа всякимъ страннымъ домъ есть вольний«, то, вѣроятно, не ужившись въ монастырѣ, по своимъ довольно свободнымъ привычкамъ, онъ пріютился въ обществѣ мірскихъ »крылошанъ«, гдѣ ему не возбранялось »для силы чимъ ся и посилить«. Проще сказать — онъ, вѣроятно, возвратился къ первоначальному своему ремеслу и, пожалуй, занялъ мѣсто приходскаго дьячка въ школѣ. Догадку свою основываю на томъ, что такими же блѣдными чернилами и такимъ же скачущимъ почеркомъ приписано у него еще нѣсколько мѣстъ, отличающихся школярскимъ вольнодумствомъ. Такъ, напримѣръ, разсужденіе о священническомъ двоеженствѣ, противъ запрещенія котораго онъ возстаетъ съ энтузіазмомъ страдающаго человѣка; стихотвореніе въ пользу женщинъ, рождающихъ дѣтей вскорѣ послѣ брака, и другое стихотвореніе, оправдывающее дѣвицъ, сдѣлавшихся матерями. Эти два послѣднія стихотворенія отличаются саркастическою веселостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайной даже у самого Климентія свободой выраженій. При всемъ томъ это вовсе не сатира на порчу нравовъ, а увлеченіе страстнаго человѣка. Надобно замѣтить, что и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ прежде, онъ часто обращается къ женщинамъ не слишкомъ строгой нравственности и только подшучиваетъ надъ ними, но не выражаетъ отвращенія къ ихъ продѣлкамъ. Не разъ, заведя рѣчь тономъ келейнаго философа, онъ переходитъ въ тонъ свѣтскаго балагура, а однажды договорился до такихъ стиховъ, что самъ ихъ перечеркнулъ Андреевымъ крестомъ. Словомъ, стихотворца Климентія надобно отнести къ разряду странствующихъ иноковъ, представленныхъ Пушкинымъ въ *Борисѣ Годуновѣ*. Въ разсужденіи своемъ о школярахъ и школѣ, онъ говоритъ, что въ школѣ никогда не бываетъ никакихъ безчинствъ и

что это домъ, чуждый всякихъ своевольствъ. Онъ не говорилъ бы этого, еслибъ не существовало въ тогдашемъ обществѣ противоположнаго понятія о школѣ. Замѣчаніе наше подтвердимъ его апологіями въ пользу лицъ духовнаго званія и вообще людей *письме́нныхъ*, въ которыхъ апологіяхъ онъ приводитъ слова и мысли, порожденныя въ мірянахъ безчинствами и злоупотребленіями его ученой братіи. Изъ стиховъ, которые мы тотчасъ приведемъ, видно, между прочимъ, что міряне стояли, въ Мазепино время, въ оппозиціи съ духовенствомъ. Несогласія происходили частію отъ взаимныхъ притязаній на поземельную собственность, такъ такъ монастыри и церкви не упускали случая увеличить свои владѣнія, во отпущеніе грѣховъ отходящимъ изъ сего міра, частію отъ контроля, которому ктиторы и прихожане старались подвергнуть церковные сборы, а частію и отъ неблаговиднаго поведенія многихъ лицъ духовнаго званія. Хотя Климентій безусловно защищаетъ свою братію, однакожъ намеки на испорченность ея нравовъ, сдѣланные имъ неумышленно, слишкомъ бросаются въ глаза современному читателю.

О чиня́щихъ па́кості монастира́мъ и церква́мъ,

Ка́менние, знать, сердца́ въ тихъ люде́й бива́ютъ,
котри́е монастиря́мъ па́кость сотворя́ютъ.
Лю́де на оби́телі святи́е дава́ютъ,
а они́ гото́вое отъ нихъ отдаля́ютъ.
Него́дни такови́е кти́тори похва́ли,
але́ досто́йни ти́е вся́коі несла́ви,
Же то Христия́нами себе́ назива́ютъ,
да, вла́сне басурма́не, церкви́ разграбля́ютъ.
Не хо́чемъ ми кти́торей таки́хъ міти,
лечъ жебъ съ прислу́гами ихъ не било́ на світі.
— —
Але́ о́вшемъ па́костить уже́ переста́ньте,
а благотвори́ть церква́мъ и оби́телемъ ста́ньте.
А хочъ на монастирі ніщо не дава́йте,
то прина́мній (¹) гото́вихъ рече́й не отнима́йте...

О ху́лячихъ чинъ духо́вний.

И той человікъ ве́льми зле поступова́етъ,
котри́й на чинъ ду́ховний хулу́ наноша́етъ.
— —

(¹) По крайней мѣрѣ.

А и́ний зли́е слова́ о духо́внихъ гово́ритъ,
и мно́гиі чудеса́ неподо́бно тво́ритъ (1).
И аби́ не пости́гло зло тихъ чудотво́рцовъ,
же ху́лятъ свяще́нниковъ, своіхъ боломо́льцовъ.
Уже́ жъ хочъ отъ сего́ дня въ ша́йности іхъ мійте,
и слу́шати іхъ слове́съ и въ любви́ міть хтійте...

О невігла́сахъ (2), укоря́ющихъ тихъ люде́й, котри́е Писа́ніемъ Святи́мъ виклада́ютъ что поле́зное на по́льзу ихъ, а они (неразсу́дние го́лови) злосло́вятъ и ненави́дятъ тихъ труждателей, на до́брие діла́ писа́ніемъ научающихъ и спасе́нія імъ жела́ющихъ.

Зна́йте и разумійте такови́е лю́де,
что́ вамъ за ти́е ре́чи въ послідній день бу́де.
Прошу́ васъ, наста́вниковъ свои́хъ не хуліте,
але повину́йтесь и Бо́га (за нихъ) моліте...

О писа́ніи свято́мъ и о уча́щихся его́.

— —

И хто Писа́ніе Свято́е зневажа́етъ,
таки́й ве́льми Го́споду Бо́гу согріша́етъ.
Бо и́ний мо́витъ, же зъ письме́ннихъ все зло бива́етъ;
неха́й за его́ лга́ннє на его́ обраща́етъ,
И обрати́тся, же сліпъ дерза́етъ вождо́въ хули́ти;
бу́детъ бо пе́вне его́ Богъ за то́е суди́ти.
Изно́ву жъ мо́вятъ: »Презъ письме́ннихъ западе́тся світъ.«
Щобъ той самъ запа́лся! а того́ и по сей часъ нітъ.

— —

Замѣчательно, что вообще между *письме́нными и неписьменными* существовалъ тогда разладъ. Грамотѣи смотрѣли съ-высока на неграмотныхъ и казались сами себѣ чѣмъ-то облагороженнымъ. Неграмотные, напротивъ, потеряли вѣру въ книжный народъ и дошли до убѣжденія, что міръ погибнетъ черезъ *письмѐнныхъ*. А вотъ стихи Климентія о *неписьменныхъ*.

Яко та́кожъ тре́звому изъ пья́нимъ обита́ть,
та́ко и письме́нному изъ про́стимъ пробува́ть;
Бо въ про́стого мужика́ про́стий есть оби́чай,
а въ письме́нного осо́бний, політи́чний зви́чай.
Зачи́мъ переста́нте, простаки́, письмо́ блюзни́ти,
би́сте ся не могли́ въ про́пасть вічну потопи́ти...

---

(1) Намекъ на знахарей, которые, обладая сравнительно высшимъ умомъ между мірянами, естественно сильнѣе другихъ порицали недостатки людей духовнаго званія.

(2) О людяхъ непросвѣщенныхъ, язычникахъ.

Видно, однакожъ, что этотъ *політичний звичай* клонился не къ тому, чтобы, съ помощію грамоты, распространять добро между людьми темными: иначе — простой мужикъ, въ простотѣ своего обычая, не возвышалъ бы голоса противъ грамотѣевъ и не упрекалъ бы ихъ въ беззаконіяхъ. Печальное понятіе даетъ простодушный стихотворецъ Климентій о временахъ Мазепы. Литовскій статутъ былъ позабытъ военными администраторами и оставляемъ безъ вниманія людьми сильными. Развитая Мазепою, въ подражаніе Польшѣ и Петровой Россіи, канцелярская наука была сѣтями, въ которыя опасно было попасть человѣку простоватому или безпомощному. Самая грамотность, павшая въ народѣ въ теченіе *великой руины*, или войнъ, затѣянныхъ Хмельницкимъ и долго свирѣпствовавшихъ по его смерти въ Украинѣ, начала возрождаться въ приходскихъ школахъ и бурсахъ въ антинародномъ направленіи. Въ старину народъ учился для того, чтобы противостать католикамъ и уніатамъ,— для того, чтобы крѣпко стоять въ своемъ вѣроученіи противъ иновѣрческихъ толкованій. Со временъ Мазепы, или съ возрожденія школъ, опустошенныхъ и унесенныхъ Богъ знаетъ куда войнами, ни у духовенства, ни у мірянъ не было уже могущественнаго побужденія къ преуспѣянію въ познаніи истины, какъ ее понимали въ XVII вѣкѣ. Покушенія на порабощеніе Риму священства и прихожанъ не существовали болѣе въ предѣлахъ гетманской Украины. Поэтому явилось новое побужденіе къ грамотности, котораго, конечно, не исключалъ и періодъ уніи, но которое тогда подчинялись другимъ, болѣе сильнымъ порывамъ, — именно побужденіе выдти въ люди. Выдти въ люди значило тогда, какъ и теперь значитъ, возвыситься надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ. Желаніе, по видимому, невинное; но, при упадкѣ въ то время гражданственности, которая развилась было до значительной степени въ Украинѣ прежде *великой руины*, при упадкѣ также промысловъ и торговыхъ оборотовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, лица, овладѣвшіе искусствомъ писанія и вышедшіе въ люди, естественно должны были проявить свою дѣятельность не въ чемъ иномъ, какъ только въ кляузахъ, въ обманахъ и притѣсненіяхъ неграмотной, простосердечной части населенія. Возвысясь надъ первобытнымъ своимъ состояніемъ, грамотѣи, къ какому бы званію они ни принадлежали, стремились увеличить средства своего существованія. Для этого они угодничествовали передъ высшими, интриговали съ равными, тѣснили низшихъ и угнетали при всякомъ удобномъ случаѣ слабыхъ. А такъ какъ слабыхъ и безпомощныхъ была сравнительно огромная масса въ Украинѣ, то имъ больше всѣхъ, имъ скорѣе

всѣхъ и доставалось отъ грамотѣевъ, вышедшихъ въ люди изъ ихъ толпы. Поэтому-то народъ не благоволилъ къ *письмённымъ*, видя отъ нихъ одни посягательства на свой достатокъ. Еслибы тогдашнее духовенство, управлявшее просвѣщеніемъ народнымъ, отъ высшихъ до низшихъ школъ, поняло свое призваніе и направило грамотность къ умственной свободѣ темныхъ людей, и вслѣдствіе того къ сознанію и сохраненію личныхъ правъ своихъ,—изъ гетманской Украины вышло бы совсѣмъ не то, что́ вышло. Но въ томъ и дѣло, что, послѣ *великой руины*, оказался страшный упадокъ высшихъ школъ, которыя давали приходамъ священниковъ. Типографіи, заведенныя даже въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ, изчезли безъ слѣда. Кіевская лавра одна производила издѣлія книгопечатанія для всей Гетманщины, ограничиваясь одними церковными книгами. Средневѣковая схоластика, пересаженная на Русскую почву, сдѣлалась послѣ *руины* еще тупѣе, нежели была во времена Петра Могилы. Семинаристовъ, въ новозаведенныхъ семинаріяхъ, не учили, а мучили, и выходили изъ нихъ люди, слишкомъ далекіе отъ того, чтобы понимать, что значитъ народъ и каково ихъ назначеніе относительно народа. Стихотворецъ Климентій, будучи іеромонахомъ и, вѣроятно, прежде того попомъ приходскимъ, очень наивно говоритъ, что *письмённому* толковать съ *неписьмённымъ* все равно, что трезвому съ пьянымъ. Грамотность и семинарское образованіе, по его убѣжденію, нужны собственно для попа; отношенія же его къ народу и значеніе его въ кругу мірянъ онъ опредѣляетъ слѣдующими словами:

И кгди́ бъ не священники, и церквей би не било́,
не билъ би закóнъ, але́ беззакóніе бъ било́;
Бо закóнного бра́ку не мóщно бъ составля́ти,
попе́важъ бы не било́ кому́ шлюбовъ дая́ти;
Также христія́нами не могли́ бъ ся называ́ть,
кгди бъ рожда́емыхъ дітей нікому било́ креща́ть.

По этому видно, что для тогдашняго духовенства средство сдѣлалось цѣлью, а истинная цѣль христіянства скрылась отъ него за облаками догматики и общихъ, потерявшихъ свою силу и значеніе, выраженій о спасеніи души, о царствѣ небесномъ, о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ за гробомъ, и т. п. Чѣмъ чаще были на устахъ у поповъ эти выраженія, тѣмъ слабѣе и слабѣе дѣйствовали они на душу прихожанъ, и особенно, когда обѣщалъ царство небесное тотъ, кто своими дѣлами показывалъ, что не заботится о немъ, или грозилъ загробными мученіями проповѣдникъ, по видимому нисколько ихъ небоявшійся. Мнѣ рѣдко слу-

чалось читать акты временъ Мазепы, которые большею частію истреблены пожарами въ Батуринѣ и въ другихъ городахъ во время Шведской войны; но вотъ нѣсколько фактовъ изъ архива Н. А. Маркевича, относящихся ко временамъ близкимъ къ гетманству Мазепы. Они покажутъ слишкомъ ясно отношенія, въ которыя поставило себя гетманское духовенство съ мірянами, по уничтоженіи уніи, ненавистной той и другой сторонѣ.

Въ гетманство Скоропадскаго, архимандритъ Густынскаго монастыря, Гавріилъ Леопольскій, жаловался въ генеральную канцелярію, что судья Ягельницкій записалъ въ козаки двухъ посполитыхъ (простыхъ поселянъ) монастырскихъ, не объявивъ о томъ монастырю. Монахъ-управляющій, не зная о томъ, потребовалъ ихъ на работу. Ихъ домашніе побѣжали въ судъ, а оттуда съ поручикомъ Невскаго полка — въ Заудаевскій монастырскій дворъ, вломились въ домъ, вышибли окна, монаховъ, тамъ спящихъ, избили палками, плетьми и кулаками, вырвали имъ волоса и бороды. Эконома въ одной рубахѣ вели пять верстъ, потомъ положили на возъ, привезли въ Прилуку и держали на дворѣ до разсвѣта, привязавъ къ колесу.

Такое почти невѣроятное ожесточеніе противъ монашествующей братіи объясняется слѣдующими фактами:

Какой-то Петро́ Пасичникъ жаловался гетману Скоропадскому, что монахи схватили его и посадили въ тюрьму за то, что былъ кѣмъ-то украденъ въ ихъ пасикѣ одинъ улей пчелъ. Этого не довольно, »але ще й сина мого, хлопця, черезъ тижнівъ три розками бито, всякого дня даючи по сто розокъ, допрошуючи, чи не скаже того злодійства на своего батька.«

Въ 1728 году войсковой канцеляристъ Лисаневичъ жаловался гетману, что архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, Иродіонъ, послалъ 60 человѣкъ дьяковъ, пономарей, поваровъ, слугъ и конюховъ загородить ему ото всѣхъ улицъ проѣздъ. Они напали на него, стащили съ коня, сорвали саблю, потащили въ »катедру« и посадили на три недѣли подъ стражу. При этомъ его ограбили: взяли пару коней, сбрую и оружіе.

Въ 1730 году, ота́маны сотни Иванпольской (или Яппольской) жаловались гетману въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Черницы Новгородскіе (т. е. новгородъ-сѣверскіе), якъ прежде за козацтво наше смертнымъ боемъ бывали, отъ якого иные и померли, и со всими нашими пожитками розорували, такъ и теперъ вышеупомянутые черницы, дочувшися, що,

якъ диды и отцы наши въ разныхъ походахъ службу козачую одбувалы, и мы похотили такожъ служыть, напалы ночью, иныхъ повязавши козаковъ, были безъ пощады, отправывшы въ монастырь Новгородскій въ турму; а быдло, кони, товаръ рогатый, овци, свыни со всимъ нащадкомъ до монастыра свого отобралы. Того рады всепокорственно просымо, дабы чернцы болшъ насъ не мучылы«. Тутъ же приложенъ реестръ монастырскихъ селъ, въ которыхъ монахи записали козаковъ въ подданство.

Въ 1734 году Андрей и братъ его Яковъ Полуботки жаловались князю Шаховскому на архіепископа Иродіона, что онъ послалъ монаха-конюшаго, а другого монаха-старца съ двумя-стами школьниковъ, съ дубьемъ, цѣпами и возами, на домъ Полуботковъ. Орда выломала ворота; ворвалась на дворъ, людей хватала, колотила, вязала; оторвала замки, вышибла стекла въ окнахъ и всѣ пожитки дочиста унезла къ Иродіону. На запросъ князя Шаховского, Иродіонъ отвѣчалъ, что будто бы вступился за дѣтей Якова Полуботка, противъ распоряженій ихъ отца; но неизвѣстно, возвратилъ ли пожитки. Извѣстно только, что фамилія Полуботковъ обѣднѣла и что фамильный каменный домъ ихъ, на который сдѣланъ набѣгъ, принадлежитъ нынѣ Черниговской семинаріи.

Въ 1737 году, Прилуцкіе судья и писарь доносили князю Ѳ. Ив. Борятинскому, что іеромонахъ Густынскаго монастыря Логвинъ и монахъ Харлинскій, по приказу игумена Гавріила Леопольскаго, схватили, по какому-то подозрѣнію, какого-то Карпенка изъ дому его въ Ольшанѣ, привезли въ монастырь и начали »по самой сорочки бить шелепами, т. е. плетьми товстыми, гораздо, такъ що и кровъ крузъ сорочку показовалася, и оный Карпенко тамъ же въ монастыри, по томъ бою, и умре.«

Не удивительно послѣ этого, что міряне, по словамъ стихотворца Климентія, дерзали хулить своихъ *вождовъ*. Въ 1732 году коропской сотникъ Химчичъ былъ отлученъ отъ церкви и судимъ за то, что сказалъ: »Я самому Богу не вѣрую, а не то вамъ, попамъ.« А въ 1727 году, на второй день свѣтлаго праздника, трое прихожанъ (не помню какой церкви), съ родными и женами, вошли въ церковь и ругали священника, который боялся выдти изъ алтаря. Въ наше время подобные факты невозможны, и по нимъ можно судить, каково было духовенство оплакиваемой многими Гетманщины, когда школьникамъ въ семинаріяхъ преподавались такіе уроки, какъ набѣгъ, подъ предводительствомъ монаховъ, среди бѣла дня, какъ произвольныя истязанія и убійства посреди мона-

стырей. Что́ дѣлали до великой руины іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ руины усвоими себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ. Не напрасно отаманы Янпольской сотни, жалуясь на монаховъ въ 1730 году, вспоминали, что монахи и *прежде за козацство смертнымъ боемъ бивали ихъ*. Монастыри, разжегши въ козакахъ вражду къ католикамъ и уніатамъ, первые воспротивились возстанію простонародья, изъ опасенія лишиться обычныхъ доходовъ съ земель своихъ, и просили Хмельницкаго запретить монастырскимъ подданнымъ вступать въ козачество. Хмельницкій, дорожа отзывами монаховъ, пожертвовалъ для нихъ вовсе для него неопасными посполитыми, и это была первая изъ его уступокъ, которыя, какъ извѣстно, окончились тѣмъ, что козаки отреклись отъ своихъ соучастниковъ въ побѣдахъ надъ шляхтою. Въ *Актахъ, къ Западной Россіи относящихся* (т. V, стр. 85) напечатанъ слѣдующій весьма важный универсалъ 1648 года декабря 28:

»Всѣмъ вообще и каждому зособно подданнымъ монастыра Печерского, до инокинь того монастыра въ селѣ Подгорцахъ належачымъ, и новымъ козакомъ, симъ листомъ моимъ гетманьскимъ ознаймуемъ и владзою нашою гетманьскою сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тые, которые съ охоты своее, подъ тотъ часъ въ козачество не хотячи, до того монастыра работы и повинности отправляти удалися, честной законницѣ, госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ о Христѣ того жъ монастыра послушны были, и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючися на себе войсковаго каранья. Бо мы со всимъ войскомъ не хочемъ отъ монастыровъ, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А васъ и повторнѣ напоминаемъ, абысте вы вси, которые въ Подгорцахъ знайдуетеся, законницамъ Печерскимъ по старому послушенство отдавали. А если росказанью и листу нашому хто изъ васъ спротивится, таковый, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашого, горломъ караный будетъ.«

Заботясь больше всего о своихъ доходахъ, монастыри у каждаго гетмана выпрашивали себѣ новые универсалы и подтвержденія старыхъ, и крѣпко держали за руки приписныхъ къ своимъ землямъ поселянъ. Въ библіотекѣ Черниговской семинаріи хранятся *Листы Лазаря Барановича*, изъ которыхъ видно, какъ этотъ хитрый человѣкъ ласкался поочередно ко всѣмъ козацкимъ предводителямъ, отъ Сомка до Самойлови-

ча, и кого вчера считалъ злодѣемъ, сегодня превозносилъ похвалами, и наоборотъ, смотря потому, кáкъ служило этимъ честолюбцамъ счастье. Ни политическихъ, ни соціальныхъ убѣжденій большинство старинныхъ украинскихъ монаховъ не имѣло; о спасеніи душъ христіянскихъ заботилось на словахъ, а всей душой работало для собственной корысти, или для удовлетворенія тщеславія. Лучшіе изъ нихъ, передовые люди ихъ корпораціи, въ своихъ сношеніяхъ съ властями только и говорятъ, что о *маетностяхъ* да о доходахъ. Ни у одного не видно самоотверженія въ пользу труждающихся и обремененныхъ; никто не подвизался безкорыстно для просвѣщенія своего края. Заводимыя ими школы были не чтó иное, какъ фабрики, въ которыхъ, за извѣстную плату и подарки, выдѣлывали грамотѣевъ. Если же и воспитывались въ этихъ школахъ gratis дѣти убогихъ родителей, то испрашивали сами себѣ пропитаніе у горожанъ, какъ объ этомъ очень трогательно разсказываетъ Піафонскій (¹), или живились такъ, какъ описано въ стихахъ Климентія. Главное вниманіе монастырей, или ихъ настоятелей, сосредоточено было на маетностяхъ и подданныхъ. Въ окружномъ посланіи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, 1706 года, сказано, что, по установленію гетмана Мазепы, запрещено было »тяглымъ переходити въ козаки, такожде и козакамъ въ тяглые.« Но, какъ подданные катедральные, села Ястребщины, »пошли самоволне, безъ всякія вины, въ козаки«, то онъ счелъ себя въ правѣ, въ качествѣ архипастыря, сдѣлать слѣдующее распоряженіе: »За таково ихъ самовольство, *отчуждаются* они зъ домами своими *Божія благословенія, общенія Христіанского и входу церковнаго*. Кто зъ нихъ или въ домахъ ихъ, умретъ—*не похоронити*; буди имъ безъ обыклаго пѣнія церковнаго погребеніе. Кто народится въ домахъ ихъ — *не крестити*. Кто бы ихъ пріялъ въ свой

(¹) *Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе*, стр. 35: »…. не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и козачія дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя школы идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневныя пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ, и терпя голодъ и холодъ, и всякую скудость и нужду, охотно и прилежно учатся….« Далѣе, стр. 283: »(въ бурсу) отъ архіерея давали дрова, въ недѣлю нѣсколько разъ печеный ржаной хлѣбъ и на кашу крупа. Однако сія дача столь мала, что еслибы не было народнаго подаянія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаяніе получаютъ…. Нѣкоторые жители, сверхъ сего дневнаго подаянія, снабдѣваютъ ихъ одѣяніемъ.«

дворъ, съ ними пріобщался и до нихъ пошолъ — тому жъ неблагословенію подлежати будеть.« (¹) Я сказалъ и повторяю опять свои слова, выведенныя изъ обличительныхъ документовъ: »Что́ дѣлали до *великой руины* іезуиты и уніаты съ православными, то послѣ *руины* усвоили себѣ монахи украинскіе относительно своихъ единовѣрцевъ.« Обуздала ихъ только Екатерина II, отобравъ у нихъ въ казну населенныя имѣнія. Во времена Мазепы, неистовства стяжательной братіи были въ полномъ разгарѣ. Мазепѣ, какъ и Хмельницкому, надобно было ладить съ духовенствомъ, для удержанія своей власти надъ народомъ. Онъ строилъ церкви; онъ закрѣпостилъ монастырямъ тяглыхъ, запретивъ имъ освобождаться посредствомъ вступленія въ козаки; онъ угождалъ духовному чину, елико было возможно. Еслибы онъ былъ, по успѣху своего замысла, вторымъ Хмельницкимъ, ему бы архіереи сочиняли силлабическія оды; но, какъ его постигла неудача, то они торжественно предали его проклятію. Стихотворецъ Климентій смотрѣлъ, какъ всѣ, на переходъ простыхъ земледѣльцевъ въ козаки и, вѣроятно, въ видахъ монастырскаго увѣщанія, помѣстилъ въ своей книгѣ сатиру на мужиковъ, которымъ онъ отъ всего сердца желалъ оставаться неизмѣнно мужиками. Эта сатира — родная сестра его стихотворенію о переходѣ подсосѣдковъ съ однихъ земель на другія. Тамъ и здѣсь онъ угождаетъ сильнымъ міра сего, которыми въ то время были паны и монахи.

О упи́сующихся въ козаки́ дурни́хъ мужика́хъ и зно́ву випи́суватися хотя́щихъ.

Тóжесь, дурни́й мужи́ку, ба́рзе неува́жний,
же ти́лько безче́стишъ чинъ коза́цький пова́жний.
Зася́глесь того́ чи́ну, але́ погоржа́ешъ:
не би́вши въ во́йску, южъ ви́ступить гада́ешъ.
Ніхто́ тя впи́сувати, нітъ, не приневоля́лъ,
але́ самъ ся зъ до́брой волі есте́сь вписа́лъ;
А не хочъ съ козака́ми у во́йско завита́ть,
я́кось не хотілъ предъ тимъ тя́глости отбува́ть.
Пре́то бере́зовимъ пірóмъ випи́сувать тя тре́ба,
и худо́бу, кгди ма́ешъ, на ра́тушъ взять потре́ба,

(¹) Этотъ драгоцѣнный документъ сообщенъ мнѣ, вмѣстѣ со многими другими, ревностнымъ собирателемъ старинныхъ украинскихъ актовъ Н. М. Бѣлозерскимъ, который собственноручно скопировалъ для себя такъ называемую *Книгу копіальную царскихъ Грамотъ и Универсаловъ гетманскихъ*, хранящуюся въ библіотекѣ Черниговской семинаріи, подъ № 35. Въ этой копіальной книгѣ окружное посланіе архіепископа Максимовича помѣщено на листахъ 121 и 122.

Аби́ еси, яково́ коза́цство, памята́лъ
и дру́тимъ мужика́мъ такъ чини́ти заказа́лъ.
Ото́ жъ, кгдись не втопи́лся напро́дъ где у во́ду,
прийми́ жъ коза́цкую, Хорба́цѣ, нагорбу,
Бись не запо́мнілъ тое́й ре́чи ажъ до сме́рти,
по́куль ся обвісишъ, чи тежъ су́дится вме́рти.

Ненавистью и презрѣніемъ дышутъ эти стихи. Католическій и уніатскій попъ временъ *руины* не могъ бы обращаться къ простолюдину съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Польское владычество, основанное на пожертвованіи многочисленнѣйшимъ классомъ народа въ пользу малочисленнаго, положило неизгладимую печать на всѣхъ Украинцахъ, которые имѣли притязаніе на какое-либо первенство. Внѣшнее дѣйствіе заразы устранено было кровопролитною борьбою, но внутри она осталась глубоко и продолжала дѣйствовать тѣмъ съ большею силою, что народъ не видѣлъ, въ чемъ, какъ и даже отъ чего искать ему спасенія. Чтобы докончить образъ тогдашняго монаха, представляю рядъ выписокъ изъ книги стихотворца Климентія.

О волоча́щихся черница́хъ и черни́цахъ, по міста́хъ, по шко́лахъ и по корче́мнихъ двора́хъ.

Мно́гие волоцюги зъ гульта́йства бива́ютъ,
осо́бно черци́ и черни́ци та́кожъ ся пробігаютъ.
Не хотя́тъ въ монастире́хъ послуша́ній міти
и, ве́длугъ (1) свое́го спасенія, терпіти,
Да повіется ни́ій къ бісу по своій во́лі,
шука́ючи, на зги́бель собі, своявóлі.
А своявóля до́бра, да не пожите́чна,
зъ кото́рои ся рожда́етъ зги́бель доконе́чна,
А особли́ве тежъ черца́ и черни́цю она́ погубля́етъ,
а світского та́кже, вімъ, не направля́етъ.
— —
Да туда́ жъ и черне́цъ и́ний вандро́вний шаліетъ
И люде́й до згорше́ня свіцкихъ привожда́етъ.
— —
Тако́му не потре́ба ми́лостиню дава́ть,
але́ всю́да го́дно есть кия́ми частова́ть.

Слово *кия́ми* написано прописными буквами. По видимому, это языкъ строгаго анахорета. Но у Климентія строгость идетъ объ руку съ поползновеніемъ ко грѣху, который онъ совѣтуетъ совершать какъ мож-

(1) По, сообразно съ чѣмъ.

но болѣе тайно, вовсе не упоминая о внутреннемъ судѣ совѣсти и все отстрочивая на послѣднюю, загробную расправу, какъ видно, по пословицѣ: *семь бьдъ, а одинъ отвьтъ.*

Кто бо захо́четъ ча́сомъ что-ко́львекъ згріши́ти,
до́лженъ пи́лно одъ людски́хъ очей хорони́ти;
Бо мо́вятъ: »Хочъ відаютъ, да неха́й не ви́дятъ«, —
и такъ грішникомъ лю́де не ба́рзо обри́дятъ.
Публи́чний бо гріхъ души тяжча́йший бива́етъ,
и Богъ за публи́чний гріхъ горшъ пра́ве кара́етъ.
И что схо́чешъ сотвори́ть вели́ка и ма́ла,
утри́сь и запри́сь, жебъ сичъ и сова́ не зна́ла.
И співа́ютъ зась: »Хми́зомъ, ни́зомъ пудъ верба́ми«,
жеби́ жа́дние лю́де нігди не узна́ли.

Развратнѣе этой морали едва ли можно гдѣ-либо высидѣть. Она убиваетъ самыя главныя побужденія, которыми душа человѣческая двигается къ совершенству. Іезуиты охотно приняли бы почтеннѣйшаго отца Климентій въ свой орденъ. Если онъ и проповѣдуетъ что-нибудь доброе, не вѣрьте ему: это дѣлается у него механически; это его ремесло, а не призваніе. За такую проповѣдь люди его хвалятъ и награждаютъ. Но еслибы другіе люди хвалили и награждали за противоположное, то онъ готовъ былъ бы служить имъ и въ обратномъ направленіи. Это монахъ того закала, что и знаменитый Мелетій Смотрицкій, который ораторствовалъ сперва въ пользу, а потомъ противъ православія, и въ послѣдней своей роли превзошелъ самъ себя.

Продолжаю выписки *о волоча́щихся черца́хъ.*

И бу́детъ и́ний черне́цъ чрезъ весь вікъ ся волочи́ть,
а трафля́ется тому́ въ школі ся и скончи́ть,
Або де на́гле лу́снетъ у корче́мномъ дому́;
то уже́ и не зна́ти, що́ чинити́ тому́.
Мо́жетъ нерозсу́дной той шинка́рці напи́ти,
а що горшъ — и коме́дій яки́хъ начини́ти (¹).
— —
Не хо́четъ у монастиру́ той жительствова́ти
и ста́ршому и бра́тіи ся повинова́ти,
Да, злий рабъ, я́ко гульта́й, за́вше воло́чится,
а въ монастиру́ нігде́ ему́ жить не хо́чется,
Би́лебы по города́хъ лю́дямъ о́чи поро́въ.
Бода́й ти́лько его́ катъ само́го испоро́въ!
— —
Бо, напро́дъ згине́ння, онъ монастирі осужда́етъ,
же мо́витъ: »Жа́дний мене́ игу́менъ не прийма́етъ.

(¹) Сирѣчь, по предмету безбрачія иноческаго.

Му́шу ся волочи́ти по тоéй невóлі.«
А то лжетъ, би́ле бъ емý нашаліться довóлі.
И зась брéшетъ, же мóвитъ: »Нігдé мя не приймáютъ.«
Бивáетъ то и прáвда, же нецнóти (¹) егó знáютъ.
— —
Бо що отъ ши́беницъ котри́е втікáютъ,
и ти́е въ монастиря́хъ чáсомъ ся свобождáютъ.
— —
Есть же то прáвда, якъ не еднóй мáтери діти:
и́ний хочъ странствуетъ, да стáтокъ бýдетъ міти.
Не пóйдетъ таковий где въ корчмý ночовáти,
алé до священника мóжетъ ся впрохáти,
Абó хочъ и до прóстихъ тáкже людéй чéстнихъ,
а не до корчéмнихъ котри́хъ домóвъ безчéстнихъ.
— —
И азъ, пи́шущій се, тожъ нéгдись провандровáлся,
любъ въ далéкіе краі, да зле не блукáлся,
И впять беззазóрно сталъ въ монастирь поспішáть,
и въ немъ по дáвному, зъ лáски Бóжой и стáршихъ, пребувáть.

Эти стихи писаны на 40-мъ листкѣ, и все, чтó имъ предшествуетъ, наполнено большею частію благочестивыми общими мѣстами; но далѣе въ рукописи авторъ поразгулялся и часто отъ строгой морали переходитъ не точію къ разрѣшенію вина и елея, но и къ потворству нѣкоторымъ инымъ поползновеніямъ. На листкѣ 61-мъ, онъ говоритъ, что его обуреваетъ *четверочисленная скорбь человѣческая*: грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе. Судя по характеру его жизни, выразившемуся во всей книгѣ, надобно понимать это такимъ образомъ: что онъ часто страдалъ отъ раскаянія въ содѣянныхъ грѣхахъ, потомъ мучился немощью воздержаться отъ новыхъ, а какъ видно, что въ монастырѣ ему ужиться было трудно, при его страстной натурѣ и, по всей вѣроятности, при невоздержаніи въ словахъ, то его естественно постигала нищета и вслѣдъ за тѣмъ — озлобленіе. О раздражительности его отъ непріятныхъ столкновеній съ дѣйствительностію можно судить по двумъ филипикамъ противъ собакъ, которые надоѣдали ему во время странствованій въ нищетѣ и производили въ немъ озлобленіе паче монастырскаго.

Слово 1-ое о псахъ, абó тежъ о собáкахъ, и о людéхъ, любя́щихъ ихъ и вéльми въ нихъ ся кохáющихъ и въ тихъ бéстіяхъ нечи́стихъ ажъ дýши свои полагáющихъ.

Хто въ псахъ кохáется, самъ емý ся равня́етъ (²):
жáденъ невозлюбивший ихъ тóе признáетъ.

(¹) Проказы, дурныя дѣла.
(²) Это писано уже на листкѣ 148.

И не то́кмо таковий псбві есть подо́бенъ,
але́ Ля́ху той, або́ де́мону надо́бенъ;
Кгдижъ де́мони, въ поста́сі (¹) псовъ, къ святи́мъ хожда́ше,
котри́е ихъ люби́ли пре́жде, тихъ прельща́ше
Зіло; стужа́ющимъ імъ па́кости творя́ху
и вся помишле́нія зла́я наноша́ху.
Тимъ вірнимъ не досто́итъ тіхъ бе́стій люби́ти,
но добро́ бъ, гди бъ мо́щно и зъ світа скорени́ти.
А что инъ стра́жами псовъ себі называ́етъ,
лечъ (²) не вість бідний, ижъ въ томъ вельми́ ся омиля́етъ,
Почита́ющи пса па́че само́го Бо́га.
Ахъ, не чиніте того́! прошу́ васъ для Бо́га.
Же и ла́ску Бо́жію той прочъ отгоня́етъ,
поне́важъ всякъ за злихъ псовъ его́ проклина́етъ.
А такъ гріхъ есть въ бе́стіи збі́тие (³) ся коха́ти
и въ ней надію, бу́дто въ Бо́зі, полага́ти.
— —
Бу́дутъ бо изъ Арме́ни ти́е часть иміти, —
не то́кмо они́ сами́, але́ іхъ и діти....

Сло́во 2-е о псахъ и о людехъ, не любящихъ псовъ и недержа́щихъ іхъ.

Благослове́нъ есть той домъ наза́вше отъ Бо́га
и отъ люде́й бива́етъ похва́ла премно́га, —
А и́менно той, котри́й въ се́бе псовъ не ма́етъ;
того́ безпреста́нно самъ Богъ благословля́етъ.
А за что́ жъ, повідь ми, Богъ благословля́етъ?
за то, же всякъ человікъ его́ похваля́етъ.
А где въ котро́мъ дому́ пси въ ко́го пробува́ютъ,
того́ тамъ вщеля́кие лю́де проклина́ютъ:
»Бода́й вамъ«, мо́вятъ, »зъ пса́ми нігди не било́ добра́,
же не мо́щно проминуть безъ па́лици двора́!«
Бо пси и потайни́е ча́сомъ въ ко́го бува́ютъ,
и — щобъ ди́бли побра́ли ихъ — люде́й куса́ютъ,
И ини́е па́кості на світі лю́дямъ твóрятъ,
поне́важъ въ розма́нтихъ реча́хъ ини́хъ шко́дятъ,
Яко-то: зъ во́за на ко́го где́-що виволока́ютъ,
а въ огоро́дахъ грядки́ зъ сівбо́ю потопта́ютъ.
И для то́го бъ псовъ всегда́ не тре́ба держа́ти,
же бъ благослове́нства Бо́жого не прогоня́ти....

Продолжаемъ выписки о монашеской жизни, въ которыхъ всего важнѣе взглядъ автора на монастырь.

О вступу́ючихъ зъ роско́шей світови́хъ людей бога́тихъ во убо́гое и ни́щетное житіе и́ноческое, жебъ не скорбіли и не ка́я-

(¹) Во образѣ. — (²) Но. — (³) Слишкомъ.

лися напо́тимъ, не призапа́сивши зъ потре́бу свою́ имінія, си́річъ веще́й: и яде́нія, и питія́, и гро́шей наипа́че; гдижъ и во и́ноціхъ безъ имінія тру́дно и ве́льми ну́дно, па́че же пре́жде бога́тство иму́щимъ.

Здае́тся, же пробу́детъ ні івши, ні пи́вши
бога́тий, въ черне́цькое житіе́ вступи́вши,
И здае́тся, же бу́детъ нічо́го не тре́ба;
разсмо́трится напо́тимъ, ажъ всего́ потре́ба!
Бо гдижъ мно́го такови́хъ бога́тихъ бива́етъ,
же и́ний всю худо́бу въ монасти́рь дава́етъ.
Ему́ ся ви́дитъ — бу́детъ и тогда́ ко́нтентъ міть;
ажъ зза дубо́вихъ двере́й не бу́детъ и видіть.
А хоча́й две́ри бу́дутъ и не дубо́вие, —
не бу́дутъ раство́ренни тожъ и сосно́вие.
Изъ рукъ бідний небора́къ бу́детъ южъ глядіти,
и не бу́детъ того́, що́ пре́жде имілъ, міти.
Зачи́мъ бога́тий напро́дъ постерега́йся
и, гди хочъ, въ черне́чество здоро́въ постригáйся.

О чернца́хъ и охо́тящихся въ черне́чество.

Зъ да́внихъ ча́совъ світови́й людъ то повіда́етъ,
же ніко́го черне́чая ри́за не спаса́етъ.
И въ чернца́хъ, е́сли та́кже изхо́четъ гріши́ти,
то дай, Бо́же, жеби́ душі не згуби́ти.
И білая ри́за та́кожъ не погубля́етъ,
е́жели хто до́брия діла отправля́етъ
Ти́лько то на ко́ждий гріхъ поку́та бива́етъ;
а не тре́ба ея́, хто не согріша́етъ.
А що зась въ черне́цкомъ ткне́тся тежъ зако́ну,
о котро́мъ не свідомо свіцкому всяко́му;
Бо гдибъ відалъ, что́ ему́ въ чернца́хъ бу́детъ случа́ть,
нігди бъ пудъ прися́гою не хотілъ постригáть,
И, навяза́вши бъ на ся ка́мень, въ во́ду втопи́лъ,
не́жели бъ на вічную скорбъ въ черне́цство вступилъ.
Бо пра́вда то, же въ чернца́хъ вічная нево́ля,
а свіцкимъ во всіхъ реча́хъ соверше́нна во́ля.
И свіцькимъ здае́тця той чинъ за хлібъ пшени́чний,
а постри́гшись, позна́вши, далъ бы и за жи́тний,
А поне́важъ свіцкий господа́ръ во всемъ дово́ленъ
въ свое́мъ до́бромъ, а черне́ць южъ ні въ чомъ не во́ленъ.
И черне́цство не ти́лько млади́хъ въ чинъ свой вво́дитъ,
але́ ча́сомъ му́дрихъ и стари́хъ въ той заво́дитъ.
Пре́то, всі світови́е лю́де, ка́йтесь на насъ (1):

(1) Т. е. глядя на наше положеніе, берегитесь, чтобъ не очутиться въ немъ. Выраженіе народное. Въ пѣснѣ, соблазненная и обманутая дѣвушка говоритъ:

Ой хто у бору́,
Чу́йте новину́;
А хто у селі,
Ка́йтесь на мені.

прошу́ якъ найпокóрній о томъ дíлі всіхъ васъ.

— —

Пи́шетъ же о томъ чи́ну совершéнъ дознáвецъ
и надъ всіхъ въ немъ страдáльцевъ біднíйший страдáлецъ.

— —

Сміючи мóвитъ, же хочъ хто бувъ своявóльникъ,
а якъ вступитъ въ чернéцство, то будетъ невóльникъ.
И зъ басурмáнскихъ невóль свобóдни бивáютъ,
а зъ чернéцства до смéртий не освобожáютъ.
Ти́лько жъ, гди хóчетъ, нехáй здравъ въ чинъ той вступáетъ:
охóчого не внять, — Богъ нехáй помагáетъ.
Я о томъ дíлі ему́ не перебивáю,
лечъ, ви́дячи воздéржность его́, поражáю.
А невоздéржнихъ могу́ отъ тóго впиня́ти
и, якъ мóщно, до тóго ихъ не допущáти....

О глаго́лющихъ, я́ко повідае: и́покомъ нетрéбі жáднихъ міти стяжáний.

Би́ло нéгдись черицáмъ ні що́ не надóбно,
а тепéръ все потрéба тáкожде подóбно,
Бо и черицéві тáкже хóчется що міти;
хочáй то и не жона въ него́ и не діти,
Еднáкъ и черицу́ встидно гóлому ходи́ти,
ти́лько, якъ нітъ нічóго, мусітъ хочъ проси́ти;
Бо черицóвъ гóлихъ зову́тъ опиякáми большъ,
збó и нецнотли́вими, — то ещé и найгóршъ.
Мóвятъ, же не дáрмо той нічóго не мáетъ;
а бíдному нігде взять, — онъ того́ не знáетъ;
Кгдижъ въ монастиря́хъ не вéльми чáсто давáютъ
одéжу; а запáсные ли́шней не мáютъ.
Убóгие черицї хочъ бóльшей и працу́ютъ,
ти́лько жъ вбóгихъ и тамъ не бáрзо шану́ютъ,
А мáючихъ, якъ и вмреть, лучшей поминáютъ;
а ни́щетнихъ въ скóрий часъ и запоминáютъ.
И якъ свіцкимъ не добро́ на світі голишáмъ,
такъ же то и черицáмъ сиротáмъ, побідашáмъ.
И гóлихъ и пришéльцовъ чáсомъ не приймáютъ;
хочъ би и ремéсникъ бувъ, прочъ висилáютъ.
Итакъ, ми́лий Бóже, всімъ убóгимъ не добро́,
а котри́й мнóго всего́ міетъ, тому́ добро́.
И блажéнъ и преблажéнъ той въ тепéрешний вікъ,
хто міетъ чего-кóльвекъ довóльно человікъ.
(Бо и въ лéкціяхъ пи́шутъ: »Хто богáтъ, тóй всімъ братъ;
а хто нічóго не мáетъ, того́ ніхтó не знáетъ«)....

За этимъ слѣдуетъ характеризующее монастырскую жизнь заглавіе: *О иноціхъ (насъ южъ) послідніхъ* (т. е. омонастырской черни), *терпя́щихъ безви́нно и пови́нно премнóгія зілó напáсті и скóрби, и*

гоненія, и оклеветанія и нависті, и всяческні озлобленія. Но стихотвореніе на эту тему состоитъ изъ общихъ мѣстъ, нестоющихъ выписки.

О безженномъ житіі иноческомъ.

Свободъ инокъ отъ женй и дітей, повідаетъ,
еднакъ нужда, же своей господині не маетъ;
А хочъ и всего также иний можетъ міть,
а въ той речи едно то мусітъ терпіть.
А що мовятъ: »Не жоні и не дітямъ збирати«;
а еслиби мівъ жону, такожъ би могъ зправляти.
Але женитись законъ той не повеливаетъ,
тілько безъ помощниці самъ-единъ пребиваетъ.
Міючий жону, той ся и въ скорбехъ утішаетъ,
а черица бідного Богъ тілько нехай утішаетъ.

Слѣдующіе стихи даютъ понятіе о томъ, какъ тогдашній монахъ понималъ уединеніе. Братія его были просто человѣконенавидцы, такъ что, лишь только собиралось ихъ нѣсколько человѣкъ, тотчасъ обнаруживалась вся сухость ихъ душъ и, вслѣдствіе того, антипатія другъ къ другу, на мѣсто того, что испытываютъ люди, ясно понимающіе даръ Божій — жизнь. Мы ищемъ общества себѣ подобныхъ, и лучшіе свои часы проводимъ въ симпатичныхъ къ нему отношеніяхъ. Климентій и его братія, напротивъ, сойдясь въ одну келью, не могли не царапать по сердцу другъ друга, и потомъ предавались уединенію, для исцѣленія ранъ своихъ. Онъ говоритъ:

Кождий инокъ возможетъ тое ціле признати,
же наедині не такъ скорбно пребивати;
А где въ келіи соборъ великий пробуваетъ,
тамъ ненависть и вражда часто ся украдаетъ.

Даже вдвоемъ не могъ тогдашній монахъ ужиться въ кельѣ, потому что, по понятіямъ Климентія, иноческая жизнь требовала тайны, а сожитель —

Будетъ, вімъ, другого во всемъ осуждати,
и ложно злими діли того обношати,
И завше въ ненависті будетъ его міти,
и отнюдъ неправедно тожъ ненавидіти.

Размышленіямъ и воспоминаніямъ о женщинахъ посвятилъ Климентій 43 стихотворенія, что мы относимъ также къ условію его иноческаго быта. Мысль его безпрестанно обращалась къ запретному плоду, и какъ онъ ни

старался возвышаться надъ грѣховными поползновеніями, но слишкомъ часто увлекался воображеніемъ въ противоположную сторону. Самыя нападки и обличенія его проникнуты разженною мечтою о томъ, на что человѣкъ иного быта смотритъ спокойно и нравственно. Вообще, онъ о женщинахъ думалъ низко и считалъ ихъ недостойными грамотности. Мечты его о другомъ полѣ оскорбительны даже для насъ, мужчинъ. Мѣры же къ исправленію нравственности замужнихъ женщинъ онъ предлагаетъ самыя варварскія. Въ сорока трехъ стихотвореніяхъ его, посвященныхъ слабѣйшей половинѣ человѣческаго рода, нѣтъ никакой мягкости и ничего подобнаго поэзіи, которою дышутъ народныя наши пѣсни. Онъ представляетъ женщину исчадіемъ діавола и богохульствуетъ самымъ возмутительнымъ образомъ, желая играть роль возвышеннаго надъ міромъ моралиста. Подобныя выходки не новы между его отпавшею отъ жизни братіею. Мы приведемъ только тѣ мѣста изъ его стихотвореній, которыя характеризуютъ собственно его личность.

Дáрмо, ся видитъ, женскъ полъ звиклъ письмá учи́ти:
могла́ бъ цéрковъ и безъ нихъ письмá обходити.
Бо тóкмо мужéмъ далъ Богъ небезпотрéбно,
а імъ—здаéтця, я́коби и непотрéбно.
Женá письмéнна мýжемъ прóстимъ погоржáетъ
и, якъ простакá, ціле тогó внівечáетъ.
Овшемъ бо прáве жéнамъ письмó неприли́чно,
ти́лько оно менщи́знамъ потрéбно и сли́чно;
А жéнамъ, якъ пя́того кóлеса, такъ трéба,
а мужéмъ вся́кимъ всі́да на все то потрéба.

Въ одномъ стихотвореніи Климентій говоритъ, что женщинъ на свѣтѣ вдвое больше, нежели мужчинъ, —

Еднáкъ надъ женáми Богъ далъ мужéмъ верхъ міти,
а імъ не далъ мýжескихъ речéй розуміти.

Судя по совѣтамъ, какіе онъ даетъ мужьямъ касательно обращенія съ женами, можно было бы подумать, что женщины временъ Мазепы были вообще самой дурной нравственности. Но, на нашъ взглядъ, стихотворецъ характеризуетъ тутъ свою собственную натуру, исполненную подозрительности и лукавства.

Подобáетъ таковúй вчини́ти совітъ намъ,
же нігди не дая́ти ні въ чемъ віри женáмъ;
Женáмъ бо зáвше ля́тво такъ кля́тву сполни́ти,
якъ прáгнучому чáсомъ води́ ся напи́ти.
Прéто, аще би мóщно, звізди зъ нéба брáла,
або тежъ предъ собóю зéмлю поядáла,

То уже́ да не бу́детъ о́нимъ віра да́нна,
хочъ би и прекра́сная она била́ па́нна.
— —
И а́ще би и ма́ти, е́днакъ та́я жъ жена́,
и презъ ма́теръ бива́етъ скорбъ и гріху вина́.

Какая разница въ воззрѣніи народа на мать! Пѣсня о правдѣ и неправдѣ говоритъ:

Нема́ въ світі пра́вди, тілько рідная ма́ти.

Другая пѣсня возводитъ высокое понятіе о матери почти до боготворенія:

Ма́ти на́ша, ма́ти!
Де жъ намъ тебе́ взя́ти?
Хиба́ тебе́, ма́ти,
Да намалюва́ти....
Намалю́ю ма́тіръ
На божничку́ въ ха́ті.
На божничо́къ гля́ну —
Ма́тіръ испомя́ну;
Наза́дъ оберну́ся —
Слёза́ми заллю́ся.

И вообще народъ высоко ставитъ въ жизни мать, почему и въ пѣсняхъ называетъ ее *пора́дницею*, или *пора́донькою вірною*. Только такой человѣкъ, какъ Климентій, изсушивъ душу въ отчужденьи отъ всѣхъ живительныхъ связей съ обществомъ человѣческимъ, могъ дофилософствоваться до такого нечестиваго взгляда на мать. Вслѣдъ за тѣмъ онъ избираетъ темою своихъ размышленій неплодіе женъ и говоритъ:

Повіждь мні, чему́ же́ни мно́ги есть неплодни,
любо то и отъ мужей своихъ не свободни?

Размышленіе объ этомъ доставляетъ ему, такъ сказать, келейное удовольствіе, и можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ онъ написалъ: *отъ мужей своихъ несвободны*... Въ самыхъ, по видимому, благочестивыхъ его размышленьяхъ высказывается воображеніе нечистое, и похвалы его женской непорочности дышутъ тайнымъ развратомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи *о вдовственныхъ женахъ*:

Живу́щия въ чи́стості че́стния вдови́ци
обря́щутся предъ Бо́гомъ, якъ чи́стия діви́ци,
И судилъ бихъ надъ дівицъ ихъ честнійшихъ па́че,
звла́ща здра́вихъ и ю́нихъ, то есть млади́хъ найпа́че.
Діви бо пло́тскихъ гріхо́въ себі не позна́ли,
а они́ и позна́вши, чи́стость захова́ли.

И не ди́вно безъ то́го стари́мъ вдо́вамъ жи́ти,
а младимъ, тру́дно, мо́вятъ, безъ то́го прожи́ти.

Далѣе онъ размышляетъ *о прельщеніяхъ же́нскихъ и о му́жескихъ пристрастіяхъ до женъ, звла́ща до чу́ждихъ*, и, пересыпая свою рѣчь готовымъ запасомъ ходячихъ душеспасительныхъ фразъ, изображаетъ неумышленно самого себя въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто бо бива́етъ до нихъ стра́стію побіжде́нъ,
той не ско́ро впять бу́детъ отъ тоя́ свобожде́нъ,
Бо изъ ума́ не бу́детъ то ему́ сходи́ти,
аби́ прельсти́вшися моглъ въ тихъ гріха́хъ пожи́ти.

Но тутъ по крайней мѣрѣ мечты затворника-стихотворца прикрыты назидательнымъ тономъ; а потомъ у него идетъ стихотвореніе, рѣзко обличающее дѣйствительный строй его помысловъ.

О терпе́ніи же́нстімъ, ка́ко въ зимі студе́ностей не боятся, когда во вре́мя лю́тихъ мра́зовъ на ріка́хъ ху́сти перу́тъ.

Подо́бно, пеке́льная горя́чость въ же́нскомъ тілі:
до́знанна о томъ пра́вда въ людей сами́ми діли.
А котри́е жъ, повіждь мні, лю́де того́ дозна́ли?
Ти́е, котри́е себі били́ же́ни поя́ли.
А кромъ поня́тія ніеть ли мо́щно того́ дозна́ти?
Не увість непоня́вшій. Дай, Боже, и не зна́ти.
А котри́й хочъ позна́етъ, той зіло́ согріша́етъ;
вели́кая бовімъ въ томъ дїлі та́йна бива́етъ.
А что жъ то есть за та́йна? не бива́етъ ли явна?
Бо безже́нныхъ за то кара́ютъ зда́вна.
А яки́е жъ за ту́ю речъ ка́рности бива́ютъ?
Ти́е, же ча́сомъ за то здоро́вья умаля́ютъ.
О, поне́важъ такъ, и мні тре́ба жену́ поя́ти,
жеби́ моглъ невозбра́нно тое́й та́йни дозна́ти.
И Бо́же тебі свою жону́ поня́ть поможи́,
и чада побо́жния отъ нея́ вамъ умножи́.

Неловкое увлеченіе свое *пекельною горячностью* женщинъ Климентій вымѣщаетъ на женщинахъ же ругательствами.

И баба зъ хло́пцемъ и бісъ въ е́дномъ цеху́ хо́дитъ,
поне́важъ зъ тихъ трехъ персо́нъ все зло́е похо́дитъ.

Потомъ дѣлается совершенно нравственнымъ стихотворцемъ и пишетъ:

О жена́хъ въ корче́мницахъ въ гра́діхъ, а найпаче где въ поля́хъ въ корче́мнихъ гости́нницахъ блу́дно живу́щихъ...

Еще выше становится нашъ моралистъ, когда начинаетъ предлагать мужьямъ душеспасительныя средства къ спокойной и, пожалуй, счастливой супружеской жизни.

Щастли́въ той, хто жені злой ся не поддава́етъ,
и що, якъ бе́стіі, по ре́брахъ ча́сто дава́етъ.
— —
Бо ліпшъ, мо́вятъ, желізо у воді вари́ти,
не́же, псю́ю личи́ну, жену́ злу учи́ти.
Уже́ человікъ бідний тако́й не изу́читъ, —
Ра́зві самъ дия́волъ, гди зъ душе́ю розлу́читъ.

Все участіе, къ какому способенъ Климентій, отдаетъ онъ сторонѣ болѣе сильной, то есть самовластно карающему мужу. Онъ обѣщаетъ ему, за претерпѣніе словъ и поступковъ ожесточенной имъ жены, царство небесное и наказываетъ ему колотить ее ежедневно. Вотъ его собственныя слова:

А тепе́ръ, человіче, му́сішъ біду́ терпіти
и до сме́рти зъ тако́ю не бу́дешъ добра́ міти:
И самъ тя неха́й Госпо́дь ра́читъ свободи́ти,
а жену́ твою́ злу́ю зъ світа скорени́ти.
Ти же восхощи́ то́е отъ ней пострада́ти
за поку́ту, — и бу́дешъ въ не́бі царствова́ти.
Едка́къ жені свое́й злой ні въ чемъ не хили́ся,
и ко́ждий день ки́емъ па́рить не ліни́ся;
А такъ пе́вне одъ Бо́га при́ймешъ нагоро́ду,
и полу́чишъ отъ му́ки вічной себі свобо́ду.

Вотъ мораль, высиженная въ удаленіи отъ міра! Вотъ выводъ изъ перечитанныхъ стократно книгъ закона! Не къ такимъ ли людямъ относятся слова благаго Учителя: *вожди слѣпые!* Въ украинской народной поэзіи старыя поколѣнія завѣщали новымъ иныя нравственныя убѣжденія, но это именно потому, что учители, подобные Климентію, захватили въ кругъ своихъ нечистыхъ чаръ далеко не всю массу населенія родного края. Еслибы однородная съ его виршами литература проникала всюду такъ, какъ проникаетъ пѣсня, — Украинскій народъ былъ бы сухой фанатикъ и темный изувѣръ, Украинскій народъ былъ бы низкій матеріалистъ, прикрытый маскою безчувственнаго святошества. Такимъ именно является чуждый народнаго духа и вкуса стихотворецъ, находящій непонятное для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, удовольствіе перемѣшивать дидактику съ цинизмомъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: О *жена́хъ близня́та рожда́ющихъ, си́річъ по двое́ діте́й:*

Гдибъ котрая въ годъ по двое рожала,
такой била бъ отъ всякихъ козаковъ похвала,
А хочъ би по единому, аби кождого року,
ижъ би ся запасила на тое знароку.

Въ другомъ стихотвореніи: *о оспалихъ людехъ, которие вельми твердо и много надъ міру и не чутко спятъ, кохаючися збитне въ сну великомъ*, казалось бы, »виршописъ« долженъ держаться въ области чистаго умозрѣнія и разсуждать о вредѣ излишняго сна для тѣла и для души; но нечистое воображеніе тотчасъ рисуетъ, къ его услугамъ, соблазнительную картину:

А пудъ часъ тежъ и жони той не встерегаетъ,
котрая житиемъ своимъ ошукиваетъ,
Гдижъ можетъ ся таковихъ женъ много знайдовать,
змежъ которихъ иная ждетъ, аби мужъ леглъ спать,
А сама о зломъ дїлі въ той часъ промишляетъ,
и мужеві своему віри не схраняетъ.

Зато ужъ безукоризненна мораль слѣдующихъ стиховъ:

Въ монастиру чулости и тебе бъ навченно,
яко би тя чимъ-кольвекъ удважъ процвіченно;
Бо хто въ монастиру утреню засипляетъ,
той пудъ часъ и покаранъ знемного бивается.

Нравственность, поддерживаемая такими мѣрами, конечно должна приводить къ результатамъ, выразившимися столь осязательно въ стихахъ многострадальнаго Климентія, который не можетъ себѣ представить цѣломудренную женщину иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ. Кромѣ страха физической кары, онъ не предполагаетъ въ женской душѣ другихъ, болѣе могущественныхъ охранъ чистой нравственности. Въ стихахъ своихъ онъ не смѣетъ обвинить поголовно всѣхъ женщинъ, предоставленныхъ самимъ себѣ въ отсутствіе мужей; но предположеніе возможности женскаго свободнаго цѣломудрія является въ его стихахъ въ видѣ реторической фигуры, посредствомъ которой онъ, не безъ пріятнаго осклабленія, садится на своего любимаго конька, какъ напримѣръ, въ стихотвореніи: *о женахъ мужнихъ и болшей въ домахъ своихъ безъ мужей пробувающихъ*.

Я воображаю себѣ фигуру стихотворца-анахорета временъ Мазепы, странствующую по богатымъ весямъ и градамъ, пирогами обильнымъ, подъ гнетомъ *четверочисленной скорби*, яже есть: *грѣхъ, немощь, нищета и озлобленіе*. Я воображаю, какъ онъ обходитъ окольными улицами дворы съ псами, которыхъ отъ всей души не терпитъ уже по

одному тому, что, при ихъ посредствѣ, невозможно дѣлать назиданія даже и такой женѣ, которая *ждетъ, аби мужъ легъ спать;* какъ онъ днемъ читаетъ въ корчемныхъ домахъ ту или другую часть своей книги, смотря по тому, какого сорта люди его слушаютъ; какъ во время уединенныхъ прогулокъ по пустыннымъ берегамъ рѣчекъ или прудовъ, дѣлаетъ онъ наблюденія надъ *терпѣніемъ женстимъ* и предполагаетъ въ женскомъ тѣлѣ *пекельную горячость*, а вечеркомъ пробирается куда нибудь *низомъ, хмизомъ, попідъ вербами.* Все это онъ обдѣлываетъ отлично. Ему ли не быть мастеромъ своего дѣла, когда онъ такъ убѣдительно написалъ наставленіе своимъ преемникамъ: »Когда пожелаешь иногда сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, то старайся всѣми мѣрами укрыть его отъ людскихъ глазъ. Большое или малое сдѣлаешь прегрѣшеніе, *утрись и запрись, жебъ сичъ и сова не знала!*« Такъ онъ писалъ, такъ, вѣроятно, поступалъ и самъ. А чтобъ отвратить и самое предположеніе въ мірянахъ, что онъ способенъ къ какимъ-нибудь шашнямъ, онъ преподаетъ имъ самыя строгія правила, дышащія безчувственною жестокостью и приговариваетъ:

Истинную правду я тобі повідаю,
бомъ на світі всякі речи также знаю....

Сознаніе собственной опытности даетъ его рѣчахъ тонъ автократическій. Онъ, по всей справедливости, называетъ глупцомъ того, кто его слушаетъ; онъ пріобрѣлъ полное на то право:

Певне, будетъ кріпко Богъ того карати,
же злой жени, якъ шкапи, не вміетъ (на узді) держати.
Отожъ тобі, глупаче, науку даваю:
абись ребра крушилъ злой жоні, поражаю.

Далѣе онъ вселяетъ въ слушателя собственную подозрительность и обрекаетъ его на вѣчныя опасенія за свою жизнь:

А ежели пораду мою занехаешъ,
не минется велика біда, — самъ дознаешъ;
Бо на здоровье твое жона твоя ватуетъ
и — чего не знаешъ — смерть тобі готуетъ.
Пити и істи тобі потрави даваетъ,
а часомъ и трутизну тобі жъ зготовляетъ.
А такъ, окаянниче, самъ напродъ не кушай, —
неха́й жона пъетъ першъ и ястъ, — мене слушай.
А гди бъ сама напередъ скушати не міла,
то горшкомъ або киемъ косись еі тіла;
Або цуркою скрути ей руки и ноги,
жеби не перелізла и черезъ два пороги;

Або́, звяза́вши, посади́ къ гаря́чой пе́чи,
щобъ припекли́ся о́нуй шата́нскіе пле́чи.

Вотъ семейная инквизиція, до которой трудно додуматься человѣку, живущему въ кругу семьи и на которую не способенъ рѣшиться тотъ, кто находится подъ вліяніемъ образа мыслей родныхъ и сосѣдей, живущихъ семействами.

Одно изъ его стихотвореній, ничтожное по содержанію, носитъ заглавіе, характеризующее національныя убѣжденія Украинцевъ временъ Мазепы, — именно: *О иновірной еди́ной персо́ні между му́жемъ и жено́ю, то есть (наприкладъ) кіди бива́етъ ча́сомъ мужъ Ляхъ, а жена́ благочести́вая, або́ жена́ неблагочести́вая, а мужъ благочести́вий, а хоча́й и обо́е благочести́вие, да не е́дныхъ людей, си́річъ: мужъ бу́детъ Моска́ль, або́ Литви́нъ, або Бо́йко, або Ци́ганъ, или́ тежъ зъ Жи́да пере́христь; или́ зась жона́ таковихъ людей, а онъ правди́вий Руснакъ, Коза́къ, Украйнецъ поро́ди Малороссийской.*

Изъ самого стихотворенія сто́итъ привести только слѣдующее мѣсто:

Тое жъ есть, гди не е́дныхъ и людей поро́ди:
не міютъ и таки́і межъ собо́ю згоди;
Же то вла́сне порося́ зъ во́вкомъ пробува́етъ,
а жа́лости и скорби що-день прибавля́етъ.
Зачи́мъ-то подоба́етъ людемъ християнскимъ
не міть при́чти къ ду́шамъ инороднимъ и пога́нскимъ.

Достойно также вниманія, что, по словамъ Климентія, браки въ старинной Украинѣ заключались раньше нынѣшняго. Онъ говоритъ, что нѣкоторые родители —

. . . безвре́менно за́мужъ дава́ютъ діви́ци:
въ еднадеся́тихъ літехъ отроковиці.
А въ двана́десяти літъ синовъ ожения́ютъ.
— —
А то, вімъ, въ Литві мали́хъ же́нятъ, зле справу́ютъ,
що несмі́сленнимъ дітямъ світъ ти́лько завязу́ютъ.
Въ шестна́дцатихъ літъ слу́шно младе́нца жени́ти,
а діви́цю въ трина́дцать, — и́накъ не чини́ти.
И таки́хъ еще́ бъ вво́дить въ той чинъ не подоба́ло,
да на и́ний часъ до літъ слу́шнихъ откладало;
А слу́шность літъ — въ два́дцать рокъ ожени́ти си́на,
отъ котораго мо́жетъ бить въ рокъ и дити́на;
А дщеръ пристойно за́мужъ въ 15 літъ дава́ти,
то мо́жна речъ — до ро́ку и ма́теръю ста́ти.

Мы представили хариктеристическія мѣста изъ всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ такъ или иначе женщинамъ и наполненныхъ, какъ обыкновенно водится у подобныхъ авторовъ, безцвѣтными пошлостями. Остается еще два, и они сто́ятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь цѣликомъ. Они исполнены пьянаго комизма, въ который вдается необузданно человѣкъ, долго стѣснявшійся насильственною ролью. Въ нихъ Климентій является, такъ сказать, безъ клобука и рясы.

О жена́хъ, ражда́ющихъ діти въ ско́рий часъ по приня́ттю шлю́бномъ и по бра́ці въ кілько дний мину́вшихъ, а не въ рокъ.

Коза́цкий зви́чай ти́е-то діви́ці ма́ютъ,
що за́разъ по весіллю и діти рожа́ютъ;
Бо на сві́ті такъ мо́вятъ: »Коза́цкому ро́ду
ма́ло когда́, або́ тежъ нема́шъ перево́ду.«
И до́бре чи́нятъ, же то зъ запа́сомъ прихо́дятъ,
запа́си бо жа́дною мірою не шко́дятъ.
Где еще́ де́вять місяцъ на то́е тружда́ти,
а то́ ліпшъ въ ско́рий часъ припло́докъ огляда́ти.
И хто-ко́львекъ межъ людьми́ то́е похваля́етъ,
кото́рий где чоловікъ робо́ту поспіша́етъ.
Зачи́мъ здоро́ви собі живіть и пробува́йте,
и безъ ліности въ ночъ и въ день въ томъ ся тружда́йте.

О діви́цахъ, діті рожда́ющихъ.

Не тре́ба такови́хъ дівъ ка́рностю кара́ти,
що стара́ются въ во́йско люде́й примножа́ти;
Бо, я́ко зда́вна люде́й войска́мъ було́ тре́ба,
а тепе́ръ, въ на́шомъ віку́, найпа́че потре́ба;
Гдижъ немно́гое во́йско малу́ си́лу ма́етъ,
а вели́кое внівечъ ме́ншихъ обраща́етъ.
Зачи́мъ би то слу́шна речъ то́е похваля́ти;
ато́ нево́льно свого́ до́брого дава́ти.
Они́ бідние во́йску такъ щи́ро прия́ютъ,
а други́і неви́нно за то зневажа́ютъ.
Пре́то неха́й ка́ранни ти́і то бива́ютъ,
котри́і діте́й свои́хъ ду́рно погубля́ютъ.
Една́къ же они́ держа́тъ зви́чай той коза́цкий;
хочъ до́бре, хочъ не до́бре, все то по коза́цкій.
А ви, дівки́, за то́е мене́ похваліте,
да ква́рту и другу́ю горілки купіте;
Бо я се́е написа́въ, вамъ то на похва́лу,
а при васъ и козака́мъ-друзя́мъ чиню́ сла́ву.

До сихъ поръ вниманіе наше было сосредоточено главнѣйшимъ образомъ на личности автора, въ которой выразился болѣе или менѣе весь

классъ людей, къ которому онъ принадлежалъ. Далѣе мы прослѣдимъ его рукопись по состояніямъ и ремесламъ, то есть выпишемъ все, чего нельзя назвать общими мѣстами, заливающими всю книгу и дѣлающими чтеніе ея крайне утомительнымъ. Но, разставаясь съ личностью Климентія, какова бъ она ни была, укажемъ признаки, по которымъ мы относимъ его твореніе ко временамъ Мазепы.

Во-первыхъ: на листкѣ 272, онъ говоритъ, что зналъ вь Каневѣ попа-двоеженца, которому Ясинскій благословилъ служить безпрепятственно; а Варлаамъ Ясинскій былъ митрополитомъ Кіевскимъ съ 1690 по 1707 годъ. Вотъ и самые стихи, въ которыхъ объ этомъ говорится. Они писаны блѣдными чернилами и, вѣроятно, по смерти Ясинскаго; иначе — онъ придалъ бы ему титульное имя.

О попа́дяхъ, за́мужъ иду́чихъ по смертехъ попо́въ свои́хъ.

И той ре́чи мо́жемъ ми ве́льми задиви́ти,
же нево́льно въ дру́гий разъ попа́мъ ся жени́ти.
Хто той зако́нъ взакони́лъ, ми не зна́емъ,
ти́лько тому́ ся кріпко, кріпко удивля́емъ.
За свяще́нника-вдовца́ отвітъ сотвори́ти
мо́жетъ тотъ, кто зако́нъ сей дерзну́лъ положи́ти.
Кгди попъ-вдове́цъ въ гріхъ блу́дний упаде́тся,
ажъ и зако́нъ да́вшему ко́нче не мине́тся.
— —
Бода́й би онъ изъ свои́мъ зако́номъ и не сни́лся,
же, неразсу́дний, Христу́ Спа́су спротиви́лся!
Азъ, віршопи́съ, ви́ділемъ двоже́нца проще́нна
и до слу́жебъ Бо́жихъ ціле припуще́нна.
Въ Ка́неві оте́цъ Андре́й, въ четверопресто́льнихъ
патріархъ би́вшій (¹), прине́слъ пате́нтъ верхо́внихъ
Зъ Іерусали́ма, зъ Александри́і и Антиохи́і
и Константинагра́да пи́сьма неплохи́і;
И, ве́длугъ письмъ, Яси́нский служи́ть благослови́лъ
и жа́дною річию ні въ чемъ не спротиви́лъ....

Во-вторыхъ: на листкѣ 273, весьма нетвердою старческою рукою, но тѣмъ же почеркомъ, что и вся книга, написана замѣтка: *Року* (²) *1712, мѣсяца июня, числа 21, на Ивана Предите́чи, вели́кая ба́рзе бу́ра вели́кая була́, кото́рая церкви́ Бо́жие лама́ла и по дубро́вахъ вели́кие со́сни и б...* (³)

(¹) Т. е. который былъ у четверопрестольныхъ патріарховъ.

(²) До какой степени немощный человѣкъ писалъ эту замѣтку, видно изъ того, что вмѣсто *року* онъ писалъ *руку*, а вмѣсто *великие — векие*.

(³) Не дописано.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ личности автора, приведемъ кое-что изъ объяснительныхъ его стиховъ, изъ которыхъ вообще мало объясняется фактическое его положеніе.

Уже́ що ся въ сей кни́зі писа́ло, то писа́ло;
хочъ троха́ и ка́юся, такъ ся то́е ста́ло.
А пре́дсяжъ и по́льзи въ ней нема́ло набу́дешъ,
якъ ся собі добу́дешъ и чита́ть бу́дешъ.

Изъ послѣдняго стиха можно заключить, что Климентій сочинялъ свою книгу для продажи. Это подтверждается слѣдующимъ заглавіемъ одного стихотворенія, показывающимъ, что въ тѣ времена существовалъ особый классъ людей, занимавшихся перепискою чужихъ и сочиненіемъ собственныхъ книгъ: *О писаря́хъ ро́зныхъ, то есть и́менно, що кни́ги гото́вие препи́суютъ, и видаютъ зъ голови́ яки́е но́вие рі́чи, и о писаря́хъ тежъ гра́дскихъ и монасти́рскихъ, грамоти, або́ зась листи́ пи́шущихъ и вся́кие кріпкие права́.*

Все это стихотвореніе, какъ и многія другія, наполнено несносне́йшимъ пустословіемъ. Выпишемъ только четыре стиха:

И ча́сомъ ся случа́етъ писа́ти такъ тру́дно,
же ажъ, не напи́вшися горі́лки, то ну́дно....
И сей віршопи́съ ма́етъ къ писаря́мъ горли́вость (¹),
бо и самъ тимъ билъ, — знаетъ ту́ю долегли́вость (²).

Вѣроятно, Климентій былъ монастырскимъ писаремъ, а пожалуй и мірскимъ, до вступленія въ монашество. Вообще, это былъ, что называется, тертый калачъ и, безъ сомнѣнія, перемѣнилъ на вѣку своемъ не одно званіе: иначе — онъ не зналъ бы столькихъ подробностей и обстоятельствъ, относящихся къ описаннымъ имъ разнообразнымъ ремесламъ. Онъ, кажется, и самъ придавалъ цѣну своей бывалости, потому что любитъ вдаваться въ номенклатуру каждаго ремесла. Такъ какъ онъ не различаетъ ремесла отъ промысла, а промысла отъ состоянія, то и мы будемъ смотрѣть на тогдашній украинскій міръ его глазами. Чтобы начать съ высотъ, на которыя осмѣливался Климентій бросать наблюдательный взглядъ свой, приведемъ стихи его о тогдашнихъ архіереяхъ. Непонятно однакожъ, почему онъ не дерзалъ выносить соръ изъ панскихъ дворовъ, а объ архіереяхъ написалъ очень смѣлое обличительное стихотвореніе. Не потому ли, что книга его назначалась для мірянъ, которымъ было

(¹) Усердіе. — (²) Тягость, трудность.

опасно держать въ домахъ своихъ сатиры на предержащія свѣтскія власти? или, можетъ быть, его не поражало хищничество тогдашнихъ пановъ, столь очевидное по другимъ документамъ и даже по его собственнымъ дружелюбнымъ къ нимъ обращеніямъ? Въ сатирѣ на архіереевъ, у Климентія, въ заголовкѣ высказано больше, нежели въ самихъ стихахъ: *О кумовстві, що куми́ бра́ти ку́мові не благословля́ютъ, або́ тежъ дочки́ кумино́і. А гди хто пересо́литъ до́бре таляра́ми, або́ чирво́ними золоти́ми архиере́еві котро́му, то и гріхъ прочъ отклада́ютъ, и благословля́ютъ, и беззако́ніе на зако́нъ преклада́ютъ.* Изъ самого текста мы выпишемъ только слѣдующіе стихи:

И не ти́лько само́му куму́ взять збороня́ютъ,
але́ еще́ и сино́мъ та́кже возбраня́ютъ.
А гди влади́камъ о́чи до́бре засліпля́ютъ,
то обіма́ рука́ми тихъ благословля́ютъ.
И неха́й би влади́ки нічо́го не бра́ли,
да даре́мно, безъ вся́кихъ дачъ благословля́ли.
Але́ за гріхъ собі вели́кий почита́ютъ,
а хто подсу́нетъ до́бре, и гріхъ прочъ отклада́ютъ.

О панахъ Климентій имѣлъ понятія самыя рабскія. Онъ не допускалъ и мысли, чтобы власть попадала въ руки недостойныя, хотя передъ его глазами властвовалъ коварнѣйшій изъ пройдохъ, гетманъ Мазепа. (1) Онъ говоритъ:

Человікъ самъ собо́ю вла́сти не прийма́етъ:
ти́лько ему́ отъ Бо́га по́сланна бива́етъ,
И хочъ ча́сомъ панъ яки́й на уря́дъ промова́лъ (2),
една́къ найпа́че самъ то Господь Богъ керова́лъ (3);
Бо вся́ка власть въ Бо́жихъ рука́хъ жительству́етъ,
ея́же кому́ хо́четъ, го́дному дарству́етъ.

Въ стихотвореніи: *О весе́лості дво́рской и о смуще́ниі*, онъ сравниваетъ пана съ Христомъ:

Если ча́сомъ ве́селъ панъ, и слу́ги веселя́тся;
а е́жели панъ сму́тенъ, и слу́ги смутя́тся.
Сму́тна жъ била́ вся тваръ, гди Христа́ распя́то,
поне́важъ зъ світа вся́ку ра́дость било́ отня́то;

(1) О личномъ характерѣ Мазепы даетъ понятіе Пасекъ, авторъ извѣстныхъ въ польской литературѣ Pamiętników, на котораго Мазепа налгалъ королю и отъ котораго получилъ въ королевской пріемной пощечину. Мнѣніе Паска о Мазепѣ тѣмъ интереснѣе, что онъ писалъ о немъ, не зная его будущности. (Pamiętniki Jana Shrysostoma Paska. Petersb. 1860 pp. 101, 152—156.)

(2) Вызывался, старался получить. — (3) Управлялъ, направлялъ.

А когда́ та́кожде впять Христо́съ изъ ме́ртвихъ воста́лъ,
тогда́ но́вое ми́ру весе́лле дарова́лъ.

Поклоняясь панамъ униженно, до профанаціи святыни, Клитентій осмѣливается просить ихъ, въ особомъ стихотвореніи, не слушать ябедниковъ:

Щó то, пано́ве, у васъ есть таки́й за зви́чай,
же то оскорбля́ете слугъ свои́хъ надъ зви́чай,
А найпа́чей слугъ вірнихъ и южъ заслуже́нниихъ,
и жа́дною мірою въ чемъ не подозре́нниихъ!
Кгди жъ ме́рзскимъ клеветникóмъ віру има́ете,
ажъ они́ лгутъ, я́ко пси, ви и не зна́ете.
На́ветъ кажіть тимъ лгаря́мъ дóводъ довожда́ти,
а собі того́ ча́су вся́ко розсужда́ти;
А не міли би слу́шнихъ дóводовъ дава́ти,
то зволя́йте кия́ми таки́хъ частова́ти.

Взяточничество не могло не существовать подъ самовластнымъ и любостяжательнымъ гетманствомъ Мазепы. Въ стихотвореніи: *О убóгихъ людéхъ*, Климентій проронилъ два стиха о лихоимцахъ:

Бо бога́чъ су́дямъ óчи мздóю забива́етъ,
и тое́ю до конца́ бнихъ осліпля́етъ.
А убóгий небора́къ хочъ трóхи споткне́тся,—
пе́вне побіде́нному да́рмо не мине́тся.

Различіе состояній въ тѣ времена было велико. Климентій пишетъ, что убогіе люди, служа по наймамъ, часто не получали своего бѣднаго заработка. О судѣ и правѣ онъ не упоминаетъ и грозитъ грабителямъ только Божескими наказаніями. Что богачи тогдашніе были далеки отъ простоты въ жизни, — видно изъ описанія такъ называемыхъ ихъ *шафарей* (казначеевъ, дворецкихъ) и ключниковъ.

Ша́фаръ пови́ненъ писа́ть вся́кіе росхóди,
та́кже яки́е тежъ есть и прихóди.
— —
И на сумне́ния па́нства ска́рби вруча́ютъ,
неха́й же и до панóвъ шафарі щи́рость ма́ютъ.
— —
Якъ то ви́димъ, таки́і графу́нки бива́ютъ:
якъ лічóй не издаютъ, свои́мъ доклада́ютъ.

Въ стихотвореніи: *О ключникахъ панóвъ вели́кихъ свіцкихъ и духóвнихъ властей*, онъ изображаетъ такимъ образомъ удаленіе пана отъ »дворскихъ слугъ«.

Вся́кий панъ, якъ вірного слугу́ вподоба́етъ,
то те́ди вели́кий скарбъ тако́му вруча́етъ,
И росказу́етъ инъ панъ, же до вбо́гихъ мій взглядъ
и въ свое́мъ послуше́нстві во всемъ добръ догля́дъ:
Жеби́ мя не о всемъ томъ въ свой часъ турбова́но
и жебъ мні отъ дво́рскихъ слугъ не доноша́нно,
Же по го́дности въ свой часъ кому́ зна́ючи дай,
а зго́ла хто бунтовни́къ го́рдий, тому́ не дай.

Изъ этого видно, что дворскіе слуги во многомъ, если не во всемъ, зависѣли отъ шафаря или ключника, — и поэтому-то клеветники и ябедники, въ панскихъ дворахъ, были въ большомъ ходу. При независимости личной, право сильнаго до такой степени развилось въ гетманство Мазепы, что панъ называлъ *бунтовникомъ* непокорнаго, то есть не все сносящаго подсосѣдка или двороваго слугу. Климентій одобрялъ панскія мѣры для удержанія пахарей на панскихъ земляхъ; но дворовымъ, видно, доставалось отъ пановъ еще больше, и потому онъ написалъ стихотвореніе: *О вла́стелехъ, кара́ючихъ люде́й, або́ и слугъ свои́хъ домо́вихъ безъ до́водовъ слу́шнихъ*, въ которомъ однакожъ ограничился увѣщаніемъ судей и не тронулъ пановъ ни единымъ стихомъ. Онъ признавалъ за ними право наказывать кіями дворчанъ своихъ, какъ это мы видѣли изъ его совѣта *частова́ть кия́ми* ябедниковъ. Въ стихотвореніи: *О оскудінияхъ въ сие́ вре́мя грошови́хъ*, онъ предлагаетъ панамъ (безъ сомнѣнія, сообразно съ тогдашними нравами и обычаями) слѣдующія вѣрныя средства—заставить народъ не пренебрегать дурною монетою: 1) *шмарова́ть кия́ми* (1), 2) отбирать *худо́бу*, 3) *мордова́ть* (мучить) работою въ своихъ дворахъ. Это стихотвореніе исполнено историческаго интереса, и потому выпишемъ его цѣликомъ.

Ску́дно ве́льми на гро́ши ста́ло въ на́шемъ віку,
же тру́дно о нихъ зго́ла не́ндзну (2) человіку.
Хочъ заро́битъ, лихи́ми грошми́ заплача́ютъ,
а и лихи́ми еще́ осо́бъ укривжа́ютъ.
А до́брие все собі богачі позбира́ли:
жебъ било́ що на той світъ брать, въ зе́млю поскрива́ли.
И неха́й же и въ зе́млю гро́ши сокрива́ютъ,
або́ хочъ ложка́ми ихъ въ стра́вахъ поядаютъ,
Ти́лько жебъ гла́дкими на́ветъ не бракова́ли,
и ша́фаровъ свои́хъ на то не науча́ли.

---

(1) Слово *киями*, какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, написано большими буквами.
(2) Убогому.

Лю́дямъ вбо́гимъ чехи́ зли по че́ху дава́ютъ,
а отъ нихъ по осмаку́ въ ку́пляхъ отбира́ютъ,
Би́леби якъ неси́тства свои́ насити́ти
и всі шкату́ли презъ верхъ сами́й наполни́ти.
Уже́ жъ, е́сли по́лните, до́бре наполня́йте,
да прина́мній поспо́льству бракова́ть збороня́йте.
Неха́й по-Запоро́зскій би не перебира́ли,
да и гла́дкими грошми́ не бракова́ли.
Если́ би́сте ви, вла́сті, тихъ бра́ковъ зборони́ли,
до́бре би́сте наро́ду кріпко учини́ли.
А то́, на васъ гля́дячи, и сами́ браку́ютъ,
да не́нависть и скорбъ межъ собо́ю справу́ютъ.
А спо́собъ би вамъ таки́й слу́шне билъ на то́е:
гди́ би́сте кия́ми шмарова́ли за то́е,
Або́ тежъ на худо́бахъ мужико́въ кара́ли,
или́ робо́тою въ дво́рахъ сво́ихъ па́нскихъ мордова́ли,
Или́ тежъ сами́ би́сте преста́ли бракова́ть,
и по города́хъ люде́мъ презъ пи́сьма приказа́ть;
А ина́чей не мо́щно вамъ бра́ковъ скорени́ти,
и сами́ не бу́дете знать, що зъ тимъ чини́ти.

Это стихотвореніе гармонируетъ съ извѣстнымъ представленіемъ Мазепы о чехахъ, нарочно вычеканенныхъ для Украины.

Смерть богатаго и знатнаго человѣка описана у Климентія ходячими, избитыми фразами. Замѣчено только, что съ высокимъ титуломъ *властеля* соединяется непремѣнно богатая нажива:

Бо гди вла́стель, то вспо́мнитъ свой висо́кий титу́лъ
и предъ кона́ниемъ мно́го зъ ска́рбомъ у́зритъ шкату́лъ.

За панами въ тогдашней Украинѣ слѣдовали, какъ вторая степень подражательной аристократіи, козаки, изъ которыхъ каждый, сдѣлавшись урядовымъ человѣкомъ, назывался уже паномъ, или, на Климентіевомъ языкѣ, властелемъ, и могъ, умирая, узрѣть передъ собой *много зъ ска́рбомъ шкату́лъ*. Мѣра его обогащенія зависѣла не столько отъ важности занимаемаго имъ мѣста, сколько отъ его жадности, отъ равнодушія къ подчиненнымъ и отъ умѣнья угождать болѣе сильнымъ людямъ (1). Мазепа, выигравшій такъ много во мнѣніи потомства своими бѣдствіями, былъ, во время своего благоденствія, верховнымъ покровителемъ и образцомъ хищничества въ Украинѣ. Онъ обогащалъ своихъ родственниковъ; онъ предоставлялъ каждому свободу обогащаться по-По-

(1) См. приложенія ко 2-му тому *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

луботковски (¹); онъ потакалъ самоуправству каждаго высшаго начальника съ низшимъ, каждаго сотника съ простымъ козакомъ, и козака съ безоружнымъ пахаремъ (какъ это мы увидимъ ниже). Поэтому люди посполитые были паствою вооруженнаго сословія, которое играло роль аристократіи не хуже собственно такъ называемыхъ пановъ.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какой духъ вкоренился въ гетманскихъ козакахъ относительно ихъ беззащитныхъ братій. Стихотворецъ не упоминаетъ вовсе о мѣрахъ строгости къ мародерамъ со стороны старшихъ, такъ какъ этихъ мѣръ никто и не принималъ, считая простой народъ за ничто. Даже и въ думѣ народной только Богъ каралъ козаковъ за жестокое обращеніе съ безсильными поселянами (²). Козаки обуздывались одной совѣстью въ своихъ неистовствахъ. Законы для нихъ почти не существовали: ихъ собственная судьба зависѣла отъ произвола лукаваго гетмана и достойныхъ его войсковыхъ старшинъ, руководствовавшихся въ своихъ поступкахъ только эгоистическими убѣжденіями.

О козакахъ, негóдних похвали, меновúте о тихъ злихъ и окаянних синáхъ и не-отéцькихъ дітяхъ, котóрие у вóйско идýть,

---

(¹) Въ упомянутой выше запискѣ Теплова, на стр. 189, сказано: »Старшины, опредѣляя имъ (простымъ людямъ) командировъ, яко бы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовольствіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ, а пользу ищущихъ правосудія — въ прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Я здѣсь разумѣю не тѣхъ только *старшинъ*, которые у нихъ называются *генеральные*, но, по ихъ же нарѣчію, всѣхъ тѣхъ, которые во всей Малороссіи въ судахъ высшихъ и низшихъ правосудіе отправляютъ, которыхъ власть, каждаго по своему мѣсту, почти неограничена, а взаимное соединеніе мыслей неразрывное.«

(²) См. думу о бурѣ на Черномъ морѣ, въ *Сборникѣ Украинскихъ пѣсень*, князя Цертелева:

Якъ я изъ гóрода съ Пирятина, панóве, вніжáвъ,
— —
....близькúхъ сусідівъ хліба й сóли безневúнно збавлявъ,
Діти малúі, вдóви старúі стрéмнямъ въ грýди товкáвъ.

Въ варіантѣ, записанномъ мною отъ кобзаря Архипа Никонéнка, воспоминаніе о безнаказанности вооруженнаго сословія выражено еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ:

Тó ще ми, брáте, не дóбре вчиняли—
По ýлицяхъ дóбрими кіньми гуляли,
Дітки малéнькі кіньми розбивáли,
Кровъ християнську безневúнно проливáли....

См. еще варіантъ въ *Малор. и Червонор. народныхъ Думахъ и Пѣсняхъ* (Лукашевича), стр. 61.

а людей, на путехъ идучихъ, або ідучихъ, обдираютъ, или щоко́львекъ насильствиемъ рабуючи, пакості сотворяютъ.

Вельми тие козаки зле собі поступаютъ,
же, йдучи у войско, людей где обдираютъ.
Подобало бъ імъ тогда милостиню даяти,
а не такъ на погибель имъ вічну сотворяти.
Запамятали то, знать, въ таковихъ злихъ души,
же показуютъ бісу вгодние анімуши (¹).
И нехай тое собі злие раби будутъ знать,
же съ помстою своею Христосъ не будетъ (іхъ) минать,
И воскорі таковихъ можетъ викоренятн,
и память іхъ со шумомъ на-віки погубляти.
— —
Побиютъ бо слези на вікъ отъ нихъ оскорбленнихъ
и всякихъ хочай мало отъ нихъ озлобленнихъ,
И у войска пошедши, ку домомъ не возвратятъ,
але будутъ ганебно головами накладать....

Не всѣ козаки пользовались правомъ сильнаго; не всѣхъ осуждаетъ и Климентій. Вообще къ козацкому сословію онъ очень благоволитъ и допускаетъ неистовства только въ *не-отецкихъ дѣтяхъ*, т.е. въ безродныхъ бурлакахъ, записавшихся въ козаки. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ цѣлый панегирикъ козакамъ, въ которомъ говоритъ:

....грішити Богу, хто даетъ козакамъ зневагу.
Простий чоловікъ завше у дому пробуваетъ,
а козакъ, шедши въ войско, ввесь домъ свой оставляетъ.
— —
Зачимъ не тилько ховай, Боже, нагану давать
козакамъ, але треба іхъ, якъ святихъ, шановать.

Осуждая въ козакахъ желаніе быть погребаемыми въ поляхъ, на могилахъ, преимущественно передъ цвинтарями, онъ съ негодованіемъ говоритъ о мужикахъ, которые въ этомъ подражаютъ козакамъ:

Треба бъ ганить подобно такихъ человіковъ,
же кладутся ние въ поляхъ зъ давнихъ віковъ,
Кгди освященнимъ місцемъ церковнимъ взгоржаютъ,
а на могилахъ себе класти повеліваютъ.
Хто бо подъ церковию главу покладаетъ,
о томъ большъ церковъ Бога о покой благаетъ.
— —
Бо мовитъ: *зде лежащихъ*, а не: *на могилі*,
хочъ то и тихъ могильнихъ вспоминаетъ по хвилі,
Когда речетъ: *и повсюду Христіянъ православнихъ*,

(¹) Характеръ, духъ.

также вспоминаетъ и властей козаковъ славнихъ.
Ино въ дорозі любъ въ войску легти и въ полі,
же церкви немашъ; мусітъ то бить по невоі;
Ато зъ дому нестися въ поле изволяетъ,
где вовкъ, або тежъ иный звіръ ся похожаетъ,
А на священномъ місцу не хочетъ покладать,
лечъ зъ доброй волі хочетъ отъ церкви отдалять.

— —

Звичаі козацкие въ тихъ річахъ бувають:
же въ поляхъ кладутся и могили висипають,
Того ради, же въ войскахъ бивали и въ полю,
и зъ неприятелями на потичкахъ въ бою,
Жебъ и по смерте́хъ щирость іхъ не запоминанна,
даби хвалебно людьми честними вспоминанна.
А мужикамъ не треба въ козацку славу втручать
да гди не пудъ церквами, то въ гумнахъ пудъ грушами покладать,
Жеби жонки іхъ гробовъ часто навіжали,
а на місцахъ іхъ другихъ мужиковъ привожали.
Уже жъ, козаки, собі ви здорови бувайте,
а мужикамъ простимъ слави козацкоі на поталу не попущайте.

Статья о Климентіѣ должна, кромѣ своего критико-историческаго обзора, служить замѣною и самой рукописи Климентія, покамѣсть не находящей себѣ издателя, а потому представимъ рядъ выписокъ о ремеслахъ, начавъ съ ремеслъ, ближайшихъ къ быту первенствовавшихъ тогда сословій.

О кухмистерахъ, або тежъ о кухаряхъ, що готуютъ панамъ їсти мудро, або хочъ часомъ и не мудро.

Кухмистра, мовятъ, пудъ порогомъ положити,
ежели би голодомъ мівъ себе уморити.

— —

И трудящися не тилько бъ себе не зморилъ,
лечъ би не згрішилъ, гди бъ и иного поживилъ
(Ежели при достаткахъ многихъ клопотится,
коло огню, якъ муха въ укропі, вертится).
Панъ би за то велика гніву не положилъ,
и Богъ би смертельна гріха не постановилъ.
Подлугъ Письма, трудникомъ прежде подобаетъ вкусити,
и потомъ до столовъ панскихъ честно носити.
И поневажъ тежъ кухмистръ въ трудахъ своихъ клопотенъ,
треба и ему того жъ вворвать, жебъ не билъ голоденъ.
Бо пудъ часъ на пулмискахъ не тилько не останетъ,
але бивается то, же иногда и не станетъ....

О до́ктаряхъ и о цілю́рикахъ.

Ве́льми и до́кторство есть потре́бно на сві́ті,
же ко́ждий би до́ктора хотілъ собі міти;
А же о іхъ ну́жно, же ма́ло іхъ бива́етъ,
кромъ вели́къ сена́торъ где до́ктора трима́етъ.
И не ти́лько оску́дно о докторо́въ му́дрихъ,
але́ и о про́стихъ цілю́риковъ нему́дрихъ.
— —
Ти́лько жъ на ліченомъ не наіздиться коні:
трафля́лось тихъ ліка́рствъ зажива́ти и мні....

О гафаря́хъ (¹).

И гафа́рство — че́стное ремесло́ на сві́ті,
и імъ бо далъ Богъ ре́чи му́дрие уміти.
И хочъ они́ и це́ху у себе́ не ма́ютъ,
а пова́жние шту́ки до церкве́й зробля́ютъ,
Яко-то: пояси́, покро́вці и возду́шки,
а пано́мъ кульба́ки гафту́ютъ и поду́шки,
И до сагайда́ччя оздо́би придава́ютъ,
и ини́е че́стние діла́ виробля́ютъ....

О золотаря́хъ.

Золотаря́ тре́ба би а́нгеломъ равня́ти,
же мо́жетъ небесниі сосу́ди зробля́ти;
А то въ таки́й цель то́е не ина́къ става́етъ,
ижъ вся́кий щирозло́тний по́судъ не́бо ма́етъ;
Напри́кладъ, якъ-то: ми́три или́ патери́ци:
тамъ бо ца́рскиі вінци́, сце́птри въ Бо́жой десни́ци,
И про́чее мо́жется все зась знайдова́ти,
котро́е зви́кло зде въ насъ на землі бива́ти;
Менови́те — вельмо́жнихъ гетма́новъ булави́,
до кото́рихъ потре́ба хотя́щимъ голови́.
И и́нни войско́вие діла́ютъ клейно́ти
и прили́чние во́инамъ ро́зние приміо́ти.
И пояси́ ділаютъ срібрние му́дриі,
и ева́нгельски бля́хи ро́блять прему́дриі,
А осо́бъ капиту́ламъ ділаютъ печа́ті,
о кото́рихъ ажъ не зна́ютъ, якъ рещи́ поча́ти.
Та́кже и власте́льскиі ліски (²) оздобля́ютъ,
якъ імъ повеліва́ютъ, та́ко потрафля́ютъ.
И позлоцо́ниі тежъ зъ срібра́ ро́бять ку́бки,
и вся́киі до столо́въ па́нскихъ втожъ посу́дки.

(¹) Гафа́рь — шмуклеръ, занимающійся шитьемъ узоровъ и выдѣлкою кистей, спурковъ и т. п.

(²) Палицы.

И до о́лтарей святи́хъ річи престо́льниі,
и мно́гиі потре́би та́кже церко́вниі.
И па́ннамъ перстені злати́і изробля́ютъ,
и ка́меньми драги́ми о́ніхъ украша́ютъ.
Додава́ютъ же кшта́лтовъ и на сагайда́ки,
и на сагайда́чние о́стра и кульба́ки.
И ша́блі драгоцінно срібро́мъ осажа́ютъ,
же ажъ зря́щиі на тихъ ве́льми ся удивля́ютъ.
И gу́зіки ро́бять и оклада́ютъ но́жна,
и всего́ неотмо́вни, все бо имъ возмо́жна.
И справля́ютъ та́ко жъ прему́дриі ножі,
котри́хъ держа́ть собі бога́тиі мужі,
А що есть каділниці и срібрни лихтарі,
и ля́мпи, — все то то́е ро́бять золотарі.
И до образо́въ віци́, ру́чки и коро́ни.
Приймі́ до сво́ей іхъ, Бо́же, оборо́ни!
И що-ко́львекъ на землі світъ сей потребу́етъ,
все то золота́рь свои́мъ ро́зумомъ готу́етъ....

О довбиша́хъ, що въ бу́бни бу́бнятъ и о тренбача́хъ, що въ тру́би тру́блятъ и въ су́рми су́рмятъ.

До́вбиші войскови́і и́гри отправля́ютъ,
та́кже и тренбачі, гди въ тре́нби витрубля́ютъ.
И потре́ба імъ обо́мъ братъ за бра́та жи́ти,
же до́вбишъ бу́детъ бубни́ть, а тренба́чъ трубі́ти,
И и́гри іхъ слуха́човъ ча́сомъ ввеселя́ютъ,
а иногда́ на жа́лость вели́ку взбужда́ютъ,
Гди, сли́шащи, мо́щно судъ Бо́жий памята́ти
и арха́нгельскую тежъ трубу́ вспамята́ти.
И до умиле́нія слиша́щихъ приво́дитъ,
поне́же человіку и смерть въ па́мять вво́дитъ.
А ча́сомъ при банке́тахъ ве́село слуша́ютъ,
когда́ ми́рно на пира́хъ питій ужива́ютъ.
А осо́бно зась до́вбишъ въ ра́ду вибубня́етъ,
и въ похо́дъ войско́вий то́е жъ сотворя́етъ.
И по побі́дахъ та́кже зъ бу́бни, витрубля́ютъ,
коли́ южъ во́йска собі триу́мфъ составля́ютъ.
И предъ вра́ти бу́бнятъ, тру́бятъ пано́въ вельмо́жнихъ
и въ Запоро́зкой Січи войскъ сла́вних и побо́жнихъ.
Бу́бнятъ въ Січи у ве́чоръ, во́йску ва похва́лу
и ра́по, гди въ то вре́мя и Бо́гу твоpятъ хва́лу.
Пре́то и войскови́мъ музи́камъ добръ приня́емъ
и, я́ко че́стнихъ войску слугъ, щи́ро похваля́емъ.

О музи́кахъ, меновите о цимбали́стахъ и скри́пникахъ.

Весе́лое ремесло́ музи́цство, повіда́ютъ,
же и́грами свои́ми сму́тнихъ пудвеселя́ютъ,
А весе́лие па́че весе́лими бива́ютъ,
когда́ музи́ки въ скри́пку и въ цимба́ли игра́ютъ.

И че́стно та́кже собі на світі пробува́ютъ,
кгди жъ и само́му Бо́гу похвалу́ отдава́ютъ,
Поне́важъ, якъ и́ние реме́сники цехъ ма́ютъ,
такъ и они́, спасе́тъ ихъ Богъ, въ цеху́ зостава́ютъ,
И ве́длугъ церко́вного укла́ду поража́ютъ,
и до церкве́й Божиіхъ свічи ча́сто справля́ютъ.
А гди бъ хто мо́вивъ, же ле́гкимъ хлібомъ забавля́ютъ,
таки́й имъ хлібъ Господь далъ, — неха́й не подивля́ютъ,
И хліба даре́много нігде́ не ужива́ютъ,
ти́лько его́ вся́кие презъ пра́цу заробля́ютъ.
И пре́то, хто ремесла́ науча́етъ,
такови́й меншъ про́стою робо́тою тружда́етъ.
Ремесло́ свя́то діло на світі ся знайду́етъ,
котри́й зъ пи́льною его́ охо́тою патру́етъ.
И хто ремесла́ своего́ за́вше ча́сто пильну́етъ,
тому́ до его́ пра́ці и самъ Богъ пособству́етъ.
Неха́й же безъ ліности и музи́ки игра́ютъ
и весе́лости молоди́мъ лю́дямъ додава́ютъ.
А найгра́вшися, неха́й тро́ха и спочива́ютъ,
да по по́вной кляни́ци горілки випива́ютъ.

Казалось бы, стихотворецъ, столь довольный, какъ Климентій, скрипачами и цимбальниками, не долженъ вооружаться и противъ *дударей* или волынщиковъ; но у Климентія была къ нимъ какая-то непонятная для насъ антипатія. *О дударя́хъ, що въ ду́ди игра́ютъ*, онъ пи́шетъ такъ:

Мерзе́ная то игра́ дуда́ зостава́етъ,
и шу́ицу всімъ грішнимъ лю́дямъ презнача́етъ (¹);
Надима́ютъ бо ся, я́ко го́рдий дме́тся,
по́куль ревти́ и густи́ зъ бідо́ю начне́тся.
Повідають, же та игра́ нечести́ва,
лечъ, гди не отъ Бо́га, то отню́дъ злочести́ва.
А гди́ начну́тъ дударі ду́ди падима́ти,
въ той часъ шпетне, же гу́би ста́нутъ отдима́ти.
А ижъ не отъ Христия́нъ пра́ве яви́лася на світъ,
не годи́ло бъ ся е́й Христия́номъ иміть.
И не ти́лько дудъ, але́ хочъ би и игръ жа́днихъ,
бо бу́дятъ блу́дную мисль въ человіцехъ жа́днихъ.
Мо́щно бъ и безъ игръ въ сла́ву Бо́га повесели́ть,
а всі душевре́дние и́гри искорени́ть.
Ра́зві вое́ннихъ игръ, що зви́кли въ во́йскахъ держа́ть,
котри́ми въ во́йнахъ на брань и на триу́мфъ глася́тъ.
За войскови́е и́гри гріхъ не положе́нно
въ кни́гахъ, але́ и по сей день не отрече́нно.
Мо́гутъ ихъ войска́ по день послідній трима́ти
и къ звича́йнимъ потре́бамъ о́нихъ ужива́ти.

(¹) Т. е. осужденіе на Страшномъ Судѣ.

И безгрішно есть въ трéнби и въ домíхъ трубúти,
звла́ща въ велúкихъ властéй, и въ котлú бúти,
И зъ óгненнихъ орýжий чáсомъ випаля́ти,
або́ тежъ, простíйше мóвлячи, стріля́ти.
И, на хвалý Христóву, и днесь заживáютъ,
понéважъ въ Велúкъ-день на рáдость стріля́ютъ.
Вспомина́ючи трúумфъ Христовъ, всегдá що-рóку,
и, на умúльность дýшамъ, чúнитъ то знарóку,
И на Богоявлéнскій прáзникъ тáкожъ стріля́ютъ,
очищéние отъ гріхъ мúру извіща́ютъ.
А корчéмние úгри похвалú не гóдни,
бо тúлько своявóльнимъ людéмъ онú вгóдни.
А бáрзій дудá, здáвна подóбно прокля́та,
щобъ отъ благословéннихъ онá била́ отня́та!
Прокля́тому рóду ю тримáть подобáетъ,
котóрий Христá Бóга во віки не знáетъ.
И бодáй загúнула дудá на всі віки,
жебъ большъ не видáли ю вірние человіки!
И научúвшимся людéмъ въ нея́ игрáти
трéба за тóе кріпко отъ сéрдца кая́ти;
А ей до всіхъ дя́бловъ у вóду втопúти,
або́ огнéмъ велúкимъ у гною спалúти....

Точно такъ возстаетъ онъ и противъ танцевъ. Видно, оба эти стихотворенія писаны были въ монастырѣ, послѣ прогулокъ *нúзомъ*, *хмúзомъ*, *попідъ вéрбами*. Сравнивъ танцоровъ съ древнею Иродіадою, онъ продолжаетъ:

И тепéръ тáнцовъ мнóго на світі бивáетъ,
кáждий человікъ прáвду на тóе признáетъ,
Яко-то: на úгрищахъ и на тихъ позóрахъ,
и по корчéмнихъ везді своявóльнихъ двóрахъ;
И на весілля́хъ брáчнихъ тáкже тáнци бивáютъ,
и многовертúмимъ плясáниемъ Бóгу згрішаютъ.
Мóщно бъ брáку закóину обійтú и безъ тóго,
именно безъ плясáния проклятóго....

О сідляра́хъ, або́ тежъ о кульба́чникахъ, що кульба́ки рóбятъ.

Дóбре то вúгадано кульбáки робúти,
жебъ, іздячи хто вéрхи, на такъ ся моглъ збúти.
И чéстние то річи кульбáки, и вáжние,
бо іздятъ осóби високопóвáжние....

О шабельника́хъ не могъ Климентій ничего больше сказать въ цѣломъ стихотвореніи, какъ: что они *премýдрие шаблі изробля́ютъ* и что маляры изображаютъ съ мечемъ святыхъ.

О сагайда́чникахъ, що сагайдакі́ (або́ тежъ по-про́стій мо́вячи) лукі́ ро́бятъ коза́цкие.

И сагайда́чники, що лукі́ изробля́ютъ,
та́кже, зна́ю, козака́мъ потре́бни бива́ютъ,
Бо кгдижъ до стрілъ и луко́въ осо́бно потре́ба,
а тативу́ и самъ мо́жетъ зділать, якъ тре́ба.
А що самі́е, мо́влю, о́пне-то лукі́
учо́ние майстеро́ве ро́бятъ ремесники́,
Бо козаку́ и лукъ — привиле́й, або́ клейно́тъ,
або́ тежъ, вімъ, коза́цка ozdо́ба и приміо́тъ....

О стрільника́хъ, що стріли коза́цкие ро́бятъ и о козака́хъ похва́льное.

И стрільники́ козака́мъ потре́бни бива́ютъ,
поне́важъ до воє́нныхъ справъ стріли зробля́ютъ;
Бо и стріло́ю мо́щно та́кже поразя́ти
и якъ огне́нною стрільбо́ю умертви́ти.
И ди́вная річъ стріли, гди ихъ витяга́ютъ
вго́ру: и ви́соко та́къ нічи́мъ не досяга́ютъ.
Же кото́рий зна́йдется коза́къ здоро́вихъ рукъ,
то таки́й кріпко мо́щно и до́бре тя́гнетъ лукъ,
Же ажъ мо́жетъ на версту́ во́здухъ зачепи́ти
и хму́ри возду́шние стрілою проби́ти.
И то по пра́вді тому́ та́ко би́ти мо́жно,
кгди и било́ на світі то́е-то не ло́жно,
Ижъ ні́гдись стріла́, вго́ру козако́мъ пущє́нна
суха́, а зъ висоти́ въ долъ мо́кра возвраще́нна.
Знать то, же скрозь дожде́вну хму́ру стріла́ пройшла́,
ти́лько що щось о́блаковъ небе́снихъ не дойшла́.
Било́ то на Сівері, въ писца́ сего́ віку,
при люде́хъ мно́гихъ, а не при едно́мъ человіку.
И тогда́ жъ хму́ри ча́стка на зе́млю изпа́ла,
вели́чествомъ, я́ко чоловічая гла́ва,
Въ подо́бні ле́да, и тамъ же и изтая́ла,
и водо́ю світлою на землі зоста́ла.
Пре́то дивова́тися и зась стріламъ тре́ба,
же ма́ло самого не досяга́ютъ не́ба.
А ви, козаки́, лукъ, здоро́ви, потяга́йте
и зъ о́гненнихъ ору́жий сміле випаля́йте....

О солітраника́хъ.

И солітраницство — якъ реме́ство подо́бно,
же солітри на по́рохъ вставі́чно надо́бно.

— —

А въ солітру вели́кий коштъ уклада́ютъ,
гди господарі собі майда́нъ заклада́ютъ;

И вели́къ кріпко заво́дъ тре́ба на той розхо́дъ,
по́куль у́зрятъ солітру и изъ нея́ прихо́дъ....

О пороховника́хъ.

Та́кожъ лю́дямъ потре́бни и пороховники́,
я́ко тежъ и и́ные всю́да ремесники́.
Прохъ бо потре́бенъ, гди звіре́й, птицъ стріля́ютъ,
и въ день Богоявле́нський, гди во́ду освяща́ютъ.

— —

И пороховнику́ дай, Бо́же, міть пожи́токъ,
и, за пра́цу его́, въ домъ вели́кий прибі́токъ....

О роговника́хъ, що ро́ги козака́мъ ро́бятъ носи́ти при боку́, для держа́ння порохово́ю.

И козака́мъ потре́ба та́кже ма́йстеръ ро́зний, —
розглядівшися, троха́ не реме́сникъ ко́ждий,
А особливійше тежъ той-то и роговни́къ,
я́ко и и́ный ма́йстеръ, або́ зась реме́сникъ;
Бо козака́мъ тре́ба вся́кого приви́лля,
ти́лько не ба́рзо тре́ба ше́вского копи́лля,
А рого́въ на порохи́ за́вше потребу́ютъ,
и въ нихъ, идучи́ въ во́йско, порохи́ готу́ютъ.
И до́брий въ козако́въ чинъ — зъ рога́ми ходи́ти
въ во́йску, бо въ рога́хъ по́рохъ не мо́жетъ змочи́ти,
Не замо́кнетъ натра́вка и впять ладови́ца,
а безъ о́йстра пистоле́тъ змо́кнетъ и ручни́ца.
И роговни́къ же неха́й козака́мъ ся прислугу́етъ,
и отъ нихъ похвали́ и ла́ски заслугу́етъ.

О иконопи́сцахъ, си́річъ о маляра́хъ и о че́стномъ рукоділлі о́нихъ, и о богома́захъ.

Ро́зние му́дрості самъ Богъ на світъ далъ
пе́рвого віку, когда́ сей світъ и миръ созда́лъ;
Вся́кихъ бо рукоділий презъ Духъ Святъ научи́лъ,
и маля́рскую му́дрость тогда́ жъ людемъ откри́лъ,
Жебъ на чемъ-ко́львекъ его́ тварь изобража́ли,
та́кожде и всіхъ святи́хъ тва́ри маліова́ли.
И еще́ ико́нъ творци́ знайду́ютъ штихарі,
и други́е че́стние жъ люде золотарі.
И котри́й маля́ръ чи́сто вікъ свой провожда́етъ,
то чудо́вна отъ него́ ико́на бива́етъ;
А богома́зкие чудъ образки́ не ма́ютъ,
бо ти́лько Бо́гу свои́мъ ремесло́мъ наруга́ютъ,
Кгди жа́дной на ико́нахъ іхъ нема́шъ озо́би
и маля́рской тежъ яко́й-ко́львекъ подо́би;
Але́ отнюдъ вклепа́лись въ то́е рукоділля,
и вели́кое тежъ зъ нихъ на світі безділля,

И и́мя имъ *богома́зи*, же маля́рства не дойшли́,
же безпу́тное діло сами́ собі знайшли́.
И не хо́чутъ учи́тись цілого маля́рства,
жебъ свои́ нікче́мние поки́дали махля́рства.
И до сихъ богома́зства часъ не скореня́ютъ,
бо мно́гие глупаки́ въ науку става́ютъ,
И, научи́вшися, начну́тъ по се́лахъ носи́ти,
та́кже и по міста́хъ по дво́рахъ пси дражни́ти....

О друкаря́хъ, що кни́ги друку́ютъ.

Пишу́ вірши друкаря́мъ, реме́сникамъ сла́внимъ,
кото́рие друку́ютъ кни́ги правосла́внимъ
Лю́демъ; бо всімъ діло ихъ свя́то есть и че́стно,
а ба́рзій тимъ, котри́е жи́ютъ благоче́стно.
Друку́ютъ же вся́кие церко́вние обря́дки
и всі христия́нские ро́зние поря́дки.
— —
Чи́рство же ся знайду́етъ о́нихъ то ремесло́,
але́ ускру́тно оно́ ве́льми и тяжестно́,
А особли́ве нога́мъ, о́чамъ неспоко́йно,
и не обріта́ется въ робо́ті поко́йно;
Поне́важъ бо, якъ начну́тъ потяга́ти пра́си,
ажъ на глава́хъ іхъ вскорі мо́кри ста́нутъ вла́си;
Зача́вши бо, му́сятъ ся до по́ту тружда́ти,
ажъ ра́зві въ нощи́ мо́гутъ изма́ло поспа́ти;
И въ вели́кій робо́ті пра́здникъ оставля́ютъ,
а тимъ ча́сомъ спо́соби опя́ть приготовля́ютъ.
И научи́лъ такъ Бо́гъ іхъ ри́хло друкова́ти, —
що за день, то не мо́щно за рокъ преписа́ти....

О интроліга́торахъ.

Интроліга́торъ кни́ги но́ви устрая́етъ,
а ча́сомъ и стари́хъ якъ лу́читъ оправля́етъ,
И рабо́таетъ въ церкви́ діло пале́жное
и въ доми́ письме́ннихъ принале́жное.
— —

О папірникахъ, що папе́ри у папірняхъ ро́бятъ.

— —
На вся́киі бо річи папіровъ требу́ютъ,
на кото́рихъ ро́зние річи запису́ютъ,
Якъ-то: прода́жамъ, ку́плямъ па́мять поклада́ютъ
и на го́нори пра́ва кріпкие стверж́аютъ,
И книги тежъ ро́зние пишутъ и друку́ютъ,
котри́і мно́ги літа у спря́тахъ віку́ютъ,
И ико́нъ на папе́рахъ мно́го витиска́ютъ,
и въ церква́хъ и тежъ въ дома́хъ къ стінамъ приліпля́ютъ.

О виногра́ди и о виногра́дних.

Если въ літі труди́ есть въ чемъ такъ безпреста́нно,
якъ коло виногра́ду отнóдъ непреста́нно,
И пра́вда, же бе́зпречъ ся въ немъ трудъ полага́етъ,
гди работа́ющий въ немъ, нітъ, не спочива́етъ.
— —
И тимъ вино́ до́рого, бо, німъ до рукъ при́йдетъ,
а кóшту въ де́сятеро за літо розийдетъ.
— —
Ти́лько то охóчні его́ роспложа́ютъ,
а не вели́кий зъ него́, вімъ, пожи́токъ ма́ютъ....

О ви́нникахъ, или́ о випоку́рахъ, або́ тежъ о горільчаникахъ, що горілки́ рóбятъ у ви́нницахъ. (По-Венде́рскій ся называ́етъ ви́нница — виногра́дний огоро́дъ, або́ тежъ лева́да, а по-Ру́скій будинокъ той ви́нницею ся зове́тъ, въ котрóмъ ку́рятъ горілку.)

И ви́нники на світі достóйни пова́ги;
а не тре́ба, крий Бóже, дава́ть імъ знева́ги;
Потре́бний бо они, вімъ, тру́нокъ виробля́ютъ,
котрóго и мона́рхи си́льнце вжива́ютъ;
А хочъ ча́сомъ и на зло той тру́нокъ привожда́етъ,
е́днакъ въ томъ ви́нникъ вини́ жа́дної не ма́етъ;
Бо гдижъ вино́ невинно, ви́пенъ злий оби́чай,
же презъ міру хто пи́етъ, а не такъ, якъ зви́чай....

О муровщика́хъ, що церкви́ мурýютъ, или́ пола́ци мурóванние, або́ тежъ форте́ци, за́мки и проч., а по-Московскій о каменщикахъ.

И те́слі церкви́ рóбятъ, ти́лько не такъ сла́вно
діло ихъ древя́ное и не такъ трива́лно.
А му́ри вічностю ся зда́вна называ́ютъ,
котри́хъ мнóго и подпе́сь везді зостава́ютъ,
Ве́длугъ прислóвъя: »Хто пра́ве що мурýе,
то той ти́лько буди́нки кріпкие буду́е;
А хто-кóльвекъ древя́ни виставу́етъ клѣцѣ,
тóе ла́тво дó гу́ри вшендзѣ óгнѣмъ лѣцѣ«...

О пивова́рахъ.

И брова́рниковъ, або́ пивова́ровъ, тре́ба.
— —
И хочъ то мóвятъ: »Не той пи́во пьетъ, хто ва́ритъ«,
е́днакъ и онъ напъе́тся, гди надъ тимъ часъ тра́витъ.
Не перепъе́тъ пивова́ръ господа́рска пи́ва,
и не жа́денъ господа́ръ пóзритъ за то скри́ва.
— —

Бо не ти́лько що пи́ва му́сімъ скоштова́ти,
а́ле и медъ ситячи́, та́кже спробова́ти....

О солодо́вникахъ.

И солодо́вника людъ мно́гий потребу́етъ,
котри́й со́лодъ на пи́во изъ збо́жа готу́етъ.
— —
И хоча́й тежъ и то есть вели́кое ди́во,
же бо́льша часть въ горі́лку иде́тъ збо́жа и въ пи́во,
Зъ то́го пивова́ровъ и ви́нниковъ вимовля́емъ
и на-ві́ки отъ вини́ бнихъ визволя́емъ.
Нѣтъ іхъ винъ въ борошенныхъ затра́тахъ,
або́ зась мо́влю — въ хлі́бнихъ на сві́ті утра́тахъ.
— —
И гдибъ на дві тихъ річи зтратъ хлі́бнихъ не било́,
ні по́ чомъ би бо́рошно и збо́жа вся́ко било́;
И нігде би бо́рошенъ лю́дямъ и діва́ти,
и ни́щетние такъ не могли́ бъ погиба́ти;
И дровъ би во всіхъ кра́яхъ пребива́ло мно́го,
ато́ кріпко оску́дно и́нді дровъ для то́го.
Уже́ жъ не що́ міетъ всякъ тимъ річа́мъ чини́ти,
не мо́жетъ ніхто́ по-вікъ того́ скорени́ти,
Жеби́ пи́вовъ и медо́въ не било́ варе́нно,
и́жби и го́рілки́ зъ світа скорене́нно....

О котляра́хъ.

— —
Ро́бятъ бо казани́, тру́би, корці и лійки,
притру́бники, ле́нбики, мі́дні и ква́рти, и кондійки,
А попро́сту мо́вячи: що вхо́тятъ, то вро́бятъ....

О гонтаря́хъ що кіо́нті ро́бятъ.

— —
виробля́ютъ бо го́нту — церкви́ побива́ти.
И на поби́ття домо́въ пано́въ тежъ вельможнихъ
и до про́стихъ буди́нковъ люде́й промо́жнихъ....

О цеге́льникахъ.

— —
Іхъ рукоділие иногда́ заробо́тно,
хочъ то, пра́вда, по́тяжко и по ча́сті клопо́тно.
Една́къ же мо́жетъ зъ свою́ потре́бу зароби́ти,
а заробивши гро́шей, да хочъ и ожени́ти.
А иму́щие же́ни, ти́е горшъ пропива́ютъ,
а жо́ни таки́хъ въ дома́хъ хлі́ба зъ дітьми не ма́ютъ.
Пра́вда, же и цеге́льникъ и́ний есть осторо́жний,
смире́нний, ти́хий, лю́дзский и до Бо́га побо́жний....

О ва́пенникахъ, що ва́пна па́лять съ кре́йди, а ча́сомъ и зъ камі́ння.

Еще́ едного́ ви́дравъ ремесника́,
що ва́пно ро́бить, того́ вапенника́.
— —
Ва́пно бо тре́ба на церко́вное мурова́ння
и пото́мъ зась на потинкова́ння....

О садовни́чихъ, що сади́ са́дятъ и ще́пятъ, для розво́довъ о́вощнихъ древъ.

Хто хо́четъ собі но́вий садъ распложа́ть,
той садовничи́хъ му́сітъ потребова́ть,
Жебъ о́вощние древа́ въ зе́млю сажа́лъ
и отъ тихъ же древъ до и́нихъ прищепля́лъ,
И жеби́ дре́во ко́ждое отребля́лъ
и въ весняни́й часъ гноя́ми осипа́лъ,
А въ лі́ті жебъ мілъ траву́ пудкоша́ти,
жебъ чи́сто било́ о́вощи збира́ти....

О гончаря́хъ сло́во віршово́е похва́льное.

Пе́рвий на сві́ті гонча́ръ реме́сникъ тружда́тель —
самъ Госпо́дь Богъ, Ада́ма и Евви созда́тель,
Кото́рий далъ люде́мъ всі хи́трості уміти
и вся́ку прему́дрость хотя́щимъ разуміти.
Пре́то мо́щно гонча́рство святи́мъ ді́ломъ назва́ть,
поне́важъ Богъ Ада́ма зво́лилъ зъ гли́ни созда́ть.
И гончаря́мъ чловіка мо́щно бъ зъ гли́ни зроби́ть,
ти́лько не возмо́жно зроби́вши, душі вліпи́ть.
Еднакъ сосу́ди ро́бятъ напи́тки випива́ть
и вся́кие тежъ горшки́, що істи готова́ть,
Та́кже кафле́вие пе́чи виставу́ютъ
и ро́зние на ка́фляхъ оздо́би мудру́ютъ,
А ба́рзій, що поко́щуваними назива́ютъ,
где фа́рбами вся́коя краси́ додава́ютъ,
Именно же — мно́гое шми́льцами кладу́тъ цвіти
и ве́льми прему́дрие полага́ютъ квіти,
Ажъ би бе́спречъ хотілъ на ту́ю диви́тися
пічъ и грітись; до тако́й ми́ло притули́тися....

О ткача́хъ и о же́нахъ ихъ и о и́нихъ же́нахъ, тка́ти имъ даю́щихъ.

Межъ и́нихъ реме́сниковъ и ткачъ уміша́вся
и такъ же, якъ и́ние, реме́сникомъ назва́вся.
Могла́ бъ Россія на́ша и безъ нихъ прожи́ти:
ино́е въ Ту́рскихъ стра́нахъ мате́рні роби́ти.

А въ насъ и жо́ни то́е ремесло́ отправу́ютъ,
и большъ такови́хъ женъ есть, що іхъ и не требу́ютъ;
Бо, якъ зхотя́тъ, за́разъ мо́гутъ ся научи́ти
и не бу́детъ осно́ви южъ до ткаче́й носи́ти.
А въ Литві вся́кие жо́ни ткачо́въ и не зна́ютъ, —
ра́зві коза́цкие и́ние потво́рство ма́ютъ,
Же то и́ная бу́детъ не пря́ха и не тка́ха,
а въ таково́й мо́жетъ би́ти ткаче́ві взна́ха.
А що жъ бу́дутъ ткачі въ тако́і собі бра́ти,
гди не бу́детъ осно́ви и поткання́ дава́ти?
И тка́цкие тежъ жо́ни не всі хотя́тъ пря́сти,
аби́ бъ гото́вие ни́тки могли́ въ бе́рда кла́сти,
И ча́сомъ отъ робо́ти втку не ма́ло зоста́нетъ,
а до то́го и пря́жи еще́ въ ко́го доста́нетъ,
Ажъ полотно́ зъ тихъ річий мо́жетъ изпоряди́ти,
да кошу́ль и и́нихъ справъ мно́го мо́щно пожи́ти.
И письме́нний людъ ткачі — всякъ неха́й разуміетъ —
же стари́й и молоди́й *Отче нашъ* въ нихъ уміетъ;
А и́ний реме́сникъ и моли́тви не зна́етъ,
и неха́й же не га́ньбитъ ткачо́въ — тое собі зна́етъ....

О бе́рдникахъ.

Бе́рдникъ не зна́емъ, кому́ онъ билъ би потре́бенъ,
ра́зві ти́лько тимъ ткача́мъ и жонка́мъ потре́бенъ,
Бо не мо́жетъ ткачъ и тежъ жо́нка безъ бердъ тка́ти,
е́дно му́сятъ бе́рдника собі потребова́ти.
Зачи́мъ-то и бе́рдниковъ не тре́ба зневажа́ть, —
неха́й зробля́ютъ бе́рда, жеби би́ло чимъ ткать!

О кравца́хъ.

Ка́ждий реме́сникъ свою́ на́чинь не мо́жетъ забра́ть,
а краве́цъ и зъ начи́ннямъ всімъ мо́жетъ повандрова́ть.
Всякъ реме́сникъ кромъ во́зомъ бу́детъ на́чинь вози́ти,
а краве́цъ мо́жетъ все свое́ за на́дру вложи́ти,
А ло́ктемъ (¹) иду́чи мо́жетъ ся пудпира́ти
и въ доро́гу, где ему́ потре́ба, поспіша́ти.
А начи́ннє кравце́во менови́те тако́е:
прасъ (²), но́жици, напе́рстокъ, иго́лка, а не ино́е....

О шевца́хъ и о че́стномъ ихъ реместлі.

Пова́жное ремесло́ и ше́вство зостава́етъ,
гди́ жъ че́стное бра́тство и кти́торство зъ нихъ бива́етъ.
И *шевці-святці*, такъ ся то они́ назива́ютъ,
и зъ свое́го титу́лу ажъ сами́ ся втіша́ютъ.
— —

(¹) Родъ аршина, въ три четверти. — (²) Утюгъ.

И щи́рие они есть щевці лю́де на сві́ті,
и жо́ни іхъ до́брие, и іхъ ше́вские діти,
Бо ніgди они́ жа́днихъ шалвірствъ не зажива́ютъ,
але́ и у́чневъ своіхъ лю́дзскости научáютъ,
И особли́ве ро́зной тежъ свое́й політи́ки
и зъ кни́ги зра́зниці ше́вской че́стной граммати́ки.
И копи́лля зъ прави́ллямъ, и вся верста́ть іхъ сла́вна:
зна́ю о томъ до́бре, и лю́де мо́вятъ зда́вна.
А якъ ся́детъ роби́ти на своей варста́ті,
почне́тъ свое́ вся́кое начи́ннє роскладáти,
Яко-то: копи́ла, прави́ла, дратни́ці, стрени́ці,
лойники́, цвя́шки, смольники́, на́ручки и кравни́ці,
Такъ тежъ: сти́рачі, молотки́, винштаки́, то́пки и клеса́чки,
обцалики́, смо́лу, воскъ, ви́хти, кле́йстра, писа́чки,
Затира́чки, клинці, гни́пи, дра́тви, цикна́сарі и щети́ни,
ши́ла, черни́ла, ножі, скобельки́, струги́, ско́ски, бе́лехи и смольши́ни,
Ве́тошъ, ни́тки, за́веті, коби́лиці, хло́пци, ху́тра и стрихольці,
ре́мінь, во́ду до шпова́ння, лу́бъя, дёготь и натяга́чі, и конці.
А якъ по́йдетъ до шкуръ, дубъ товче́тъ, шку́ри пересипа́етъ,
а и́ние шку́ри у зо́лу ху́ру заклада́етъ,
И и́ние тежъ на коби́лиці шерсть оббира́етъ,
а пото́мъ, надівши шу́ствалъ и хва́ртухъ, бе́лехомъ мездру́ пудробля́етъ,
И, пофаgова́вши, въ Бо́жий часъ уклада́етъ въ квасъ,
и чека́етъ, по́куль бу́детъ пересипа́ть впять часъ,
И на крі́слі по ца́рский (¹) сіди́тъ, якъ на маеста́ті,
и про́ситъ Бо́га, жеби́ на рабо́ту ра́но уста́ти.
А уста́вши усу́нетъ лучни́къ, и желізо причепля́етъ,
и лучи́ну зъ пенько́въ смо́льнихъ зъ огне́мъ роскладáетъ,
А розложи́вши огню́, за́разъ перешива́етъ,
по́ти, по́куль ажъ ся ему́ подоба́етъ.
Якъ перешива́ючи вто́мится, то шку́ри стриху́етъ
и на роспуска́ння на чо́боти, ко́лько зъ котро́й паръ ви́йдетъ, готу́етъ.
А пото́мъ, поки́нувши все, по́йдетъ біти збира́ть
бо потре́ба козли́ни изъ бітою вичиня́ть,
И по́йдетъ до гарбо́вки у чо́вні хита́ти,
козли́ни и бара́ници хочъ и га́бельки окраша́ти.
А нахита́вшися еще́ и істи захо́четъ,
и дастъ ему́ шевчи́ха, чого́ исхо́четъ.
А якъ при́детъ ему́ часъ и простъ ре́мінь виправля́ть,
ста́нетъ кріпко працова́ть и, якъ повісмо, той мять.
И іздитъ у лугъ ду́бу и по́пелу готова́ти,
и му́сітъ бідний до́бре на́ зиму працова́ти,

(¹) Это слово зачеркнуто другими чернилами, и вмѣсто него написано сверху: *по-власте́льский.*

А особній мусітъ по материнку и по листокъ ходити,
же ажъ и въ свято мало можетъ когда зпочити.
И сівши на роботі, то до полночи не будетъ спати,
а часомъ до самого світа будетъ перешивати,
Або иногда роботу буде старую якую кріпити,
или тежъ пиую хорошую новую робити.
А якъ схочетъ шевчиху побить, ни що, чимъ бить, не шукаетъ:
если чоботъ клесуетъ, тоею жъ клесачкою поторкаетъ.
И не дай, Боже, на світі жонкамъ горшой муки,
якъ попасти якому часомъ шевцу у руки,
Бо шиломъ уколетъ и дратвою звяжетъ,
нездорова зъ нимъ (хочъ не захочетъ) спати не ляжетъ(¹)....

О кожемякахъ, що ткури вичиняютъ.

Кожемяці потреба зъ шевцемъ за брата жить,
а хочъ би и голову вкупі зъ нимъ положить;
Кожемяка бо шкури шевцу вичиняетъ,
а швецъ на чоботи іхъ людямъ пороблетъ.
И шевці иние уміютъ шкури чинити,
а кожемяки чоботъ не вміютъ шити.
И не вімъ, кому бъ шкури чинити належно;
подобно бъ, самимъ шевцамъ слушне приналежно.
Або тежъ кожемякамъ и чоботи шити,
да и шкури за еднимъ би цехомъ чинити.
А то ремесло едно надвое порвали:
неслушний ніякийсь люде чинъ подали....

О бондаряхъ.

— —

Кгдибъ не они, ні въ чемъ би напитковъ хранити,
ні въ чемъ било бъ жонкамъ и води носити.
А що обрізки шевці и кравці покидаютъ,
а бондари обрізковъ своіхъ не викидаютъ;
Якъ-то: тріски, котрими можемъ въ печі палити,
также зась особливе и істи наварити.
И не будетъ дрімати, же то стуки-гряки,
а къ тому напаче, якъ потягне табаки.
И не кохается въ сну, же робитъ въ ночі
або трость, альбо круги, или стружетъ обручі....

(¹) Послѣдніе четыре стиха передѣланы изъ народной сатирической пѣсни, которая поется такъ:

Ой не дай, Боже, гіршої муки,
Якъ попадесся шевцеві въ руки:
Шиломъ уколе, дратвою звяже,
Постеле шкуру, та й спати ляже,

О тесляхъ, або тежъ о плотникахъ по-Московский, а о деилидахъ по-Литовский.

— —

И честное также іхъ и чирствое ремесло,
але и працовито оно, бо тяжестно;
Бо якъ стануть будинокъ якій будовати,
треба кождому противъ себе пудиймати,
И туда и сюда дерево обертати,
и еще шлягою и тибель забивати....

О звонникахъ и о комисаряхъ.

— —

Также и гарматние штуки отливаютъ,
которими въ приступахъ стіни добуваютъ.

— —

Также не безпотребни, вімъ, и комисарі,
що робятъ до церквей сосуди и лихтарі,
И келюхи, и звізди, и всякие крестй,
въ котрихъ часомъ случаетъ попомъ и тайни нестй;
И робятъ дискоси, ложици и мирници,
а для соблюдания агницовъ и гробници;
Также и янполки до церквей виливаютъ,
що на всенощнихъ вино и елей ставляютъ;
И робятъ фляши, кубки, пулмиски и збанй,
тарілкй, кварти, чаши, чаркй и роструханй....

О коваляхъ.

— —

И найчастій коваля кождий требовать будетъ,
а якъ-кольвекъ безъ иннихъ ремесниковъ пробудетъ (¹)...

О сніцаряхъ и о слюсаряхъ.

— —

Сніцарі бо церковний дейсусъ отрізаютъ,
а слюсарі розние тежъ штуки работаютъ.

— —

Розние бо мудрості слюсаръ показуетъ,
и сніцаръ безъ числа штукъ давнихъ виставуетъ;
Прето слушне бъ імъ двомъ братами ся називати,
же то премудростей навикли заживати....

(¹) Читатель видитъ, что Климентій иногда наполняетъ свои стихотворенія пустословіемъ, въ которомъ нѣтъ ни одной характеристической черты описываемаго имъ ремесла.

О мѐльникахъ абó тежъ о мірóчникахъ.

И мірóчництва чéстни ремеслá бивáютъ,
котрúмъ и безъ жнивъ онú хлíбъ заробляютъ.
— —
Товкýтъ бо и мéлютъ все и изъ рукъ здавáютъ,
всякимъ людимъ ремеслóмъ своїмъ угождáютъ.

О самúхъ господарѧхъ, владýщихъ млинáми и держáщихъ ихъ, и о млинáхъ.

Хочъ то млинъ корчмóю ся въ людéй називáетъ,
еднáкъ же онъ нi въ чемъ ся корчмi не равняетъ:
Млинъ — чéстна храмина; не жúетъ въ немъ свавóльность,
лечъ вихóдитъ зъ негó людéмъ хлíба довóльность.
А хочъ изъ корчмú пáну бивáетъ пожúтокъ
и господарéві корчéмному ужúтокъ,
А млинъ не еднóму пáну догажáетъ,
гди на всю околúчность хлíба настатчáетъ.
Тúлько жъ и млинъ — якъ комý въ щáстю поведéтся,
то той тúлько зъ негó хлíба не отгребéтся.
И хто и плýгомъ пáшетъ, мѐльнику ся равняетъ,
и кóшту своегó, якъ мѐльникъ, не страчáетъ.
А мѐльнику мнóго прибóровъ въ млинъ потрéба,
залéдво якóй рéчи чегó не потрéба:
А трéба камíння, желíза безпрестáнно,
стáлi, дерéвнi, лóю, — мóвлю то нелгáнно,
А особлúве чáсомъ людéй — грéблю гатúть
и бондарéй — сосýди въ млинъ на розміри робúть.
А особній — трéбуетъ úний и мірного,
гди знáйдетъ человíка дóброго и вірного.
Зачúмъ здалó бъ ся шкýрка за чиньбý не стáне,
éднакъ хто що звикъ держáть, то не перестáне....

О каменносічцахъ, що зъ горъ камянúхъ вибиваютъ, абó тежъ виробляютъ млинóвие до млинóвъ на молóття камíння и крестú надгрóбние, и деки и слупи до мýровъ и до фортéцъ кáменнихъ.

— —
А кáмень потребнíйший въ млинъ, — такъ трéба судúть;
бо безъ кáменя хлíба не мóщно сотворúть....

О шаповáлахъ и о коновáлахъ.

— —
Коновáлъ éдно тúлько дiло изправляетъ,
же то кóнямъ и шкáпамъ опрáву давáетъ;
А шаповáлъ всякие всiмъ вигóди твóритъ,
кгдижъ рóзние потрéби людéмъ зáвше рóбитъ,

Якъ-то: мужика́мъ плете́тъ рукави́ци,
и ля́мци вива́люетъ, що но́сятъ молоди́ци,
И еще́ и опанчу́ мо́жетъ изроби́ти,
и ке́цу (хочъ) найбо́льшую му́дро устрои́ти;
А е́сли ча́сомъ зхо́четъ и зпочи́ти тро́хи,
то тогда́ безпреста́нно все вя́жетъ панчо́хи.
А впять якъ почне́тъ во́вну перебива́ти,
то знать-то уже́ хо́четъ зъ лу́комъ мандрова́ти;
Бо зъ да́внихъ ча́совъ, якъ где шапова́лъ мандрова́лъ,
не едну́ на доро́зі и ду́шу изляка́лъ,
Же зда́леку вла́сне Тата́ре маня́чатъ,
а шапова́лъ но́сится зъ лу́комъ, якъ за дру́комъ, — збли́зу вба́чатъ.
А прише́дъ до люде́й, ста́нетъ робо́ти пита́ть,
жебъ где-ко́львекъ мілъ собі на робо́ту стать.
Якъ зна́йдетъ до́брую робо́ту въ до́бромъ мі́сті,
ажъ за́разъ заро́битъ золоти́хъ сто або́ двісті....

О ратая́хъ, або́ тежъ о па́шущихъ хлі́бъ люде́хъ.

Надъ всі реме́сла́ потребнійшое подо́бно
па́харство, же то́е всему́ світу виго́дно,
Бо хочъ би хто срібро́ и зо́лото моглъ роби́ти,
а не міючи хлі́ба, зло́та не вкуси́ти....

О риба́лкахъ и о резникахъ.

Риба́лки зъ резника́ми проти́вности ма́ютъ:
якъ постъ да мясни́ци, такъ они́ пробува́ютъ.
Риба́лка для по́стнихъ дній ри́би уловля́етъ,
а для мясни́хъ дней резни́къ о мя́со стара́етъ.
— —
И годи́ло бъ ся лу́чшей риба́локъ поважа́ть,
и па́че отъ резнико́въ о́нихъ всіхъ шанова́ть,
Кгди жъ и самъ Богъ зъ риба́локъ Апо́столи вчини́въ
и моли́твенниками за всіхъ насъ почини́въ.
— —
И риба́локъ и въ мясни́й часъ бо́льшъ потребу́ютъ,
гди жъ найбо́льшие часи́ по́стние знайду́ютъ.
Ри́бу и въ пости́ мно́гий наро́дъ зажива́етъ,
о въ постъ христия́нский лю́дъ мя́са не вжива́етъ.
Четве́ртая жъ часть на всемъ року́ дней скоро́мнихъ,
а три ча́сти знайду́ютъ та́кже нескоро́мнихъ....

О гутника́хъ и о скляра́хъ.

Досто́йни и гутники́ вели́кой похва́ли,
гди сосу́ди че́стние ро́бятъ и кришта́ли,
Та́кже для млади́хъ люде́й слични́е зерца́ли,
а соста́рівшимся южъ люде́мъ окуля́ри,

А сосуди всякие скляние и збани,
зъ котрихъ випиваютъ и великие пани.
И видно напитокъ скрозь, якъ чего, чи много,
или тежъ чего-кольвекъ часомъ чи немного.
А во инихъ не видять, якъ-то въ черепяхъ,
такъ тежъ особъ не видно и у деревяхъ,
И не видно въ цінових, желізних и въ мідних,
и не досмотрітися особній и въ срібних,
И мосяжъ прозріти скрозь, и злота не можно,
тілько презъ скляние все видіти возможно.

— —

Уже жъ гутникамъ списахъ велику похвалу,
и оболонникамъ хочъ малу створихъ хвалу,
Світовидние убо ділаютъ залони,
якъ меновите всякі оболони.
Иние простие ділаютъ древяние,
а иние мудрие и оловяние....

О ситникахъ и о решетникахъ.

Мерзено здавало бъ ся то ремесло и бридко:
зъ конскихъ огоновъ сита робятъ, — вспомніть гидко.

— —

Решета да пудситки зъ ликъ бивають исткани,
а у Волохъ решета въ ременяхъ пробийни....

О копающихъ колодязі глубокие, а по-лядзкій студні или по-славенскій студенці.

— —

И есть смілихъ, же бъ до дна адска прокопали,
аще бъ жрода водние імъ не прешкажали.
Могли бъ живи въ тіліхъ пекла досмотріти,
и, узрівши тамъ зле, спадній каялись би на світі.
А особно и тое еще уважаю,
же могли бъ и самого доходити раю,
Если бъ не за сробкими, повідаетъ, горами
и за пущами зъ гади, и за морскими водами.

— —

И признаютъ, гдибъ праве хто до раю и дойшолъ,
то разві ся бъ насмотрилъ звні, а внутръ би не ввойшолъ,
Гдижъ около оружиемъ пламеннимъ обвароване
и пламенемъ огненнимъ вкругъ оцірклевано....

О олійникахъ.

— —

И зъ працовитостю робота імъ приходитъ,
покуль готовий олій изъ гнізда виходитъ;
Першей бо сімя въ сгупахъ толкутъ и просіваютъ,
потомъ въ теплой воді місятъ и зхвалеваютъ,

Тожъ на сковра́дахъ сма́жатъ и въ гніздо вклада́ютъ,
а по́слі тарана́ми кли́ння забива́ютъ,
И зачи́мъ ви́тиснется яка́я маку́ха,
а імъ отъ тарано́въ ажъ запира́ются ду́ха,
И поку́ль фу́ри ви́йдутъ, кріпко наклопотя́тся,
по́куль тежъ зовсімъ-провсімъ до́бре увольня́тся....

О воскобо́йникахъ.

А воскобо́йникъ ва́ритъ воскъ и заклада́етъ
въ гніздо́, и коло́дами кли́ннє забива́етъ.
Изъ гнізда́ въ суди́ну на сподъ воскъ истіка́етъ,
и на захоло́ду тежъ въ сосу́ди влива́етъ....

О кала́чникахъ.

Мно́го есть ве́льми вся́кихъ ви́мисловъ на світі:
кала́чники не реме́сники, а зми́слили цехъ міти.
Ремесла́ іхъ мо́щно ся навчи́ть за годи́ну,
не стари́хъ ти́лько, але́ навчи́въ би дити́ну.
И сами́ реме́слъ своіхъ рідко работа́ютъ,
але́ все своіхъ бабъ роби́ти заставля́ютъ,
Якъ-то: муку́ сіяти, и міси́ти тісто,
и пекти́, и ви́брать, и продава́ть нести́ въ місто.
— —
Кгди жъ ремесло́ іхъ жа́дной тру́дности не ма́етъ:
попле́тши сюда́-туда́ тісто, въ пічъ сажа́етъ,
Пре́то и сами́ да́рмо въ цехъ той уплели́ся,
вла́сне якъ старе́цькиі цехи́ повели́ся.
Една́къ въ старцо́въ нау́ка есть — язика́ ся вчи́ти
и якъ би ми́лостини, або́ хліба проси́ти.
Ти́лько жъ не тре́ба ба́рзо и тихъ цехо́въ зневажа́ть,
е́жели бу́дутъ до церкве́й свічи поставля́ть,
Або́ къ пра́здникамъ котри́мъ кану́ни справля́ти
и на церкви́ зъ дохо́довъ тихъ ся уклада́ти....

О токаря́хъ.

— —
— — ....ложки́ виточа́ютъ,
котри́ми и пано́ве ча́сомъ ужива́ютъ;
Такъ тежъ оздо́бние то́чатъ и тарілки,
зъ кото́рихъ ядя́тъ и пъютъ, звари́вши горілки;
А осо́бно зробля́ютъ вели́киі ящі,
що зпря́туютъ въ доро́гу пече́ние лящі;
И въ церкви́ то́чатъ слупи́, а малю́ютъ малярі,
и то́чатъ до церкве́й баля́си и лихтарі;
И то́чатъ на же́ртовникъ хоро́шие ку́бки,
що свяще́нникъ хова́етъ, потре́блши дари́, гу́бки;
И до убо́гихъ церкве́й на престо́лъ гробни́ци,
и до монасти́рскихъ тра́пезъ то́чатъ сольни́ци;

И ти́е вито́чуютъ те́ртки, що пе́рецъ трутъ,
и ти́е макого́ни, що куха́рки макъ мнутъ;
И ти́е брязка́льца, що діте́й забавля́ютъ,
и верете́на, що жонки́ ни́тки випряда́ютъ;
И по́соховъ власте́льскихъ мно́го виточа́ютъ,
и ти́е кача́лки, що жонки́ ху́сти кача́ютъ;
И овча́рские то́чатъ зъ де́рева сопілки,
и коза́цкие, що зъ лукóвъ, витяга́ютъ стрілки....

О пастуха́хъ, ско́ти и би́дла (и свинія) пасу́щихъ, па́че же о овчаря́хъ.

— —

Але́ еще на снідь себі о́вци пудрада́етъ,
а господаря́мъ рече́тъ, я́ко волкъ зъяда́етъ;
А особли́ве мле́ко изъ ове́цъ здоя́етъ
и господаря́мъ о́вчимъ па́кості створя́етъ.
А и́нихъ ове́цъ жезло́мъ нещадно ударя́етъ,
же ажъ умерщвля́тися о́нимъ втожъ сотворя́етъ,
И мно́ги твори́тъ фи́glі и незичли́вості....

— —

а той и вигоня́етъ зъ гнівомъ изъ огра́ди
И заблужде́нной овци́ не тща́тельно и́щетъ,
и зъ нерадіні́емъ и́щущи, въ сопілку сви́щетъ....

О кушнера́хъ.

Ко́жи бо о́вчие онъ въ квасу́ вироблятъ,

— —

и на зи́мние ча́си кожу́хи зробля́етъ,
И тре́бующимъ люде́мъ въ гра́діхъ продава́етъ,
а котри́е прино́сятъ стари́хъ, поправляетъ....

Стихотвореніе: *О гребенника́хъ, що гребенці зъ рога́въ (скотскихъ, або́ тежъ бидля́чихъ) робятъ до чеса́ння голо́въ*, состоитъ изъ самаго безцвѣтнаго пустословія.

— —

О соляника́хъ, торяника́хъ, бурла́кахъ, що солі господа́рские ва́рятъ.

Торяники́ вели́ку пра́цу подийма́ютъ,
па́че коломийцовъ, що гуски́ вироблятъ.
Со́тце бо відеръ вки́нетъ на бо́чку со́ли води́,
и, дро́ва въ пічъ верга́я, натерпи́тся біди́.
А безпреста́нно тре́ба и не досипляти
и, жебъ не прогоріла (ско́ро) сковрада́, пильнова́ти.
Пото́мъ въ садовни́цу соль зъ сковради́ викида́етъ
и на дру́гий садъ во́ду, поше́дши, накида́етъ.

И потре́ба изъ со́лю бо́чку изтруси́ти
и всего́, що́ веде́тся тамъ, пи́льно досмотрі́ти.
И зъ по́длимъ здоро́вьемъ нічего тамъ пудийма́ти:
хочъ ма́ло знемощні́етъ, му́сітъ вари́ть преста́ти,
Или тежъ това́рища про́ситъ допильнова́ть,
а самъ, пришéдши къ собі, му́сітъ та́кже отвдяча́ть.
А осо́бно и то́е бурла́камъ ве́льми ну́дно,
же о соло́дкую во́ду непома́лу тру́дно.
Му́сітъ тоéй же со́ли господа́рской ча́стку отложи́ти,
жéби, вмісто води́, бра́ги ся изпи́ти.
А впять же — не ма́шъ тамъ женъ въ Багму́ті, нікому кошу́ль
пра́ти;
му́сітъ, взя́вши нову́ю, носи́ть, по́куль зодра́ти.
— —
Тутъ же и то мо́влю, же соль есть ро́зна на сві́ті.
— —
Якъ-то: Запоро́зкая есть, Кри́мка и ледя́нка,
а не бу́детъ зъ тако́ю (вімъ) пра́цею (и ко́штомъ), якъ
Торя́нка.
Зачи́мъ бурла́камъ (То́рскимъ вірши сие́ покладаю
и пра́цу ихъ и пи́льний дозо́ръ похваля́ю....

О бу́дникахъ, що по́ташъ ро́бятъ.

Да и ти́е бу́дники въ на́шой земли бува́ютъ,
що по́ташъ Ту́ркамъ су́кна фарбова́ть виробля́ютъ.
— —
И сихъ часъ есть бу́дищъ мно́го, где бу́ди бува́ли:
да́вние лю́де бъ то́е и ни́ні призна́ли.
И прислуха́йся ко́ждий, що стари́й мо́вить на глумъ,
а молоди́й неха́й берéтъ до́бре собі на умъ (¹)....

О старца́хъ.

Старéцкиі во віки не напо́лнишъ су́пки.
бо то діра́вие въ нихъ найду́ются тлу́мки.
— —
Есть и таки́хъ мно́го на сві́ті знайду́етъ
лéжнювъ, котри́е, въ миру́ хо́дячи, плуту́ютъ.
Бу́детъ и́ний здоро́вимъ, да не хо́четъ роби́ть, —
потре́ба бъ тако́го сімъ разъ на́ день ки́емъ бить.
— —
И до́бре мо́вятъ: »Въ старці пу́гою не вгна́ти,
а съ старцо́въ — хочъ калачéмъ сталъ би пудманя́ти«....

О ли́нникахъ (²).

— —
Кодо́ли бо му́дрие лю́дямъ изробля́ютъ
и трéбующимъ о́нихъ зо́бель надава́ютъ,

(¹) Ср. *Зап. о Южн. Руси*, т. I. стр. 13.
(²) Веревочникахъ.

Именно жъ до кла́дязей на́добни глубо́кихъ
и до ка́пуровъ тесля́мъ до церкве́й висо́кихъ,
Та́кже и до неводо́въ озе́рнихъ тягне́ння,
когда́ где бива́етъ южъ ри́бное ловле́ння,
И до мно́гихъ річий зась кодо́лъ потребу́ютъ,
та́кже и до буди́нковъ па́нскихъ, гди буду́ютъ.
Ко́долами де́рево на го́ру встяга́ютъ,
а и́нді и поромѝ чрезъ ріки тяга́ютъ.
— —
Также и нари́тники, шле́і и ужи́ща,
котри́ми припина́ютъ у поля́хъ кони́ща.
Та́кже обро́ті, вожки́ и пу́ги зробля́ютъ,
що ко́ней ідучи где-ко́львекъ затина́ютъ,
И до дзега́ровъ ро́бятъ втожъ шну́ри на ваги....

О ру́дникахъ, що зъ руди́ желі́за ро́бятъ въ ру́дняхъ.

— —
Бо хочъ водо́ю мла́ти въ ру́дняхъ ударя́ютъ,
е́днакъ безъ вели́кої пра́ци не бива́ютъ;
Гдижъ при болота́хъ тре́ба и зе́млю копа́ти
да руди́ зъ вели́кою пи́льностю иска́ти,
А знайше́дши где руду́, осо́бно копа́ти
и, въ кощни́ці беручи́, въ воді полоска́ти;
Пото́мъ на у́голля дровъ въ дубро́ву руба́ти
и ви́шей хло́па въ косте́ръ до́вгий тасова́ти;
Напото́мъ дернъ рі́зать косте́ръ той вкрива́ти
и смотрі́ть, жебъ по́ломъя не могло́ псова́ти....

О римаря́хъ.

— —
Шку́ри бо возови́е и лійци зробля́ютъ,
и хомути́, и у́зди, що ко́ней нузда́ютъ,
Такъ тежъ шо́ри и шлеі, и бичі на воли́,
и для людей убо́гихъ зъ реме́ню жъ постоли́,
И ро́нзики до ко́ней па́нскихъ и кантарі.
— —
И попру́ги до кульба́къ они́ жъ зась зробля́ютъ,
котри́ми кульба́ками ко́ней лю́де сідла́ютъ;
И пу́та ремінние ро́бятъ, и трино́ги,
що злимъ проклятимъ ко́нямъ трино́жатъ ча́сомъ но́ги;
И нага́йки, або тежъ канчуки́ сплі́та́ютъ,
котри́ми лю́дзкости жонъ ча́сомъ прицвіча́ютъ.
А е́жели уда́стся ча́сомъ зла́я прочва́ра,
не нау́читъ такої и то́лстая барба́ра....

О косаря́хъ, що сіно ко́сятъ.

— —
И, хочъ би не радъ, му́сітъ косаро́въ затяга́ти,
по пять че́ховъ й по три шаги́ на день дава́ти.

А косарі-сподарі иду́тъ къ нему́ съ коси́ти
и ко́сятъ тра́ви ввесь день и въ пора́ну зъ роса́ми....

О гребца́хъ сінни́хъ.

И же́нщина мо́жетъ та́кже сіно згромажа́ть,
але́ не мо́жетъ такъ, якъ музчи́зна, ухожа́ть,
Бо звича́йно то діло музчи́знамъ роби́ти,
гребти́ сіно и копи́ць сінныхъ волочи́ти,
Або́ тежъ у копи́ці и у сти́рти кла́сти,
а жонка́мъ ра́зві ти́лько у гребене́й пря́сти.
— —
Неха́й жо́ни у дома́хъ діла росправу́ютъ:
пряду́тъ, ткутъ и істи вамъ, мужика́мъ, готу́ютъ....

О женца́хъ.

— —
Ти́лько, хочь била́ бъ імъ ча́сомъ трети́на,
але́ хи́лячись заболя́тъ и спи́на....

О ми́льникахъ, що ми́ла ро́блятъ, ба́рские до́брие и про́стие по́длие.

Не зна́ю, по ми́льникахъ хто бъ ся чи зафразова́лъ,
хочъ би и не еди́нъ ся на світі не обрі́та́лъ;
Бо рідко хто на світі ми́ломъ ся вимива́етъ,
але́ бо́льшей водо́ю тваръ собі омива́етъ....

О колесника́хъ.

И колесни́къ реме́сникъ тво́ритъ тожъ чудеса́,
зробля́етъ бо до возо́въ и па́нскихъ колеса́,
А и́менно я́ко-то: пано́мъ на ридва́ни,
въ котри́хъ и вельмо́жние іздятъ гетма́ни;
И до каре́цъ колісъ тре́ба и на лекти́ки,
въ котри́хъ славе́тние тежъ іздятъ політи́ки.
Къ палуба́мъ и къ коля́самъ и къ воза́мъ глабча́стимъ
та́кже колісъ потре́ба, и къ тимъ драбинча́стимъ....

О стадника́хъ ко́нскихъ.

И стадники́ тожъ лю́дямъ ве́льми вигожа́ютъ,
же стадъ ко́нскихъ у поля́хъ у дозо́брахъ ма́ютъ,
И у поля́хъ при ко́няхъ за́вше и ночу́ютъ....

О догтара́хъ и столяра́хъ.

— —
Тре́ба пра́вда, где зъ него́ (¹) сажу па́лятъ при друка́рняхъ,
на черни́ла кни́жние, — по-московскій при печа́тняхъ....

(¹) Изъ *смоло́вого*, сосноваго дегтя.

О неводни́чихъ, що вя́жутъ неводи́ и сіті, и и́ние по́судки до ловле́ння рибъ.

— —

А хочъ же и самъ и́ний ри́би не имáетъ,
е́жели-то спо́собу до то́го не мáетъ;
То, ро́бячи по́судъ то́й, мо́жетъ продавáти.

— —

И чáсомъ той по́судъ и въ пано́въ бивáетъ,
кото́рий панъ озе́ра свої собі мáетъ.
Таки́й не ти́лько по́судъ той бу́детъ держáти,
але́ и риболо́вовъ мо́жетъ затягáти
Для домáшнихъ пожи́тковъ ри́би уловля́ти,
жеби́ не все посилáвъ въ го́родъ куповáти....

О робя́щихъ су́дна во́дние вели́кие и мáлие, то есть морски́е и річни́е.

— —

А ро́бятъ окре́нти, кораблі и гемі́і,
кáторги, о́бшивні, струги́ и шугалі́і.
Также осо́бно ро́бятъ ли́ни и байдаки́,
шкути́, дуби́ и ло́ді и човни́, и плавники́....

О партéсахъ, и учáщихся іхъ.

— —

. . . . же конпону́ютъ глáси для Бо́жней хвали́:
А хочъ бо́льшей тихъ, що гото́вое співáютъ,
еднáкъ и ти́е хвалу́ Бо́гу отдавáютъ.

— —

И при вели́кихъ властéхъ за співако́въ бивáютъ,
и за то пудъ часъ людьми́ на світі ставáютъ.

— —

Хочъ би поéтикъ кто билъ, — не почнéтъ співáти;
е́сли не вміетъ партéсъ, не бу́детъ іхъ знáти, —
И не партéсъ ти́лько, але́ и ирмоло́я,
а партéси далéко трудній отъ ирмоло́я....

О кости́ряхъ.

— —

. . . . и на то́е гди хто щáстя бу́детъ міти,
запомо́жется той самъ и его́ діти.
Лечъ бивáетъ на мали́й часъ то вспоможéння,
же не втéрпитъ, пройгрáетъ, ажъ и обнищéння.

— —

гди пройгрáвшись нічого дать, пéрста одсіцáютъ,
А чáсомъ отрізуютъ устá або́ гу́би
и вво́дятъ зли́е раби́ злихъ рабо́въ до згу́би.
А подъ часъ за пéрста ногъ ви́сятъ (¹) и щезáютъ (²)
и нáгле зъ світа сего́ на той изхождáютъ....

(¹) Т. е. вѣшаютъ за ножныя пальцы. — (²) Т. е. и повѣшенные такимъ образомъ погибаютъ.

О свічкаряхъ, що лоевйе свічки робятъ.

— —

. . . . где кольвекъ лоевйхъ свічъ начнутъ робити,
тамъ станутъ за полверсты ажъ смроди сходити,
А найбарзій, где люде въ судини мочаютъ,
а тамъ не такъ, где въ трубкахъ желізнихъ зробляютъ.

— —

. . . . мусітъ многий народъ свічъ тихъ куповати,
же восковихъ не мощно грошей настатчати,
Бо въ камень воску осмь копъ потребно вложити,
а лою камений сімъ за то мощно купити....

Представленныя нами выписки о ремеслахъ, существовавшихъ въ гетманство Мазепы, показываютъ развитіе промышленности въ большей мѣрѣ на Украинѣ, противъ нашего времени. По всему видно, что существовавшее тогда, при всемъ его разореніи отъ предшествовавшихъ войнъ и татарскихъ набѣговъ, благосостояніе края съ тѣхъ поръ значительно упало. Главными причинами упадка должно, кажется, полагать введеніе въ Украину крѣпостнаго права, развитіе такъ называемой цивилизаціи съ ея изобрѣтенными не дома потребностями въ привилегированномъ классѣ населенія, квартированье войскъ, рекрутскіе наборы и всего болѣе — распространеніе канцелярскаго управленія народомъ, которое съ одной стороны пріостановило всѣ свободныя отправленія ремеслъ и промысловъ, а съ другой породило множество лицъ, добывающихъ изъ народа не производительнымъ трудомъ, а безплоднымъ перомъ сравнительно лакомый кусокъ хлѣба. Гетманство Мазепы тоже отнюдь не было золотымъ вѣкомъ для Украины. Евреи съ своими опустошительными арендами изчезли, но ихъ система насильственнаго стяжанія усвоена была гетманскимъ правительствомъ, какъ это видно, между прочимъ, и изъ стихотворенія Климентія: *О рандаряхъ.*

И убогий чоловікъ хтілъ би рандиремъ бить,
еслиби то столько мілъ грошей рату платити;
Тилько, же и богатий не всякий то можетъ:
рідко якій на тое сумý вложить зможетъ;
А хочъ инъ и богачъ есть, того не доступитъ
рандарского уряду, ажъ большъ рати поступитъ;
И доступивши, гди ся пощаститъ, хлібъ маетъ,
але посполитимъ южъ людемъ перешкажаетъ.
Не вольно продавати горілки нікому,
тилько то рандареві уже единому;
Также и тютюну южъ не вольно продавать,
тилько до него мусятъ ходити куповать;

А е́сли и до́готь вку́пі зааренду́етъ,
то и до́гтемъ нихто́ вже бо́льшей не шинку́етъ;
А и́иді въ аре́нді и бра́га бива́етъ, —
хто не чува́лъ съ віку, той ве́льми ся удивля́етъ.
А се жъ, мо́витъ, яки́е ви́гадали кадуко́ве?
на́ши не чува́ли зъ віку сего́ и продко́ве!
А еслибъ рандова́ли еще́ медъ пи́во,
би́ло бъ южъ всему́ світу найбо́льшое ди́во....

Интересно свидѣтельство Климентія, о состояніи лѣваго берега Днѣпра. Онъ описываетъ пустоту нашихъ рынковъ, недостатокъ промышленныхъ сношеній между жителями и безпріютность большихъ дорогъ для путешественника. Свидѣтельство его, какъ современника, имѣетъ для насъ важность историческаго документа.

— —

.... по и́нихъ города́хъ и хліба не знайти́
пече́ного. Мусітъ такъ іхать або́ пойти́,
А не ти́лько, же бъ ся моглъ стра́вою поживи́ть,
да и безъ хліба по́йдетъ, хочъ му́ситъ подиви́ть.
И зле тамъ, где стравали гостя́мъ (¹) не вигожа́ютъ,
а що го́ршей, же и хліба не продава́ютъ.
Зви́чай то въ таки́хъ міста́хъ на́збитъ (²) непотре́бний
— —
Ро́зний би то гость му́сілъ би въ нихъ хлібъ купова́ти
и, якъ слу́шно, пла́тою о́нихъ не вкривжати.
Зачи́мъ въ невиго́днихъ міста́хъ бода́й не бува́ть
гостя́мъ, же повиля́вши му́сятъ и поіжжа́ть.
И, поіхавши, ихъ звича́ю не похва́лятъ
и въ дале́комъ краю́ похвало́ю не просла́вятъ.
А то на Вкраи́ні тутъ (Ма́лороссійской) не всі міста́ виго́дни,
же, побува́вши гості, и поідутъ голо́дни.
Ежели у ко́го есть що за харчі у во́зі,
то якъ-ко́львекъ тако́му надія у Бо́зі.
А въ Ля́дзскихъ и въ Лито́вскихъ края́хъ продава́ютъ
хлібъ и стра́ви, и ко́рчми по шляха́хъ зъ всіми виго́дами ма́ютъ,
Ажъ го́стеві бива́етъ вшеля́кая виго́да:
ко́нямъ харчи́ и самимъ пи́вомъ и ме́домъ охоло́да.
А тутъ въ насъ ра́зві зви́чай той по міста́хъ вале́чнихъ,
якъ-то города́хъ столе́чнихъ;
А въ ма́ломъ місті го́стю не пита́й пожи́вити,
гдибъ ся заме́шкалъ, то моглъ би ду́шу умори́ти.

Въ сборникъ свой Климентій ввелъ на листкѣ 18, стихотвореніе: *О нехотя́щихъ труждатися че́стнымъ трудомъ, то есть о зло-*

(¹) Т. е. торговымъ людямъ. — (²) Крайне.

діяхъ. При тогдашнемъ устройствѣ Малороссіи и равнодушіи гетманскаго правительства ко всему, что́ не касалось матеріальныхъ его выгодъ, разбои и воровства естественно могли совершаться по дорогамъ, въ городахъ и селахъ, безнаказанно. Климентій говоритъ:

.... въ сей на́шей странѣ есть таки́хъ мно́го зіло́.
— —
А теперь намно́жило всю́да душъ безбо́жнихъ,
бо не міютъ ка́рностей отъ людѐй побо́жнихъ....

Не смѣя тронуть правительствовавшихъ въ гетманщинѣ лицъ, Климентій глухо говоритъ *о драпіжцахъ, нікогда ненасищѐнних или тежъ о видирцахъ*, подъ которыми нельзя разумѣть одну мелкую начальственную братію, а должно разумѣть всю облеченную въ законъ правительственную тогдашнюю іерархію: иначе — не пищалъ бы народъ отъ грабителей, притѣсняющихъ его тайкомъ отъ старшихъ, и не вызвалъ бы со стороны паноугодливаго стихотворца довольно энергическаго протеста въ свою пользу:

Рече́ при́повість: »Волкъ, що спотка́е, то зъяде́«:
такъ и чоловікъ драпіжний нікому не даде́,
Ти́лько радъ ку́ю-любо персо́ну лупи́ти,
жеби́ моглъ якожъ-кольвекъ шкату́лу наби́ти.
Кому́ жъ, рече́мъ, подо́бенъ драпіжъ, то́кмо во́лку?
— —

Далѣе онъ указываетъ на самовластіе старшинъ, не смѣя, однакожъ, явно назвать ихъ.

Кромѣ ціле ся наречѐтъ самъ всімъ господи́номъ,
кгди́ жъ самъ ся постановилъ на то властели́номъ.
— —
Пре́то и ми́то добро́ бъ вибира́ть помірно,
а не зго́ла оскорбля́ть бідний людъ безмірно....

Мы исчерпали, по возможности, весь интересъ книги стихотворца Климентія, для нагляднаго изображенія въ наиболѣе ясномъ свѣтѣ тогдашняго времени. Общее впечатлѣніе наше таково: что Украина отпала отъ Польши не какъ здоровое гражданское общество, а какъ нація изнемогшая въ отчаянной борьбѣ и зараженная недугами, отъ которыхъ страдала сама Польша, — что новое гетманское правительство украинское,

вмѣстѣ зъ союзнымъ себѣ духовенствомъ, злоупотребляло отвоеванную ему народомъ свободу и предалось стремленіямъ эгоистическимъ, упустивъ изъ виду идею миновавшей войны народной, — что при такомъ состояніи дѣлъ не могло существовать между гетманомъ Мазепою и Украинскимъ народомъ единства стремленій, каковы бъ они ни были, и что съ его паденіемъ должно было неизбѣжно начаться и паденіе грѣшной гетманщины.

12 января 1859.
С. Петербургъ.

НБУ

II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшой не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патріотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, опредѣляющей, что́ вынесъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивиловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что́ такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что́ такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что́ касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружились попытки къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человѣчества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Ляхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религіозными и общественными убѣжденіями. Прошедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдались въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ степяхъ и противопоставляли панской роскоши неприхотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественнаго устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрекшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* (¹) и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ примкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшой—къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи человѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи....

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведеніе носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

---

(¹) *Лугъ* въ народномъ языкѣ значитъ низменное надводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шуми́, лу́же,
Дібро́вою ду́же.

инскаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климентія, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что́, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ посольства привиллегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климентія, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго посполитства послѣ развязки нѣжинской *черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный эгоистъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластія, какъ Мазепа, и, слѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнею Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, живились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подсоѣдками, которыхъ еще Мазепинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бунтовниками на своихъ пановъ*.

Да́, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлопамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ Іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ воинственной части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мнѣніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣстью былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ остававшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что́ пользовалось правами шляхетства, или, что́ почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства (¹). Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во внѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и ясновельможныхъ представителей. Вотъ почему разыг-

(¹) Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

ралась въ іезуитскомъ вкусѣ лѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ разсчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собой гетманства, подарилъ часть своей родины князю Меньщикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на примежеванныхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это вовсе не было противно господствовавшему въ Гетма́нщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшіе изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меньщикова и присвоили бы себѣ Шептаковскую волость по-меньщиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, по которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (¹). Безъ совершенной отрозненности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивиловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетма́нщинѣ отъ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ прадѣдовъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что́ куплено столь дорогою цѣною.

(¹) См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? Chłopska wiara! говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. Psia krew! говорили паны XVII вѣка о своихъ подданныхъ. Chłopi iesteście! отвѣчали радные паны на требованія правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ имъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель письменнаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что *письменному* человѣку быть вмѣстѣ съ *простымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ простого мужика простий есть обичай,
а въ письменного особний, політичний, звичай.

Этотъ *політичний звичай*, развиваясь по началамъ мазепинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податного сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *мужикъ* сдѣлалось словомъ укора (¹). Неловкое, смѣшное, странное и нелѣпое — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлаютъ*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работящему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

(¹) Впрочемъ еще въ 1724 году Продіонъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-сѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *мужицкими сынами и внуками*. (Архивъ И. А. Маркевича).

долю на своей обширной фабрикѣ и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Нѣмцами покрылось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, и наслѣдованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому—признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простого поселянина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлиться отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно—сдѣлалось задачею побилитованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классные чины, донашивали наслѣдственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податного званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Что́ касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохотъ отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохраненными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ родного края показались имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохотъ ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлишки безъ дальнихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запрегъ въ свое ярмо. Жестокій и безсмысленный смѣхъ! Но судьба казнитъ этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорою и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлые десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости—казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офранцуженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ пудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, заѣхать, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи́, вра́же, якъ панъ ка́же!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры*.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змѣею Сѣчевики, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изустной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской Бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не осталась дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ обращикамъ дворянъ-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ,—полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разсказщикъ ex professo. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представилъ, въ монастырѣ, на богомольи, обращикъ-другой своего искусства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленьемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпой пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жупанѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромоногихъ людей человѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козачки Розумихи изъ села Лемешёй (2), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Иноземная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниговскаго Намѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четвероместныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ почти городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтить.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.
(2) Черниг. губ. Козелецкаго. уѣзда.

церовъ; расхохотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ каррикатурные портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семинаріи и народныя училища увѣряли каждаго школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россу, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его »великихъ дѣлъ полна вселенна«, а уже новый геній русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не всѣми покамѣсть признанный ради его новости, »въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.« Что́ оставалось дѣлать талантливому человѣку, владѣющему только языкомъ простонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по слѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ простонародного быта. Нашего взгляда на этотъ бытъ Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлиться отъ простонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣлясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что́ такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорятъ, пока человѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погибъ во мнѣ-

ніи своихъ приверженцевъ: они еще чуютъ въ немъ силы, вызывающія противодѣйствіе. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сокровищамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикатуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едва ли не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованья о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вічной па́мяти, бува́ло
У насъ въ Гетьма́нщині колись,
Та́къ про́сто військо шикова́ло,
Не зна́вши: стій, не шевелись!
Такъ сла́вні полки́ коза́цькі:
Лубе́нський, Га́дяцький, Полта́вський,
Въ шапка́хъ було́, якъ макъ цвітýть...
Якъ гря́нуть, со́тнями уда́рять,
Передъ себе́ списи́ паста́влять,
То мовъ метлóю все метýть.

Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности. Его *Енеида* служитъ для насъ призмою, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, засло-

нила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи созданіемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями геніальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: *Віють вітри*, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ и голосъ ея провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсень народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника*. Обѣ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившій всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбовыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсень!... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Всё таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Енеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника* выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Да, Котляревскій служитъ печальнымъ доказательствомъ, въ какой

мѣрѣ каждый природный талантъ зависитъ не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россъ, о подвигъ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, пріучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполнѣ отдѣлаться отъ того, что́ можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-каррикатурное и идиллически-сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбѣжно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаленье отъ народа, обусловливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этихъ читателей, при всей своей литературной образованности, слишкомъ мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяютъ его по направленію своихъ радіусовъ въ массѣ грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совсѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущные побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ *общество*, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Репнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Енеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень, белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не то́вптесь!* и т. п. (¹). Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Воиный и Супрунъ, а серьёзныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочувствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣятельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьёзнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генералъ-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфію небора́че!
Де ти змандрува́въ відъ насъ?
Якъ би тілько ти, коза́че,
Мні підъ сей згоди́вся часъ!
Ка́жуть про тебе́ изда́вна,
Що у те́бе ко́бза га́рна,
Ко́бза ди́вная така́,
Що якъ забриньчи́шъ рука́ми,
То и го́ри зъ байрака́ми
Ста́нуть би́ти гоцака́.

Глянь, Орфію, глянь изъ не́ба,
Дай кобзу́ри мні своє́й:
Мні игра́ти пісню тре́ба,
Пісню га́рную на ней,
Тре́ба го́лосъ підніма́ти,
Зъ но́вимъ го́домъ поздравля́ти

(¹) Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, но мы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ перемѣною взгляда на вещи.

Па́на ми́лого того́,
Що и па́номъ бугь уміе,
И, якъ ба́тько, не жаліе
Живота́ для насъ свого́.

Алексію, любий па́не!
Я про те́бе річъ поча́въ,
Да боюсь, якъ словъ не ста́не,
Щобъ ти мні не накрича́въ,
Бо я напере́дъ призна́юсь,
Що я зъ му́зами не зна́юсь,
Тілько тро́хи чувъ про нихъ.
Да и му́зи лобъ нагріють,
По́ки проспіва́ть успіють
Полови́ну ділъ твоіхъ.

Я про те мовча́ти бу́ду,
Що стрічка́ми скру́ченъ ти,
Що на тобі, мовъ на чу́ду,
Де не гля́нешъ, все хрести́;
Що нельзя́ згля́нуть очя́ми
На жупа́нъ твій за звіза́ми,
Якъ на со́нце середъ дня,
Що одъ стрічо́къ ши́я тне́тця,
Що изза́ду ключъ товче́тця.
Все, мабу́дь, се не бридня́!
Не Черні́гівъ, не Полта́ва
Се́е все тобі дала́:
Знать, давно́, про те́бе сла́ва
Въ Петербу́рсі загула́;
Знать, ти до́бре тамъ труждáвся,
Не по за́печку валя́вся,
Що попа́въ царю́ підъ ладъ.
Знавъ и царь, съ кимъ подружи́ти,
На кого́ ярмо́ зложи́ти;
Ажъ тепе́ръ и са́мъ вінъ радъ.
Радъ вінъ, що ярмо́ ти тя́гне́шъ,
Не гнучи́сь, якъ до́брий вілъ;
День и нічъ відъ по́ту мя́кнешъ,
До́бре ро́бишъ, скілько силъ.
Радъ ска́зати пра́ву-матку,
Що крутéнькую зага́дку
На́шимъ ти зада́въ папа́мъ;
Бо, щобъ ма́ли чи́сті ду́ши,
Щобъ держа́ли стро́го у́ши,
Ти соббі іхъ у́чишъ самъ.

И до-віку не забу́ду,
Якъ разъ я къ тобі прийшо́въ....

Ахъ, мій Бо́же, скілько лю́ду
Вся́кого я тутъ найшо́въ!
По́вні сіни, по́вна ха́та
Па́шого наби́та бра́та,
Ажъ нельзя́ пропхну́тись мні,
А попівъ, купцівъ да па́нства
И жидівъ, того́ плюга́вства,
Мовъ на я́рмарку въ Ромні!
Всі жъ не зъ ба́лами стоя́ли,
Всі були́ по ділу тутъ,
Папірки́ въ рука́хъ держа́ли,
Хто бага́цько, хто лоску́тъ;
Хто чоло́мъ бивъ на сусіда,
Хто на па́па-людоіда,
А по-про́сту — на суддю́,
Що за цу́коръ да за гро́ши
Изроби́въ судъ нехоро́ший,
Цілу розори́въ семью́.
И таки́хъ було́ дово́лі,
Що прохали на панівъ,
Що пани́, по іхъ злій во́лі,
Не даю́ть пахати нивъ;
Що коза́цькими земля́ми,
Сінокосомъ и поля́ми
Вереду́ють, мовъ своімъ.
Судъ у пра́вду не вника́е,
За пана́ми потака́е,
Щобъ було́ ёму́ и імъ.

Не прогнівайсь, Алексію,
На нескла́дну річъ мою́,
Що я говори́ти смію,
Про писа́рню ще твою́.
Разъ мні буть тамъ довело́ся...
Оле жъ, скілько тамъ товкло́ся
За стола́ми писарівъ!
Тамъ папе́рівъ ку́чи, ку́чи,
Писарівъ тамъ ту́чи, ту́чи,
Мовъ въ Петрівку косарівъ.
Пи́шуть, пи́шуть, да й несу́тця,
Щобъ ти подиви́вс, чи такъ.
Тре́ба жъ тутъ тобі наду́тьця,
Тре́ба знать, підпра́вить якъ;
Тре́ба вся́кую папіру
Привести́ якъ разъ до шни́ру,
Підвести́ все підъ зако́нъ!
Ніколи борщу́ сёрбну́ти,
Ніколи у-смакъ заснути, —
Ти забу́въ на хлібъ, на сонъ.

А про жінку да про діти
Ду́мати тобі коли́,
Щобъ обуті и одіти
И не го́лодні були́?
Ні, про се ти не згада́ешъ:
Жінку ти другу́ю ма́ешъ,
Дочки синъ тобой забу́тъ.
Жінка у тебе́ — Полта́ва,
Синъ — Черні́гівъ, честь же, сла́ва —
До́чки; отъ весь рідъ твій тутъ!
Мовъ тобі черне́ць одъ ми́ру,
Одцура́вся ти одъ двора́:
Знай въ Полта́ві мнешъ папіру,
А додо́му не пора́.
Що жъ тобі изъ той Полта́ви?
Ти и такъ доби́вся сла́ви,
Да якої — гай, гай, гай!
Одпочи́нь же, па́не, тро́хи:
Ти уже́ прити́упавъ но́ги, —
Ту́пае други́й неха́й.
Па́нство здай своє друго́му
И здоро́вья не теря́й,
Попилну́й підъ ста́рість до́му,
Бо у тебе до́ма рай.
Тутъ всі, якъ на ба́тька діти,
Бу́дуть на тебе́ гледіти,
Да ще чи не лу́чшъ, мабу́ть:
Тутъ, по пра́ві якъ сказа́ти,
Всі тобі, якъ Бо́гу, ра́ді,
Всі тебе́, якъ Бо́га, ждуть.
Да біда́ моя́! я ба́чу,
Сей не по тобі совітъ.
Ти таки́ свою́ уда́чу
И на той потя́гнешъ світъ.
По́ки ви́бьесся изъ си́ли,
По́ки пійдешъ до моги́ли,
Бу́дешъ хло́пцемъ на други́хъ.
Уроди́вся ти на пра́ву,
Улюби́вся такъ у славу,
Якъ у дівчину жени́хъ.

Ну, коли́ жъ таки́й ти, па́не,
Що для сла́ви лишъ живе́шъ,
То къ тобі смерть не приста́не,
Ти ніко́ли не умре́шъ.
Хоть попи́ не забурмо́чуть,
Хоть співа́ти не захо́чуть
Вічну па́мять по тобі,
То прохати їхъ не тре́ба,

Бо и такъ підъ са́ме не́бо
Па́мять ти зроби́въ собі.
Се́е не умре́ ніко́ли,
Що ти ро́бишъ всімъ добро́,
Да и ро́бишъ зъ до́брой во́лі,
Не за гро́ши и сріблó.
Скілько удова́мъ ти біднимъ,
Скілько си́ротамъ послі́днімъ,
Скілько, скілько слі́зъ уте́ръ!
Скілько взявъ людей ти зъ гря́зі
И, якъ ка́жуть, ажъ у кня́зі,
Ажъ у кня́зі іхъ упе́ръ!

Не умре́, хоть побожи́тьця,
Сла́ва не умре́ твоя́:
Сла́ва съ тіломъ не ложи́тця
У моги́лу нічня́.
Хоть же смерть къ тобі прискóче,
Сла́ви въ зе́млю не спинтóче:
Загуде́ вона́ якъ громъ.
Тутъ и пра́вда візьме си́лу,
При́йде на твою́ моги́лу
И напи́ше такъ перóмъ:
»Ди́во тутъ попи́ зроби́ли,
Ди́во ди́внее изъ дивъ:
Въ зе́млю мертвеця́ зари́ли,
А мертве́ць той и ожи́въ.
Ба́чця, до́бре зарива́ли,
Ба́чця, грі́мко всі співа́ли
Па́мять вічную надъ нимъ;
Огля́нулись небора́ки,
Ажъ князь Алексій Кура́кинъ
Все живъ по діла́мъ своімъ!«

Пóки жъ се́е ди́во бу́де,
Поживи́ хоть стілько ти,
Скілько живъ, якъ ка́жуть лю́де,
Въ світі Маѳуса́лъ святи́й.
Будь здоровъ изъ нóвимъ гóдомъ,
И надъ на́шимъ ще парóдомъ,
Ще хоть трóхи попану́й.
Трóхи!...ой коли́бъ бага́цько!
Бо ти нашъ и панъ и ба́тько.
А на більше не здиву́й.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что́ и для безвѣстно изчезнувшихъ современныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тинародныхъ виршахъ высказывается, однакожъ, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подъ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалитъ князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судопроизводства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумилліонными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что́ было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наслѣдованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному человѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (dworzanin), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даяній. Наши мелкопомѣстные панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршалка двору* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разсказы*. Котляревскому *хотѣлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подъучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтьми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *луку*«. Но сынокъ не совсѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *лу́ку*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго.«

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснять эту суровость и придирчивость рутиною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, офиціальная хроника гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), бриллiантовымъ перстнемъ и пенсіею въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальныя оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкою за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угождать знатнымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подъ сѣнію козачества и продолжавшаго живиться отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что́ касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкою, то она объясняется двойною пенсіею, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченья старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтическій даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлой средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденьями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатирѣ уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но карикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинс во сатиры. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переиначилъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи ба́чишъ, якъ ми обідра́лись!
Убра́ння, постолѝ порва́лись....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библіографическою рѣдкостію. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенка-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они — воспитанники Котляревскаго и исчадія уродливой народописи, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юродивость рѣчи, которою проникнута вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаніемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили цѣнность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленьемъ видимъ, ка́къ неясно представлялась Котляревкому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, ка́къ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, ка́къ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (¹)! Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣетъ, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

---

(¹) Напримѣръ:

Свиня́чу го́лову до хріну
И ло́кшину на переміну,
Потімъ съ підле́вою инди́къ.
На за́куску (!) кулішъ и ка́шу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженья чисто великорусскія (¹). Но главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что́ и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное сродство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями (²), между мужчинами и женщинами (³), между бога-

---

(¹) Напримѣръ: *Бара́новъ* тьма була́ варе́нихъ,
Куре́й, гусе́й, качо́къ пече́нихъ,
До си́та, щобъ було всімъ *ѣсть*.

Или: Коли́ жъ вінъ бу́де й ще *мѣшка́ти*,
То дамъ себе́ ёму́ я зна́ти. (Ч. I.)

Или еще: По го́роду тогді *гуля́ла*,
Коли́ Троя́нцівъ *повстрѣча́ла*. (Ч. I.)

(²) Какая пародія и каррикатура можетъ дозволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго́ оте́ць опря́гся,
Якъ чикилди́хи обіжра́вся.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И пе́нечка моя рідне́нька
У чо́рта десь тепе́ръ гуля́,
А мо́же спить уже́ пъяне́нька,
Або́ съ хлопя́тами ганя́.
Тепе́ръ ій, ба́чу, не до со́ли:
Уже́, підтя́кавши десь по́ли,
Фурцю́е до́бре нависна́.
Коли́ сама́ съ кимъ не почу́е,
То для кого́сь уже́ свашку́е:
Для сёго тя́жко поспішна́! (Ч. II.)

(³) Котляревскій описываетъ Дидопу такъ:

Розу́мна па́ні и мото́рна....
Трудя́ща, ду́же працёви́та...

ми и смертными (¹), въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы нелѣпой національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Енеиды*. Котляревскій, обойдясь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлъ смѣшного и впалъ въ карикатурно-безобразное. А вѣдь пародія—не каррикатура, да и сама каррикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленьи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чужеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: ***Натáлка-Полтáвка*** и ***Москáль - Чарівнúкъ***, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружавшей его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:

Відкіль такі се гольтяпáки?...
Якúй васъ врагъ сюдú напрáвивъ?...
Якá жъ ватáга розбишáкъ!

и потомъ та же *розýмна и процёвúта пáні*, черезъ нѣсколько стиховъ, говоритъ оборвишамъ-*розбишáкамъ*:

Колúбъ .... молодцá
Енéя вáшого злапáла,
Ужé бъ тогді весéла стáла,
Тогді бъ велúкъ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе злапать ихъ атамана, о которомъ сами они отозвались такъ:

Енéй павівъ на насъ манý? (Ч. I.)

(¹) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, проклятий старигáню!
На зéмлю зъ нéба не зиркнéшъ? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которою онъ постоянно былъ окруженъ. Всё же слѣдуетъ сказать, что общій гогосъ жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ человѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ геніемъ нашего народа, или, что все равно, съ геніемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.
С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА

и

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ(1).

Писахъ не мудрствуя лукаво, но яже слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей и яже видѣхомъ очима своими».

Котошихинъ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Россіи*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

---

(1) Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ. Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ (2), и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по распросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительными къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ »Основѣ«. Я желалъ только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достичь подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

(2) Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венгріи* сплошною массою занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угочскую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаришской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ треть населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно:

Гетмáньці — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ Литвиновъ.

Степовикú — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Украíньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украиною.

Польщакú — жители Подольской губерніи, называемой у простонародья *Польшею* (¹).

Полíщукú — жители Полѣсья.

Патлачú — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ *(пáтли)*, ими носимыхъ.

Пинчукú — жители Пинскаго уѣзда Гроденской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцýли — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиды). —По венгерски *гуцулъ* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцулъ* стало нераздѣльно понятіе о храбромъ человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

(¹) Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польщею* Волынь и Украину, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живующіе въ горахъ Русины называются *Лишакáми*, а въ долинахъ — *Лимакáми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лишъ* и *лемъ*.

Сотаки, живущіе въ Шаришской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичами называются Русины-католики, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ чрезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая *(яломóкъ, мадéрка, мардéлка)* войлочная, у мужчины, бѣлый платокъ (но не *намітка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлаго, вслушайтесь въ говоръ—и вы непремѣнно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехъугольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣленая, окна квадратные, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хоть изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близь Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлые, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтится на ней хоть небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рославля, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ — бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дзѣканье начинаетъ изчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же въѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочныя шапки обратились въ извощичьи поярковыя шляпы, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараньими шапками происходятъ тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступятъ знаменитымъ персидскимъ. Головныя повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Русинокъ (въ Черниговкой губерніи, близь Десны) головныя повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860 .
Село Майорское, на Телигулѣ.

НБУ

РІЗДВЯ́ННІ СВЯТКИ́.

ПИСЬМО 1-е.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о »Різдвя́нныхъ Святка́хъ«, что подъ словомъ »святки́«, праздники, я буду разумѣть не то, что́ мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что́ празднуетъ, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что́ имѣетъ своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Бага́ту Кутю́, Святи́й Ве́чіръ, Святки́* вообще, *Ще́дрий Ве́чіръ, Посипа́ння, Голо́дну Кутю́* и *Орда́нь.*—Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и къ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннимъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты.—Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвя́нні святки́, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охая́тьця* и *причепури́тьця* (¹).

(¹) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непремѣнно вынесетъ изъ хаты все, что́ безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что́ болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрячетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені, днища́ мотови́ла, гребінки́, верете́на, мички́, почи́нки, клубки́* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верста́ть* (1), если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мущины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *ма́зання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — ка́къ возлѣ нея *пічкатьця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепуру́хи*: тутъ и *черінь набива́ють* (перекладываютъ по́дъ печи), если онъ *ви́бився*; *шпару́ють* (2) и *білять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *сте́лю* (потолокъ), *пічь, ко́минъ, че́люсти, підпі́ччя, при́печки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валькýють* (замазываютъ вывалившіяся, или готовыя вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *валька́ми*); выводятъ красною или жолтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *ла́вами* (лавками), подъ *поли́цями* (по́лки подъ потолкомъ) и вокругъ *ми́сниківъ* и *су́дниківъ* (посудниковъ), — что́ все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невістка* молодая, или дочка-щеголиха; *вистру́гують ділъ* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудо́ю* глиною, а гдѣ нужно и *наклада́ють* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *ма́занкою світлицъ, кимнатъ, пека́рень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ *(верхи́ тру́сять)*.

За мазаньемъ слѣдуетъ *вимива́ння, перемива́ння, вичища́ння, шарува́ння* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что́ только можетъ

---

(1) Ткацкій станокъ.

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шпа́ри*).

подлежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моются и чистятся столы, ла́вы, *осло́ни* (скамьи), а гдѣ есть, *помо́сти* (деревяные полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хвоща́нками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хвощемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моются *віхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образи́ помо́сти*, *поли́ці*, *су́дники*, *ма́сники*, *стільчики* (маленькія скамейки), *кочерги*, *ухва́ти* (или *хва́тки*), а гдѣ есть—коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — »На двіръ, на двіръ ії! кипячівъ, кипячівъ!« (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, »Щобъ и ду́ху блощи́чого (¹) не було́!«; тутъ моются и *вишаро́вуютця* віхтиками горшки, *золі́нники*, *широка́нчики* (виды горшковъ), *ми́ски*, *полу́миски*, *макітри́*, *риночки́*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хвоща́нкою или віхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицемъ, съ выбившимися изъ-подъ *очі́пка* и нависшими на лобъ наемами волосъ, *підти́кавшись*, *підсми́кавшись*, хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покопаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что́ такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Різдвяннними святками, всеобщее ма́зання, вымі́вання, перемыва́ння, шарова́ння, земляки мои бываютъ, по видимому, очень недовольны, ворчатъ, бранятся даже: »Оце, че́пурка!« говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: »Про́бі—*зъ ха́ти!*... не можна, бачъ, було підождать до Вели́кодня!« и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня́* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то́, что́ думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, *на хо́лоді та на лихій годі́ні*, за неимѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что́ и въ ихъ

(¹) Блощи́ця — клопъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чепурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышатъ брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Нічого вже вамъ, татýсю, мабуть, оце балáкать! Идіть же, идіть, кажý, зъ хáти!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Иди жъ мені, кажý, зъ хáти! за добрá ума! Ато онъ бáчъ — кочергá?« И татусь, или мужъ, или братъ, идутъ съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-нý! ти мені, знáешь?.. не тéе!« или: »Кочерга!!.. Гмъ, та въ кочергі двá кіньці!« А какъ выйдутъ на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двóру тікáй! Маруся такé мáзання підняла, що й віконъ не видно!«, а кумъ или сватъ, съ своего двора или огорода: »та й моя Гáнна тéежъ — и шáпки нігде положить!..« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-чтó!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свёкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично (¹).

Рядомъ съ мáзаннямъ идетъ и *праття* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

(¹) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Різдвяннимъ святкáмъ, относится и приготовленіе или закупка *теремків*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *покуття*. Но какъ обычай украшать теремкáми хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ селъ и хуторовъ подгороднихъ, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Великдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Різдвяннi святкй, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великодні — пожалуй разскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: разсказывать о нихъ я буду тогда, когда буду разсказывать о вечерѣ на Богáту кутю.

этихъ выпачканныхъ дёгтемъ чумаковъ! вотъ что́ встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу!« — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки - землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и совсѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Шва́бські* поло́тна теперь туда не попадаютъ, а если и попаютъ — не на что́ купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *деся́тки, двана́дцятки*, а много-много *чотирна́дцятки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть четырна́дцятку такую хоть на рубахѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возлѣ хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *оте́цького* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка́* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ коморы, посмотрѣть, отчего съ лаютъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и *грабля́ми* на плечахъ спѣшащихъ утромъ въ іюньскій понедѣльникъ, на гребовицу, — вы бы сказали — »батистъ!.. снѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что́ за *праття* бываетъ у насъ предъ Різдвя́нними святка́ми, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочки* на *вида́нню* (невѣсты), или два-три неженатые *сини́ соколи́!*... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ пріемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или пестрядевые, и *напі́рники* съ подушекъ (наволоки) и *ря́дна*, и *рушники́*, и *намі́тки́*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очі́пки*, и *хустки́* и т. д.,—словомъ, все, что́ только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *ві́хтика*, которымъ обтираютъ горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ носкѣ, да и то только самонужнѣйшее, *аби́ якъ-не́будь переходи́ть до свято́къ*.—Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники, надобно запастись чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда,—нѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напримѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день праздниковъ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются вь эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непремѣнно увеличитъ къ такому празднику, какъ Рiздвяннi святки, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була́ нова́ сорóчка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведенiи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовенiе, у насъ имѣетъ своимъ побужденiемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающiе мое писанiе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды?*... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какiе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшiе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но чтó въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *грóшей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизiю, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по $4^1/_4$ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — ктó поможетъ мнѣ косовицу отбыть безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесять коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскiя и еще разныя тамъ!... *А прiсiпаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!!.. А серпы *зубúть, сокúру* новую купить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и »пáша-жъ душá не зъ лопýцька (¹) и хоче тогó, що й людська«, — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Нѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Рiздвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телúчку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придет-

---

(¹) *Лопучёкъ* — очищенный, *облýпленный*, стволъ растенiй, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козéльцовъ*.

ся откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное—куплю вамъ тогда обновки, а теперь *дасбі! вибачайте!*... (¹)

Мы бѣдны и знаемъ, что »такъ горнуться, якъ одягнуться«, но въ то же время любимъ, чтобы одёжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свято* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что́ такъ дорого нашей душѣ—*звичайностю*, *охайностю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одёжи, старенькую — *про будень*, а новенькую — *про свято*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *будня*, ни *свята*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керею* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаски*—тотчасъ ихъ въ *скриню* (сундукъ) или въ *хижу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свято, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свято, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, святу. Если средства намъ позволяютъ, мы даже такъ поступаемъ съ одёжею: вомѣсто двухъ ея перемѣнъ, мыи мѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну—для будня, которая поновѣе—для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая—для такихъ праздниковъ, какъ Різдво́ или Великдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому святу.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромоглись*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Риздвяннымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходить*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спроміся* на *линтварі* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *починивъ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плечі нічого накинуть*, а сдѣлаю къ Риздвяннымъ святкамъ, а до того пусть *якъ-*

(¹) Богъ дастъ! Извините!

нébудь прохóдить,—въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сынъ мой Иванъ *прохóдивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанáхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ жениномъ кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожушáнка*—чтó называется »лáта на лáті«: мѣстное общественное мнѣніе посмѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежу изъ скряжничества, посмѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ жениномъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не посмѣется — мы всѣ хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хíврі нема очíпка*.... (¹) Притомъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвычáйному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: »скачí, врáже, якъ пáнъ кáже«, »нуждá зáконъ зміня́«, »сёгó не знімуть, крáщого не дадýть« и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдву и къ Великодню, вполнѣ согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ винокуренные заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробину* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравця́ми* и *шевця́ми*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пýстить* снѣгъ и попортитъ дороги и *токи́*, когда ни молотить, ни ѣздить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевúки*, и за *каптанки́*, и

(¹) »У Ѳевроньи нѣтъ повойника«. Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговоркѣ: »Знáю, що въ Кýзьми є грóші, та и т. д.«: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за *карсе́ти*, а кто спромо́жется—и за жупа́ни и за шаравары, пестрядевые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня), на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возиться некогда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обыхода и для первой продажи,—тогда можно приняться и за платье — этакъ къ Різдву, около средины *Пили́півки* (Филиппова поста).

Къ Риздвяннымъ святкамъ преимущественно приготовляются кожу́хи, *кере́і*, сви́ти женскія и мужскія, *кожуша́нки*, *чо́боти*, *кажанки́* (кожано́къ—баранья куртка; называется также и тужуро́къ) и такъ далѣе, словомъ, то, что́ носятъ, по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячьемъ мѣху, покупаетъ новую шапку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова́: »Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*... за которыя Малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичьэ перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе«,—слова́, сказанныя авторомъ »Изслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Риздвянны святки (по крайней мѣрѣ что́ касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоитъ столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ сватьбъ,—столько, значитъ, случаевъ показаться! *а мо́же, и вінъ при́шле сватівъ!*... А злодѣи-*щети́нники* и *коробе́інники*, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачі* у нихъ такіе, и *намиста́* (монисто), и кольца-змѣйки, и серьги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багатой кути, самые важные, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготовленія *куті* и *узва́ра*. Ка́къ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ разсказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужные хозяйкѣ для ихъ приготовленія.

Для кути ей нужна непремѣнно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *кукілю* и всякаго сóру, перемытая, обыкновенно *тогорóчня*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножані ступі* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, чтó называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутéю, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непремѣнно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панкáми и полýпанками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ рису. Далѣе, *бідóта*, у которой нѣтъ ни *жмéні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *куті*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутéю*. Такого же обычая,—приготовлять кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготовляя крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, мёдъ для кути непремѣнно долженъ быть въ *сцільникáхъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляникú* (¹), а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непремѣнно

(¹) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму.— Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Италіянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для кути, начинаетъ мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патокѣ — покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ посѣчниковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной и крупы, то гдѣ же ему взять мёду!... Ѣдятъ въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдятъ.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдятъ мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Ѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сё, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутью пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что́ бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-молъ! »Свя́тощівъ не продаю́ть (того, что́ свято, не продаютъ)!« лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ та́къ дай, спасибі тобі!« — »Та́къ — мо́жна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Дасй імъ, стара́, якъ бу́демо істи, на бра́та, по гру́доцці (¹), та й по півло́жки ситі́, и по ло́жці узва́ру!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: »Будь ла́сковъ, діду́сю!« — Пѣтъ кути! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! »Вотъ, »говорятъ, »какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушалъ-слушалъ ихъ старикъ: »Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихтарню* (фонарь), да не вымывай миски, что́ ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *каганецъ* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Чрезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поіжте«, говоритъ, »хоть оцёго́ замісць узва́ру, — старі лю́ди та́къ насъ вчили, при нужді (поѣжьте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мёду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанячились*, *панáми помáзались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортíли*, *забýли Бóга*, *превернýлись изъ людей въ чóрзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскі звичáі* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рýжу* (рису), тѣ ,кромѣ рису, запасаются иногда и *родзúнками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кути и узвáра, занимаетъ приготовленіе *мясúва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во чтó гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телúцю*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *корúсти*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣть *дробинóю*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (чтó впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *крáсныхъ торúхъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе — довольствуется одною-другою *гýскою*, или *кýркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, чтó можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *порося*, непремѣнно у него будутъ откормленны и заколоты къ *Різдвý*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти всѣ безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективѣ сало, колбасы, *кéндюхъ* (¹), начиненный *грудни́ною*, ки́шки гречневыя или пшонныя, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, вымятый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торохтáть* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядіть же, мáмо, розбýдіть менé зáвтра, якъ бýдуть кабанá смалíть!.. Чи розбýдете? га?.. Розбýдіть же...«—»И менé, и менé!..« — »Добре, добре, спіть вже!« и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко засыпаютъ, убаюкиваемые радостною мыслію, что ихъ разбудять, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабана будутъ смалить... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣки, и смалятъ *ковáного* или *бíлого*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣкой слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинаетъ алѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украинцевъ, готовящихся къ Риздвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горíлцi*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пиввíдрами* или *пятирикáми*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Ридзвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украинецъ, даже непьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею непремѣнною, можно сказать, священною, обязанностію, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучные съ ними *добрýднi* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ сватьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣе хозяйка у насъ, особенно зажиточная, непремѣнно постарается запастись къ Риздвяннымъ святкамъ разными настойками и *запиканками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутéлi* и —

(¹) Брюшникъ.

постарается запастись любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *калганівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпу́нтами* или *шпу́нтушами*, какъ называются у насъ пунши записными любителями этой заморщины, запасаются въ это время и *двойною*.

Білі васильки, *ладонъ и воскъ*. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонъ и воскъ—читатель узнаетъ въ свое время; здѣсь же мы должны только показать, ка́къ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамарі́въ*, или городскихъ, на *красныхъ торгахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки ростутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не наросли, то навѣрное наросли у *сусіди*, у кумы, или у свахи: *сёго́ ди́ва у насъ — аби́ хіть!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ-Украинокъ воскъ и мёдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мёдъ пріобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога пріобрѣтать все, лишь бы только пріобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *гро́шей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мёдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей пасѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя статьи женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемаго труда, *берутъ* воскъ и мёдъ, и особенно воскъ, на *півмі́тка*, на *мо́токъ*, на *соро́чку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напрясть пивмитка или мотокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мёдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мёду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорятъ, »мнѣ воску, или мёду, на пивмитка или на сорочку!« Къ распространенію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовалъ другой обычай, существующій у моихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Бо́жі матері*, *Спаси́телеві*, угодникамъ

святымъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственноручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску—куры не клюютъ, хоть пусть *гадюки тутъ сичять* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта.... потому что вѣруютъ мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто ламáе слóво, той віру ламáе, той дýшу ламáе, той Бóга ламáе!...«

Такъ достаютъ себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достаютъ ихъ предъ Різдвянными святками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *півмітки и на сорочкú* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Різдвянимъ святкáмъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Богатой кутьѣ*.

М. Номисъ.

1858 г.

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

. . . . Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худо́би не году́ють и зовсімъ не жаліють!« говорилъ онъ: »бий, гони́, да й тільки! імъ аби́ більшъ виробить, — и одпочи́нку нема́!... О, якъ би мене́ настановили оттимъ!« (и онъ особенно ударялъ на *оттимъ*.) »Я бъ на одній гіллюці всіхъ жидівъ перевішавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ёжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жидовскими *будками,* которыя не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Зверта́й, зверта́й, жидова́ проклята! ато́ го́лови поздийма́ю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчіи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затяжці* и *колії* напутствовали сыновъ Израиля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы такъ простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидова́* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидова́, не встóішъ!« говорили они неспокойнымъ лошадямъ. Или: »Заса́палась, жидова́!... Кива́ешъ головóю, жидова́!...« А этотъ:

»О, якъ-би́ я бувъ проізжа́ющимъ!... я запрігъ би жи́да вомісто худóбби, да й прогна́въ би цілу верству́!...« И потомъ, подумавъ, поправлялъ себя: »Ні, не верству́, а пять верстóвъ, щобъ знавъ му́чить худóбу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половину, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и милліоновъ, какъ хорошее здоровье! Переночуйте: czerstwiéj и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготовить намъ чтó-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потра́вку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовитъ намъ *потравку*. Подана потравка.... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ.... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь подкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствѣй*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!.. авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, но лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ вилку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія— отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей женщины-путешественницы 10 копеекъ серебромъ за непрошенный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что должень ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжаньи пчелъ, шмелей и пѣніи птицъ! Сладкій сонъ! завидное ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убрать такимъ образомъ!...Почему?...Каждый знаетъ, почему.

Новградъ-Волынскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, — нужды нѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, — наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на сѣнѣ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ сѣнѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домочадцами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды то выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, то снова изчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ, точно въ противоположность съ сумятицей здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, ауканье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *миготанье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣніе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣніемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастною. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закупорены въ нашемъ тарантасѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бьетъ, и льетъ совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: »Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемся въ теплѣ, на станціи.«

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду пару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. »Нельзя ли пропологнить?« спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встащить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантасѣ. Гляжу въ щель — идетъ сгорбленный старикъ и тащитъ на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было итти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что́ старикъ несетъ и куда идетъ? »Ужъ не къ жиду ли въ корчму«, думаю, »въ такую погоду?«

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

»Крикни ему, что нѣтъ переправы!«

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы.

Молчитъ.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплетъ въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему прійдется итти. Кричи!

»Атъ!«

— Да что́ ты, на него сердитъ, что ли?

»А за что́ жъ мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидитъ, что нѣтъ проѣзду, и воротится.«

— Да подумай, еслибъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индиферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ямщикъ поворотился на козлахъ въ противную стороны отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыну хлопьями снѣга. Ямщикъ поставилъ стоймя воротникъ своего сѣраго армяка и приподнялъ вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же человѣка мучить?«

— Еслибъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что́ жъ!

»Да вѣдь мы, христіяне, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жиды или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчитъ самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырьями. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырья, въ четверть длины и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходитъ и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ камина дымъ съ золой и искрами. Что-то адское представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно пріютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примоститься; стулъ и скамейку едва выпросили; столъ отвратительный;

два осло́на служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ каширное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а купить — негдѣ. Что́ ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зъ касырне*. А тутъ еще зашелъ ша́башъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вбѣгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣпилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколотъ и обвитъ проволокой.

Грустно было взглянуть сквозь разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Что́ могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Что́ въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему пріютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, кошла́тое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодяки́ подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большаго униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперегъ. Вся она была усѣяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертыя насквозь, полувисячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной по́хвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣну всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дитяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это — пана, который приставилъ его въ безсмѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ-Евреемъ, подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: ввѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества человѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жиду ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нéчего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистыя исхудалыя руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсъ морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Мнѣ постоянно казалось, что у него лежитъ на сердцѣ такая мысль:

Захова́ю змію лю́ту,
Ко́ло свого́ се́рця,
Щобъ ворогі́ не бачили,
Якъ ли́хо смі́ється...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сиплыхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постолы, обобитые отъ долговременнаго употребленія, — лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступитъ мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющи́тъ, такъ и чвя́каетъ. Шаровары на немъ расползлись, такъ что *холо́ши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатѣ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замі́сць черво́ної стёнжки коза́цької!...* Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшеюся горлянкою, какъ не сходились содранные съ жидовъ кантанки́ на ширкоплечихъ гайдамакахъ.

— Що́ ти, Оста́пе, спрашиваю: — бага́то жа́лованя получа́ешъ?

»Ні, я жа́лованя не получа́ю: я при корчмі сто́рожемъ.«

— Такъ ти нічо́го й не ро́бишъ?

»Ні, роблю́ усе́. Їзджу въ лі́съ по дро́ва, отопля́ю корчму́, дивлю́сь за кіньми, за коро́вами, во́ду пошу́, та́къ куди́ пошле́ жидъ — иду́; на брова́рню за пи́вомъ... у ночі, хто приде... я й за дворо́мъ дивлю́сь.«

— Ну, що́ жъ вінъ-таки́, якъ пра́зникъ, тобі даé що-нéбудь?

»Ні, дру́гий годъ служу́, а ні одноéі копіечки, ані полу́шки, нічо́го,

нічо́го. Я тілько должéнъ отопля́ти корчму́; а вінъ менé и до ко́ней, и до всёго. »Ти«, ка́же, »долзéнъ при корцмі всё дѣлать.« А я, дурни́й, па́ну не жалію́сь. Другі́ жиди́ ще не такі уідливі були́, а сей та́къ и бігае, чи не давъ мині хто шага́. Такъ ёму́ й кортить. Оцé, пани́ ночу́ють, поста́влють на ва́рту... коло экипа́жа варту́ю.... Уговорю́ся за два зло́ти, збо́ за три, въ нічъ: що́ жъ? жидъ и одберé! »Ти«, ка́же, »при корцмі состо́ісъ, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обідаешъ, Оста́пе? съ жида́ми, чи самъ собі ва́ришъ?

»Я хожу́ за верству́; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ така́ хуртови́на, якъ сёго́дня, то я й вечéрять не хожу́. Кава́локъ хлі́ба сухо́го зъімъ; да й го́ді! А вони́ нічо́го не даду́ть; отъ служу́ въ іхъ дру́гий годъ, — ча́рки горілки не піднесли́.«

— А положи́ намъ, Оста́пе, дровъ у гру́бку.

»Напаку́ю, напаку́ю!« отвѣчалъ добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оцé, чи ночу́е у насъ хто, то та́къ жидъ и стережé: »сцо-зъ тобі панъ давъ?« Оцé ви поспита́ли, чи нема́ шпона́... Тепéръ ша́башъ жидівскій; жидівка не сміе нічо́го дава́ти; біжи́ть вслідъ за мно́ю: »Дай«, ка́же, »дай, Оста́пе, псона́ папа́мъ, а я тобі за́втра се псоно́ верну́, а гро́си сама́ зъ іхъ полущу́.«

Мы ничего жидовскаго ѣсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготовляютъ для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ всѣ запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготовили себѣ кое-что; но ка́къ ѣсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшій господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догналъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шныряли не только по столу, но и подъ столомъ. Та́къ ему хотѣлось узнать, что́ принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверные, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасаютъ бо ся Жидове къ Самаряномъ*. Уѣзжая, мы подарили всѣ купленныя вещи Остапу, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди́ жъ, Оста́пе, не оддава́й жида́мъ посу́ди. Сю посу́ду ми въ іхъ купи́ли за такі гро́ші, що мо́жно бъ купи́ти настоя́щу па́ньську. То ти се знай; отъ, ми пере́дъ сами́ми жида́ми тобі гово́римо, щобъ не сказа́ли вони́, що се іхъ посу́да и щобъ не одняли́ въ те́бе.

Жиды въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не спятъ, не ѣдятъ, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воемъ на разные голоса подъ нашею дверью, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воемъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За снѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатой едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жиды всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возились: что́-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что́-то непонятное. Дверь непрекратимо визжала и деренча́ла. Шумъ пьянаго народу на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ *отвори*! не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клокочущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за пшено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ пшено. На это жидъ говоритъ намъ: »Ну, отъ зе вінъ зъ ме́не бу́де пра́вить.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *пра́вить* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотѣ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ парому, и стоялъ на берегу въ ожиданьи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на жидовскія козни! Крестьянинъ чего-нибудь

не хочетъ продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнію, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ пшено, нитки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты ношей до того, что жидъ приходитъ, осмотритъ у него все въ мѣшечкахъ и даже за пазухой и, что́ ему нравится, беретъ, не спрашивая мужика, что́ стоитъ. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантасѣ и все это наблюдала. Тарантасъ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченіемъ *крігами*. Для переноски вещей, явились все-таки жиды, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шинелишкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: »Ему опасно, опасно ввѣрить весци!« Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ заганныхъ волынскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступить къ намъ; но жиды рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волыни! Вотъ кѣмъ порабощена страна, прозванная Волынью отъ *воли* (свободы), которою она славилась когда-то въ Русскомъ мірѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отзываемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владѣя страною и ея населеніемъ, не желаютъ процвѣтанія ни той, ни другому: они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображеную ими Волынь, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, — не болѣе. Страшная любовь!... Послѣдніе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленію и негодованію всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути, мѣсяца черезъ три, мы остановились на дорогѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была средина

лѣта. Остапъ явился къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которыя произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Оста́пе, посу́да? спросили мы.

»Э! одня́въ дия́вольский жидъ!«

— На́ що жъ ти одда́въ?

»А що́ ти зъ нимъ вдіешъ? Моя да й моя́!«

— Ми жъ тобі каза́ли, що за її вели́кі гро́ші запла́чені!

»То що́! хиба́ жидова̀ сёго́ не чу́ла?«

— Да я́къ же ти одда́въ?

»А що́ жъ я зъ ними вдію! Я оди́нъ, а ихъ — си́ла!«

— Ти па́ну пожалівся бъ.

»Що́ панъ?« отвѣчалъ Остапъ, понуривъ голову.

— Вінъ би заступи́всь за тёбе.

»Эге́!... Жидъ ёму́ нужні́ший. Жиди́ на світі па́на держа́ть!«

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а гро́шей у тёбе не одняли́?

»Про гро́ші я не призна́всь. Шука́ли по кише́няхъ, такъ — зась! я взявъ, да й захова́въ підъ коло́дку на дро́вітні.«

— Що жъ ти собі купи́въ, або́-що, за ті гро́ші?

»А що́ мині тре́ба? Я про смерть держу́, щобъ було́ за́ що похова́ти; да якъ говівъ, то съ ко́пу попу́ да дяка́мъ розда́въ, да бу́бликівъ за пъятака́ купи́въ, людямъ розда́въ, щобъ на тімъ світі поба́читься зъ своіми.«

— Отъ же тобі, Оста́пе, соро́чка й штани́.... Чи не одніме сёго́ жидъ?

— »Ні вже, сёго́ не здере́ зъ ме́не: я за́разъ надіну. Моё попа́далось, то отсе́, спаси́бі вамъ, —тепе́ръ зніму́, ви́перу, да й полата́ю.«

— Ато́ въ тёбе нема́ й переміни?

»Була́ переміна, да вра́зька жидівка зняла́ зъ гори́ща, да й подра́ла на ганчірки́ до пе́чи....«

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоемъ существованіи?

Анна Барвинокъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Анреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилуцкаго уѣзда.— Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ бороном Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, что продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему пріобрѣсти много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепьянистомъ. Въ его чуткой талантливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этимъ двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элегіи* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія;* потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., Н. А. женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи*, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріяловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно заниматься статистикою и этнографіею, и напечаталъ слѣдующія брошюры: *1) О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности; 2) объ овцеводствѣ въ Малороссіи; 3) рѣки Полтавской губерніи; 4) о народонаселеніи Полтавской губерніи; 5) обычаи, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ.*

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку [1]; сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусскаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую библіотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Никалая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андревичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ »розумнимъ паномъ«.

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. »Зачѣмъ это ты куришь«, замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: »вѣдь ты можешъ сжечь *клу́ню*«.—»А коли́ я можу́ спаліть, такъ и ви, па́не, спа́лите«. — »Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клуни», возразилъ Н. А.—»И то́ правда, пане«, отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растеній и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

---

[1] Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербелемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и выростилъ. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большое общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, Н. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвицами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепьяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратить на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, Н. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепьяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, бо́льшую часть времени хозяинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцаніи звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памятны тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, остротъ и удовольствія выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что́ могъ бы внести въ неё по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ-

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеалъ лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было та́къ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человѣка уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отроду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимаго сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту преждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. Макаровъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, непріятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ-счастію, количество ихъ небольшое); но еще несноснѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и разсказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ небываломъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томика сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавіемъ: »Изъ Украины«.

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описаніи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха »Козаковъ и Степей« и »Слобожанъ«, о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведеній пера, такъ-смѣло глумившагося надъ нашей исторіей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнія; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнію, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ разсказовъ изъ »Украины« и даже съ первыхъ пріемовъ, вы видите претензію на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ разсказамъ Основьяненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскіе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшій разрядъ бельлетристики. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгалъ юмористическаго направленія, давшагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю »Чумаковъ«, въ свою очередь, захотѣлось поюморничать: »я-де малороссъ«, вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, »и мнѣ прирождена эта способность«, и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что́ бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь похохотать подъ неотесаннымъ *хохломъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить однѣ смѣшныя вещи. Но какой же обозванный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и лица, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагали въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобные пріемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужихъ фантазій, разгуливающихъ по Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и разсказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Порицать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: »la critique est aisée, mais l'art est difficile«, находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ пріемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналѣ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и вникнуть въ подро-

бности, ускользающія отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу указывать вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подкрѣпленія, на печатные источники,—безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе разсказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью »Чумаки«. Мнѣ хотѣлось взглянуть—вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась ли здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливавшая въ »Козакахъ и Степяхъ«, гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увы, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народные памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудревато описалъ бытъ чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предпославъ вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, бытъ которыхъ такъ своеобразенъ и занимателенъ. Не стану говорить о реторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ »Слобожанъ« того же автора,—но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что изъѣздилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключеніями, ограничивается одною Харьковской губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но я имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчіи, между жителями сосѣднихъ губерній: зная, напримѣръ, бытъ въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изучивъ обычаи, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношскаго. Отъ бельлетриста и невозможно требовать многаго въ этомъ отношеніи: но если бельлестристъ постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтистыми описаніями природы. Добросовѣстный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначитъ границы своихъ наблюденій, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: »я дескать поѣздилъ-таки по свѣту.«

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуетъ предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтическій колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолилъ, что́ называется. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сёлъ, всѣ обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положа руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалитъ, то хвалитъ не стѣсняясь; если же выставитъ какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно нѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худо́бу* и возвращались домой съ *батога́ми*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цыфру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придерживаться чарки. Пользуясь статьею самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значитъ 50 паръ сто́ятъ 3.750 р.—капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолюдинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человѣкъ не менѣе десяти, и сколько времени нужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево, — не будемъ принимать его въ разсчетъ, — а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упоить многочисленную публику, — значитъ издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему нужно пьянствовать круглый годъ безъ просыпу и безъ оглядки, чтобы пропить такую сумму денегъ. Неужели же чумакъ г. Данилевскаго больше года кутилъ, пропивая свое состояніе, и ка́къ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это сильно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ родинѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ »Козакахъ и Степяхъ«, искажая народныя легенды, вы передѣлали извѣстную пѣсню о »Сагайдачномъ« и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что́ противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горѣлкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой разсказывается о чумакѣ, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолюдина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумакъ, если занимается чумачествомъ по наслѣдству, ничѣмъ не разнится въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и разсказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боится жены и угождаетъ ей, а только весною дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумакъ г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюденій всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, разсказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдываясь изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и нравовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно,—до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хуторъ« и »хуторянинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значитъ выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой разсказъ.

»Святочныя пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченною у Гоголя, въ его повѣсти »Ночъ передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюденій, но въ Малороссіи, на *святъ-вечіръ* (канунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узвáръ*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаямъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святочныя гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зазженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи (стр. 96).«

Опять не знаю, чѣмъ освящаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія исключенія, тамъ гдѣ растетъ сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *каганцѐмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ могилевской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумакъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормитъ имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украйнѣ въ каждомъ кабакѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надпись и т. д. (стр. 106).«

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабакѣ, но врядъ ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамая съ надписью: »Хоть ди́висся на ме́не« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большо́ю рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, разсказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111).«

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣлъ онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ *маиться* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120).«

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дро́читься*, а не *маится*,) въ іюльскіе жары. Что́ же касается до веснянокъ, то онѣ давно уже пропѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ— позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмыслицей, а въ народѣ, по моему, это—художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Ой подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣетъ;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣетъ...
Ой подъ мостомъ, мостомъ,
Плеснулася рыбка;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все росту не шибко...
Пусти меня, мать, изъ хаты
Я не *заплутаюсь* (?!);
Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюсь.

А вотъ и подлинникъ:

Ой підъ мо́стомъ, мо́стомъ
Трава́ зеленїе,

А за до́брим чоловікомъ
Жінка молодіе.
Ой підъ мо́стомъ, мо́стомъ
Трава́ посиха́е,
За леда́чимъ чоловікомъ
Жінка пропада́е.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У степъ по́гуляти,
Бу́ду тра́ви прогорта́ти,
До́леньки шука́ти.
Пусти́ мене́, ма́мо,
У ставъ покупа́тись,
Бу́ду пла́вать, пурина́ти,
До́леньки шука́ти...
Ой ні, моя́ ма́мо,
Де я ни ходи́ла,
Та не знайшла́ тії до́лі.
Що ти загуби́ла.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ варіантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣтье, дѣло идетъ о концѣ мая);« школяры несутъ учителю-дьячку »сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрья скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершено непонятная. Что́ значитъ *опроставшійся* сѣнокосъ? По моему крайнему разумѣнію, это—пространство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрья 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрья скотъ ходитъ гдѣ угодно, даже по всходамъ, а на Юрья, когда священникъ освятитъ, съ процессіею, поля, пастухъ долженъ гонять стадо уже на толо́ку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освященіе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрьѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрья скотъ пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенныя поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время »подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрика не *особенная*, а сырная лепешка, которыя пекутся только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздятъ чумаки, а соль везутъ на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонъ.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздятъ на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это разсказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ туристомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсони — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во-первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ *Копаней*, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонъ, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовыя лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козáчьихъ-Лагеряхъ, которое не далеко отъ Херсони.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливокъ и водянокъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когдá жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожаловаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ воли фантазіи. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Чужбинскій.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРО́БѢ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не однѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссіянъ), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обработываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержатъ еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведутся въ такомъ же количествѣ, какъ волы, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочаго рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочаго рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на безпрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочаго скота не только разстраиваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для пріобрѣ-

тенія вожделѣнной пары воловъ; пріобрѣтя ихъ, — лелѣетъ, бережетъ, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хворо́ба!* (этимъ именемъ насываютъ Малороссіяне чуму); *хворо́ба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долголѣтнихъ трудовъ, сбереженій, разомъ погибаютъ, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендуемыя противъ чумы мѣры предосторожности, оцѣпленіе, отдѣленіе больныхъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженыя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроеномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать полевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, ка́къ прекратить заразу, ка́къ ее лѣчить, ка́къ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо постороннихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ бо́льшая или меньшая степень воспріимчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія спеціалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не спеціалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старые годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія (¹). Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновеніе — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледянка* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. ($37^1/_2$ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(¹) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, расказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; между тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичь, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постоянно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, (¹) употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не производила опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотсной чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе плодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.
Полтава.

(¹) Поваренная соль стóитъ теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка—1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ допустить мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, вопервыхъ потому, что скотъ, будучи весьма жаденъ на соль, съѣстъ ее втрое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать (ледянку онъ только лижетъ), чтó выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянка́, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма важное различіе отъ поваренной. Она́ имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; а извѣстно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ естъ пораженіе желудочныхъ отправленій. М. Б.-К.

ЛИСТИ́ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ I.

Не диву́йтесь, добро́дію, що десь на ху́торі довідались уже́, що́ ви тамъ собі у столи́цяхъ ду́маете-гада́ете. Чу́тка про ва́шу *Осно́ву* пройшла́ въ насъ по хутора́хъ уже́ давне́нько. Спасибі вамъ за те, що ви на́шого мановця́ украінського не ки́даете; а вже намъ би́тий верстови́й шляхъ очортівъ за сто ро́ківъ. Прямуйте жъ, добро́дію, куди́ заду́мали, не хи́блючи, та й про насъ, хуторя́нъ, дба́йте не по-городя́нській. Всі бо письме́нні лю́де, опрічъ двохъ, або́ трёхъ, кото́рихъ го́лосъ до насъ дохо́дить, ра́ють намъ своє́ хуторя́нське життя́ на міща́нське міня́ти, бо, отъ, ка́жуть, ви въ про́стихъ сви́тахъ та сорочка́хъ хо́дите, а той би́тий и вимитий лю́дъ по города́хъ — одягни́й, на́че па́нство, и го́рниці въ ёго на помо́сті, и вікна въ ёго вели́кі, и ла́со вінъ ість, и со́лодко вінъ пъе, и за́бавки въ ёго благоро́дніі, и до книжо́къ вінъ бере́тця охо́чо, и незаба́ромъ зрівня́етця освітою съ пана́ми и зъ Жида́ми; а ви остаете́сь у всіхъ поза́ду....

Коли́бъ ма́ли во́лю сі добро́дії, то вже бъ давно́ на́ши хуторі посписували, росціни́ли вся́кий ступінь землі, позаво́дили бъ на вся́кий ху́тірь по трахти́рю зъ катери́нкою, и було́ бъ у насъ такъ га́рно та лю́бо, якъ у нихъ отта́мъ де-не́будь на Крестовскому, або въ Соко́льникахъ, чи що. Роди́вшись у города́хъ, зрі́ши въ висо́кихъ пала́тахъ, вони́ нічо́го кра́щого й не ви́думають надъ свою́ па́нську, чи, якъ тамъ ка́жуть, комфорта́бельну жизнь. А нашъ братъ, хуторяни́нъ, попа́вшись у ту камяну́ Москву́, або

въ той безо́дний *бурхъ*, ди́витця, ей же Бо́гу, зъ вели́кимъ жа́лемъ на той одягни́й та ла́сий людъ, ди́витця та й ду́мае собі: »Бо́же мій, Бо́же мій! якъ тутъ отсі пани́, у сій тісно́ті, біду́ютъ! Зо́лотомъ ссяе, у каре́ті іде, а яки́мъ во́здухомъ ди́ше!.. Такъ отсе́ вони́, ти́і роско́ши?... Або́, мо́же, отся́ грукотня́, отсе́й го́мінъ, га́ласъ, гукъ, свистъ,—чи не се та пова́ба, кото́рою насъ ма́нять изъ ти́хихъ хуторівъ співу́чихъ до то́і мизе́рноі цивилиза́ціі?... Або́, мо́же, отся́ дорожне́та, що чоловікъ не прохарчи́тця и гниля́тиною за ті гро́ши, що гірко́ю пра́цею загорю́е,—мо́же, *се* вона́, та кра́ща до́ля одъ на́шоі убо́гоі, та не голо́дноі до́лі?«

Проманта́чились городя́не на своі що-ти́жня нови́і мо́ди; проілись на своі ла́сощи, проци́ндрили ба́тьківщину на дороги́і за́бавки; пійшла́ полови́на въ старці черезъ той дурни́й на́товпъ, черезъ ту навісну́ дорожне́ту; то вже тепе́ръ на́шого бра́та, хуторяни́на, до се́бе, до гу́рту, да грома́ди, до спільности заклика́ють. Змилосе́рдились, ба́тче, якъ тамъ ка́жуть, гума́нні лю́де, комфорта́бельні чоловіколю́бці, що скілько-то наро́ду по хутора́хъ не зна́е вели́кихъ благъ цивилиза́ціі, якъ отъ на Кресто́вському о́строві мужики́ зна́ють, що ма́ти, мужи́чка въ па́нській шля́пці, чере́зъ ну́жду, або́ чере́зъ леда́чу свою́ воспи́танность, рідну дочку́ продае́; змилосе́рдились надъ на́шою темното́ю, що ми, опрічъ ріллі́ свое́і та па́сіки, та чума́цтва, або́ про́стого ше́вства, краве́цтва, ри́марства, кушнірства, тка́цтва, кова́льства, то що́ таке́, нічо́го въ світі не зна́емо, що́ по чімъ купу́етця и продае́тця: скілько одступно́го взя́ти грішми, або́ чимъ и́ншимъ, за рідного ба́тька, ма́тіръ, бра́та, сестру́ або́ й дити́ну, якъ ча́сто (ого́, якъ ча́сто!) бува́е по тихъ цивилизо́ванихъ сто́ронахъ. Боли́ть у нихъ се́рце, у тихъ письме́ннихъ и друко́ванихъ городя́нъ, що ми нау́къ іхъ и слове́сности пи́саноі не зна́емо; а про те сі добро́діі й забу́ли, що на одну́ со́тню ро́ківъ по пять разъ вони́ одъ старо́і нау́ки й слове́сности одцу́рувались, и сами́ ще не зна́ють, яко́і віри и яко́го смаку́ бу́дуть пере́дъ сме́ртю. Ми жъ, лю́де про́сті, якъ навчи́лись на варя́зькій чи на лито́вській, або́ по́льскій па́нщині за плу́гомъ до́бре ходи́ти и недолю́дківъ годува́ти, то й до́сі себе́ сами́хъ и білору́кихъ городя́нъ хлібомъ году́емо. Се, здае́тця, не лука́ва нау́ка; а въ васъ, городя́нъ, есть и ехи́дні нау́ки: е въ васъ такі нау́ки, щобъ до віку вічнёго тілько сами́мъ у зо́лоті купа́тись; е въ васъ и таки́і нау́ки, що хто кого́ проведе́ та

зненáцька насяде, тогó велúкимъ чоловíкомъ величáють. А въ насъ такúхъ добрóдіївъ зовýть пó-просту пьявкáми та людоїдами; ми одъ такúхъ, полú одрізавши, мýсимо втікáти, анíжъ свій рóзумъ и дýшу іхъ лукáвою дорóгою пускáти. Мóже, скáже хто, що не втечемó, ховáючись по своúхъ закапéлкахъ, що доберýтця вонí до насъ колúсь, якъ ужé вúссуть усяку свíжу сúлу округú сéбе, и що, застáвши насъ невмíлими своéі всемúрнёі наýки, якъ-разъ підгóрнуть підъ свою кормúгу, и бýде зъ нáми те, що зъ лóндонською и ирлáндською бідóтою: тимъ би то лýчче тóі дóлі лихóі запобігáючи, самúмъ намъ заворушúтись у своіхъ хуторáхъ по-городянські и заздалегідь ужé городянського дýху и рóзуму набрáтись, бо, кáжуть: *вóронъ вóрону очéй не вúклює!* Тáкъ насъ лякáють и тáкъ намъ рáють тúі вожакú городянъ, що вúдумали премýдрость ищé мудрíйшу одъ Христóвоі! А ми спрóста, якъ намъ Богъ положúвъ на дýшу, одвітýемо: »Тó ще нá-двое бáба ворожúла, чи бýдемо ми въ городянъ підъ кормúгою, чи нí, а жидовіти намъ... нí, се не по нáшій натýрі! Колú жъ ужé справ̀ді такá нáша дóля, щобъ намъ до-вíку не булó просвітку, то лýчче намъ усімъ однó на одному повмірáти, анíжъ изъ своéі прáведноі віри та въ жидівську, городянськимъ рóбомъ, поперевертáтись?«

Отó жъ нíчого намъ, панóве городяне, симъ дорекáти, що ми, мужикýючи по хуторáхъ и сéлахъ, не такъ-то квáпимось до всякоі нóвоі всемúрнёі наýки, остаючись у панівъ и въ жидівъ позáду. Дýмаете, мóже, що ми цурáемось освіти? що въ обскурантúзмі, якъ мовляете, ми закохáлися? що рóзумъ нашъ лéжнемъ звикъ изъ дáвніхъ давéнъ лежáти?... Ой, ой, ой! якъ-то вонó здáлеку химéрно вамъ усé здаéтця! Хтó жъ вúненъ тому обскурантúзмові, колú ви тілько городú знáли освітою забезпéчувати, а намъ не далú вóлі, безъ свогó городянського порядку, хоть наймéншу шкóлку, по громáдському рóзуму, у сéбе на селі завестú? Рóзумъ нашъ лéжнемъ извúкъ лежáли? Якъ же бъ вонó йнше стáлося, колú дитúну для наýки трéба изъ семъі вúрвати и міжъ такі люде заслáти, котóрихъ не знáешъ и не відаешъ, якúмъ вонú дýхомъ дúшуть и щó съ твоéі дитúни зрóблять? Знóвъ же й коштъ на ёго положú такúй, за ту городянську наýку, що, мóже, тілько съ тúсячи въ одногó господаря знáйдетця на те й достáтокъ. Ужé жъ вонó, учúвшись тамъ міжъ городянськими діть-

ми, и одъ про́стоі свити́ни, и одъ про́стихъ звича́івъ та й одъ рі́дноі мо́ви своéі одви́кне. Яки́й же зъ ёго бу́де семъяни́нъ у про́стій ха́ті, міжъ про́стими селя́нами? Лу́чче жъ ёму́ въ ба́тька та въ ма́тери про́стого господа́рства навчи́тись, аніжъ чужи́мъ у рі́дну се́мъю съ тими́ нау́ками верну́тись. Отъ воно́, якъ у насъ ро́зумъ нашъ ле́жнемъ лежи́ть. Про се ви, городя́не, не турбу́йтесь. Мо́же, коли́сь на́ша грома́да впо́раетця зъ ді́ломъ та пола́годить де́-що, що ви жъ намъ, набіга́ючи до насъ, для поря́дку попсова́ли, та тоді вже своéю во́лею и своімъ ро́зумомъ розбере́, до якóі нау́ки тре́ба діто́къ изъ-ма́лку вправля́ти, —тілько такъ, щобъ и въ нау́ку дити́на вбива́лась, и одъ леда́чого товари́ства городя́нського не псова́лася. Бо, по на́шому про́стому ро́зуму, то́ ще не вели́ке діло, якъ одно́ знайти́, а дру́ге втеря́ти. Спаси́бі вамъ за тихъ високовоспи́танныхъ коза́чихъ, або́ мужи́чихъ, діте́й, що зъ на́шимъ бра́томъ не вміе вже й заговори́ти! Спаси́бі вамъ и за тихъ розу́мнихъ люде́й, що якъ поніззжа́ють изъ городівъ до насъ у го́сті, то въ ма́тери се́рце не на місті за своіхъ простова́тихъ, непол о́ханихъ ище́, щи́рихъ душе́ю до́чокъ, по́ки панича́ съ ху́тора, або́ зъ господи не збу́де! Спаси́бі вамъ за тихъ ви́вяленихъ женихівъ, що своіми грішми ва́блять до се́бе найдоро́жший цвітъ хуторя́нокъ и селя́нокъ! Не хо́чемо ми ніякихъ благъ цивилиза́ціі, коли́, за сі бла́га, діти на́ши не вмітимуть изъ на́ми, підъ на́шу ста́рість, розмовля́ти, коли́ вони́ насъ, а ми іхъ, черезъ іхъ вели́ку освіту, не розумітимемъ! Беріть собі на-віки и не пуска́йте до насъ ва́шихъ малёванихъ паничівъ, що вміють діво́чимъ ро́зумомъ и се́рцемъ, якъ пахущою квіточкою, що-дня міня́ючи, забавля́тися! Неха́й догнива́ють у васъ по города́хъ ти́ні по́скрібки цивилиза́ціі, що, мовъ зъ домови́ни упирі, на свіжу кровъ ки́дають ця! И неха́й лу́чче ми бу́демо до віку вічнёго въ ла́таній сіромя́зі ходи́ти, аніжъ людськи́й слёзи кварта́ми міряти!

Се вамъ, городя́намъ, цивилизо́ванимъ людямъ, о́дповідь на́ша на ва́ши зази́ви до спільности зъ ва́ми, до нау́ки, до практи́чнёі му́дрости, одъ кото́роі полови́на зъ васъ у зо́лоті купа́етця, а полови́на въ вонючій грязі то́не, одъ пеке́льноі робо́ти чу́чверіе и зъ го́лоду ги́не. А що ми слове́сности ва́шоі кни́жнёі не зна́емо, то скажі́те сами́: що́ жъ би съ то́го за добро́ було́, коли́бъ ми, сто літъ наза́дъ, те жъ саме́, що й ви, чита́ли, и того́ само́го смаку́, що й ви, набіра́лись, та начита́вшись и набра́вшись того́

ли́ха, якъ жа́ба грязі, почали́ ва́шимъ ро́бомъ у сво́іхъ хутора́хъ и се́лахъ ходи́ти? Чи ска́жете, мо́же, що то́ була́ па́косна, по́зи́чена слове́сность, кото́рої ви вже тепе́ръ одцура́лись и вже намъ тепе́ръ хоро́ші книжки́ друку́ете? Згада́йте жъ, бу́дьте ласка́ві, у кото́рий се вже разъ ви намъ такъ гово́рите, *ви*, письме́нні, городя́нські лю́де, поча́вши съ того́ старода́внёго віку, якъ ва́ши прапра́щури *сме́рдомъ* на́шого бра́та записа́ли? Аже́ жъ ви зна́ете по старосвітськихъ книжка́хъ, що Іезуїти и и́нші кате́лицькі по́пи, ще кра́ще одъ васъ говори́ли про душе́вну освіту, и по се́лахъ босоно́гі ми́ссіі розсила́ли, мовъ би нови́хъ апо́столівъ постанови́вши, и бага́то зъ насъ до то́і ома́ни поква́пилось и одъ про́стоі віри мужи́чоі (¹) одщепи́лось.... Що́ жъ ви́йшло? Брехня́, та й го́ді!... Та чи одні жъ кате́лики по города́хъ лю́дей и віршами, и вся́кою и́ншою слове́сностію обду́рювали? Исто́рия обма́ну до́вша, якъ-би́ іі списа́ти, одъ исто́рии щи́роі пра́вди, — що, якъ-би́ перетруси́ти всі книга́рні, якъ-би́ хто взявъ у ру́ки тако́го ціпа, щобъ уве́сь той да́вній и неда́вній мо́тлохъ перемолоти́ти, то чи́стого, пра́ведного зерна́ чи набра́лось би й съ ківшъ. Сами́ ви се до́бре зна́ете, а намъ изъ своіми книжка́ми набива́етесь.... О, бо'да́й васъ, цивилиза́торівъ! У васъ усе́ тілько *сбыть и потребленіе* на умі! и якъ-би́ ввесь миръ закипівъ то́ргомъ, то вамъ би й ра́ю Бо́жого не тре́ба.

Отъ же въ хутора́хъ не ду́же городя́намъ віри дойма́ють. Мо́же, ви й спра́ві поробили́сь уже́ святи́ми, надиви́вшись на свої старі гріхи́, та хто́ жъ намъ за васъ у пору́ки ста́не? *Зда́вся Ци́анъ та на свої діти....* чи не така́ бу́де пору́ка? Ва́ша пра́вда — въ Бо́га на су́ді, а передъ очи́ма въ насъ — тілько ва́ша кри́вда, починаючи съ то́го да́внёго віку, якъ ва́ши письме́нні, вельмо́жні, и бога́ті пре́дки прозва́ли и записа́ли на́шого бра́та сме́рдомъ. Тимъ-то й не ймемо́ ми вамъ віри, хочъ, мо́же, ви вже й присвяти́лися. Не ду́рно бо гово́рять: *Брехне́го світъ прійдешъ, та наза́дъ не вернесся!...* Що́ жъ намъ ва́ша слове́сность друко́вана, коли́ сами́ ви намъ изневірилисъ?... Що ви іі собі вподо́бали, се намъ байду́же, бо ви й про Вольте́ра (або́ ва́ши діди́, все одно́) на пупъ крича́ли, що притьмо́мъ світъ

(¹) Chłopska wiara — такъ всі кате́лики на Вкраїні взива́ли на́шу віру въ XVI, XVII и XVIII вікахъ.

по́слі тьми осия́въ миръ; а Вольте́ръ самъ написа́въ, що слу́гамъ и че́рні нічого ёму́ сказа́ти: се бъ то ёго́ пу́блика — самі пани́, самі просвіще́нні. Ви такъ не гово́рите, якъ говори́въ и надрукува́въ вели́кий учи́тель ва́шихъ пре́дківъ-городя́нъ. Ви вже не наха́бою, якъ тоді води́лося, а лагіднимъ сло́вомъ, силку́тесь прилу́чити на́съ до гума́нної (лу́чче бъ гуме́нної) грома́ди. Ласка́венько насъ велича́ете мужичка́ми, и вже соло́дкимъ па́нськимъ голоско́мъ гука́ете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тьбя, любьзнай, завутъ? Полно тьбь сидьть за чаркаю па васкрьснымъ днямъ съ сасьдамъ: лучшь на́, вотъ, пачитай книшку, прасвьтись мальнька, друкъ ты нашъ сьрдьчнай!* И ду́маете, що въ васъ *есть* що́ сказа́ти и слу́гамъ, и пото́мкамъ тихъ сме́рдівъ старосвітськихъ, що Варя́гамъ па́нщину роби́ли. Эге́, ма́буть, що есть, коли́ мужичо́къ и *друкъ спрдьчнай* маха́е тілько руко́ю одверта́ючись! Коли́ жъ візьметця до кни́жки, то въ тій кни́зці не бу́де ва́шихъ химе́ръ соло́дкихъ: ту кни́жку написа́ли лю́де, кото́рі сами́ зна́ли ну́жду й напа́сть уся́ку, кото́рі не мча́лись ви́хремъ зъ дзвонка́ми черезъ убо́гі се́ла, а своїми нога́ми захо́дили до люде́й у ха́ту и на ни́ву та, приголу́бивши до се́бе діте́й мужи́чихъ, ро́бомъ свого́ Учи́теля благо́го, — говори́ли пра́веднимъ сло́вомъ до люде́й, навча́ючи іхъ ду́ши спаса́ти, а не кише́ні грішми начиня́ти. Отту́ кни́жку чита́ли на́ши пре́дки за ти́сячу ро́ківъ до насъ, та й каза́ли: *пра́вда!* Ту кни́жку й ми чита́емо, та й гово́римо: *пра́вда, на-віки пра́вда!*... А ви про свої книжки́ сто літъ наза́дъ крича́ли: *пра́вда! ще кра́ще одъ само́ї пра́вди!* а тепе́ръ про ті жъ самі книжки́ на ввесь миръ репету́ете: *брехня! а отсе́, що ми сами́ написа́ли, отсе́ вже пра́вда!* Такъ кого́ жъ ви ду́маете моро́чити? малу́ дити́ну, чи що? Мала́ дити́на пійме вамъ віри, а ми́, сла́ва Бо́гу, ти́сячу ро́ківъ, якъ себе́ зазна́емо и, поча́вши одъ 'Олегівъ, кото́рі до насъ на гото́ве прийшли́, надивили́сь дово́лі на вся́кихъ ошука́нцівъ.

Були́ видю́щі и сліпі,
Були́ и шта́тські и вое́нні,
Були́ и па́нські и казе́нні,
Були́ миря́не и попи́.

Отта́къ ми, добро́дію, одка́зуемо тимъ экономи́стамъ ва́шимъ столи́чнимъ, або́ й тимъ пра́ктикамъ-поэтамъ, кото́рі надъ міща́нина, та надъ пра́сола, та надъ цивилизо́ваного куцака́ нічо́го й

кра́щого въ світі не зна́ють. А ви, добро́дію, пе́вно не пора́ете на́шому бра́ту, хуторяни́ну, свій ти́хий холодо́къ на ту грукотня́ву та спе́ку міня́ти, або́ съ про́стої сви́ти въ ти́і дорогі оде́жи вбіра́тися. На ва́шу *Осно́ву* ми зъ до́брою надією споглядаємо. Ми й сами́ вже такъ мірку́емо: що нема́ і въ світі кра́щої оде́жини, якъ на́ша про́ста сви́та. Якъ поду́маешъ, черезъ яки́і вчи́нки лю́де собі ти́і саєти та оксами́ти добува́ють, то, да́лебі, вона́ въ на́шій ду́мці ссяє кра́ще всякого дорого́го ка́меню на тихъ жупа́нахъ, або́ широ́кихъ па́нськихъ су́княхъ, — що ні одна́ жъ то гірка́ слёзина на те шорстке́ ткання не покоти́лася!... Да́лебі, здає́тця вона́ намъ яко́юсь ніби свято́ю ри́зою; и въ одного́ Бо́га тілько кра́ща оде́жа, якъ роски́не вінъ ії одъ кра́ю до кра́ю небесі́, усю́ въ зо́ряхъ блиску́чихъ.

Неха́й собі гуркотя́ть и свищуть чугу́нки, кому́ іхъ тре́ба. Коли́бъ намъ було́ тре́ба того́ ди́ва, то й ми бъ собі зроби́ли, бо грома́да — вели́кий чоловікъ и якъ схо́че, то на все до́бре спромо́жетця. Що́ жъ, коли́ не прийшо́въ ще́ нашъ часъ про чугу́нки дба́ти? Ще, мо́же, тре́ба пе́рше дворі́ й хати́ повимітувати та тогді й до більшого діла бра́тись. Ато́ — тутъ насъ сміттямъ и всякимъ гно́емъ заки́дано, а намъ, забу́вши про свою́ бідола́шню госпо́ду, слідо́мъ за чужозе́мцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі діло розбіра́емо, що, коли́ тре́ба на́ щось, щобъ одні лю́де, якъ отъ Ангеля́не, попе́реду всіхъ ишли́, то, ма́буть, и те тре́ба, щобъ и́нші, якъ отъ ми, украи́нські хуторя́не, поза́ду зоста́вали́ся. Коли́ тре́ба, щобъ одні по города́хъ чу́чверіли, я́къ отъ на́ши бу́рховці, то, ма́буть, и те́ тре́ба, щобъ дру́гі по хутора́хъ и се́лахъ міцни́мъ, неліченимъ здоро́въямъ, на́че дуби́ зеле́ні, тве́рдо на своїй рідній землі стоя́ли. Зновъ же, коли́ тре́ба на світі таки́хъ, щобъ уся́ку прему́дрость кни́жню розуміли, то, пе́вно, тре́ба й те, щобъ чоловікъ чита́въ тілько одну́ кни́жку, вели́кий Завітъ вели́кого всеми́рнёго Учи́теля, а Бо́жий миръ розумівъ більшъ се́рцемъ, ніжъ голово́ю. Бо й сами́ отті цивилиза́тори неха́й би ро́зумомъ своїмъ збагну́ли: що́ бъ то було́, якъ-би́ нашъ братъ одда́вся все́ю душе́ю ще іезуїтській нау́ці (а Іезуїти про́бували вчи́ти насъ и зъ го́лою ша́блею)!... Цивилиза́ція, ка́жуть, веде́ чоловіка до всякого ща́стя.... А якъ же ні?... Що́ тоді, пано́ве? де́ тоді візьмете людей свіжихъ душе́ю и міцни́хъ здоро́въямъ, щобъ и́ншимъ ро́бомъ зопсо́вану по всій землі жизнь по-

пра́вити?... Та́къ поки́ньте жъ хочъ насъ, бу́дьте ласка́ві, по хутора́хъ про запа́съ: мо́же, ми ва́шимъ пра́внукамъ згодимо́ся. Пишіть собі тамъ и друку́йте що-хотя́. Мо́же, воно́ й до́бре кому́ слу́хати васъ, тілько не намъ. У насъ, пано́ве, нау́ка своя́, тисячолітня: вона́ навчи́ла насъ більше слу́хати пра́ведного Сло́ва Бо́жого, аніжъ лука́вої па́нської мо́ви. Коли́бъ ви такъ учи́ли, якъ учи́въ Христо́съ, то ми бъ васъ послу́хали одра́зу, ато́ ви у́чите не Бо́гові, а мамо́ні служи́ти; золото́му и́долу розу́мною свое́ю голово́ю кла́няетесь, ду́маючи, що пійшли́ ще дальшъ само́і Ева́нгелиі.... »Просвіти́лись«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще й дру́гихъ
Хо́чуть просвіти́ти;
Со́нце пра́вди показа́ти
Слі́пи́мъ, ба́чишъ, дітямъ....

Поки́ньте, ка́жете, свої про́сті хуторя́нські звича́і — бу́дете бага́ті. А на́ що жъ намъ, пано́ве, бага́тшими бути? Хиба́ въ насъ істи й пи́ти нічого, або́ нема́ соро́чки, свити́ни й кожуши́ни, або́ не те́пло намъ у на́шій ха́ті, або́ нема́ просто́ру круго́мъ ха́ти, або́ ні за що намъ спра́вити по свое́му зако́ну весілля, чи роди́нъ, чи хрести́нъ, чи чого́? На́ що жъ намъ те навісне́ бага́тство? Хиба́ на те, щобъ ожидовіти? щобъ не така́ душа́ була́ въ насъ про́ста и милосе́рдна? Або́ на те, щобъ, поки́давши свою́ деше́ву, тисячолітню оде́жу, рва́тись усі́ма си́лами, щобъ на городя́нську пиху́ спромогти́ся, на ту ледащи́цю мо́ду, що на рікъ по пять разъ перекро́юе су́кню, на́че мала́ дити́на, гуля́ючи въ ля́льки? Або́, мо́же, на те, щобъ занедба́вши свої про́сті звича́і, вки́нутись у той дурни́й комфо́ртъ, у ту и́дольску ро́скішъ, що нема́ ій ні міри, ні впи́ну, ні на́ситу?... До́бре намъ ра́ете, спаси́бі вамъ! А по-на́шому, такъ чоловікові за свою про́сту, домотка́ну сви́ту тре́ба обома́ рука́ми держа́тися. Се ёго́ во́ля! Се ёго́ зату́ла одъ дия́вольскої поку́си — мо́ди, кото́ра васъ, городя́нъ, до тяжко́і робо́ти або́ до лука́вихъ ви́гадокъ и ви́думокъ день и нічъ поганя́е. Тимъ-то борони́ Бо́же, якъ-би́ вся́ке въ насъ до книжо́къ городя́нськихъ хапа́лося, поки́нувши свою́ еди́ну кни́жку, та й поняло́ ва́шимъ книжка́мъ віри більшъ, ніжъ тій спасе́нній, пра́ведній кни́зці! Було́ бъ, мо́же, те, що всі зжидовіли бъ и за гро́ши рідни́хъ батькі́въ попрода-

ли. Що тамъ десь, за мо́ремъ, шмато́къ Аме́рики цивилиза́цію тро́шки на до́брий ладъ бу́цімъ-то спра́вивъ, идучи́ попере́дъ усёго світу, то се ми зна́емо и ра́дуемось. Неха́й тимъ людця́мъ хоро́шимъ та богобоязли́вимъ и до конця́ слу́жить форту́на у вели́кому ділі. Тілько жъ намъ ра́но ще слідо́мъ за ни́ми бігти, не впо́равшись пе́рше съ тимъ, исъ чимъ вони́ до́бре впо́ралися. Якъ же́ намъ, уда́вшись не по своёму ро́зуму и не по своій розу́мній во́лі, у цивилиза́цію, та тимъ тілько зроби́ти зъ се́бе ні Бо́гу свічку, ні чо́рту кочере́жку, то лу́чче намъ у своій шорсткій корі ще ро́ківъ зъ со́тню пережи́ти та тогді вже ії зъ се́бе злу́щити, якъ не ста́не въ насъ на Вкраїні де́-якоі по́гані, кото́ра у вся́ке до́бре діло міша́етця и вся́ке до́бре діло псуе́ и нівечить.

Та́къ ми, добро́дію, про городя́нські нау́ки и городя́нську слове́сность собі мірку́емо. Прошу́ ва́шоі ла́ски, надруку́йте сей листъ мій у своій *Осно́ві*. Неха́й ти́і комфорта́бельні чоловіколю́бці не ду́же надъ на́шою до́лею вболіва́ють. Не пога́на до́ля на́ша, хлібо́робська й чума́цька, хвали́ти Бо́га! Не проміня́емо ми ії на городя́нську, ніби-то кра́щу, и сви́ти своеі че́сноі и непови́нноі не оддамо́ ні за які сае́ти и оксами́ти. Коли́ жъ моё сло́во припаде́ й ге́ть-то вамъ до смаку́, то я не зарікаюсь до ко́жноі ва́шоі кни́жки свій листо́къ доложи́ти и про все, що́ ми, гутъ си́дя, чу́емо, або́ чита́емо, и якъ про що́ собі поти́ху гу́торимо, ви́слебизувати. Ви свою *Осно́ву* видаете́ про насъ, Украінцівъ, то тре́ба й зна́ти вамъ, якъ ми про що́ ду́маемо. Мо́же, добро́дію, и въ васъ у *Осно́ві* бу́де що́ не по-на́шому, то вже — вибача́йте — не вмо́вчимо, а такъ-таки́, якъ воно́ зда́стця намъ, такъ вамъ гарие́нько й ви́співаемо. Хвали́ жъ одъ насъ ніякоі не ждіте, бо съ то́го вамъ кори́сти було́ бъ не бага́то.

Хуторяни́нъ.

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

.... Ми собі та́къ мизьку́емо, добро́дію, що »Осно́ва« пови́нна бъ бути на рідній украінській мо́ві, та вже ви, ма́буть, се діло зна́ете лу́чче, ніжъ ми́. Отъ же ми все́-таки бу́демо сподіва́тись, що, чимъ-да́льшъ, »Осно́ва« вся буде въ на́шій любій мо́ві,

»Що ма́ти співа́ла,
Якъ мало́го сповивала,
Зъ мали́мъ розмовля́ла.«

Украінська мо́ва годи́тця не для одніхъ ві́ршівъ; на ій и тепе́ръ мо́жна говори́ти й писа́ти *про все на́ше*, такъ-таки́, якъ и на и́ншихъ. Та́къ собі ду́маючи, пишу́ до ва́съ пе́рвиі вісті по-на́шому; мо́же, на мій листъ обізву́тця зъ другихъ сторо́нъ розумніши люде и придатніше напи́шуть. Отта́къ, по-тро́ху, по-тро́ху, та й дійдемъ до то́го, що про все писа́тимемъ по-украінськи. Бо чи тожъ-таки́ не со́ромъ — лізти до сусіда въ кише́ню за сло́вомъ? хиба́ у на́съ свого́ нема́? Пора́, пора́ намъ доду́матьця до вла́сноі літерату́рноі мо́ві.

I.

Почина́ючи ли́сти зъ Полта́ви, першъ усёго ска́жемо, що ми не бу́демъ ду́же ши́роко розмовля́ти: бу́де зъ насъ и то́го, що подамо́ землякамъ звістку объ уся́кімъ грома́дськімъ ді́лі, хоча́ бъ воно́ здало́ся й непоказни́мъ, бо ко́жне грома́дське діло — не саме́ тільки діло, або́ случа́й, а ра́зомъ и вели́ка истори́чна робо́та. Ні яке́ діло само́-зъ-себе́ не ро́дитця. Не збуду́ешъ буди́нку, не

поста́вивши зпе́ршу сторчівъ; такъ-са́мо и жо́дна розу́мна робо́та не бу́де міцна и кріпка, якъ не ма́тиме підъ собо́ю сторчівъ,— да не зра́зу вона́ й ви́явитця. Одно́ коліно людей поста́вить сторчі для яко́го-не́будь розу́много діла; дру́ге ви́веде, на тіхъ сторча́хъ, стіни; тре́йте, зновъ, постано́вить кри́шу, а четве́ртому вже доведе́тця тамъ и жи́ти. Такъ на всімъ Божімъ світі ро́блятця громадські діла́, — тіі буди́нки ро́зуму, добра́ и сла́ви. Хто до сёго́ ще не доду́мався, неха́й же пи́льно вди́витця въ жизнь якъ не свого́, то и́ншихъ наро́дівъ.

Ска́жемо свою́ короте́ньку річъ до шано́вноі грома́ди. Любі мої земляки! Не ре́мствуйте ду́же на ме́не, коли́, ча́сомъ, чого́ не вподо́баете въ моіхъ ли́стахъ: бо ви до́бре зна́сте, що се пе́рвий почи́нъ писа́ння вісте́й на на́шій рідній мо́ві. Чи спосо́бна вона́ для таки́хъ ли́стівъ — поба́чимо.

Почне́мъ на́ши вісті про Полта́ву зъ того́, що найбли́жче лежи́ть коло на́шого и грома́дського се́рця, въ чому́ найбільший вжи́токъ для наро́ду вбача́емо, що ро́бить людей и розу́мними, и до́брими, и правди́вими, — се бъ то гра́мота и шко́ли.

Зъ 1859 ро́ку на 1860, въ Полта́вськихъ шко́лахъ учи́лось: *хло́пцівъ* — въ гимна́зіі — 371, въ каде́тському ко́рпусі — 371, въ духо́вній шко́лі — 193, въ повіто́вій — 40, въ прихо́дскій — 42, въ шко́лі чистописцівъ — 50, въ шко́лі п. Таксіса — 28, въ німе́цкій — 28 и въ евре́йскій 19; *дівчатъ* — въ пиститу́ті для панночо́къ — 208, въ приюті — 37, да въ ча́стнихъ шко́лахъ п. п. Лерцеръ, Кемингъ, Дейнеки и Антиповоі — 176, а всіхъ хло́пцівъ и дівча́тъ 1557. Здава́лося бъ, що для го́рода, въ котро́му живе́ людей 27,000, бі́льше й не тре́ба, — тільки жъ ні. Сіми шко́лами ну́жда наро́днеі гра́мотности ду́же не здовольня́лась, бо тутъ учи́лись діти сами́хъ богачівъ та панівъ, а неспроміжніхъ людей. Звісне діло: въ одній шко́лі — *читатъ*, у другій — *вели́ка пла́та*. Всі вбача́ли, яка́ вели́ка *тре́ба* наро́днеі гра́мотности у на́съ передъ очи́ма, всі зрозуміли, що нау́ка и гра́мотность однаковісенько поле́зні и тімъ, котрі ду́мають бу́ти коли́сь су́ддями та енера́лами, и тімъ, котрі весь вікъ звіку́ють — хто надъ обручёмъ, хто за чо́ботомъ, хто за плу́гомъ. День одо дня, часъ одъ ча́су, ну́жда въ гра́моті чу́лася більше и більше. Спасибі Бо́гу, найшли́сь до́брі лю́де, що помогли́ наро́ду въ біді, и 1860 рікъ на-віки-вічні зоста́нетця памятни́мъ для Полта́ви; бо

ще тільки недавно блиснувъ світъ грамотности на нашихъ темніхъ братівъ. П. Злигостовъ завівъ школу при городскій тюрмі, и самъ чотирі рази у тиждень ходить учить тамъ дітей. Квітня 24-го одкрита у насъ недільна безплатна школа; въ неї, зъ первого разу, прийшло учитьця 35 душъ; міжъ ними були и семилітки и сороколітні; теперъ въ сій школі учитця трохи не 200 душъ. — Недавно педагогична рада 'тсіі школи випустила до громади печатний листъ, котримъ запрошуе всякого, хто захоче завітать у школу, або на раду, виказувати чи на речахъ, чи на папірі, свої уваги и думки про школу. Се діло дуже добре, бо нехай буде хочъ який розумний чоловікъ, а все-таки громада розумній відъ его; сама громада повинна робити, й найлучче зробить, своє громадське діло.

Ще зъ 1858 року стали у насъ думать, якъ би завести дівочу школу: думали про се тільки сами учителі, а громада, мовъ вельможна пані, седіла собі зложивши руки, а черезъ те и діло йшло дуже туго. Ми уже трохи-трохи не сказали, що ще не доросли ми до того, щобъ заводить дівочи школи, ажъ-ось—то сякъ, то такъ, а добра думка не загибла безслідно, и 26 серпня одкрили Дівоче Училище, у котрімъ теперъ учитця 203 дівчатъ; мижъ ними е и панночки, и крепачки, и купцівни, и міщанки, и козачки. За Полтавську дівочу гимназію довоі уже говорили, а ми одъ себе скажемо тільки отъ-що: якъ наша шановна громада и далі буде чужими руками жаръ загрібать, то гимназія, постоявши сімъ літъ, у котрі ніхто зъ учителівъ не братиме плати за свою працю, на восьме літо бухне; бо тоді буде потрібно що року 15,000 карбованцівъ, — а де вони? Правда, Полтавська громада купцівъ (панська громада ще мовчить) положила давать одъ себе що року на гимназію 500 р., та й то, на раді у думі, одинъ багатий купець загомонівъ такъ: »наша громада не тільки неповинна давать гроши на гимназію, а намъ и гимназія не потрібна: бо зъ неі вийде не польза, а таке безголивье, що й сказати не можна!« Що маете робити! Е ще по світу люде и таки розумні, що кажуть: »по насъ, аби були дині да кавуни,— ми и безъ грамотности проживемо;—а-жъ батьки наши жили?«— и таки підсліповаті, що не тільки сами не вірять въ пользу одъ науки, а ще й другихъ лають и бьють за те, що зъохочуютця учитись.

Наро́дня охо́та я́сно пока́зуе, що потре́ба гра́мотности у насъ ще не вдовольни́лась и нови́ми шко́лами. Одно́му чоловіку въ Полта́ві прийшла́ ду́мка завести́ въ пра́зники наро́дні чте́нія и роскази про те, що́ пови́нне зна́ти уся́ке. Для наро́ду се було́ бъ ду́же до́бре ді́ло, коли́ бъ воно́ не зоста́лось ті́лько одно́ю ду́мкою. Ще бъ кра́ще, коли́ бъ завести́ у на́съ наро́дній теа́трь и книга́рню, щобъ ко́жному неспроміжнёму мо́жна було́ бра́ти книжки́ и чита́ти безъ гро́шей. Въ Полта́ві е дві книга́рні: Изопо́лською и Чижака́, а ні въ одній, да таки й ніде́, нема́ деше́вихъ наро́дніхъ книжо́къ. На що́ лу́чче! у насъ и до́сі нема́, на на́шій мо́ві, свято́го Ева́нгелія! А придивітця-лишъ до сільскихъ школярі́въ, и за́разъ поба́чите, щобъ то́ за вели́ка була́ по́льза, коли́ бъ тихъ школярі́въ учи́ли не на церко́вній, а на рідній украї́нській мо́ві, котру́ дити́на чу́ла зма́лечку и котро́ю вона́ промо́вила пе́рве сло́во. Не одбива́лась би дити́на одъ роди́ни, не ліза́ла бъ въ канцеляри́сти, а зоставалась бъ у рідній ха́ті, при своей ріллі, — здала́сь би на добро́ и собі й лю́дямъ, — та й до нау́ки бра́лися бъ охітні́ше; ато́ въ Полта́вскій губе́рніи на 130 селя́нъ дово́дитця *оди́нъ* тільки письме́нний... Чи то́жъ не со́ромъ?

Олекса́ндръ Перехо́довець.

ЗЪ Г. БОРЗНИ (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

(29 ноября 1860.)

— — »Спаси́бі, ка́жуть, спаси́бі за »Осно́ву«, вели́ке. А якъ яке́ спаси́бі, то й за гро́ші, мовля́въ, не ку́пишъ. Неха́й же вамъ Госпо́дь спори́ть... Коли́ уподо́бали моє́ *писа́ннє*, то неха́й воно́ вамъ бу́де *на вхідчини*, коли́ не побре́згаете и на́шою кри́хтою.

Що́ жъ вамъ до́брого сказа́ти? Тепе́ръ 29-те ноября́, а у на́съ га́рно на дво́рі якъ у Бо́га за дверми́: зе́лено, якъ на́ весні; у́тки хлюпо́щутця, а гу́си усе́ герче́чуть и здійма́ютця, мовъ летіть хо́чуть. Лю́де ка́жуть—гнила́ зіма́ бу́де: го́ренько жъ на́ше, якъ снігъ не ви́паде! И торі́шню зіму, у Пили́півку, ще паха́ли, — десь и тепе́ръ такъ бу́де; усе́ то въ світі зміни́лось... и лю́де. Було́, объ Мико́лі уже́ й лашту́есся на Московщи́ну зъ

Украіни; було́ тілько й ду́мки аби́ Сеймъ перемахну́ть, щобъ лідъ не провали́вся підъ на́ми, тепе́ръ—що́ ёго́ й роби́ти? и тамъ ще, ка́жуть, грязю́ка....

Ось пще́ що: ка́зану річъ вамъ скажу́, а не свою́. Дівчина одна́ мені такъ одповіда́ла: »У насъ е́ тепе́ръ шко́ла, и за старо́го попа́ була́, да ма́ло учениківъ. На́кидомъ бере́ старшина́ учи́ть, пла́чуть и кудкуда́чуть ба́тько й ма́ти, а тре́ба 'дда́ть!... ба́чте, тре́ба сви́точку ши́ть, а ні-за-що спомогти́ся, и веля́ть чи́сто води́ть. Иноді піпъ и самъ захо́дить по ха́тамъ, такъ ёму́ й гово́рять: »да́йте чо́боти дити́ні, да й беріть.«

А у насъ, въ Бо́рзні, и до́сі не ви́дно неді́льноі шко́ли, бо нема́ односта́йности, одноду́мства въ грома́ді.

ЗЪ-ПІДЪ НІЖИНА (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

— — Ось-що росказа́ла мині одна́ перепеча́йка: »ста́ли каза́ть, що при́слана така́ бума́га, щобъ попи́ діте́й учи́ли гра́моті, Бо́же, якъ израділи! оце́ *моя́* (дочка́ десятилітня) усе́ сиди́ть у вікна́, усе́ гулькъ та гулькъ у вікно́: да чому́ уже́ той піпъ не йде́? И я рада, щобъ учи́ли мою́ дити́ну. Я у одно́му селі була́, а тамъ дівчина пятна́дьцяти годъ—якъ гукне́ співа́ть на кри́ласі, дакъ и ду́маю: коли́бъ и мою́ взяли́! та́къ же причуде́сно, якъ я́нгелі зъ не́ба. Да поду́маешь — якъ же́ житло́ таке́, що ви́йде за́міжъ, та несча́сне бу́де, дакъ неха́й у́читця: хочъ розу́мне бу́де. *Воно́* не бага́то у ме́не зро́бить.—Отъ, діжда́ли, почали́ збіра́ть. діте́й по селу́: въ оди́нъ де́нь три́дцять душъ. Зібра́ли молебна, до дакъ и́нше и не перехри́ститця-поспіша́е, да такъ и цілу́е Ева́нгеліе, такъ и па́дають, якъ тіі овечя́та до водопо́йла.«

ИЗЪ ПОЛТАВЫ.

(6 декабря 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣютъ истинное свое значеніе, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напрашиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она необязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно выявить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи (¹). Офиціально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіе и учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предположеніе объ этой гимназіи; я не назову ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженія нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣли, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ тоже время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта димназіи и обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріяльныхъ средствъ.

(¹) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получитъ наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. *Соч.*

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять офиціальную форму. Пока шла переписка, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежныя приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любителей, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскзго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ,—въ пользу гимназіи уже составилась наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 5 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшаться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обзаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи—трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло,—единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ; учредители избрали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовленія всего того, что называется первоначальнымъ обзаведеніемъ. Оставалось избрать начальницу для будущей гимназіи и выборъ палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, г-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію съ 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались пріемные экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предупредительности, ободрительныхъ пріемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ поступить въ гимназію: къ дню открытія было уже 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной обстановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбѣжнаго шампанскаго,—съ тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая имѣетъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ,—шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и пестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитанницы открываемой гимназіи. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствоше были одушевлены и поздравляли другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Чрезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназіи. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, безплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знакомыя только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 10 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желающія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Послѣдовательность преподаванія распредѣлена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченость въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназіи, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигіена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 10 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторыя поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору (¹).

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнію живетъ Полтавская гимназія, пріобрѣтая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждая общественное сознаніе въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятыя на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достойнѣйшій примѣръ подаетъ всѣмъ начальница. Счастливѣе выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназіи; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитанницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаніемъ пользы общественной, и созидается не на богатыя приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушной жертвѣ тружениковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соотвѣтствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставитъ ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: »кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.«

Средства гимназіи далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранная до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

---

(¹) Въ настоящее время составъ гимназіи слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; ученицъ: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованьи: смотрительница гимназіи, 4 служанки и 2 сторожа. *Соч.*

ки. Но когда къ этимъ издержкамъ нужно будетъ присоединить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и классным дамамъ,— откуда явятся на это средства??

Пусть разрѣшитъ этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соединеніе всѣхъ сословій, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (¹).

Житель Полтавы.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о граматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году, въ Петербургѣ (²). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различные толки. Одни говорили: *благо!* другіе же: *нi, но льстить языки.* Хвалители съ хулителями діаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Граматки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимымъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Граматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушіи къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

(¹) Редакція »Основы« съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ »Основы« будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(²) Справедливость и желаніе полнѣе и безпристрастнѣе изучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ »Основы«. *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселяне, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ уѣздныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выписывали изъ столицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разошлась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грама́тка* напечатана въ 3,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ вычетомъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной любви къ предмету«, слышишь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ путь къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грама́тка*, напечатанная въ Петербургѣ и публикованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдывали и считаемъ своею обязанностію довести до общаго свѣдѣнія слѣдующіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грама́тки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленіи издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печати, виньетки и переплетъ) [1] оказалось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. Послѣ этого онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили около 500 экземпляровъ Грама́тки по 20 к. сер. у коммиссіонера г. Кулиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Что́ мы должны заключить изъ этого? То́, что *Грама́тка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

[1] Видно, что г. Кулишъ занимался Грама́ткой съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ для *низшаго класса*. Самый переплетъ доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился и о томъ, чтобъ деньга, добытая кровепотнымъ трудомъ, не пропадала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтутъ.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покупаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Грамáтки*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человѣкъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Грамáтку* и не слыхать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Грамáткѣ* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Грамáтки* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не разсчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

П. Горницкій.

ИЗЪ АНАНЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщенье,
Гдѣ просвѣщенье — тамъ добро.
А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевскаго Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что́ для него, какъ для Нѣмца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потятно и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что́, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудетъ, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говоритъ:

Разъ добро́мъ нали́те се́рце
Вікъ не прохоло́не....

Михаилъ Левченко.

ИЗЪ ПОДОЛИ.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавна употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ быть и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышалъ, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Проживая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ »Основѣ« свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Лобко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦІИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописные старинные дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничокъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественнаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣетъ ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ библіотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матерьаловъ въ подлинникѣ или спискѣ, такъ и на почтовую переписку. Доставленныя рукописи будутъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ »Основы« и содѣйствовать ея задачѣ сообщеніемъ сообразныхъ съ программою статей и свѣденій, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

П. П. Б-л-у-П-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Яръ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редакція находится въ неизвѣстности, какъ поступить съ статьею: »Очерки« — и проч. Она можетъ быть напечатана въ »Основѣ«, только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редакція можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности.— Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ѳ. К-ст-н-у, во Владиміръ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковъ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецъ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны »Основѣ«.

П-р-л-к-н-му, въ Таганрогъ. Ваши стихи »К-б-нь Дн-пр-і« не могутъ быть напечатаны въ »Основѣ«. Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельнѣе. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи—значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изустною и письменною словесностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненью украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, что́ до сихъ поръ было извѣстно только спеціалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстые мнѣ любители нашего родного слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости—держать корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во́-время. Кромѣ того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомагательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себѣ, во первыхъ, слова́, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова́, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсень, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и христоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ каждаго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни мало удавлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ, здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ поприщѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; Н. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, Н. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которыя относятся до Украины, надѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности,—ежели мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, болѣе обширному, собранію*,—то цѣль моя достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію бо́льшей достовѣрности, и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего́ и когда́ онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Ка́къ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда безделица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не дозволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ »Основѣ«.

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполнѣ передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступитъ въ продажу *съ апрѣля мѣсяца* настоящаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяцъ. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравируя и печатая самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, — *для тѣхъ лицъ, которыя подписались на »Основу«*, а для прочихъ — *5 р. ср. безъ пересылки* и *6 р. ср. съ пересылкой*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ »Основы«. Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получать мой *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова, въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ по 10 линіи, въ домѣ Соловьева;* или на имя редактора »Основы«, *Василія Михайловича Бѣлозерскаго, въ С. Петербургѣ, у Круглаго рынка, въ домѣ Принца Ольденбургскаго.*

Левъ Жемчужниковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редакція намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и нравовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ-сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь бо́льшую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волнъ широкаго, вѣками образовавшагося, моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать человѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самаго бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулишомъ, восполнитъ одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а извѣстно, что никакая система не въ состояніи обнять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобъ приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознаніи, для грамматики, фонетики, и т. д., редакція «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношеніи, удареніяхъ, значеніи словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительные филологическіе труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхожденіе, состояніе и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженіе, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденіе; и 4) при доставленіи руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какого нарѣчія сочинитель держался при составленіи своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какимъ соображеніемъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженія новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значеніемъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло созидается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редакція уже имѣетъ ввиду священную исторію, ариѳметику и геометрію нелалаж бы получить географію, космографію, физику и проч.

соплеменники съ помощью многихъ писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что̀ намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстныя усилія людей, разработывающихъ родной языкъ съ главною цѣлью—послужить честно нашимъ *хлібо-рòбамъ*, нашей сиротствующей въ умственномъ уединеніи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь нѐкогда ей заняться. — *В. Б.*

Аби́—лишь бы.
Або́—или; развѣ.
Авже́жъ—конечно, разумѣется.
Аделі, аделе́, а да́лі—затѣмъ; наконецъ.
Аже́—вѣдь.

Багатирь,-ъ—богатый, богачъ.
Бага́то, бага́цько—много.
Бадилле, баділля—ботва, бурьянъ, большіе стебли грубыхъ травянистыхъ растеній.
Байду́же—нипочемъ, все равно.
Байра́къ — долина, поросшая лѣсомъ.
Бала́кати—говорить, разговаривать.
Барвінокъ (vinca)—любимое народомъ растеніе, не теряющее зелени и зимою.
Бари́тись—мѣшкать.
Баща́нъ—бахча.
Бджола́—пчела.
Безнапа́сний — безпечальный, блаженный.
Безсу́мний—беззаботный, веселый.
Бідола́ка, бідола́ха—бѣднякъ.
Бігти—бѣжать.
Бода́й—т. е. Богъ дай—пускай.
Божевільний—помѣшанный.
Боржій—скорѣй.
Борі́кати—бодать.
Борони́ти — препятствовать, запрещать; оборонять.
Бо́рошно—мука́.
Бо́язко—робко; страшно.
Бага́щий—умоляющій.
Блискавка,-вица—молнія.
Блука́ти,—сь—волочиться, бродить.
Бра́ма—большія ворота.
Братъ у-дру́гихъ — двоюродный братъ.
Брехня́—ложь.
Бубле́шниця, бублейниця—приготовляющая и продающая бублики.
Бу́бликъ—баранокъ, обварной крендель.
Бу́бонці—бубенчики.
Будинокъ—зданіе; господскій домъ.
Бу́дка—бричка.
Бузувіръ—басурманъ, изувѣръ.
Бурлакува́ть — оставаться неженатымъ.
Бу́ча—шумная ссора.
Бу́чний—пышный, роскошный, шумный.

Ва́дити—вредить, злоумышлять; клеветать;—тошнить.
Ва́житись—отваживаться, рѣшаться.
Ва́жко—тяжело.
Вапе́ниникъ—производитель извести.
Ва́рта—стража.
Вартува́ти—сторожить.
Вбача́етця—усматривается, видно.
Вбіра́тись—одѣваться.
Вважа́ти—обращать вниманіе.
Вва́жливо—внимательно.
Ввічливий—внимательный, предупредительный.
Вгава́ти—умолкать, утихать; переставать.
Вда́ча—характеръ; удача.
Вдяга́ти—одѣвать.
Ве́лико—много.
Величе́нний—огромный, большущій.

*

Вередова́ти — капризничать, прихотничать.
Ве́рхи—верхомъ.
Весі́лля—свадьба.
Вжахну́тись—испугаться, встревожиться.
Вибача́ти—извинять.
Ви́гадка—выдумка, затѣя.
Вигодо́вувати—выкармливать, выращивать.
Ви́гукнуть—выкрикнуть.
Видъ—лице; образъ.
Ви́зволитись—высвободиться.
Ви́кохати—воспитать, выростить.
Вимага́ти—домогаться.
Ви́мовити — вымолвить, проговорить; произнесть; укорить; выговорить (при условіяхъ).
Ви́нний—виновный, должникъ.
Випаля́ти—стрѣлять; выжигать.
Виряжа́ти—провожать, отправлять, снаряжать.
Ви́слебизувати — высказать, выяснить.
Ви́співати—пропѣть (отчетливо).
Витришкова́тий—пучеглазый.
Вишу́кувати—изыскивать; отыскивать, находить.
Вищіти,-а́ти — визжать.
Відмага́тись — отговариваться.
Віда — извѣщеніе, увѣдомленіе.
Відра́дісно — отрадно.
Віко́ниця — ставня.
Вїно — приданое.
Віри поня́ти — повѣрить.
Вірши віршува́ти — слагать стихи.
Віта́ти — приглашать; привѣтствовать.
(Вічи) очи, у вічи — глаза, въ глаза.
Віщува́ти — предвѣщать.
Вквіча́тись — убрать голову цвѣтами.
Вклепа́тись—наладить на одно, броситься на что-нибудь.
Вкли́кати — позвать.
Вку́пі — вмѣстѣ.
Вла́сне — точно, именно, будто.
Власка́витись — умилостивиться.
Вмі́ча́ти — замѣчать.
Вмовля́ти — уговаривать.
Ворухну́тись — шевельнуться.
Впинъ — у́держъ, угомонъ.
Впиня́ти — удерживать, останавливать.
Впно (опечатка) вм. вапно́, ва́пна—известь.
(Вподо́ба) До вподо́би — по душѣ.
Вподо́бати — полюбить.
Впо́рати — покончить.
Впридо́бити — снабдить, устроить.
Вродли́вий — красивый.
Всипля́ти — спать, досыпать.
Втекти́ — уйти.
Вто́ма — усталость, истома.
Втруча́ти — вмѣшивать.
Вхі́дчини, вхо́дини— обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.
Вхі́тний — желающій, охотникъ.
Вхопи́ти — схватить.
Вхопи́тись — ухватиться.
Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.
Вчу́ти — дослышать.
Въ-оста́ннє — въ послѣдній разъ.

Га́ба—парча.
Гада́ти — думать, раздумывать, замышлять.
Гадю́ка-чка — змѣя, змѣйка.
(Га́ітця)—га́ятись—мѣшкать.
Гай—роща.
Гайдама́ка — самозванный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.
Га́пити—порицать, порочить.
Ганчі́рка — тряпка.
Ганьба́—безчестіе.
Гара́здъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.
Гарбу́зъ—тыква.
Га́рно—хорошо, красиво.
Геть!—прочь.
Ги́нути—погибать.
Гі́льля́стий—вѣтвистый.
Гле́чикъ—кувшинъ.
Гніпити—гнести.
Годи́нка—часочекъ; хорошая погода.
Годи́ти—угождать.
Го́ді!—полно! довольно!
Го́дно—достойно; слѣдуетъ.
Го́лосно—громко.
Го́мінъ—говоръ, шумъ.
Гончар,-ъ—горшечникъ.
Гори́ще—чердакъ.
Госпо́да—домъ, дворъ.
Господа́рство—хозяйство.
(Гости́на) у-гости́ну—въ гости.
Горобе́ць—воробей.
Горобина—рябина; грабина.
Гра́йворонъ, гайворонъ—грачъ.
Гракъ—грачъ.
Грімнути—вскрикнуть на кого, забранить.
Грома́да — общество; мірская сходка.
Грома́дський—общественный, мірской.
Гру́бка—печка.

Гру́кнути, грю́кнути — стукнуть, хлопнуть (дверьми), загремѣть.
Грукотня́—стукъ.
Гука́ти—громко звать, восклицать.
Гукъ—звукъ густой, сильный.
Гурки́, гуро́къ, угіро́къ—огурцы, огурецъ.
Густи́—гудѣть.
Гущо́вина, гущиня́ — глушь (лѣсная).
Гучли́вий—гудящій, жужжащій.

Да́лебі, да́либі—ей-Богу.
Даня́—заговорное (волшебн.) питье.
Даре́мне—напрасно.
Дарма́!—ничего!
Да́рмо, да́рма—напрасно, даромъ.
Дба́ти—заботиться, пріобрѣтать.
Движіти—двигаться, дрожать, рѣять.
Де́—гдѣ.
Деренча́ть—дребезжать.
Десь—гдѣ-то, вѣроятно.
Дзвінъ—колоколъ.
Дзвінки́й—звонкій.
Дзвінни́й—громкій, какъ колоколъ.
Дзво́пами см. Дзвінъ
Диви́тись—смотрѣть.
Дивова́ти—дивиться.
Дити́на—дитя, ребенокъ
Дівча́, дівча́та—дѣвушка, дѣвицы.
Дівчина—дѣвушка.
Дідуга́нъ—глубокій старикъ.
Дідько—чортъ.
Дісне — именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.
Доба́ча́ти—увидѣть, досмотрѣться.
Добри́ти—одобрять, хвалить.
Добро́дій—господинъ, сударь; благодѣтель.
Добро́мъ—совершенно.
Довідатись—узнать, развѣдать.
Довіку—до смерти, навѣкъ.
Дово́дити—доказывать, выставлять, убѣждать.
Дога́на—опороченіе, обида.
До́глядъ—надсмотръ, попеченіе.
Догоди́ти—угодить.
Доку́пи—въ одно мѣсто, вмѣстѣ.
Долівка—полъ (земляной), долъ.
Доліга́ти — донимать, безпокоить, тяготѣть.
Доло́ня—ладонь.
Домови́на—гробъ.
Допрікъ—упрекъ, укоръ.
Дорікати—упрекать, укорять.
Дорожне́та—дороговизна.
До-сподо́би—по вкусу, по нраву, по сердцу.
Доступи́ти — получить; подойти; достигнуть.
Доторкну́тись—дотронуться.
Дочува́ти—слышать; ощущать (запахъ).
Дра́гліти — дрожать, нависнуть (о тучахъ).
Дрібне́нько—мелко; часто, скоро (уменьшит.).
Дробина́—домашняя птица.
Друкова́ти—печатать (типограф.).
Дука́чъ — металлическое украшеніе, привѣшенное къ монисту,-чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.
Дури́ти—обманывать.
Дурни́й—глупый, дуракъ; сумасшедшій.
Ду́рно — напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едва́бъ—шолковая матерія.
Едина́чка— единственная дочь.

Жа́ба—лягушка.
Жада́ти — сильно желать, жаждать.
Жадібка—желаніе, жажда.
Жа́дний—никакой.
Жадо́ба—желаніе, жажда.
Жа́лощі—сѣтованіе; соболѣзнованіе.
Жа́лувати—жалѣть; ласкать.
Жаль—горесть, сожалѣніе, сокрушеніе.
Жари́на—раскаленный уголёкъ.
Жа́ртъ—шутка.
Жаха́ние, вжаха́ння—ужасъ, тревога.
Жахну́тись—ахнуть, ужаснуться.
Жва́вий—оживленный, живой, молодцоватый.
Жда́нки—ожиданія.
(Жене́) гна́ти—гнать; бѣжать сильно.
Живоси́ломъ—насильно.
Жи́тній—ржаной.
Жме́ня—горсть.
Жовніръ—солдатъ (польскій).
Жо́дний—ни одинъ, никакой.
Жонки́—женщины; жены.
Жо́ренъ—жерновъ.
Жупа́нъ—кафтанъ особаго покроя.
Журба́—тоска, гореванье.
Жури́ти—печалить.
Журли́во—тоскливо, печально, задумчиво.

За́бавка—забава, игра; игрушка.
Забажа́ти—пожелать сильно.
Забари́ти—задержать, замѣдлить.
Заби́ти—убить; ушибить.
Заборони́ти—запрещать.
Завважа́ти—замѣчать.
Завво́лити—захотѣть, изъявить желаніе.
Заверну́тись — воротиться.
Завести́сь—начать ссору, заспорить.

Завідати—навѣстить.
Завісти́ти—извѣстить, объявить.
Завіта́ть—навѣдаться; пригласить.
За́всіди } всегда.
Завсюди }
Загада́тись—задуматься.
Загинути—погибнуть.
Загомоніти—заговорить.
За́города—скотный дворъ.
Загостювати—загоститься.
Загуби́ть—потерять.
За-гу́ртъ—вмѣстѣ, вообще.
Задля́тись—замедлить, промѣшкать.
Заживати—употреблять.
Зажури́ти—опечалить.
Заздалегідь—задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съ далека.
Зазна́тись—познакомиться, спознаться.
Займати—трогать, задѣвать.
Заказа́ти—запретить.
Закаблу́ки—подборы каблуки.
Заквілить—заголосить.
Закоха́тись—влюбиться, пристраститься.
Закра́пити—закапать.
Залетчикъ—сватающійся, искатель.
Залиця́тись—ухаживать, волочиться.
Залиши́ть—оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
Заміня́ти—промѣнять.
Замліти — лишиться чувствъ.
Замо́жний — богатый, зажиточный.
Замути́ться — взволноваться.
Занедба́ти — пренебречь, забыть, запустить.
Занеду́жать — заболѣть, занемочь.
Занепада́ти — хворать.
Занеха́ти — пренебречь, запустить.
Запали́ти — зажечь.
Запе́клий — закоренѣлый, закоснѣлый.
Запита́ти — спросить.
Заплю́щити — зажмурить (глаза).
Запобігти — въ пору спохватиться, предупредить.
Запо́мнити — (Клим.) забыть.
Запряда́ти — пряжей заработывать хлѣбъ.
Запсува́ти — испортить.
За́разъ — тотчасъ.
Зара́ні — съ позаранку, съ ранняго утра.
Зарва́тись — броситься необдуманно.
Зару́чена — обрученная.
Зару́чини — обрученіе.
Засма́лений — загорѣлый, обозженный.

Засоро́митись — застыдиться, потупиться.
За́стувати—заслонять свѣтъ собой, (застить).
Засягти́ — достичь, захватить.
Зато́го — скоро уже.
Затруси́тись — задрожать.
Зату́ла—защита, убѣжище.
Зачепи́ти — зацѣпить, завязать, задѣть.
Зачини́тись — затвориться.
Зачипа́ти — затрещать.
За́хідъ — сборы, приготовленія.
Заховати — спрятать.
Зацвірінькати — зачирикать.
Збавля́ти—лишать, уменьшать; губить.
Збагну́ти—уразумѣть, понять.
Зба́чити — извинить.
Збитий — избитый.
Збі́жжа, збо́же — движимое имущество: зерновой хлѣбъ, домашняя рухлядь и др.
Збіліти — поблѣднѣть.
Збороня́ти — мѣшать, препятствовать.
Збу́ти,-сь — лишиться, потерять.
Зва́житись — отважиться, рѣшиться.
Звертати — поворачивать; сворачивать.
Звести́сь — подняться, встать (съ мѣста).
Звикнути — привыкнуть.
Звича́йненько (уменьш.) — прилично, мило.
Звітки — откуда.
Зво́литись — захотѣть, согласиться.
Зга́дувати — вспоминать.
(Зга́рний) Незга́рний — неспособный.
Згля́нутись — умилостивиться.
Згордува́ти — пренебречь.
Згорну́ти — сложить, прижать.
Згукну́ть — вскрикнуть, воскликнуть.
Здивова́тись — изумиться, удивиться.
(Здійметця) здійня́тись, зня́тись — подняться, взлетѣть.
(Здола́въ) здоліти, здола́ти—быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
Здоро́вий — большущій; здоровый.
Здо́рово — крѣпко, много; здорово.
Земляни́нъ — постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
Зирну́ти—зиркну́ти — взглянуть.
Зіли́на — былинка.
Зілля — растенія.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
Зітхну́ти — вздохнуть.
Зли́шнёго — слишкомъ.
Зло́дій — воръ.
Зму́шити—соскоблить, счистить.
Змага́тись — спорить, мѣряться, не смалчивать.
Змалюва́ти — нарисовать красками.
Змарні́ти — перемѣниться къ худшему (о наружности), исхудать.
Зміркува́тись — столковаться.
Знатни́ця — знахарка.
Знева́га — неуваженіе, униженіе.
Зневажа́ти — унижать, лишать уваженія.
Знена́цька—внезапно, нечаянно.
Зозу́ля, зузу́ля — кукушка.
Зо́рі — звѣзды (небесныя).
Зостріти — встрѣтить.
Зотрі́ва́ти—обождать, повременить.
Зра́дити — измѣнить.
Зраді́ти — обрадоваться.
Зроби́ти — сдѣлать.
Зру́шити — тронуть, взволновать.
Зупини́тись — останавливаться.
Зу́спіти — встрѣтить, завидѣть.
Зъ-бо́ку — со стороны, съискоса.
Зъ-гори́ — сверху, поверхъ.
Зъора́ти — вспахать.

Изно́въ — снова.
И́ноли — иногда.
(Ийме́тця), ня́тись—браться, итти. (Ймися) ня́тись — стремиться, желать, браться.
И́мовірний — довѣрчивый; достойный вѣры.

Ка́ду́къ — нечистая сила.
Катъ—палачъ, мучитель.
Кайда́ни—кандалы; цѣпи.
Каченя́—утёнокъ.
Кватирочка—форточка въ окнѣ.
Ква́питись—льститься, завлекаться, бросаться на что.
Квіліти—стонать, жаловаться. голосить; пищать.
Кволій—слабѣе.
Кий—палка.
Кільки—сколько, нѣсколько.
Кісни́ки—узенькія ленточки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже снурочки, по большей части красныя—вплетаются дѣвушками въ косы.
Ка́ня — рига.
Кова́локъ—кусокъ.
Кова́ль—кузнецъ.
Кожуша́нка—крытый женскій тулупчикъ.
Ко́ітись—совершаться (о дурномъ).
Коли́—когда; если.
Коли́-бъ—если-бъ, когда-бы.
Коли́шній—бывшій нѣкогда.
Колоти́ти—мутить.
Ко́мінъ—труба.
Коміре́ць—воротничекъ.
Кона́ння—издыханіе.
Ко́нче — необходимо, непремѣнно; окончательно.
Копа́—50копѣекъ асс.; въ исчисленіи другихъ предметовъ—60.
Копи́ця—копна.
Коре́ць—ковшъ.
Кори́сть—польза, выгода, пріобрѣтеніе.
Корми́га—ярмо, иго.
Короте́сенька — коротенькая; низкаго роста (о женщ.).
Кори́тись—покориться.
Кортіти—манить; кортить—подмываетъ (безлично).
Коря́къ—ковшъ.
Кости́рь—токарь.
Кошла́тий — косматый, всклокоченный, растрёпанный.
Кошту́ъ—иждивеніе; издержки; стоимость.
Коша́вий—костлявый.
Краве́ць—портной.
Кра́лечка, кра́ля—королева; красная дѣвица.
Кра́марка — купчиха, торгующая краснымъ товаромъ.
Крапли́стий—съ крапинками, пестрый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).
Кра́яти—рѣзать.
Кра́ще—лучше.
Крейдяний—мѣловой.
Кремезний—крѣпкій, неуступчивый.
Кри́вда—неправда.
Криниця—колодезь безъ сруба.
Крини́човина—водный ключъ.
Кри́ти—сохранять, прятать.
Кри́тись—скрывать, скрываться.
Кро́къ—шагъ.
Круглови́дий—круглолицый.
Кульба́ка—сѣдло.
Ку́па—бугоръ, куча.
Ку́рява—дорожная пыль.
Куто́къ—уголъ.
Кушати (Клим. и на Подоліи)—пробовать.
Кушніръ—скорнякъ, мѣховщикъ.
Кшталтъ—видъ, образъ, способъ; изображеніе, украшеніе.

Ла́годити—чинить, починять.
Ла́годитись — собираться (въ дорогу).
Ладівни́ця—патронташъ.
Ладо́мъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.
Ладна́ти—прилаживать, изготовлять.

Ладъ—порядокъ, образъ, способъ, ладъ, согласіе.

Ланъ—большая нива.

Ласо—лакомо; ласощі—лакомства.

Лева́да—земля около усадьбы, окопанная рвомъ, въ родѣ конопляника.

Ле́двi—едва.

Ле́жень—лежебокъ, лёга.

Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.

Лемішъ — плужникъ, рѣзакъ въ плугѣ.

Ле́стний—льстивый.

Лёхъ—погребъ.

Либо́нь — пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.

Листъ—письмо.

Лихий—плохой; злой.

Лишити—оставить.

Ліхтаръ—подсвѣчникъ; ліхтарня—фонарь.

Лічба́—счетъ.

Лічозіръ—звѣздочетъ.

Ло́кшина, ло́кша—лапша.

Лощіти—блестѣть, лоснится.

Лука́—поёмный лугъ.

Лу́снути—треснуть; скоропостижно умереть.

Луча́тись—случаться.

Люби́вий—любимый.

Любле́ний—любимый.

Ляга́ти—ложиться.

Ляка́ти—пугать.

Ма́біть, мабу́ть—видно, вѣроятно, можетъ-быть, должно быть.

Майда́нъ—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.

Мана́—призракъ, обольщеніе, обманъ.

Мане́тця—тянетъ.

Мановéць—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.

Ману́тись—хотѣть.

Мара́—привидѣніе, страшилище.

Ма́ючи зви́чай—соблюдая приличіе.

Мерéжаний—вышитый ажурно, расписанный въ клѣтки.

Ме́рлий—померший.

Мете́ликъ—мотылекъ.

Метки́й—живой, подвижной, ловкій.

Метчій—скорѣй.

Ми́ркнуть—воркнуть, болтнуть себѣ подъ носъ, сказать невнятно.

Мисли́вець—гордецъ; охотникъ.

Мисли́вий—самоувѣренный, высокомѣрный; выдумщикъ, затѣйникъ.

Ми́ттю—вдругъ, скоро.

Мізе́рний—жалкій.

Міркува́ти—судить, обсуждать, расчитывать, разсуждать.

Місто—гòродъ.

Місто—словно, точно.

Місто-бъ—будто-бы.

Місце—мѣсто.

Міцне́нько—крѣпконько.

Міцний—крѣпкій, сильный.

Мо́ва—рѣчь, языкъ.

Мовля́въ, мовля́ла—молъ, сказывалъ, сказывала.

Мовъ—точно, будто.

Моги́ла—курганъ.

Молода́—невѣста.

Молоди́—жениихъ и невѣста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.

Мордова́ти—мучить.

Мото́рний—ловкій, видный, обходительный.

Мру́кати—мурлыкать.

Му́дро—замысловато.

Музи́ка—музикантъ.

Мурова́ти—строить каменное зданіе.

Мурий—пестро-сѣрый, переливчатый.

Набли́жуватись — приближаться, подходить.

Навви́шки (нарѣчіе)—высотою.

На́висть—(Клим.) навѣтъ; клевета.

Наві́дати—навѣстить.

Наві́сний—сумазбродный.

На́віть—даже.

Навкруги—вокругъ.

На-впе́рéйми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.

На-вспра́жне, жки—серьёзно.

Нага́дувать — напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.

Нага́на—осужденіе, посрамленіе.

На́гло—внезапно.

Надво́рі—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.

Надійсь—чай, вѣроятно.

Надія—надежда.

На́дто—слишкомъ; особенно.

Нажи́тьця, тись, — наслаждиться жизнью; долго прожить.

На-зауміру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.

Наздогна́ти—догнать, настичь.

Назира́ти — ухаживать, присматривать.

На́зирцемъ—въ наглядку.

Назі́мокъ—годовалый бычокъ.

На́ймитъ—нанятой работникъ.

На́клепъ—обвиненіе; клевета.

Наляка́тись—напугаться.

Намалюва́ти—нарисовать.

Намену́ти—намекнуть.

Намену́тись—стать говорить, открыть ротъ.

Намисто—монисто; ожерелье.

Напакуваті—наложить, набить, навьючить.
Напе́вно—навѣряка.
Наприкладъ (Клим.)—напримѣръ.
Напути́ть—наставить.
Нарекóваний, назвáний,—нареченый.
Нáситъ—насыщеніе, удовлетвореніе.
Насіння—сѣмячки, сѣмена.
Насу́нути—надвинуть.
Нáтовпъ—натискъ.
Натрáвка— полка въ ружьѣ.
На-умíръ — до смерти, въ конецъ, крайне.
Нахáба—напасть.
На-чеку́—на сторожѣ.
Нáче—будто.
На-шви́дку—на-скоро.
Небíжчикъ—покойникъ.
Неборáкъ—бѣдняга.
Невгаву́чий—неустанный, неутолимый.
Не-гáдки — нипочемъ, безразлично, равнодушно.
Негáйно—немедленно.
Негáрно—неладно.
Негóда—непогода.
Негóдний—недостойный.
Недбáлий — беззаботный, нестарательный, равнодушный.
Недбáло—нѐхотя.
Недíльний—воскресный.
Недорíдъ—неурожай.
Неду́гувати—хворать.
Неду́жий—больной.
Незвичáйний—невѣжливый, непристойный.
Нездвижéнний—непоколебимый.
Незду́жати—быть больнымъ.
Незнарóшне—нехотя, ненарочно.
Немá } нѣтъ.
Немáе }
Непáче—какъ будто, точно вотъ.
Необóрній—неодолимый.
Неодмóвний — неотказывающійся, неотговаривающійся.
Ненаполóханий—незапуганный.
Непéвний—сомнительный, опасный.
Непóзибко—твердо, незыблемо.
Непоми́лешний—безошибочный.
Непорóки—дурные слухи о комъ.
Непути́щий—неосновательный, безпутный.
Нерухóмо, непорухóмо — неподвижно.
Несúтство (Клим.)—ненасытность.
Нескажи́—точно, будто-бы.
Несподíваний—неожиданный.
Нестáтки — недостатокъ, бѣдность.
Нехáй—пусть,
Нехáй-но—пусть-ка.
Нечутнó—неслышно.
Нинáче—см. Непаче.
Ни́шкомъ—потихоньку, тайно.
Ніби } будто бы.
Ніби-то }
Ні въ-світі—никогда.
Ніжъ—нежели.
Ніколи—нѐкогда.
Ніко́ли—никогда.
Нікчéмний—ничтожный.
Ніяково—неловко, непріятно.
Нуди́тись—скучать, мучиться.

Обвіситись—повѣситься.
Обду́рювати—обманывать.
Обійма—объятія.
Обіручки—въ охапку, съ силой.
Обітниця—обѣщаніе.
Обіцянка—обѣщаніе, обѣтъ.
Обіця́ти—обѣщать.
Обличчє—лицо, образъ.
Обміркувáтись—осмотрѣться, разсудить.
Обопільно—взаимно.
Образи́тися — обидѣться, разсердиться.
Обсвідчитись—ознакомиться, освоиться.
Обси́патись (слёзами) — облиться; осыпаться.
Обуди́тись—проснуться.
Обхопи́ти—обхватить.
Огрядний—полный, объемистый.
Одвідати—посѣтить.
Оджáлувати—пожертвовать.
Оджартóвуватись—отшучиваться.
Одібрáти—получить.
Одказáти—отвѣчать.
Одкáзъ—отвѣтъ.
Одкóли,—съ какихъ поръ.
Одмагáтись—отговариваться.
Одмíни́тись—перемѣниться; одмінило—перемѣнилось; одмíнити—перемѣнить.
Одмóвити—отвѣчать, отказать.
Одрáзу—сразу.
Одружи́тись—вступить въ супружество.
Одсторонь — въ сторонѣ, къ сторонкѣ.
Одтинáти—отсѣкать.
Оду́жати—выздоровѣть.
Одягну́тись—одѣться.
Одягний—разряженный, разодѣтый.
Одцурáтись — отрѣчься.
Одшукáти—найти.
Озирну́тись—оглянуться.
Оксами́тъ—бархатъ.
Олійникъ—производитель постнаго масла.
Омáна—обольщеніе, обманъ.

Опалъ—запальчивость.
Опівдня—въ полдень.
Опізни́тись—опоздать.
Опоживля́ти—придавать новыя силы, оживлять.
Опо́листий—полный, широкій.
Опоряджа́ти—устроивать.
Освіта—просвѣщеніе.
Ости́ти—наскучать, опостылѣть.
Ось—вотъ.
Отгожа́тись—отлучаться.
Отто́й — вонъ тамъ.
Очере́тъ — тростникъ, камышъ.
Очіпокъ — головной женскій уборъ въ родѣ шапочки, повойникъ.
Очути́тись — очнуться.
(Очу́) очи, въ очу́ — глаза, въ глазахъ (двойственное число).
Ошука́нець — обманщикъ.
Ошука́тись (Клим.) — обмануться; быть обманутымъ.

Пали́ти — жечь, стрелять.
Палки́й — пылкій, вспыльчивый.
Палубча́стий візъ — крытый возъ.
Па́нна—барышня.
Пані́ма́тка—мать (почтительно), госпожа; попадья.
Папі́рня—писчебумажная фабрика.
Па́робокъ—парень.
Па́сіка—пчельникъ.
Патири́ця—монашескій посохъ.
Па́хощі—благоуханіе, ароматъ.
Па́ша — пастьбище; подножный и зимній кормъ скота.
Пашня́—зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
Пе́венъ — надёженъ, увѣренъ.
Пе́вно — вѣрно, навѣрно.
Пекельний — адскій.
Пе́кло — адъ.
Пе́рво — прежде.
Перегле́жувати — переглядывать, осматривать.
Перего́домъ — спустя нѣсколько времени.
Перейма́тись — недоставать, нехватать, прерываться.
Пе́реймомъ — съ перерывами.
Переказа́ти — передать на словахъ.
Перелічи́ти — сосчитать, исчислить.
Переляка́тись — испугаться, перепугаться.
Перемага́ти — осиливать, превозмогать.
Пере́скокомъ—скачками, перебѣгая отъ одного предмета къ другому.
Перетрівати—перенести, вынесть, вытерпѣть.
Перехопи́ти — прервать, перебить рѣчь, подхватить.
Перечу́ти — прослышать, заслышать.
Пе́рше — прежде.
Пика́тий — широколицый, толсторожій.
Пили́пъ — Филипъ.
Пи́льно — пристально.
Пита́ння — вопросъ.
Пити́ма — родимая, кормилица.
Пиха́ — гордость, чванство.
Підвести́сь — встать, привстать, приподняться.
Підпа́лъ — затапливаніе, поджогъ.
Підда́нка — крѣпостная крестьянка.
Підда́шше — крыша надъ крыльцомъ.
Підживи́тися — подкрѣпить силы.
Пійма — весенній разливъ рѣкъ.
Піклува́тий — заботливый, попечительный.
Пісьме́нний — грамотный.
Пісьмо́ — грамота, грамотность, писаніе.
Пісьмо́-свято́—священное писаніе.
Пла́хта — женскій нарядъ, шерстяной, пестрый, клѣтчатый, соотвѣтствующій юбкѣ.
Плохи́й—смирный.
По (дівча́тъ)—за (дѣвушками).
Поба́чити—увидѣть.
Побіда́шъ (Клим.)—бѣдовикъ, бѣднякъ.
Побіде́нний—горемычный.
Побива́ннє—забота, печаль.
Побла́гати—попросить, умолять (совершен. видъ).
Побо́жно—благочестиво.
Побра́тись — вступить въ супружество; отправиться въ путь, въ опредѣленное мѣсто.
Побужа́ти—будить.
Пова́га—вѣсъ, уваженіе.
Пова́жний—почтенный; важный.
Поверну́тись—воротиться.
Повинова́ченний—обвиненный.
Пови́нно—должно.
Повіда́ти (Клим.)—сказывать.
Повікъ—навѣкъ.
По́вістка—повѣсть, разсказъ.
Повітъ—уѣздъ.
По́вкупі—совмѣстно, кучею.
Пово́дитись—вести себя, держаться.
Погада́ти—подумать, позаботиться.
Пога́нський (Клим.) — языческій; иновѣрный.
По́гань—мерзость, дрянь.

Поглузовáти — посмѣяться, поглумиться; издѣваться. (соверш. видъ).

Погодúтись — согласиться, условиться, сойтись.

Погоржáти (Клим.)—пренебрегать.

Погубúти—растерять.

Подивовáти—подивиться.

Подивúти — удивиться (неодобрительно).

Подія—поступокъ; продѣлка; порча (о колд.)

Подóба, подóбний—красота, красивый; хорошій.

Подóбно (Клим.) — кажется; какъ-видно.

Подáка—благодарность.

Подáкувати—поблагодарить.

Пожадáтись—пожелаться

Пожалкувáти—пожалѣть кого; пожаловаться на кого.

Пожартувáти—пошутить.

Пожитéчний (Клим.)—выгодный.

Пожúтокъ—польза.

По-зáвтрёму — послѣ-завтра, на третій день.

Позавчóра—третьяго-дня.

Позачúнювати—позатворять.

Позгáдувати—припомнить (о мн.).

Позирáти—посматривать.

Позúчити—занять, одолжиться.

Покартáти—побранить.

Поклáсти—положить; рѣшить.

Покохáти—полюбить.

Покрáщати—похоронить.

Покýса—искушеніе.

Покýта—эшитмія; покаяніе.

Покýтне вікно—окно близь образнаго угла.

Полáгодити—подчинить; исправить.

Полúця,—напёлокъ, принадлежность плуга; пóлка въ хатѣ.

Полóги—низменныя степныя мѣста.

Полóхатись—пугаться, полошиться.

Полýмисокъ — неглубокая миска; блюдо.

Поміркувáти—поразсудить, похлопотать.

Помірно—умѣренно.

Помóвкнути — умолкнуть (о многихъ).

Помоститúсь — постлаться.

Пóмста (Кл.)—мщеніе.

Поневірáтись—нести на себѣ всеобщее презрѣніе.

Пóночі — въ потьмахъ, безъ свѣта.

Понýрий—угрюмый, мрачный.

Понáти—взять.

Попéреду—впереди, напередъ, сперва.

Попильнувáти — постоять за что, поберечь что хорошенько.

Попитáти—спросить.

Попіклувáтись—похлопотать, побольть.

Пóпілъ—пепелъ.

Пóплічь — рядомъ, плечо съ плечомъ.

Пополóшитись — струхнуть, растеряться.

Поражáти (Клим.)—совѣтовать.

Порáда—совѣтъ, утѣшеніе.

Порáдниця—совѣтчица.

Порáза—рана.

Пóратись—убирать, готовить, стряпать.

Порікувати—роптать.

Пóрохъ—пыль.

Порошúнка—пылинка.

Посварúтись—поссориться; погрозить.

Поспýти—успуть (о многихъ).

Поспитáти—спросить.

Поспóльство (Клим.)—простой народъ.

Пóстать—видъ, фигура.

Постерегáтись (Клим.)—беречься, думать о будущемъ.

Постерегти—заприметить, во-время догадаться.

Постóли—кожаныя лапти.

Пóсторонь—поодаль.

Посумовáти—потосковать.

Пóтайно—тайно.

На-потáлу (потáла) — добыча, истребленіе.

Потамъ,—(опечатка) тамъ.

Потáнути—растаять.

Потúлиця—затылокъ.

Потúчка (Кл.)—стычка, сраженіе.

Потороча—разбитная; встрёпанная.

Потрáва—кушанье.

Потрáвка—соусъ.

Потрівáти—погодить, повременить.

По-троху—понемногу.

Потурáти — поблажать, мирволить; спускать кому.

Пóчасти—отчасти.

Почýти—услышать.

Похіпливий—прыткій; охочій.

Похитáти—покачать.

Поховáти — похоронить; припрятать.

Похóдити—имѣть сходство; происходить.

Пошúвки—наволочки.

Пошкандибáть — поковылять, закостылять (о старческой походкѣ).

Пощастило—посчастливилось.

Прáвити — требовать; отправлять (богослуженіе); толковать свое.

Правдúти — оправдываться, сбываться.

Пра́жній—напрасный, пустой.
Приго́да—несчастье; печальное событіе.
Пригада́ти—припомнить.
Пригорну́тись—приласкаться, прижаться, прильнуть.
Придива́тись—присматриваться.
Придо́ба—удобство.
При́зьба, при́сьпа—зава́линка.
Прила́дний—подлипало.
При́мхати—прихотничать.
Припада́ть—приходиться (къ чему).
Припини́тись—пріостановиться.
Приплю́щовати очи — жмурить глаза.
Приручи́ти—поручить.
Приче́рбитись—поддѣлаться, подлизаться.
Приси́лувати—принудить.
Присі́катись — привязаться, лѣзть кому въ глаза.
Прити́чина—препятствіе, задержка.
Притули́тись—приклониться, приласкаться прижаться.
Прихи́льний—преданный.
Прі́зра—подозрѣніе.
Про́бу! — междометіе, выражающее опасность, неудержимость и т. п.
Прова́дити—вести.
Прозо́рий—прозрачный.
Прокинутись—пробудиться.
Промента́читись—промотаться.
Промени́стий—лучезарный.
Про́мінь—лучь.
Промо́вити—сказать, заговорить.
Просвітчастий—прозрачный.
Про́сто—прямо.
Проха́ти—просить.
Проча́не—богомольцы; путешественники.
Проци́ндрити — промотать, спустить.
Прочу́ти—провѣдать, прослышать.
Прудкий—быстрый, прыткій.
Псува́ти—портить.
Птахъ—большая птица.
Пта́ство—птицы.
Пу́ща—лѣсная чаща.

Ра́да—совѣтъ; вѣче; помощь.
Ра́дити—совѣтовать.
Раді́ти—радоваться.
Разо́къ—борозда; слѣдъ, черта.
Ра́зъ-у-разъ, разъ по́разъ—безпрестанно, то и дѣло.
Ра́но—рано; утро.
Ра́нокъ—утро.
Ра́та (Кл.)—рента.
Ра́яти—совѣтовать.
Репетова́ти—кричать.
Рече́нець (Клим.)—срокъ.
Робачо́къ—червячокъ
Розва́жити—развлечь, развеселить, утѣшить.
Розмо́ва—бесѣда, разговоръ.
Рибалка—рыбакъ.
Ри́маръ, лимаръ—шорникъ.
Річи, ре́чи—рѣчи; вещи; дѣла.
Розмо́витись—разговориться.
Розсла́вити—разнести, разсказать.
Розсте́лений—разосланный.
Ро́ки, рікъ—годы, годъ.
Роспоро́шити — раструсить; распустить.
Роспи́тувати—распрашивать.
Руба́ти—рубить, сѣчь, колоть.
Руйнова́ти—разрушать.
Руїни—развалины.
Рундучо́къ—крылечко со ступеньками.
Ру́та—растеніе (ruta graveolens).
Ручни́ця,—шниця—ружье.
Рясни́й—густой, обильный плодами (о деревѣ), сильный.
Рятова́тись—спасаться.

Саетъ—атласъ.
Самота́—уединеніе.
Самотни́й—одинокій.
Самісінький—самый (превосходная степень при уменьшительной формѣ).
Сварка—ссора.
Свита—мужская и женская одежда, родъ полукафтанья.
Свідокъ—свидѣтель.
Світа́нне—разсвѣтъ.
Світли́ця—свѣтёлка, комната безъ кухонной печи.
Світло—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
Своеу́мка—самодурка.
Свя́то—праздникъ.
Се—это; теперь, вотъ.
Сели́дьба—усадьба.
Си́вий—сѣдой; сивенькій—сѣденькій.
Сити́ти медъ—варить медъ.
Сіножа́ть—сѣнокосъ.
Скара́ти—наказать; казнить.
Ски́ба—ломоть.
Ски́нути (очима)—обозрѣть.
Скипа́тись—вскипать (гнѣвомъ).
Скло—стекло.
Скоштува́ти — попробовать, отвѣдать.
Скре́сти — треснуть (о весеннемъ льдѣ), тронуться.
Скри́ня—сундукъ.
Скрізь—вездѣ, повсюду.
Слабі́шати—ослабѣвать.
Сла́вити—толковать, разсказывать.
Сливе́—почти.

Слухня́но—послушно.
Слу́шний—надлежащій, полный.
Слу́шно (Клим.) — прилично, слѣдуетъ.
Смільли́вий—смѣлый.
Смі́ття—соръ.
Смутний—грустный, печальный.
Смуто́къ—грусть, печаль, горе.
Смутова́ти } грустить, горевать.
Смуткова́ти }
Сні́данія—завтракъ.
Сніцарь—колесникъ, каретникъ.
Сотниківна—дочь сотника.
Со́лишний—солнечный.
Спа́докъ—наслѣдство.
Спахну́ти—вспыхнуть.
Списа́ти—срисовать.
Списъ—копье.
Спита́ти—спросить.
Спільность—общеніе.
Сповито́чокъ—пеленки.
Сподіва́ння—надежда, ожиданіе.
Спожи́вокъ—употребленіе (въ пищу).
Спо́ломъ—вмѣстѣ, съ-общà.
Спочува́ти — заслышать (неоконч. видъ), раздѣлять сердцемъ, переживать.
Справди́тись—исполниться.
Спра́вді — въ заправду, въ самомъ дѣлѣ.
Справува́ти (Кл.) — дѣлать, исполнять.
Спра́жній—серьезный, нешуточный.
Става́ти—становиться, происходить, совершаться.
Ставни́й—статный, стройный.
Ста́роста—сватъ.
Ста́токъ (Клим.) — твердое положеніе въ свѣтѣ; скотъ (преимущественно лошади).
Сте́жечка—тропинка.
Сте́жка—застёжка.
Стерегти́сь—беречься, остерегаться.
Стидки́й — безстыжій, постыдный.
Стра́нній—путешественникъ, странникъ.
Стра́ва — приготовленное, вареное или жареное, кушанье.
Страха́тись—пугаться.
Стриба́ти—скакать, прыгать.
(Стріла) Стрі́нути—встрѣтить.
Стріха — навѣсъ соломеной крыши.
Стрічка—лента, вплетенная въ висящую косу и распущенная съ косы.
Струмо́чокъ—струя, ручеекъ.
Стага́—полоса.
Сува́ра—торжественный тонъ, внушенія, суровая рѣчь.
Сукні—платье (женское).
Су́мно—уныло; страшно.
Сумова́ння—уныніе, тоска.
Сумова́ти—тосковать, унывать.
Сумъ—уныніе, тоска, страхъ.
Суни́ці—земляника лѣсная,
Суперечки—побранки, перебранки.
Су́ржикъ — смѣшанный зерновой хлѣбъ, когда къ засѣву новаго хлѣба подымется прошлогодній.
Схаменутись—опамятоваться.
Схили́тись—наклониться.
Схі́льчивий—сговорчивый.
Схну́ти—сохнуть.
Счервоніти—покраснѣть.
Счини́тись—произойти, сдѣлаться.
Ся́ти—сіять.

Та-ба́ — поди же! но увы!
Такъ са́мо, такъ са́ме—такъ точно.
Те́сля — плотникъ.
(Тижня) Ти́жденъ — недѣля.
Тине́тця — случится (безлично).
Тинъ — плетень, заборъ.
Тини́тись — слоняться.
Тну́ти — рѣзать; пить; пѣть.
Товари́ство — товарищество, общество.
Това́ръ — скотъ; товаръ.
Точи́тись — едва тянуться (о разговорѣ).
Тре́ба — надо.
Трівальний — прочный (Кл.).
Трівати — ожидать, терпѣть.
Трі́мати — держать.
Тріпотати — трепетать.
Тро́хи — немного; тро́шки — немножко.
Тру́нокъ — питье, напитокъ.
Турбовати — безпокоить.
Тутешній — здѣшній.
Тхну́ти — дохну́ть.
Тютюнъ — табакъ (курительный).
Тя́мити — разумѣть; помнить.

Убійникъ — убійца.
Убрання — платье.
Убратись — одѣться.
Угле́діти — увидѣть.
У-го́ру — вверхъ.
Удатний — способный, даровитый.
У-двійзі, двійга — въ-двоемъ, двое.
Уживати — имѣть въ употребленіи.
Уїдливий—докучливый, несносный, неотвязный, мучительный.
Укривжати (Кл.) — обижать, обманывать.
У-ку́пі — вмѣстѣ.
Уня́тливый — внимательный.
Упевня́ти — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
Уря́жений — разряженный.
(Усіма́) увесь, ввесь — весь; при полной формѣ, еще существующей у насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
Уста́ти — встать.
Утішка — удовольствіе, увеселеніе; игрушка.
Ото́ма — усталость, утомленіе.
У-тропі — по слѣду, по слѣдамъ.
У-три́конь — тройкой.
Учини́ти — сдѣлать; заквасить (тѣсто).
Ущи́пливий — колкій.

Фи́ля — волна́.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
Хапки́й — живой, быстрый; жадный, вороватый.
Хапу́га — стяжатель, грабитель, взяточникъ.
Хвилёва́ти — бѣжать волнами, струиться.
Хвили́почка — минутка, мгновеніе.
Хви́ля — волна; минута.
Хиба́ — развѣ.
Хибкий — гибкій, тонкій, ловкій.
Хили́ти—клонить
Химе́ра—мечта; вздоръ.
Химе́рно — фантастически, странно; неосновательно.
Хистъ — способность, дарованіе, умѣнье, расторопность, находчивость.
Хита́ти—качать.
Хлібоpо́бъ—земледѣлецъ.
Хма́ра—туча, облако.
Хмизъ—сухоподстой.
Хму́рий—сумрачный.
Хова́ти—прятать; хоронить.
Хода́—походка; походъ.
Холодо́къ—тѣнь.
Хорба́къ (Клим.) — презрительный, худородный.
Хоріти—болѣть, быть больнымъ.
Хрущъ—жукъ (весенній, летающій преимущественно около деревьевъ).
Хтіти (Клим. и въ Подольскомъ нарѣчіи)—хотѣть.
Худо́ба—имущество, добро̀; скотъ.
Хурто́вина—вьюга.
Ху́сти—бѣлѣ.
Ху́стка—платокъ.
Ху́тко — скоро; хуте́нько, хутчій—скорѣй.

Цу́коръ, су́куръ—сахаръ.
Цвіче́ний (Клим.) — воспитанный; проученный, битый (несчастный слѣдъ езуитскаго воспитанія).
Цвяхъ—гвоздь.
Це́беръ—кадка.
Цеге́льникъ—кирпичникъ.
Ціка́вий — любопытный; слишкомъ быстрый, нескромный.
Ціпува́ти—опѣшивать.
Ціпо́къ—палка.

Ча́сомъ—иногда.
Частова́ти—угощать.
Часъ—время; часъ.
Чванли́вий—самодовольный, чванный.
Че́лядь—сельская молодежь въ сходкахъ для увеселеній; прислуга. Для отличія, въ одной пѣснѣ челядь въ первомъ значеніи названа білою.
(Ченці) чернѣць—монахъ, чернецъ.
Черне́цство—монашество.
Чепурний — щеголеватый, изящный.
Черво́ний — красный.
Черевикъ — башмакъ.
Череда́ — стадо изъ смѣшаннаго скота.
Чересло́ — бороздникъ (принадлежность плуга).
Чи — ли (вопрос. частица, ставимая впереди).
Чи эду́жа — здорова-ли.
Чий — чей.
Чима́лий — довольно большой.
Чима́ло — не мало, довольно.
Чини́ти — дѣлать.
Чоло́ — лобъ, чело.
Чорни́ця — монахиня.
Чо́хла — широкіе концы рукавовъ въ сорочкѣ.
Чу́дно — странно, смѣшно, удивительно, чудно̀.
Чудо́вний—чудотворный.
Чудо́вий—чудесный, превосходный.
Чу́йний—сознательный, чуткій.
Чу́тка—слухъ.
Чу́ти—слышать; чувствовать.
Чу́чверіти—изживаться, пропадать, сбиваться въ комки.

Шамки́й—ловкій, поворотливый.
Шанува́ти—уважать; угощать.
Шанува́тись — сохранять свое достоинство, чувствовать дары Божьи, знать честь.
Шапова́лъ—шапочникъ (производитель шерстяныхъ шапокъ).
Шата́нський (Клим.)—сатанинскій.
Шва́чка, шва́ля—портниха.
Швець—сапожникъ.
Шви́дко—скоро.
Ше́вський—сапожническій, сапожный.

Шибениця—висѣлица.
Шка́па—кляча.
Шко́дити—вредить.
Шкурати́ний—кожаный.
Шляхъ—дорога.
Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
Шмарова́ти (Клим.)—мазать; бить.
Шмато́къ—кусокъ.
Шпиле́чокъ — возвышенность надъ долиной или равниной.
Шпиль—вершина.
Шука́ти—искать.
Шуліка—коршунъ.
Шу́рхнуть—зашелестѣть.

Щасни́ця—счастливецъ.
Щасти́ть—посылать счастье, давать счастіе.
Щи́рий—искренній, вѣрный.
Щи́ро—усердно; вѣрно.
Щи́рость — преданность, вѣрность; искренность.
Щось — что-то; чуть-чуть, немного, нѣсколько.

Юпчи́на—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.
Ю́рма—толпа.

Яко́го—сколько! какъ много!
Ясно́—ясная погода.
Я́сокіръ—осокоръ.

НБУ

ОПЕЧАТКИ.

На стран.	*стр.*		*напечатано:*	*должно быть:*
1	13	снизу	сиру́	си́ру
9	10—11	сверху	улюблена́.	улю́блена.
10	19	—	своего дочко́ю.	свое́ю дочко́ю.
11	1	снизу	пота́нувъ снігъ изъ	пота́ну въ снігъ, изъ
12	17	—	плеска́е....	пле́скае....
12	14	—	пологи́	поло́ги
12	8	—	зака́зано!	завъя́зано!
13	6	сверху	вічі	вічи
14	13	—	де́	да
14	14	—	ій	сй
15	13	—	швидку́	шви́дку
15	16	—	мислівцівъ	мисли́вцівъ
15	18	снизу	стоючи́	сто́ючи
15	18	—	вічі	вічи
16	14	сверху	поба́чишь	поба́чишъ
16	14	снизу	саме	саме́
17	9	сверху	бучне́	бу́чне
18	6	—	говірки́й?	говірки́й.
18	9—10	—	десяти́	де́сять
20	4	—	не мовъ	немовъ
20	9	—	мо́вчи́шъ	мовчи́шъ
20	13	—	опени́лася	опини́лася
21	6	—	дзво́нами!	дзвона́ми!
22	13—14	—	люди́мъ	лю́дямъ
22	6	снизу	віже́!...	вже!. .
23	6	сверху	потамъ	тамъ
23	16	—	ме́не.	мене́.
24	14	—	наброіло	набро́іло
27	2	—	Сегодні	Сего́дні
27	7	—	то́ді	тоді́
27	18	снизу	Катря́	Катря
27	17	—	Ёго	Ёго́
27	17	—	ули́цею	у́лицею
28	2	сверху	годі	го́ді
28	19	снизу	ворітьми	ворітьми́
29	17	сверху	якому́	яко́му
29	19	—	господарство	господа́рство
29	17	снизу	прийме	при́йме
33	7	сверху	просто́ро	прозо́ро
36	7	—	визна́лась	ви́зналась
36	24	—	Го́лубе́	Го́лубе
36	2	снизу	гуля́нипс	гуля́нипс
37	14	—	слізьми	слізьми́
38	7	сверху	було́	були́
38	16	снизу	«тамъ такі білі хмари	«такі білі хма́ри

39	26 —	у трійзі	у трійзі
39	28 —	ши́е́	ши́е
40	7 —	За що́	За́ що
40	12 —	кажу́	кажу́.»
40	5 сверху	обиймае	обіймае
41	1 снизу	журюся....	журюся.... И почина́ впять таке́ саме и впять. Звісно вже, якъ дівча́та любощі переказують....
42	5 сверху	то́ді	тоді
44	7 —	світо́ве	світове́
46	4 снизу	тяжк-	тяжко
47	8 сверху	випо́мъ	вапно́мъ
47	6 —	Ивано́нка: якъ	Иванонка... Якъ
47	21 —	а прода́сть	а про́дажъ
48	18 —	На́ що	Нащо́
48	21 —	у хату, увійшла́	у ха́ту увійшла́
48	29 —	не слу́хала... усе́	не слу́хала... У се́
50	15 —	Вже як мині и за невістку	Вже якъ мині іі за певістку
51	3 снизу	ду́ма́й	ду́ма́й
54	6 —	нещасла́ва!	нещасли́ва!
55	1 —	дослуха́етця, яка хто, журитця,	дослуха́етця — яка́; хто журитця,
56	5 сверху	холодова́та	холодова́та
56	10 снизу	Перехопи́ла	Перехопи́ла
57	5 —	да́рмо, було́, озива́тися	да́рмо було́ озива́тися
53	13 —	гово́рю	говорю́
58	17 —	сха́мени́сь	схамени́сь
63	13 —	іде́	іде
65	8 —	ма́е́	ма́е
65	10 сверху	озива́етця	озива́етця
65	13 снизу	сивіе;	си́віе;
74	1 —	підхо́жу горо́ду	підхо́жу відъ горо́ду
80	7 —	усімъ	усіхъ
82	3 —	мене́ мовля́ла.	мене́ вмовля́ла
107	7 —	жонкі	жонки́

Въ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ, на стран. 2, строка 1 снизу, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, вмѣсто словъ: и желала бы напечатано нелалаж бы.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМІРА И ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулішъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные разсказы Марка Вовчка, въ переводѣ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.